

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

ДЛИННЫЕ РУКИ

Длинные Руки —
монарх

— письмо Гай Юлий Орловский

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — великий Господь
Ригард Длинные Руки — паладин Господь
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — яул
Ригард Длинные Руки — шаф
Ригард Длинные Руки — бургграф
Ригард Длинные Руки — ланцюорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — прессграф
Ригард Длинные Руки — лорд-пюштюор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — марктграф
Ригард Длинные Руки — шаупраф
Ригард Длинные Руки — фрейдраф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раураф
Ригард Длинные Руки — кокунг
Ригард Длинные Руки — герцог
Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
Ригард Длинные Руки — фюрст
Ригард Длинные Руки — курфюрст
Ригард Длинные Руки — прессфюрст
Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
Ригард Длинные Руки — гранд
Ригард Длинные Руки — князь
Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ригард Длинные Руки — принц
Ригард Длинные Руки — принц-консорт
Ригард Длинные Руки — вице-принц
Ригард Длинные Руки — эрцпринц
Ригард Длинные Руки — курпринц
Ригард Длинные Руки — эрбпринц
Ригард Длинные Руки — принц короны
Ригард Длинные Руки — грандпринц
Ригард Длинные Руки — принц-регент
Ригард Длинные Руки — король
Ригард Длинные Руки — король-консорт

Ригард Длинные Руки — монарх

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Фицори
Длинные Руки —
монарх

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 **Орловский Г. Ю.**
Ричард Длинные Руки — монарх : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-69933-9

И пришел час! Победоносная армия вышла на границу королевства Сен-Мари, каравеллы спешно перебрасывают крестоносцев из Вестготии и Гандергейма, рыцари опускают забрала, готовя копья к сокрушительной атаке...

И только сэр Ричард сжимает в бессилии кулаки. Какое Сен-Мари, какие красивые подвиги, когда нужно разворачивать войско для битвы с Маркусом...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-69933-9

© Орловский Г. Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть первая

Глава 1

Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, а теперь еще и граф, мой верный спутник, продолжал всматриваться в страшный багровый кружок в небе холодно и вполне бесстрастно, а я с тяжестью в груди окидывал взглядом простор долины, страшась поднять голову.

Красные и оранжевые шатры на свежей зелени смотрятся ярко и празднично, рыцарские доспехи бодро блестят на солнце, это наш лагерь, мои люди, все привычно и надежно. Дружина отважного барона давно растворилась в нашем войске, а он с первых же дней, как только его привел ко мне на помощь в трудный час Митчелл, остался, и с того дня и доныне могу опереться, и опираюсь.

Ему самому с его острым и постоянно работающим умом было тесно в том мирке, а со мной простор, размах и авантюры, что все масштабнее и грандиознее.

— Судя по размерам, — произнес он, — ему к нам еще далеко.

— М-да, — пробормотал я. — Смотря как лететь.

Он промолчал, я тоже не стал объяснять, что если это вот стремительно примчалось из

глубин космоса, то яркая звездочка блеснула бы в небе, в доли секунды разрослась бы, и вот уже нечто огромное опускается в десятке шагов на землю. Такое невозможно представить себе в этом неторопливом веке, а я такое не смогу объяснить, потому лучше державно помалкивать.

Он зябко передернул плечами.

— Отвратительно. Как я понимаю, эту напасть приостановил небесный свод, которым Господь прикрыл землю? Но эта тварь, судя по ее настойчивости, все же продолбит дыру и ворвется к нам? И будет сеять смерть и разрушит наш мир...

Мелькнула дикая мысль, что слова Альбрехта как раз все и объясняют. Разве что не хрустальный купол повышенной прочности защищает наш мир, а тонкая грань из некого субстрата другой или альтернативной вселенной, параллельной или как не назови. И тогда понять легче, так как расстояния и время в этих случаях значения не имеют.

Возможно, в самом деле Маркус продавливается через наше пространство, как через тонкий лист, это для нас триллионы световых лет, а там, возможно, половинка этой чудовищной конструкции еще на взлетной площадке, а половину уже видим здесь.

Но тогда сталкиваемся с чем-то вообще невообразимым. И тем более непонятно, зачем невообразимому земные рабы? Никогда не мог понять, когда рисуют чудовищных жуков или осьминогов, что тащат наших роскошных блондинок на алтарь изнасилования.

— Если опустится в другом месте, — сказал я, — мы обречены. Но если заинтересуется маяком... у нас есть шанс.

Он сказал трезво:

— Только не сегодня. Мы не готовы.

— Будем драться с тем, — отрезал я, — что есть. Я тоже рассчитываю, что этот ужас будет продавливаться через... небесную твердь еще хотя бы несколько дней. А лучше — недель.

Он перекрестился, на лице то вспыхивала, то гасла надежда.

— А он в самом деле опустится?

— Граф?

— Или просто появится, — договорил он. — Вот его не было, а потом вдруг есть?

— Знаете, граф, — сказал я, — теперь уже и я не уверен, каким способом окажется здесь. Что, конечно, не отменяет.

— Не отменяет, — согласился он. — Только больше неожиданностей. Говорят, вы их любите?

— Типун вам на язык, граф!.. Разве не видно, что просто обожаю?

Он кивнул в сторону быстро шагающего в нашу сторону барона Дарабоса.

— Вот у кого нужно спрашивать...

Норберт Дарабос, глава конной разведки и всей легкой кавалерии, как всегда с чисто выбритым до синевы подбородком, воинственно приподнятыми кончиками усов, приближается быстрыми деловыми шагами, высокий, худой и поджарый, продубленный ветрами и морозами.

— Ваше Величество, — произнес он еще издали, — в сторону нашего лагеря двигается группа всадников из Мезины!

Я махнул рукой.

— У Ротильды огромная свита. Десятком больше, десятком меньше... Кстати, у графа к вам вопрос.

Норберт хмуро взглянул в сторону подчеркнуто серьезного Альбрехта.

— Знаю его вопросы. Я распоряжусь, чтобы проводили к вам?

— Естественно, — ответил я. — Королева еще спит, ибо королева, а не.

— Хорошо быть королевой, — сказал Альбрехт, взглянул на меня и уточнил: — Только не королем, Ваше Величество.

Норберт оглянулся, спросил негромко:

— Что слышно насчет маяка?

— Растет, — ответил я, — но, понятно, пока еще мал и глуп. В смысле, работать не умеет. Не готов. А может, и готов, как проверить?.. Сейчас в нем, думаю, трудятся только те... корни, что ли, которые усиленно перерабатывают землю в иное состояние.

Он потряс головой.

— Это как? Ах да, как кусты перерабатывают ее в листья и ветки. Понял-понял.

— Начинка, — сказал я, — вырастет на последнем этапе.

— Начинка, — повторил он, — это плоды?.. Ну да, понятно. Ваше Величество, не смотрите так. Я стараюсь понять. Не люблю это «все в руке Божьей» и «не нашего ума дело»!

— Я тоже не люблю, — признался я. — Хотя признаю, что некоторые вещи просто не понимаю. Надеюсь, мы как-то узнаем о готовности маяка к работе. Думаю, он запустится сам по себе. И то ли хрюкнет, то ли пискнет.

Он подумал, кивнул.

— Как конь, что сам отыскивает траву?.. У моего отца была кобыла, сама возила брату телегу с дровами. Тот сгружал, угощал ее морковкой, и она довольная тащила повозку обратно, а это почти миля.

Его суровое лицо, что вообще-то без морщин, по-

шло трещинами, это он заулыбался детским воспоминаниям.

Из-за дальних холмов выметнулся низкорослый шустрый парень на быстром коне, как низко летящая птица, промчался к нашу сторону, прокричал веселым голосом:

— Ваше Величество, еще группа мезинцев!

Норберт ответил командным голосом:

— Посмотри, не двигается ли за ними с отрывом группа побольше?

Разведчик унесся, легкий и быстрый, как молодая ящерица, довольный жизнью и участью, совершенно не ломающий голову над проблемой Маркуса, для этого у него есть король Ричард, которому, говорят, и черти пятки чешут.

Норберт покосился на мое мрачное лицо.

— Эта Багровая Звезда приближается не так уж и быстро. Видать, дороги и на небе с ухабами, не разгонишься.

— Но остановить этого гада, — ответил я с тоской, — почти невозможно.

— Гм, — сказал он, — мне нравится слово «почти»... Вы разве не всегда на «почти»?

Я не ответил, вдали на изумрудной зелени под ярким солнцем показалась группа скачущих в нашу сторону всадников в цветах мезинской знати.

Впереди пышно одетый юноша с развевающимся знаменем, следом трое ухитряющихся сидеть даже в седлах особенно гордо и красиво, словно на тронах, тоже молодые и спесивые, не забывающие о своем достоинстве, что переходит в гордыню.

От шатра быстро примчались мои телохранители. Зигфрид во главе, еще мордастее и широкоскулее, с той поры как встретил и взял под защиту ту ведьмочку

Скарлет Николсон, в боках раздался, живот выпирает, но все еще быстр и силен.

Он быстро и зорко огляделся по сторонам, взмахом руки велел двоим дюжим орлам встать от нас с Альбрехтом справа и слева.

Мы выждали, когда прибывшие остановят коней, вперед выехал тот юноша, одетый крикливо, но сейчас все крикливо и ярко, мне даже нравится, праздничное настроение так необходимо в это мрачное время.

Костюм расшит золотом, но привлекает внимание не одежда, а шляпа: широкополая, прошитая золотыми нитями и украшенная драгоценными камнями, а сверху еще и развеивается целый веер тщательно окрашенных во все цвета радуги перьев.

Они красиво и величественно заколыхались, когда всадник соскочил на землю и бодрой пружинящей походкой направился к нам.

Его спутники спешились, но остались у коней.

— Граф Дэниэл Самантер, — представился он. — Послан герцогом Джейферингом к ее величеству королеве Ротильде Дрогонской.

Я промолчал, Альбрехт заметил строго:

— Граф, у вас в самом деле великолепная шляпа. Мы все уже оценили. И фасон, и драгоценности. Я еще не видел изумрудов такого размера и чистоты! Однако перед Ричардом Завоевателем положено снимать головные уборы. Даже такие.

Он в изумлении приподнял по-женски красивые дугообразные брови.

— Но я из рода Гарнарда Ричардсона!

Я промолчал снова, Альбрехт поинтересовался:

— Ну и что?

— В королевстве Мезина, — сообщил граф с великолепным пренебрежением, — было два древних ро-

да, представителям которых даровано триста двадцать пять лет назад право не снимать головные уборы в присутствии короля. Но один пресекся семьдесят лет тому, а наш — нет!

— И что? — повторил Альбрехт.

— Я граф Дэниэл Самантер, — повторил он победоносно и попытался посмотреть на нас обоих свысока, не делая разницы. — Представитель первого и самого славного рода, который обладает этим правом!

Альбрехт хмыкнул, повернул голову ко мне. Не двигаясь, я произнес холодно и отчетливо:

— Мне кажется, король, даровавший вашему роду это право, давно умер.

Он выпрямился, сказал с благородным негодованием:

— Но право есть право!

— Это не право, — сообщил я, — а некая дурь. Я не собираюсь поддерживать замшелые обычай, тормозящие прогресс и всяческий гуманизм. Снять шляпу!

Граф вздрогнул, рука уже дернулась вверх, но опомнился, выпрямился еще больше и сказал дерзко:

— Наши старинные привилегии...

Я взглянул на Альбрехта, тот кивнул Зигфриду. Мой телохранитель без замаха, но с таким удовольствием сбил шляпу с головы представителя древнейшего рода, что у того от мощного подзатыльника едва голова не оторвалась от тонкой шеи.

Я сказал в пространство перед собой:

— Если этот мезинский дурак еще раз не снимет головной убор, каким бы тот ни был, в моем присутствии или в присутствии королевы... то на первый раз хорошенько выпороть на площади у позорного столба, а если повторится... повесить сразу же без замены штрафом. А сейчас выбросите его прочь.

Ничего не понимающий граф не успел пикнуть, как его подхватили под руки и бегом почти вынесли, ноги волочились по земле. Исчезли надолго, видимо, слово «выбросить» поняли как выбросить вообще из дворца во двор, а то и вообще за пределы двора на городские улицы. Но так как мы не во дворце, только из шатра вышли посмотреть на Маркус, то даже и не представляю, как бдительные стражи поняли простое и как бы понятное слово «выбросить».

Я повернулся к его замершим спутникам.

— Мезина должна быть сильной, — произнес я жестко, — богатой и процветающей! Это будет доступно только при гуманном прогрессе, высокой культуре и отказе от диких привычек. Тот, кто соблюдает закон, всегда будет под его защитой. Кто не соблюдает... что ж, не завидую тому, кто воспротивится.

Один из прибывших вместе с графом, слишком тугодумный, чтобы понять изменившиеся реалии, промямлил растерянно:

— Но ведь ее величество королева Ротильда...

Я развернул и посмотрел на него в упор.

— Вы говорите о моей жене?

Он открыл рот для ответа, посмотрел на меня и медленно закрыл. Кажется, и до него наконец-то дошло, что это Ротильда моя жена, а не я ее муж. И хотя в математике не один ли хрен, но в реальной жизни как бы очень даже не совсем.

Телохранители сдержанно улыбаются, простодушный Зигфрид расхохотался во весь голос.

Альбрехт покачал головой.

— Жестоко.

— Находите? — поинтересовался я.

— Старинные привилегии, — пробормотал он, —

пользуются уважением. И почтением. Это же в память о заслугах предков!

— Заслуги предков принадлежат Отечеству, — сказал я высокопарно, — а не отдельным всяkim нахлебникам... Ишь, прадед совершил подвиг, может быть, даже погиб, а дивиденды получает внук?

Он усмехнулся.

— Но род один...

— Каждый отвечает за себя, — отрезал я. — Так и в Писании сказано. Нечего жить заслугами предков! Никаких привилегий.

— Кроме тех, — сказал Зигфрид, — которые установит Ваше Величество.

Я кивком указал на него Альбрехту.

— Слышишь глас народа?

— Ваше Величество, — ответил Альбрехт с укором, — это само собой разумеется. Не стоило даже упоминать о такой очевидности!

Ротильда, вся в пышных и красных, как закатное небо, волосах, сидит в ночной сорочке на краю кровати и быстро просматривает бумаги. Услышав шорох откидываемого полога, вскинула голову, лицо осветилось такой искренней радостью, что я усомнился, будто в самом деле уже знаю пределы женских хитростей и притворства.

— Мой король, — проговорила она счастливо, — уж прости, надо было сперва одеться...

— Не так уж и надо, — великодушно сказал я. — Ты хороша даже в рубашке, которая все равно ничего не прячет.

— Ах, Ваше Величество!

— Ротильда, — сказал я серьезно. — Мне надо отлучиться по делам службы.

— Службы?

— Я служу королем, — напомнил я, — не забыла? Так что увидимся не совсем скоро... Ох, да не ликуй так уж откровенно, это же обидно.

Она вскрикнула:

— Ваше Величество! Какое ликование, я безумно огорчена!

— Вижу, — сказал я, — все расцвела моментально.

— Ваше Величество, — запротестовала она, — я обижусь.

— Ладно, — сказал я и остановил ее жестом. — Слушай. У меня для тебя две новости. С какой начинать?

— С хорошей, — ответила она.

Я изумился.

— А кто сказал, что есть и хорошая?.. В общем, так. Я уезжаю, но присматривать за тобой буду. Ты из тех женщин, за которыми нужен глаз да глаз.

— Ваше Величество?

— Все серьезные документы, — предупредил я, — после твоей подписи должны визироваться мною. Если там только твоя подпись — акт недействителен.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— А я надеялась...

— На что?

Она объяснила тихим голосом обиженного ребенка:

— Ваша победа над Мунтвигом должна была укрепить и мое положение, я ведь ваша жена!

— Ваше положение, — сказал я, — моя королева... отныне незыблемо. И ваши слова имеют больший, чем раньше, вес. За вашей спиной все теперь видят Ричарда Завоевателя, а не просто принца-консорта. Но, с другой стороны, как вы сами понимаете...

Она вздохнула.

— Понимаю. И смиряюсь.

— Мудрая позиция, — одобрил я. — Кто говорит, что женщины — дуры? Ротильда, вы реабилитируете всех женщин на свете!

Она сказала язвительно:

— Спасибо, Ваше Величество.

Я поцеловал ее в лоб, она подставила губы, я поцеловал и в губы, они у нее такая прелесть, что пришлось сделать усилие, чтобы оторваться и заставить себя выйти из шатра.

Зигфрид уже ждет, сразу поинтересовался:

— Мы сопровождаем?

— Откуда взял, — спросил я сварливо, — что отбываю?

— Чувствую, — ответил он.

— Вот так и храни тайны, — сказал я с огорчением, — когда одни шпионы вокруг. Нет, пока не отбываю!

— Сперва расскажете, — сказал он, — кому что делать? Ну, это ненадолго. В шатер к графу?

— И это знаешь, — буркнул я.

— Ну да, — ответил он. — Граф уже и карту расстелил, вас ждет.

— С ума сойти, — сказал я. — Каждый мой шаг расписан, будто я не король... а не знаю кто. Правда, я всего лишь, гм, выборный король. Ладно, только не забегай вперед. Если хочешь охранять, то охраняй так, чтобы я тебя не видел вовсе. А то вроде на похвалу напрашиваешься.

— Вот еще, — сказал он обидчиво, но в самом деле исчез так быстро, что либо сам умеет, либо Скарлет научила своим колдовским штучкам.

Глава 2

У шатра Альбрехта охрана выпрямилась, бодрые и бравые, готовые защищать короля от всего на свете. Как же, если в моем расположилась королева, то военный совет точно не для женских ушей, все понимают и даже сочувствуют моей бездомности, вот уж чего не люблю, когда сочувствуют не тогда, когда я на сочувствие наряжаюсь сам.

Норберт и Альбрехт вежливо поднялись, я же король, но по моему нетерпеливому жесту снова плюхнулись на лавку.

На столе заботливо расстелена карта Сен-Мари, я сразу навис над нею, как туча, что обязательно разразится грозой. Взгляд прыгнул к Тараконской бухте, там мой драгоценный флот, но я заставил себя скрупулезно просматривать города и даже повел пальцем, стараясь ни один не пропустить.

— Кто-то уже наметил, — спросил я, — откуда выставят войска в поддержку Вирланда?

— И даже крепости, — сказал Альбрехт, — какие можно обойти.

— Какие стоят обойти, — уточнил Норберт.

Альбрехт сказал покровительственно:

— Дорогой барон, это несущественно. Пусть все сидят в замках! Важнее то, что Сен-Мари в целом наверняка выставит армию впятеро больше, чем есть у стальграфа и рейнграфа вместе взятых. Даже если к ним прибавить и армию из Гандерсгейма.

— А выставят? — спросил я.

Альбрехт сказал с укором:

— Ваше Величество! Сен-маринцы не большие любители воевать, но когда пятикратное преимущество, любой трус почувствует себя героем. А они все-таки не совсем трусы.

Норберт заявил сухо:

— Ваше Величество, необходимо дождаться армию в полном объеме. Вы и так бессовестно распылили всю нашу мощь, оставив часть в Сакранте, часть в Ричардвилле...

— Спасибо, — сказал я саркастически, — что не стали перечислять остальные земли.

Альбрехт заметил с долей ехидства:

— Пока что называемые королевствами.

Я сделал вид, что не услышал этого проницательного гада, сказал Норберту:

— Барон, увы, нам придется попробовать... пока что просто попробовать управиться с тем, что есть.

— Почему?

Не поднимая головы, я указал пальцем вверх.

— Он торопит.

— Господь?

— Если предположить, что Маркус, — ответил я, — его длань дело... хотя чье может быть еще?

— Но что мы можем? — сказал он с досадой. — Граф, несмотря на то что у него в шляпе перьев больше, чем у того дурного мезинца, все же брякнул верно насчет большой армии сен-маринцев. Пусть она не весьма отважная и боеспособная, однако Сен-Мари в разы крупнее любого северного королевства! Там богатые земли, зима курам на смех, а почва такая, что вечером воткни в землю оглоблю, за ночь вырастет телега. Народу там больше, чем муравьев в лесу.

— Армия у них многочисленная, — согласился я, — расходы на военные действия у нас возрастут в разы. А с каждым днем, в смысле, эпохой, убивать все дороже... Та-ак, садитесь за стол, нет-нет, пировать и не надейтесь, займемся калькуляцией. Дело это скучное,

но весьма нужное. Война — это математика и статистика. Любые расходы нужно сводить к минимуму.

Они сели, оба настороженные, от меня часто слышали незнакомые слова, но в слове «калькуляция» какой-то неприятный звук вроде лязга ножниц.

Альбрехт осторожно спросил:

— Ваше Величество, однако же...

Я прервал на полуслове:

— Все потом. Сперва самое важное. Сколько уходит средств, чтобы лишить жизни одного вражеского воина? А так как мы гуманисты и делаем вид, что во все не убиваем живых людей, то будем называть, как уже предлагал, живой силой противника.

Норберт спросил сумрачно:

— А что тогда неживая?

Альбрехт ответил за меня:

— Видимо, замки, крепости... а также зомби. Хотя насчет зомбей не знаю. А вот тролли — точно живая сила.

Норберт отмахнулся.

— Тролли еще какая живая! Даже живучая. К счастью, они есть только в нашем войске. В общем, Ваше Величество, чтобы убить одну единицу живой силы противника, нужно затратить около семидесяти серебряных монет. Это не строгий расчет, это из опыта.

Я охнулся:

— Почему так дорого?

Он прикрыл глаза, губы подвигались, будто читает молитву, но мы-то знаем, какие молитвы у нашего начальника внешней разведки.

— С учетом вербовки, подготовки, обмундирования, вооружения...

— Ежемесячного жалованья, — напомнил Альбрехт.

— Ежемесячного жалованья, — согласился Норберт, — расхода на закупку и подвоз в военные лагеря продуктов, амортизацию телег, компенсации родителям за обесчещенных девиц, что рисковали гулять слишком близко возле лагерей... В общем, получается даже больше. Чуть ли не под сто. Но мы привычно недоплачиваем, весь мир такой, все кому-то что-то должны и обязаны, а все вместе — Господу.

Я сказал с огорчением:

— Какое же это дорогое удовольствие — война. Семьдесят монет! И то, если экономить... А если дешевле?

Они оба задумались, Альбрехт предположил:

— Очень хорошо показывает себя оснащение армии вашими луками. У них и дальновидность, и проникающая способность... Если использовать чаще, из-за спины бронированной пехоты, разумеется, стоимость убитого сен-маринца точно упадет на пару монет.

— Хорошо-хорошо, — сказал я с одобрением. — Пара монет это немало в масштабах армии!.. Давайте еще! Ну, думайте, думайте.

Норберт сказал брезгливо:

— Можно чаще использовать ловушки. Если вырыть глубокий ров с торчащими внизу кольями и заманить в них пехоту противника, то это снизит себестоимость каждого убитого на порядок. Ну, не на порядок, а почти вполовину. Правда, всю армию так не заманишь, но все же от шестидесяти восьми можно смело отнять еще три монеты.

Альбрехт добавил:

— А если сдуру погонится рыцарская конница, то стоимость упадет еще монет на пять-семь. В общем,

каждый убитый сен-маринец нам обойдется в пять-десят монет.

— Хорошо-хорошо, — сказал я подбадривающе. — Давайте думать, как еще удешевить уничтожение живой силы противника. Человеческая фантазия должна постоянно работать в этом направлении! Барон, где полет вашей творческой мысли?

Норберт пробормотал:

— Нужно чаще использовать в нашей армии троллей. Они обходятся дешево, а урон наносят огромный. Если применять их постоянно, то убийство каждого сен-маринца... э-э... каждой единицы живой силы противника снизится примерно на десять монет!

Я потер руки.

— Прекрасно, просто прекрасно!.. Это получается, затратим только сорок монет?.. Так, граф, а что вы замолчали? Вдохновение кончилось?

— Тролли, — сказал Альбрехт, — в самом деле просто здорово. Но если использовать в военном деле колдунов, что умеют бросать огненные шары... это снизит себестоимость еще монет на пять. Все потому, что бросают издали, шары прожигают в рядах... живой силы целые полосы!

Я воскликнул радостно:

— Тридцать пять золотых?.. Еще чуть, война станет рентабельным делом. А кто придумает, как снизить еще больше?

Альбрехт сказал задумчиво:

— На реке Гернай есть громадная плотина. Если устроить поле битвы там, а когда враг подойдет первым и займет позиции, разрушить дамбу! Всю армию вода сметет и утопит. Тут, можно сказать, себестоимость убитого падает до тридцати монет.

Я хлопнул себя по бокам.

— Это здорово. Правда, плотину жалко, она и пару сел смоет, ну да ладно, отстроятся. А бабы новых рожают. Поздравляю, граф!

— Если бы еще такого мага, — сказал Норберт со вздохом, — чтобы мог сразу все войско врага прихлопнуть!.. Тогда вообще каждая живая единица сен-маринца обошлась бы...

— Это запрещено, — возразил Альбрехт.

— Да, — согласился я, — оружие массового поражения... не применяется, хотя и очень хочется. Церковь против.

— А как-то договориться с нею?

— Нужны веские доказательства, — сказал я, — что живая сила либо уже неживая, либо язычники. Или хуже того, еретики. Тогда да, церковь разрешит... А между своими пользоваться таким оружием... гм... в прошлый раз допользовались. Пришлось папе римскому по всей Европе разрешить многоженство, дабы заново населять землю.

Альбрехт сказал с сожалением:

— Да, сен-маринцы не язычники, хотя почти еретики. Однако снижение себестоимости одного человека до тридцати монет уже хорошо.

Я поднялся, сказал веско:

— Вы тут подумайте, вдруг да сумеем уделешевить стоимость человеческой жизни еще хоть немного. Желательно, до двадцати монет. Если нам будет обходиться дешевле, чем противнику, выиграем любую войну! В общем, продолжайте калькулировать. Войну выигрывают не полководцы, а бухгалтеры.

За пределами шатра свежий ветерок и знойное солнце, не такое крупное, как в Сакранте, зато раскаленное добела, так и чувствую его горячую погла-живашую ладонь на щеке.

Бобик, выронив бревнышко, которое совал в руки стражам, ринулся навстречу. Я потрепал его по башке, собаки и женщины всегда требуют подтверждения, что их любят, он посмотрел счастливыми глазами и, подхватив свою игрушку, которой можно сбить с ног быка, побежал искать неосторожного новичка, кому эту штуку можно сунуть в руки.

Я пошел в другую сторону, делая вид, что хозяйски осматриваю лагерь, делать мне больше нечего, а в черепе бурлят варианты, что в данной ситуации хорошо, что плохо. Вообще-то все плохо: едва ушел с армией, власть рухнула, лорды моментально взяли ее в свои руки, усадив на трон Вирланда. Их понять можно, Мунтвиг — полководец известный, уже двадцать лет водит армии, а тут почти мальчишка с ним в сравнении, которому просто некоторое время везло.

К тому же каждый шаг Мунтвига понятен и даже предсказуем особо дальновидным, а тут чего только стоит упор на армию из простолюдинов! Да они же разбегутся при одном появлении блестящих и закованых в дорогую сталь рыцарей на тяжелых рыцарских конях!

Но не разбежались, хребет Мунтвига сломлен, теперь пора возвращаться и... не восстанавливать статус quo, как ожидают даже мои полководцы, нет уж, нет уж. Мы пойдем другим путем, как сказал один мудрец.

Хорошее в этой непростой ситуации то, что дает мне как бы законное право применить репрессивные меры. То есть на этот раз произведу не просто захват власти или ее возвращение законному правителью, точнее себе, введу новые порядки, накажу виновных в мятеже и установлю такие рамки правления, чтобы риск новых мятежей свести к минимуму.

Это, конечно, официальная версия, которую пой-

мут и примут. А настоящую пока оставлю только в своей голове, да и то в самом дальнем уголке, а то я себя знаю.

И вообще хватит с уклонением от ответственности. Уже видно, к чему оно привело. Возможно, объяви я себя королем раньше и скажи, что все посягательства на мою власть будут караться усекновением головы, ничего б этого не произошло.

А если бы и произошло, то не везде и не в таких масштабах. Все-таки одно дело — отнять земли и трон Ламбертинии у эльфийки или в Мезине, где я что-то вроде комнатной собачки, другое — у самого короля Ричарда Завоевателя!

И хотя понятно, за спиной эльфийки как бы тоже я, но мало ли кого и где поддерживаю. Это не совсем то, что я сам. На эльфийку могу и рукой махнуть, других забот хватает, а вот посягнуть на земли самого Ричарда — это посягнуть на его честь, достоинство, вес в обществе, и тут уж он в ответ камня на камне не оставит, утверждая и доказывая!

В лагере при моем появлении сразу подтянулись и забегали быстрее, все-таки людям нужен надсмотрщик, я и сам такой, но здесь заставлять себя самому, а такое куда труднее.

Зигфрид у моего шатра быстро шагнул навстречу.

— Ваше Величество, шатер свободен.

Я нахмурился.

— Ты что, удавил королеву?

— Еще нет, — ответил он честно. — Просто ее величество изволили отбыть к своим лордам, что расположились во-о-он там!

Я проследил взглядом, в лагере мезинцев как будто за ночь прибавилось народу.

— Ладно, пуст...

Он спросил деловито:

— Теперь в Сен-Мари? Или будем ждать всю армию.

— Нужно в Сен-Мари, — сказал я, — но маяк еще важнее... Хотя, впрочем, как я забыл...

— Ваше Величество? — спросил он.

Я нетерпеливо отмахнулся.

— Все в порядке. Занимайся делами, то есть бди, а я пока помыслю... Ко мне пока никого не пускать! Король изволит думать.

В шатре я сразу вытащил Зеркало Горных Эльфов. Огромная энергия требуется на перемещения, но на простой просмотр нужно на порядок меньше, а за эти несколько дней могло бы уже и подкопить, как мне кажется.

За стенкой шатра то и дело голоса заставляют нервничать, потому не стал раздвигать рамки, оставив тем же, почти карманным, только со стороны входа прикрыл картой и, уставившись в матовую поверхность, где едва вижу свое отражение, начал представлять вершину холма, где посадил в землю, как зернышко дерева, зародыш маяка, как его называю, хотя это скардер, и неизвестно, что он еще делает и для чего служит.

Долгое время по матовой поверхности плавали блеклые пятна, затем нечто черно-белое, вернее, серое, и когда я уже начал скрипеть зубами и молча яриться, увидел сверкающее снежно-белый конус, что дюймов на пять поднялся над землей.

Вокруг него что-то вроде дымки или же мелкой водяной пыли, в ней переливается радуга, как догадываясь, цвета все еще смазаны... хотя нет, если продолжать всматриваться до рези в глазах, то проступают и цвета, хотя пока что блеклые, едва различимые.

— Заработало, — прошептал я с таким облегчени-

ем, что можно бы расплакаться, будь я в самом деле урожденным рыцарем, это они всегда падки на бурное выражение или, как тогда говорили, изъявление чувств, сдержаны только простолюдины из-за их нечувствительности и даже бесчувственности, тупости и животного равнодушия.

Но мир меняется стремительно, скоро все будет наоборот, рыцари погибнут, первыми принимая на себя все удары, а простолюдины будут с равнодушными мордами резать друг друга и гордиться своим хладнокровием.

Когда я вышел, Зигфрид спросил торопливо:

— Ваше Величество! Что-то радостное?

— Да, — ответил я. — Маленький шажок к великой победе. Хоть и черепаший, но все же... Тьфу-тьфу, только бы не последний... Позови Альбрехта и Норберта.

Глава 3

За шатром послышались приближающиеся голоса. Зигфрид откинул полог, пропуская вовнутрь Альбрехта и Норберта, после чего закрыл и сам отошел, слышу по шагам, не желает подслушивать королевские тайны и другим не даст.

— Граф, — сказал я Альбрехту, — отправляйтесь к Тоннелю. Без всякого там, просто берите людей и галопом. Ситуация неясна. Кто там его охраняет, неизвестно.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Вы говорите так, будто посмотрели в магический кристалл, а он заплеван с другой стороны!

— А что, — спросил я с жадным интересом, — есть такие?

Он кивнул.

— Бывает, плюют с обеих сторон. Не всем нравится то, что видят. Некоторые плюют даже в зеркало.

— В самом деле, — уточнил я нетерпеливо, — такие кристаллы существуют?

Он кивнул в сторону Норберта.

— Барон Дарабос говорит и даже утверждает. Дескать, все еще есть, а кому нам верить, если и его называть брехлом? И даже не заплеванные. У кого кристалл, у кого кольцо, чтоб в дырочку зреть дальние места, у кого еще что-то.

Норберт буркнулся:

— Если не врут, конечно. Хотя, с другой стороны, говорят слишком часто. Что-то, может быть, и есть.

— Нет, — с жалостью ответил я, — у меня кристалла нет. Если наткнетесь где, немедля реквизирийте на государственные нужды ввиду стратегической ценности такого сырья.

Альбрехт спросил с таинственным видом:

— Но что-то же у вас есть, Ваше Величество?

— Пока что, — пояснил я, — эти штуки заменяют моя замечательная и мудрая, как я сам, интуиция. Недаром же она моя. Но все же я сам больше доверяю всяkim этим кристаллам, чем себе, они дурные и показывают всегда правду.

— Ясно, — бодро сказал Альбрехт. — Будем искать.

— Если бы попалось, — пояснил Норберт, — уже бы реквизировали.

— Потому, — сказал я, — сперва нужно понять на основании других данных, придется ли воевать за Тоннель или же он пока что в руках друзей.

Норберт кивнул с самым серьезным видом.

— А также хорошо бы узнать судьбу турнедских армий.

— Они не турнедские, — возразил я сердито. —

Уже доказали верность и преданность моему Величеству, тогда высочеству, а то и всего лишь какой-то там светлости, уже и не помню!

— Помню-помню, — буркнул он. — Стальграф Филипп Мансфельд пожалован титулом лорда Галекширского с вручением в пользование королевства Жемчужных Ключей, а рейнграф Чарльз Мандершайд получил земли королевства Сильверланд... Это неслыханная щедрость, так что для верности достаточно.

Я поморщился.

— Думаю, у них есть и более весомые причины.

Норберт смолчал, Альбрехт обронил с сомнением:

— В самом деле?

— Оба видят во мне завоевателя, — огрызнулся я. — Не забывайте, они до мозга костей прирожденные вояки. Гиллеберд умел подбирать людей. И оба уважали Гиллеберда за его замашки завоевателя, а не за сидение на троне.

Альбрехт промолчал, взгляд остается встревоженным. В самом деле, начиная очень рискованный рейд отдельной ударной армии в земли самого Мунтвига, я всем послам, дружественным и недружественным королям говорил о неисчислимых полчищах, которые якобы прут за мной следом, но на самом деле армии Меганвэйла и Шварцкопфа оставил на границе Варт Генца и Скарляндии встречать полчища Мунтвига, а наиболее закаленные в боях и хорошо укомплектованные армии стальграфа и рейнграфа оставил в Сен-Мари, поручив им охранять любой ценой наиболее стратегически ценное для меня: бухту и строящийся флот.

А сейчас это можно использовать как мою мудрость и предусмотрительность, дескать, предвидел, знал, чувствовал. Интуиция велела не брать с собой в

поход, а оставить в стратегическом резерве, и вот теперь все видят мою гениальность. Это же практически половина моих сил для начала операции «Возвращение Сен-Мари»! Или, может быть, назвать «Возвращение короля»?.. Хотя королем тогда еще не был...

Однако хорошо помню, что в последнем нашем разговоре с Кейданом, больше похожем на поединок с оружием в руках, он сразу же указал мне, сволочь, на очень уязвимые места моей расстановки сил. Армия стальграфа по моему поручению прикована к месту, охраняя порт и флот, а рейнграф растянул войско вдоль всего побережья Сен-Мари, оберегая от вторжения пиратов.

— Допустим, — сказал Альбрехт, — оба устояли перед послами Вирланда Зальского принести ему присягу, как единственному властелину Сен-Мари...

— Не допустим, — сказал я, возвысив голос, — а наверняка!

— Допустим, — сказал он невозмутимо, — что наверняка. Но обе армии в очень невыгодном месте.

— Я что, не знаю?

Норберт напомнил Альбрехту:

— Армия сэра Филиппа собрана в один могучий кулак.

— Зато, — возразил Альбрехт, — лишена возможности маневра из-за приказа охранять бухту. Про растянутую в тонкую линию армию сэра Чарльза и говорить нечего: за спиной только океанские волны, не отступить.

— Все равно предпочтут сражаться, — сказал я, но сам чувствовал, что голос мой прозвучал не слишком уверенно.

Он посмотрел на меня с сочувствием.

— Вирланд Зальский, у которого в руках вся вер-

ховная власть в Сен-Мари, слывет не только опытным полководцем. Ваше Величество, вы сами убедились, что политик он еще тот, когда он сумел отыскать наиболее выгодную для себя тактику.

— И остался единственным в Сен-Мари, — согласился я, — кто так и не принес мне присягу.

— Наверняка, — сказал Альбрехт, — он выберет стратегию, что приведет к победе. Сам он один из богатейших людей королевства, владеет огромными землями на севере страны, через которые предстоит пройти, если прояснится ситуация с Тоннелем.

— Погоди, — сказал я, — он остался единственным непобежденным потому лишь, что ушел от сражений и заперся в крепости Аманье, что блокирует дорогу в земли его сторонников. Он сам как-то говорил мне, что устал воевать и жаждет покоя, тем более что за- получил наконец-то женщину своей мечты.

— Полагаете...

— Да, — сказал я. — Он будет действовать уговорами и угрозами. Мягким, но непрекращающимся давлением. Вступить в битву с этими двумя прекрасно обученными и закаленными армиями... такая победа обойдется ему разорением половины Сен-Мари. Или хотя бы трети.

— Но победит.

— Он предпочел бы почетную сдачу, — сказал я. — И дал бы обоим графам, скажем, титулы герцогов и огромные земли.

— Откуда их возьмет?

— В Гандергейме, — напомнил я. — Там ведь все мое, помните? Еще император пожаловал его мне вместе с титулом маркграфа. Так что Вирланд мудр и осторожен. Думаю, он и с нами начнет долгие и задушные переговоры. А это проигрыш.

Альбрехт спросил с интересом:

— Перемудрите?

Я покачал головой.

— Нет, время работает на нас. Подойдет вся огромная армия. Сломившая хребет Мунтвигу. Потому иногда оперативность в принятии решений лучше мудрой осторожности.

Норберт пробормотал:

— Вирланд может с вами воевать, но... отнять ваши личные владения? Пожалованные, как мы помним, императором лично?

— Вы же знаете, барон, — напомнил я, — на императора здесь всем чихать. В летописях да, пугающие записи, что он однажды присыпал некие корабли с такой армией, перед которой ничто и никто не мог устоять. Но это когда было!

Он кивнул.

— Все верно, Ваше Величество. За это время то ли император смирился с потерей заокеанских владений, то ли на юге у него проблемы такие, что не до нас...

— Но особо дразнить его не стоит, — предостерег Альбрехт. — Кто знает, вдруг да император там уже разобрался?

Я сказал нетерпеливо:

— Не будем терять время, его у нас почти нет. Граф, вы к Тоннелю!.. Узнать и доложить. Дело серьезное, могут понадобиться ваши дипломатические способности. Барон, выберите лучших, вы тоже к Тоннелю, а дальше на ту сторону. Возможно, я вас догоню.

Норберт сказал хмуро:

— Ваше Величество, не вляпайтесь в неприятности. Вы теперь король, а не какое-то его высочество.

— Встретимся у Тоннеля, — сказал я.

Издали долина Отца Миелиса кажется идеально ровной, только в самой середине небольшой пупырышек, именно там я и посадил на вершине зернышко скардера, который я упрощенно называю маяком, хотя это вряд ли маяк или только маяк.

По обе стороны крупные и быстро развивающиеся города Штайнфурт и Воссу, отец Дитрих из обоих призвал половину священников, теперь те постоянно ходят крестным ходом вокруг холма, а другие творят молитвы перед группами любопытствующих или встревоженных горожан, прибывших посмотреть, что здесь творится.

Сердце затрепетало, я задержал дыхание. На вершине холма, больше похожего на огромный каравай хлеба, грозно и страшно поднимается уже высокая, ярдов в пять, абсолютно белая глыба, грозно поблескивающая острыми гранями, по форме похожая на сильно удлиненную сосновую шишку из металла.

Охрана рассредоточена редкой цепью вокруг холма, но, к счастью, никто не ломится взглянуть на страшную вещь вблизи.

Священники медленно идут по кругу вокруг холма, все в темных плащах с надвинутыми на лица капюшонами.

Я подъехал ближе, поинтересовался с высоты седла:

— Святые отцы, я король Ричард, если еще не узнали. Мне нужно повидаться с отцом Дитрихом.

Священники меня проигнорировали, продолжая читать молитву, церковь выше любых королей, только один, помоложе, поднял голову, явно еще не проникся клановым духом.

— Ваше Величество, — ответил он почтительно и совсем юным голосом, — архиепископ Сен-Мари, прелат Его Святейшества, верховный инквизитор,

примас всей Армландии, Турнедо, Варт Генца и Скарляндии, святой отец Дитрих сейчас в часовне...

Он указал взглядом на деревянную часовню, свеженькую, собранную наверняка воинами за пару часов.

«Молодец», — сказал я ему взглядом. И мне ответил, заслужив мой одобрительный и теперь уже королевский взгляд, и священникам показал, что он с ними, вон как щелкнул по носу этого королька, посмевшего назвать великого инквизитора всего лишь отцом Дитрихом.

Бобик ринулся к часовне, как только услышал сметливого священника, все понимает, толстомордик. Но вбежать туда не посмел, быстро запоминает наши тонкости этикета. А когда мы прибыли с арбогастром, уже сидит на широкой заднице и делает вид, что и живет здесь, а мы с конем какие-то понеахавшие.

Из часовни вышел худой священник со строгим лицом, вздрогнул, увидев огромного Бобика, что начал рассматривать его с интересом, увидел меня, я уже покинул седло, степенно поклонился.

— Сэр Ричард...

Большинство духовных лиц продолжают называть меня по имени, подчеркивая, что для церкви неважны титулы, все люди от Адама, и только добавляют «сэр» для учтивости.

— Святой отец, — ответил я так же вежливо, это проще, чем сперва выяснить его церковный титул, — верховный инквизитор сейчас там внутри?

Его суровое лицо чуть-чуть, совершенно неуловимо, потеплело, я понял, что он тоже инквизитор, а доволен потому, что я из всех званий отца Дитриха упомянул именно его должность дознавателя, все-таки само слово «инквизитор» означает «следователь».

— Он там, — ответил он сухо, но я понял, что это

не сухость в отношении со мной, а просто за годы работы следователем такого насмотрелся и наслушался, что теперь и вид у него инквизиторский, и голос, и манеры. — Беседует с Господом.

— У него хороший собеседник, — согласился я. — У Господа, кстати, тоже.

Губы священника чуть дрогнули, что могло означать улыбку, он поклонился и прошел мимо. Бобик проводил его обвиняющим взглядом и горестно вздохнул, так безумно давно никто не бросал ему бревнышка.

В часовне прохладно, я переступил порог. В небольшом тесном зале отец Дитрих сидит спиной ко мне, я остановился и прислушался, хотя это, конечно, нехорошо, но как много интересного можно узнать, а главное, полезного!

Похоже, отец Дитрих говорит не с Господом, голос хотя и вежливый, но без особого почтения, обычный деловой разговор, вот только зря я напрягал свой музыкальный и прочий слух, общение идет на латыни, а здесь я не силен, хотя пару слов узнал, но узнал в том смысле, что как-то слышал в крылатых фразах, а то и сам произносил, не вдаваясь в то, какое из них что значит.

Отец Дитрих услышал мои нарочито громкие шаги, быстро свернул разговор, обернулся, глаза очень живые, явно разговор шел неплохо.

Я преклонил колено.

— Отец Дитрих...

Он перекрестил мою склоненную голову, я поцеловал его руку и поднялся.

— Отец Дитрих, у меня такой камень с души! Прям с грохотом. Даже земля дрогнула.

Он кивнул.

— Понимаю. Я тоже радуюсь и надеюсь, что хотя бы эта часть пойдет по плану. Твой маяк растет...

— Наш маяк, — уточнил я. — Я только отыскал зернышко, а выращиваете вы, отец Дитрих. Эх, знать бы, сколько оно еще расти будет!

— И успеем ли, — добавил он трезво. — Как я понимаю, не начнет сообщать о себе, пока не... созреет. Бабочки и пчелы не летят на цветок, который еще не распустился, а только когда раскроет лепестки и сообщит всем о себе.

— Хорошая аналогия, — поддержал я. — Но будем надеяться. Ничего другого не остается. Теперь узнать бы, что из себя представляет сам Маркус... и чем с ним бороться! Вряд ли лобовая атака рыцарской конницы что-то даст... Охрана холма не слишком жидкая?

— Я уже запросил еще две тысячи человек, — сообщил он, голос сразу стал суще. — А тех, что были, пришлось отдать в помощь инквизиторам.

— Много работы? — спросил я.

— Больше, — ответил он, — чем хотелось бы. Очень много выступающих за карающую длань Господа. Дескать, наступает Страшный суд, все погибнут, праведных сразу в рай, неправедных в ад. И не нужно терпеть все тяготы земной жизни.

— Да, — согласился я, — таких надо в застенки.

Он поморщился, покачал головой.

— Таких не трогаем. Я велел брать тех, кто подбивает народ идти на холм и повалить это железное дерево дьявола. Дескать, здесь пытаются помешать свершиться Божьему Суду, потому нужно казнить этих еретиков народным судом.

— Народным, — уточнил я, — это без суда?

Он посмотрел с иронией.

— Еще не запомнил? Любой закон лучше беззако-

ния. В общем, вчера пришли два отряда по пятьсот человек, я сразу велел схватить наиболее фанатичных.

— Они в застенке?

Он вздохнул, но взгляд оставался прям и строг.

— Нет. Ты же знаешь, что такое застенки инквизиции. Схваченных просто не сумели довести до тюрьмы. Те пытались совершить побег, их перебили.

Я сказал поспешно:

— Сейчас везде чрезвычайное положение. А при чрезвычайном и меры чрезвычайные.

— Ты все еще один? — спросил он. — Без свиты?

— Скажу правду, — заявил я. — В целях собственной безопасности я взял за правило нигде особенно долго не задерживаться. Убийцы заморяются бегать за мной по всем королевствам!

Он улыбнулся, оба знаем, что это не совсем правда, но народу и лордам нужно правдоподобное объяснение, а это годится больше всего, так как покушения на жизнь царствующих лиц — профессиональный риск, и защищаться можно разными способами.

— Мы стараемся вовремя нейтрализовать этих проповедников апокалипсиса, — сказал он. — Человек — странное существо. На хорошие новости не обращает внимания, а плохим как будто рад и начинает распространять их с огромным удовольствием.

— А если тем же концом в то же место? — спросил я.

— Это главное, — пояснил он. — О Маркусе можно говорить разное. Они свое, мы — свое.

— Отец Дитрих, — сказал я, — как-то заспорили знатоки по какому-то моменту в Библии. Наконец старший взмолился: «Господи, покажи, что они не правы, яви чудо, заставь реки течь вспять!» Прогремел гром, реки потекли вспять, но толкователи лишь пожали плечами, дескать, а при чем тут реки, это не до-

казательство. Снова спорили, доказывали, нашли еще варианты, наконец старший снова вскричал: «Господи, покажи и что они ошибаются, заставь дождь пойти из земли! Блеснула молния, прогремел гром, прямо из земли ударили струи дождя и пошли падать в небо.

Отец Дитрих спросил с интересом:

— И тогда не поверили?

— И это не убедило толкователей Библии, — сказал я, — дескать, и такое возможно, подумаешь! Старейшина вскричал в отчаянии: «Господи, ну скажи же им, что ты сказал именно так, как записано, а совсем не то, что они тут твердят!»

Отец Дитрих хмыкнул.

— И что?

— В небе раздвинулись тучи, — сказал я, — и могучий голос прогрохотал сверху: «Это я, ваш Творец подтверждаю, что именно так я и сказал!» На что толкователи только пожали плечами, а один поднял голову к небу и возразил: «Ты дал нам законы, а толковать их — наше дело!»

Отец Дитрих рассмеялся, но прозвучало это горько.

— Ну да, если бы Господь жил на земле, люди каждый бы день били в его доме окна... Кажется, догадываюсь, сын мой, зачем ты рассказал мне эту притчу. Но это очень опасная дорога.

— Господь дал нам не только законы, — напомнил я. — Но и свободу воли, чтобы мы могли толковать их применительно к. Иначе вымерли бы даже с самыми лучшими законами!

Он покачал головой.

— Подумай хорошенько.

— Отец Дитрих, — сказал я наигранно бодро, — вы меня пугаете. Неужто я пру не по той дороге?

— По той, — ответил он, но голос прозвучал тревож-

но, — но твоя особенность в том, что можешь с одинаковой легкостью пойти как по одной, так и по другой.

Я поклонился.

— Отец Дитрих, не буду отрывать вас от дел...

Он перекрестил меня.

— Иди с Богом, сын мой, и неси тяжкую ношу дальше. Господь никого не нагрузит больше, чем тот может вынести

Глава 4

Я заканчивал большой круг вокруг холма, прикидывая, откуда может прийти опасность, когда за спиной простучали быстро приближающиеся конские копыта.

Немолодой рыцарь с серьезным суровым лицом круто осадил коня, едва я повернулся к нему.

— Ваше Величество, — прокричал он. — Барон Гастон Келляве к вашим услугам. Поставлен охранять этот холм и ту штуку, которые вы водрузили. У меня вот там шатер, Ваше Величество! Он в полном вашем распоряжении, а я переночую у костра с солдатами.

— Барону не к лицу ночевать с солдатами, — обронил я.

— Это мои люди, Ваше Величество, — возразил он с некоторой гордыней. — И, думаю, там есть и достойнее меня.

— Хорошо сказано, — заметил я, лицо рыцаря нравилось, открытое и честное. — Барон, не беспокойтесь. Я просто волнуюсь за этот маяк...

— Это будет маяк, Ваше Величество?

— Да, — ответил я, — но ночевать некогда, я сейчас же отправлюсь обратно.

Он взглянул на небо.

— Надвигается ночь, — проговорил он тревож-

но, — Ваше Величество, лучше ее переждать здесь. Да еще с бурями и грозами, посмотрите на тучи!..

Я ответил со вздохом:

— Однажды, когда Помпею нужно было срочно отплыть в Рим, поднялась буря, и кормчие не решались сняться с якоря. Тогда Помпей первым взошел на борт корабля и, приказав отдать якорь, вскричал: «Плыть необходимо, а жить — нет!»

Он криво улыбнулся:

— Не знаю, кто такой этот Помпей, но сказал он хорошо. Неумно, но красиво.

— А кто из нас живет умно? — ответил я. — Всех нас толкают, тянут и подгоняют страсти, а ум сопит в сторонке в тряпочку. Так что бдите, барон, и охраняйте этот холм любой ценой! Кто бы ни попытался прорвать цепь охраны, убивайте без жалости!

Он отсалютовал.

— Все сделаю, Ваше Величество. Еще раз, вон там мой шатер. Потом буду показывать внукам и правнукам.

— Зайду, — пообещал я, — однако ночевать не останусь, это точно.

Он отсалютовал и унесся к своим людям, вскоре оттуда на быстрых конях примчались двое, один отсалютовал и сказал почтительно:

— Ваше Величество, барон Келляве отправил нас служить вам и охранять!

— Зря он это сделал, — буркнул я. — Вам придется нелегко...

В шатре чисто и уютно, хотя мне без разницы, я сел за стол и, прислушиваясь к тому, что за стенкой шатра, вытащил Зеркало Горных Эльфов. Выглядит мертвым, но все равно поэкспериментировал, тыкая пальцем в свое отражение. Когда-то же там накопит-

ся достаточно энергии если не для превращения зеркальной рамы в портал перемещений, то хотя бы для наблюдений.

Пока глухо, но теперь нужно делать это ежедневно, а потом запомнить, сколько времени нужно на вуайаризм, сколько на пролезание через портал моей персоной, а сколько с моими двумя четвероногими друзьями...

Послышались приближающиеся шаги, я поспешил сунул зеркало в сумку и, застегнув, сделал вид, что мыслю над глобальными проблемами, деятель моего масштаба может без ущерба для своего имиджа мыслить только в таком ракурсе.

Приоткрыв полог, в щель просунулась голова одного из воинов.

— Ваше Величество, — выпалил он. — Из города в нашу сторону прет толпа!

— Враждебная? — спросил я. — Или паломники?

— На паломников не похоже, — сказал он быстро. — Там уже неделю бродячие проповедники подбивают народ разнести здесь все.

— Готовьтесь драться, — велел я.

Он исчез, я торопливо перекинул сумку через плечо и пошел на выход. Такого испытания еще не было, чтобы не с монстром сойтись грудь в грудь в смертельной схватке, а с простым народом, что идет в бой «за правду и справедливость», как он считает, а не воровать и грабить.

У подножия холма охраняющие его воины начали стягиваться в одну сторону. От городских ворот дальнего города уже показалось темное пятно, плывущее в нашу сторону по земле, словно тень от тучи.

Бобик подбежал, заглянул в лицо, глаза из теплых

коричневых стали багровыми, а из горла вырвалось глухое низкое рычание.

— Нет-нет, — сказал я с тоской, — нельзя же их... Не ведают, что творят...

Арбогастр тоже в сторонке перестал жевать нечто хрустящее, поднял голову и вслушался.

Толпа еще далеко, но видно, как из городских ворот продолжает выдавливаться эта масса черного люда. Он черный еще и потому, что все в темном, «немарком», в то время как благородные обычно рядятся в яркие цветные одежды, но эта чернота пугает, словно наступает тяжелая и вечная ночь.

Я оглядывался в беспомощности, торопливо перебирал все свои возможности, умения и амулеты, но тут не помогут ни умение ходить сквозь стены, ни волшебные мечи, ни какие-то еще орудия убийства, которых у меня больше всего.

Бобик развернулся, гавкнул. В нашу сторону спешил большой рыцарский отряд, во главе рослый и явно молодой, судя по лицу и фигуре, лорд, надменный и гордый, за спиной красиво и величественно развевается белый плащ, а спереди во всю грудь пламенеет огромный красный крест, как святой рыцарский обет совершить подвиг.

Шея коня сверху накрыта широкими стальными полосами, стальной налобник с затейливыми вырезами для глаз вообще превращает его в некое чудовище вроде дракона.

Я рассматривал его бесстрастно, как и положено королю, а он с достоинством покинул седло, сделал несколько шагов в мою сторону и преклонил колено.

— Ваше Величество...

Я выждал пару необходимых по этикету мгновений и ответил ровно:

— Поднимитесь, сэр.

Он встал и сказал быстро:

— Баннерный рыцарь Кенговейн, прислан графом Гуммельсбергом. Он послал нас сюда и велел охранять холм с этой штукой. Предупредил, что из обоих городов сюда могут двинуться целые толпы разъяренных горожан...

— Гуммельсберг, — повторил я, — Гуммельсберг... Предусмотрительный у вас сюзерен. Он так и сказал?

Он посмотрел на меня с укором.

— Граф Гуммельсберг?

— Вы его родственник? — спросил я. — Или верный вассал?.. Хотя да, сэр Альбрехт старается, чтобы комар носа не подточил. Сколько у вас человек?

— Пятьдесят, — сообщил он и, заметив, как дернулось мое лицо, добавил торопливо: — Но это испытанные в боях люди!

— А есть ли у них опыт и умение рубить и разгонять безоружных горожан? — спросил я. — То-то. Они уже прут сюда. Граф Гуммельсберг все предусмотрел в точности. Даже как будто и время рассчитал.

Он повернулся в сторону города, всмотрелся в движущуюся в сторону холма толпу, уже долетают отдельные крики, его лицо не изменилось, сказал важно:

— Думаю, Ваше Величество, их надо остановить.

Я изумился:

— Правда?

И снова он не понял, кивнул с достоинством, гордый, что подсказывает самому королю, неспособному понять такую простую вещь.

— Да, Ваше Величество.

— Развортывайте отряд, — велел я, — пока посмотрю, что там за народ сюда попрет. Мерзкое дело нам предстоит, но, что делать, придется и свой народ рубить, если придется защищать его же самого от самого себя.

Со стороны города ползет темная тень от сверкающего грозными огнями облака в небе. Я судорожно протер глаза, что-то у меня со зрением, какая тень, это же прет в нашу сторону темная масса народа, уже распаленного справедливым гневом.

Во главе, что заметно сразу, трое или четверо во-жаков то ныряют в толпу, то вырываются вперед, заметные лидеры, без которых любая толпа просто спит.

Сейчас они всячески подогревают свой энтузиазм криками и жестами, призывая людей идти и сокрушить, конечно же, еретиков и нарушающих волю Господа. Толпа прет, как весеннее половодье, что в грязной воде несет мусор, смытые с берега и разбитые вдребезги сарайчики и курятники, кусты, трупы животных, обломки не успевшего растаять льда, и снова грязь и грязь...

Я остановил арбогастра, еще не зная, что и как делать. Но остановить, как глубокомысленно сказал этот баннерный сэр Кенговейн, этих обманутых дураков надо, хотя когда я слышу такое и таким тоном, то так и подмывает сделать наоборот, будто выслушал женщину.

— Бобик, — сказал я строго, — останешься здесь.

Во главе толпы напористо двигаются, как ни странно на первый взгляд, священники, но, с другой стороны, почему странно, именно священники и раздирали единый плащ Христов, умело наброшенный на всю Европу такими гигантами, как Тертуллиан и Августин. Лютер был священником, как тот же Кальвин, Гус или даже Коперник, но церковь разодрали на крупные и мелкие куски.

Толпа прет яростная и уже взвинченная, перекошенные лица, крики, вскинутые кулаки, а священники потрясают крестами. С нашей стороны вперед выступили тоже священники и, прижимая к груди

Библии, начали с неистовым исступлением читать молитвы.

Наступающие идут без Библий, но у всех во вскинутых руках кресты, у кого размером с нательный, у кого напоминает боевой топор, а лица яростные, в глазах праведный гнев и жажда разметать в клочья еретиков, посмевших... непонятно что, но все равно посмевших пойти против Господа, пытающихся воспротивиться его воле!

Я выехал вперед, вскинул руку и, привстав на стременах, заорал:

— Вас не пугает гнев Божий?

Толпа даже не остановилась, только передняя часть чуть замедлила движение, так половодье нехотя поднимается на пологий холм и быстро обходит его по краям.

Я в бессилии стиснул челюсти. Когда толпа, не помогут ни зачарованный меч, ни доспехи, ни могучий конь и пес. Если фанатики, то сомнут числом, задавят массой. Толпа дураков опаснее дракона.

Они обошли меня, словно гранитный обломок скалы, и поперли в сторону холма, а там, как я смотрел в бессилии, слишком жиценькая цепочка охраны. Прорвать ее не составит труда, а сам маяк вряд ли сумеет себя защитить. Во-первых, это явно не военная штука, во-вторых, еще только строит себя, беззащитнее птенца орла.

Арбогастр развернулся вслед толпе и недовольно похрюкивает, не понимает, чего я жду. Судя по размерам, здесь не меньше двух тысяч идиотов, что верят, будто это Господь послал карающий меч на человечество. А не шарахнулся сразу, это чтобы дать покаяться, как твердит церковь, завещать ей все имущество, об этом священники не забывают, признаться во всех

грехах, получить отпущение... за пожертвование церкви, понятно.

Ладонь моя, то и дело прыгающая, как лягушка, на рукоять меча, будто сама по себе скользнула к седельной сумке. Я торопливо расстегнул ремни и выхватил клетку, что сейчас не больше грецкого ореха, чуть увеличил ее и сказал свистящим шепотом:

— Эй, не спиши?

Крохотный красный воин, размером с фараонового муравья, лежит в позе чемоданчика, на хлынувший сверху свет не повернул голову.

— Так ты в самом деле, — спросил я, приглушая голос, — принес мне клятву?

Он поднялся, странно медленно для таких размиров, ухватился крохотными пальчиками за едва видимые прутья.

Голос его прозвучал тоньше комариного писка:

— Я же сказал, мой лорд! Моя клятва нерушима, ты это знаешь.

Я медленно наклонил голову, одолеть этого демона удалось почти чудом, второй раз может и не получиться, но в последнее время в самом деле отчетливо понимаю, когда врут, а когда не врут.

— Я тут на досуге, — сказал я небрежно, — его у королей девать некуда, поразмышлял, повспоминал и отыскал заклятие для этой клетки. Подумать только, ее можно сделать в сто раз мельче макового зернышка!.. Даже в тысячу.

Красный гигант вскричал тем же комариным голосом:

— Мой лорд, ты же этого не сделаешь?

— Нет, — ответил я великодушно. — Но все комуто служат, а я все это время придумывал, чем тебя озадачить.

— Но я буду служить! — донесся писк. — Я дал не-

рушимые клятвы! Мы обязаны служить тем, кто сильнее нас.

— Хорошо-хорошо, — сказал я торопливо, — я тебя выпускаю. Как твое имя?

— Феррун, — ответил он. — Только назови его, и я снова окажусь перед тобой, господин!

— Хорошо, — сказал я. — Вот тебе задание. Видишь толпу, что уже прет на холм? Ее надо...

— Уничтожить?

— Только в крайнем случае, — ответил я. — А лучше всего погнать обратно. Без жертв, если получится. Но если с жертвами... что ж, великие цели требуют и великой платы...

Он сжался, ухватился за прутья, а я сосредоточился и проговорил длиннейшее заклинание из книги Уэстфорда, стараясь выдерживать темп, интонации и не перепутать ударения.

В какой-то миг казалось, ничего не случилось, однако после недолгого раздумья клетка пошла ввысь и в стороны. Прутья раздвинулись сами, воин из красной стали поспешно шагнул наружу, пока еще мне до колена, но быстро вырос и снова стал на голову выше, шире в плечах, а изо рта плеснуло язычками багрового огня.

Арбогастр беспокойно переступил с ноги на ногу, а Бобик встал со мной рядом и угрожающе зарычал.

Я ощутил беспокойство, когда прежняя раскаленная глыба металла повернулась ко мне всем корпусом.

Глазницы заполнились оранжевым огнем, он прорычал:

— Повинуюсь, мой лорд.

Арбогастр как будто вздохнул с облегчением, когда этот Феррун с огромной скоростью метнулся вслед за толпой.

Мы не двигались, а красный гигант возник уже

перед прущим наверх народом, которому осталось до маяка несколько шагов. Мы отчетливо видели, как он вскинул руки, между ладонями вспыхнула ветвистая багровая молния.

Через мгновение между ним и людьми взвилась жаркая стена огня. Послышались крики, сзади напирают, передних выдавило в огонь, крики стали душераздирающими, а Феррун потряс вскинутыми руками и сжал кулаки.

Молния сорвалась с растопыренных пальцев и ударила в землю прямо перед напирающими. Стена огня начала расширяться, тесня толпу с холма, но задние продолжают напирать, я устрашенно видел, как передние ряды исчезают в огне.

Наконец, ужас охватил всех, но отступали сперва неохотно, потом все быстрее, наконец бежали, падая и вскрикивая, когда по их спинам, как табун, промчались остальные.

Огненная стена погасла. Багровый гигант поклонился издали, из-под ног у него выметнулся огонь, и он исчез, то ли погрузившись в землю, то ли распавшись на искры.

— Слава богу, — сказал я дрожащим голосом. — Да примет Господь души этих обманутых дураков... а мне их все равно почему-то не жалко. Хотя да, понимаю, не ведают, что творят... а вот все равно не жалко. Статистика это, всего лишь статистика. И ничего кроме... не отвлекайся, дурак, на жалость, не отвлекайся...

Я собирался отывать обратно, однако разведчики сообщили, что в нашу сторону направляется большой отряд бурнандской конницы. Во главе двигаются всадники со знаменами, на которых изображен большой черный ворон.

— Королевские знамена, — определил я и, поймав взгляд Норберта, пояснил: — Там королем Эдвин Рафнсварт, что значит на их наречии «Черный Ворон». Хорошо, хотя и непонятно... Ах да, мы договорились заключить союзный договор, но так и не подписали.

Он сказал с одобрением:

— Король не дурак. Спешит подписать, чтобы не остаться за его пределами. Для него это может быть опасно.

— Принять со всеми почестями, — распорядился я. — Это достойный король и мудрый человек.

— Ну да, — согласился он. — Если делает то, чего вы от него хотите.

Я посмотрел на него волком.

— А как иначе?

Вскоре мы увидели достаточно крупный отряд рыцарей, все одеты богато, кони под цветными попонами да еще и укрыты кольчугами, на главном знамени в самом деле большой черный ворон на красном полотнище, что означает, отряд возглавляет сам король.

Впереди могучий рыцарь в полных доспехах, но забрало поднято, вижу крупное загорелое лицо с короткой черной бородкой, а когда он обеими руками снял шлем и передал оруженосцу, на плечи упали густые смолянисто-черные волосы.

Я пошел навстречу, раскидывая руки в дружелюбном жесте. Он величаво покинул седло, чисто покоролевски неспешно и с достоинством.

Его коня тут же перехватили, рыцари спешивались, Рафнсварт шагнул ко мне, я сказал приветливо:

— Ваше Величество, всегда рад вас видеть!

Норберт поклонился, король Эдвин Рафнсварт выглядит настоящим королем, крупный и сильный, от него распространяется ощущение силы и власти,

а это немаловажно для того, кто намерен удержаться на троне.

Мы обнялись в одно короткое касание, Рафнсварт поглядывает на меня испытующе. В прошлый раз, когда я как бы по дороге заскочил к нему, я держался весело и беспечно, как гуляка праздный. Сейчас он видит перед собой сильного и властного лорда, что правит уверенно и наверняка без оглядки на недовольных.

— Прошу в мой шатер, — пригласил я. — Как вижу, вы прибыли посмотреть на маяк?

Он кивнул.

— Этот маяк близ границ моего королевства, — сказал он озабоченно, — потому пошлю в ваше распоряжение всех рыцарей Бурнандии на смертный бой с угрожающей всем нам напастью.

— Уже можете собирать отряды, — сказал я твердо. — Маркус опустится вот-вот. Мы не знаем точный день, но видим, как он растет в небе.

— Буду присылать, — пообещал он, — по мере формирования. Думаю, через неделю прибудут первые герои, готовые на смертный бой и вечную славу.

— Отлично, — сказал я. Мы вошли в шатер, я указал на кресла, поинтересовался вежливо: — Кстати, как там барон Джильберт?

Он сел, взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Вы его помните, Ваше Величество?..

— Да, — ответил я скромно. — Я же спас его шкуру от разбойников. Он, может, и забудет, но как я могу забыть о своей доблести, благородстве, великодушии, чувству локтя и геройстве...

— Ненадолго, — ответил он мрачно. — В смысле, ненадолго спасли.

Я насторожился.

— Что так? Вы же помиловали?

Он поморщился, кивнул.

— Да. Но когда его отвели в тюрьму и объявили приговор, он начал протестовать, буйнить и требовать соблюдения его прав.

Я вскинул брови, поинтересовался:

— Это каких?

— Именно, — сказал он в раздражении. — Вы не поверите, но даже от его семьи пришло грозное требование не унижать их род оскорбительным помилованием!..

— И вы...

Он пожал плечами.

— А что мне оставалось? Я милостиво пошел на встречу требованиям гордого рода. По их настоянию барон Джильберт Шервин, мятежник, был обезглавлен на городской площади при некотором стечении народа. Многое не было, мятеж начали забывать.

Я сосредоточился, создал две большие чаши с вином.

— Угощайтесь, кузен, с дороги. Жаль, то была такая чистая душа! Надеюсь, их гордый род не прервется?.. Ах да, у него двое малолетних сыновей...

Он взял чашу, хмуро усмехнулся.

— Хрутеры благоразумно женят своих еще в юности. И хотя в их роду мало кто умирает в постели, но род все разрастается, сколько ни руби его ветви.

— К счастью, — сказал я, — сейчас рождаемость по десять-двенадцать детей на семью. Потому преступников экономически целесообразнее просто казнить, а не чикаться с определением степени вины. Другое дело, когда рождаемость упадет до одного-двух на семью...

Он сделал большой глоток, на мгновение прикрыл

глаза от удовольствия, глотнул еще, потом спросил в непонимании:

— До одного-двух на семью? С чего вдруг такое случится?

— Да так, — ответил я уклончиво, — вдруг да произойдет нечто невероятное! Ну, это я провожу умственный эксперимент. Дикую догадку, в смысле.

Он пробурчал:

— Слишком дикую, чтобы даже высказывать вслух. Значит, советуете казнить чаще?.. Я тоже как-то так подумываю, но церковь смотрит косо...

— Да, — сказал я, — казнить. Новые вырастут.

— Тех тоже казнить?

Я уточнил:

— Если преступники. Господь целые города уничтожал, не особенно вдаваясь, кто больше виноват, а кто меньше!.. Вот у кого размах и решительность, которых так недостает нам, постоянно смягчающим требования к человеку!

Он проговорил в нерешительности:

— Когда народ плодится так живо, то в самом деле чего его жалеть... С другой стороны, заповеди... милосердие...

— Заповеди нам даны на вырост, — пояснил я авторитетно. — Когда-нибудь дорастем и до милосердия. Либо по склонностям своей взрослеющей души, либо по чисто экономическим причинам, что, конечно, вероятнее.

Вошел сэр Норберт, с поклоном, подал два экземпляра договора на плотной веленевой бумаге. Все расписано, осталось только поставить подписи.

— Главное, — сказал я, заканчивая разговор о рыцарственном молодом бароне Джильберте, — род... это как бы один человек.

Рафнсварт и даже Норберт взглянули с некоторым удивлением, это же так понятно, род — это все, пока он живет, живут и все предки, давшие ему начало.

Норберт капнул сургучом, мы с Рафнсвартом закрепили свои подписи личными печатями, и тем самым договор вступил в силу именно с этого момента.

Я пожал руку Рафнсварту.

— Ваше Величество, поздравляю. Теперь все силы нашего Содружества в вашем распоряжении. Ни один враг не посмеет напасть на вас! А если посмеет...

Он улыбнулся.

— Ваше Величество, я думаю больше о выгоде взаимной торговли.

— Это несомненно, — подтвердил я и тоже поулыбался, мы же короли, к тому же кузены, все короли — кузены, хотя это и формальное обращение, но все же заставляет чувствовать нечто родственное и требующее приходить друг другу на помощь, когда взбунтовавшаяся чернь всяких там графов и баронов попытается требовать уступок.

Глава 5

Отец Дитрих, как сообщили священники, сейчас в Штайнфурте, но когда я прибыл туда и сразу же помчался в городской собор, там с удивлением сообщили, что великий инквизитор не появлялся. Еще кто-то подсказал насчет замка графа Робера де Флера, видели, как отец Дитрих подъезжал к воротам.

Арбогаст пронес меня через городские районы легко и красиво, замок графа де Флера, как понимаю, тот краеугольный камень, вокруг которого наросли сперва вспомогательные постройки, а затем начали появляться дома ремесленников, торговцев. А даль-

ше пошло по обычному пути, как возникают даже гигантские города, при виде которого потом никогда не подумаешь, что вот такая величественная столица огромного и могущественного государства началась с одинокого замка рыцаря-разбойника.

Рва и вала нет, как и стены вокруг замка, просто окружающие строения как бы почтительно отступили, давая простор и выказывая уважение. Мощное каменное здание высится посреди небольшой площади, где раньше были укрепления, теперь снесенные и засыпанные, все выглядит красиво и строго.

От массивной двери вниз идут две широкие ступеньки, по обе стороны по стражу. Над входом каменная голова ужасающего льва, но время стерло резкие черты, и теперь это просто старый спокойный зверь. Думаю, и сам хозяин этого замка такой же немолодой...

Стражи вытаращили на меня глаза. Я сказал ласково:
— Узнали, соколики?.. Отец Дитрих здесь?

Оба кивнули, один выпалил:

— Да, Ваше Величество!.. Конечно, Ваше Величество!.. Великий инквизитор изволил прибыть в помещение... там, внизу. Позвольте взять вашего коня?

— Да, — ответил я и, соскочив на землю, поднялся по ступенькам, а второй страж распахнул передо мной дверь, но первым вскочил вовнутрь, конечно, Бобик.

Для инквизиции, понятно, требуется помещение, а лучше всего — хорошо оборудованное для проведения следствия. Вся деятельность инквизиции овеяна жуткой славой. Однако инквизиторы, даже в отдельных и достаточно редких случаях прибегая к пыткам, которые называют не иначе, как зверскими, изуверскими и бесчеловечными, тем не менее практически никогда не калечат допрашиваемого. И когда тот выходит из

этих так называемых застенков, он быстро восстанавливает здоровье и ведет обычную жизнь.

Самая стандартная пытка — растягивание на дыбе, что та же самая растяжка для застывших мышц, после нее не бывает дурных последствий. Точно так же от якобы ужасающих прижиганий каленым железом, это прежде всего страшно, так как угли раздувают перед самим допрашиваемым, затем на этих углях накаляют щипцы, крючки, спицы, и только при виде этого зрелища и благодаря нашему богатому воображению мож-но отречься даже от Бога, не то что от заговорщиков.

Все места ожогов заживают, так же как и после бичевания плетью. Бьют по спине, где много мышц и прочего мяса, и все это выглядит страшно. Но я не средневековый инквизитор, я демократ и гуманист, потому своим ребятам из контрразведки велел не заниматься театральными представлениями, и зажимать в тисках не пальцы, а гениталии. Это и в сотни раз больнее, и ужаснее. После средневекового бичевания на спине останутся только едва заметные шрамики, а после того, как по рецепту из будущего несколько раз саданут сапогом по помидорам, — вообще потеряешь возможность делать детей и ложиться с женщинами.

Так что здесь больше театр, а я отцу Дитриху лучше не стану показывать настоящие комнаты для допроса, устроенные по высшим стандартам демократии и базовых либеральных ценностей, иначе придет в ужас от нашего просвещенного гуманизма и терпимости.

В холле навстречу бросился один из старших слуг.

— Простите... Ой, Ваше Величество! Такая честь, такая честь... Я сейчас позову хозяина...

Я остановил его жестом.

— Не стоит. Я гость, но очень спешащий гость.

— Но, Ваше Величество...

— Отец Дитрих сейчас здесь? — спросил я. — Не беспокойтесь, только навещу великого инквизитора и тут же отбуду. А хозяину передайте мое уважение и благодарность за оказанные отцу Дитриху услуги.

Он сказал послушно:

— Да-да, все как скажете, Ваше Величество!.. Позвольте, провожу?

Я огляделся, Бобика уже не видать, кивнул.

— Да, конечно.

На втором этаже в небольшой комнатке молодой слуга подхватился мне навстречу.

— Простите, вы... Ох, Ваше Величество, свет в глаза, я вас не узнал!

— Я есмь свет, — пробормотал я. — Еще какой...

Он посмотрел несколько странно. Я запоздало вспомнил, что так говорил Люцифер, имя которого значит «Светоносный», но лишь развел руками, мол, шутю, а он торопливо забежал вперед и распахнул дверь кабинета.

Отец Дитрих неторопливо пишет длинным белым пером на листе бумаги, время от времени осторожно обмакивая заостренный кончик в массивную чернильницу из темно-зеленого малахита.

Я быстро вошел, поклонился.

— Отец Дитрих...

Он поднял голову, всмотрелся, часто моргая покрасневшими веками.

— Сэр Ричард?

Я подошел быстро и, преклонив колено, поцеловал ему руку.

— Я и здесь вас отыскал, отец Дитрих.

Он коротко перекрестил мою склоненную голову.

— Рад тебя видеть, сын мой. Встань и сядь вон в то

кресло, там светильник ярче, хочу рассмотреть тебя... Ты что-то опять похудел. Работы больше, чем ожидал?

— Намного, — признался я.

— Это всегда так, — утешил он. — То ли еще будет. Какие новости?

— Собираюсь ехать дальше, — сказал я. — Потому заскочил попрощаться. На дорогу, как водится, ваше благословение и уверение, что действую верно, что хоть и дурак, но хороший дурак, наш дурак.

Он коротко усмехнулся.

— Ты не дурак.

— Ой, как хорошо...

— А что часто сомневаешься, — сказал он, — значит, растешь. Дураки всегда во всем уверены и ни в чем не сомневаются.

— Отец Дитрих, — сказал я с раскаянием, — душа моя полна сомнения и смятена весьма, однако же в ней упорно зреет зерно, однажды вброшенное Господом, ибо ничего без его воли не делается в этом мире.

Я размашисто перекрестился, что не обмануло отца Дитриха, его лицо стало серьезным и настороженным. Уже знает, что если демонстрирую такое христианское рвение, то явно подложу какую-то очень крупную, откормленную в долгих размышлениях свинью.

— Поделись своими сомнениями, — проговорил он кротко, тоже не очень-то голосом великого инквизитора. — И что в твоей душе там за такое зерно. Может быть, вовсе не Господь его заронил...

— Я читал Библию, — сообщил я. — Вернее, перечитывал. Мы ведь все ее только перечитываем, верно?

Его лицо не изменилось, а когда увидел, что я вроде бы жду ответа, произнес так же мирно:

— В Библии есть все. И даже, как зорко заметил

еще Тертуллиан, слова, что доставляют столько головной боли Ватикану: «Надлежит быть ересям».

— Ереси, — сказал я, — это ветви могучего дерева. Но, конечно, если выживут, дереву только польза.

Он напомнил, не давая мне, как обычно, увильнуть от острой темы и уйти в красивые разглагольствования, так характерные для размагниченного интеллигента:

— Так в чем твои сомнения, сын мой?

Я вздохнул и сказал:

— Отец Дитрих, все наши законы написаны людьми и для людей. Однако мы видим, что даже животные, такие как наши собаки и кони, демонстрируют верность и преданность, столь ценные в нашем обществе. Потому уже раздаются голоса, что нельзя ради забавы мучить животных.

Он кивнул, но выражение лица оставалось таким же настороженным, когда сказал спокойно:

— В Библии есть прямой запрет.

— Как здорово, — ответил я. — А то помню, что у гуманизма вроде бы оттуда ноги растут. Из Библии, хотя и не хочется признаваться.

— Животных мучить нельзя, — сказал он. — Даже диких. Но тебя не это тревожит, верно?

— Верно, — признался я. — Я трус по натуре, всегда отпрыгиваю от острых тем. В общем, хочу сказать, что законы Божьи писались для людей, а не для эльфов или троллей... во всяком случае о них там ни слова, как нам кажется.

Он вскинул брови.

— Только кажется?

— Мудрость Создателя безгранична, — сказал я благочестиво, — он предвидел этот момент и эти вопросы! Разница только в том, что он нам продиктовал

базовые ценности, а мелочами и надстройками поручил заниматься самим.

Он хмыкнул.

— В общем-то, это верно, хотя и не помню прямого указания в Библии на такие установки.

— В Библии все вкратце, — ответил я. — Где-то, хорошо помню, было сказано, как Творец сказал Адаму: вот я создал прекрасный сад, теперь поручаю его тебе, смотри же не засри его, не разрушь, а расшири на всю землю!

Он усмехнулся, лицо чуть подобрело, я виновато подумал, что сейчас он думает, будто я уже все сказал, а я только просунул под дверь предварительную лемку, что не закрылась.

— В целом, — сказал он с одобрением в голосе и в глазах, — ты толкуешь Библию верно.

— Я вот вспоминаю, — продолжал я благочестиво и широко перекрестился, что снова его насторожило, — все десять заповедей, что получило человечество из рук Моисея... Честно говоря, я на месте Творца дал бы запретов больше. Человек — свинья, ему нужны ежовые рукавицы. Для себядержания, если есть такое слово. А если нет, то пусть будет.

Он сказал мягко:

— Нельзя брать тяжелую ношу в долгий путь. Такие нерасчетливые быстро выдыхаются и, горько сказать, сбрасывают ношу на землю.

— А то и возвращаются, — добавил я.

Он кивнул.

— Вот-вот. Так часто бывает с теми, кто по неопытности берет на себя повышенные обязательства.

— Видел, — признался я. — И таких людей, и даже целые монастыри, где сгоряча и от излишнего усердия

приняли строгие уставы, а потом не выдержали и разбежались.

— Вот видишь...

— Но сейчас, — сказал я, — говорю о самых базовых:

1. Не имей других богов.
2. Не служи другим богам.
3. Не изображай бога.
4. Соблюдай субботу.
5. Уважай родителей.
6. Не убий.
7. Не укради.
8. Не желай дома ближнего.
9. Не желай жены ближнего.
10. Не лжесвидетельствуй.

Он выслушал, кивнул:

— Ты ничего не пропустил, сын мой. Какая заповедь тебя больше всего тревожит? Восьмая или, как всех мужчин, девятая?

Я помотал головой, пропуская мимо ушей ощущенную насмешку в его участливом голосе.

— Я в тягостных думах и размышлениях о судьбах нашей родины пришел к выводу, что все эти заповеди применимы как к людям, так и к эльфам или троллям. В той же степени!..

Он снова вскинул брови, взгляд стал строже.

— Странные выводы.

— Господь ничего не делает для себя, — напомнил я, — только для человека, как сказано в Святой Книге. Но и человеку оставил немало работы как для рук, так и для его души. Он дал нам законы, так сказать, на вырост. В смысле, они позволяют нам интерпретировать их согласно запросам нашего усложняющегося и умнеющего мира.

Он задумался, строгий и серьезный, видит, что говорю очень обдуманно, и вроде бы не дурак, хоть и свой.

— Похоже, сын мой, тебе это пришло в голову не прямо сейчас.

— Отец Дитрих, — вскрикнул я обиженно, — я в самом деле размышлял долго и тягостно!

— Долго, — уточнил он, — это сколько? Минуту? Или целых две?..

— Отец Дитрих!

Он покачал головой.

— Что подтолкнуло тебя на такую мысль?

— Наверное, — сказал я и перекрестился, — сам Господь.

— Не богохульствуй, — сказал он строго. — Господь следит за всеми, но лишь гордыня заставляет думать, что следит и за тобой. Скажи, только ли твое милосердие и человеколюбие, что в таком юном возрасте обычно находится в зародыше, подтолкнуло?.. У многих милосердие вообще не прорастет и до глубокой старости.

Я виновато развел руками.

— Каюсь, отец Дитрих. Вообще-то такие благие побуждения возникали и раньше... ну, когда гномы сковали мне доспехи и меч, или когда эльфы мою драгоценную шкуру спасли. Потом как-то забывалось за суетой суетной жизни и, как бы сказать помягче, личными интересами. Мы хоть и христиане, но все же язычники. Все-таки сперва я, а родина потом. Ну, а всеобщее благо так и вообще где-то за горизонтом.

— Ну-ну, а теперь?

Я тяжело вздохнул, посмотрел ему прямо в глаза.

— Да вот что-то заставляет и про общее благо. Не за бесплатно, правда.

— А-а-а, ну-ну, дальше. Теперь понятнее.

— Гномов, — сказал я деловито, — нужно привлечь в борьбе с Маркусом. Многие из них погибнут, сражаясь с нами плечом к плечу. Если потерпим поражение, то погибнем все, но если победим... справедливо ли только нам рвать яблоки успеха?

Он покачал головой.

— Очень сложный вопрос. Гномы сами по себе народ трудолюбивый, что угодно Господу, но они все язычники...

— Мои Бобик и Зайчик, — возразил я, — тоже ничего не знают о Христе и церкви!.. Но я их люблю и защищаю. Любовь и привязанность не зависят от веры, разве не так?.. Думаю, постепенно и они могут прийти к пониманию Христа. Я имею в виду гномов и эльфов, а не Бобика и Зайчика. А пока что, как я предполагаю, достаточно и того, что они исполняют некоторые заповеди, которые дал людям Творец. Я опять же имею в виду...

Он отмахнулся в некотором раздражении.

— Понял-понял. Ты так часто общается с людьми глупыми?

— А куда деться, — спросил я безнадежным голосом, — если только я один в белом?

— Ну да, — буркнул он, — военные... Так какие заповеди гномы соблюдают?

— К примеру, — сказал я, — уважай родителей, не убий, не укради, не желай дома ближнего... Наверняка у них запрещено и лжесвидетельство.

Он подумал, кивнул.

— Да, это уже основа для серьезного разговора.

— Думаю, — сказал я, — у них работает и насчет не желать жены ближнего, иначе любое племя распадется.

Он подумал, вздохнул.

— Сын мой, ты поднял очень сложные и нелегкие

для понимания и даже для обсуждения вопросы. Скажу сразу, большинство иерархов церкви будут против. Однако скажу тебе одну крамольную вещь, которую нельзя говорить мирянам: реформа церкви не прекращается никогда! Ни-ког-да. И только благодаря реформам и через реформы она остается тем пылающим факелом, что ведет народы через тьму невежества... Прекратятся реформы — погаснет и факел церкви. Но сейчас давай оставим этот вопрос до времен... сам понимаешь каких.

Я сказал с благодарностью:

- Святой отец, не знаю, как и благодарить за такую поддержку!
- Я не поддержал, — отрезал он.
- Но и не отвергли с ходу, — уточнил я. — А это для меня вы не представляете, насколько ценно.

Он протянул руку, я поцеловал и весь исполненный почтения вышел. Не знаю, каким будет мир после Маркуса, но если победим, то увидим мультикультурный, где на улицах городов можно будет встретить эльфов и гномов.

Даже тролли будут, хотя те наверняка предпочтут жить в лесах, а в города наведываться только для торговли.

В большом зале неспешно прохаживается степенный лорд, в котором я сразу узнал хозяина: высокий, дородный, в прошлом явно бывалый боец, сужу по шрамам на лице.

Едва я показался на лестнице, он заторопился на встречу.

- Ваше Величество!
- Лорд де Флер? — спросил я. — Дорогой сэр Робер, я благодарен вам, что достойно встретили отца Дитриха и предоставили ему все условия для работы.

Он воскликнул:

— Он почтил меня своим присутствием, как же иначе?

— Спасибо и от меня, — сказал я. — Будете в Ген-негау — заходите.

Он посмотрел настороженно, но и с надеждой.

— А вы будете?

— Уже скоро, — пообещал я.

Бобик то и дело уносится в стороны, не забывая ревниво держаться впереди копытного, а я укрылся под роскошной гривой и с тоской вспоминал свою идею, теперь уже вижу, что малость преждевременную, насчет Великой Хартии Вольностей.

Больше всего я постарался внедрить ее в Мезине, которую только что нагнул, подавив мяtek против законного правительства, потому проводить реформы легче, но потом пришлось забрать практически всех своих лордов и войска, оставив только Шварцкопфа с довольно большой армией, а когда пришла весть о новой напасти под именем «Мунтвиг», поспешил велел и Шварцкопфу со всем войском спешно идти на границу Скарляндии и Варт Генца на соединение с Меганвэйлом.

Таким образом Мезина осталась без моих войск, а никакая Великая Хартия Вольностей не выживет без поддержки копий и мечей моей армии, когда против все лорды королевства, как и сама королева.

Еще хуже в Сен-Мари, где я заговорил о Хартии уже после снятия военного положения. Все лорды уже опомнились и высказались против. Конечно, я сумел бы их переломить, если бы не пришлось уводить войска из-за этого проклятого Мунтвига. Вот так война подстегивает технический прогресс, но тормозит социальный.

Бобик гавкнул издали, я повернул голову, там вда-

ли небольшой аккуратный домик, большой огород, пара сараев, видны коровы, целое стадо...

— Ну что тебе? — спросил я. — Ладно, заглянем. Вдруг в самом деле твои знакомые.

Немолодой уже мужчина, но крепкий и добротный, умело и с удовольствием раскалывает толстые чурки на аккуратные поленья и складывает в штабель уже внушительной поленницы.

Рубашка на загривке взмокла, как и под мышками, на лице блестят бисеринки пота. Он всмотрелся в нас, воткнул топор в колоду и поклонился с понятной настороженностью в лице.

Бобик подошел и обнюхал, крестьянин побледнел и привстал на цыпочки.

— Бог в помощь, — сказал я благожелательно. — Здесь дров на всю зиму хватит! Хорошо работаешь. Люблю рачительных хозяев.

Он сдержанно улыбнулся.

— Спасибо, мой лорд.

— Большая семья?

— Нет, мой лорд. Только мы с женой и двое детей.

— Тем более похвально, — сказал я. — Напоишь коня?

Он поспешил кивнуть.

— Да, мой лорд. А вы идите в дом, у нас как раз обед поспевает.

— Спасибо, — сказал я.

Я поднялся на крыльце, чем-то пахнуло знакомым, слегка настораживающим, я подобрался и толкнул дверь, готовый и к неожиданностям.

Женщина обернулась от плиты, где жарится, парится, шкварчит и потрескивает, распространяя запахи поджариваемой ветчины, лицо ее испуганно дернулось.

— Ой, я не слыхала, как вы вошли...

Я выдернул меч и направил острие в ее горло.

— Это хорошо.

Она всмотрелась в мое лицо.

— Это вы... тот самый... как вы меня нашли?

— Я не искал, — ответил я. — Случайно. Нет, вру, моя милая собачка тебя учудила.

Она, бледная и вздрагивающая, опустилась на колени и, глядя снизу вверх в мое злое лицо, сказала умоляющее:

— Знаю, вы меня убьете... Но только не при муже!

— Это муж? — спросил я.

— Да, — ответила она. — Убейте, только ничего ему не говорите.

— Почему? — спросил я.

Она прошептала:

— Он ничего не знает!.. Мы с ним с того дня, как ты... как мы...

— Разве я не убил тебя? — спросил я.

— Я живучая, — ответила она тихо. — Долго умирала под камнями, но затем услышала, как кто-то начал их разбирать. Я потеряла сознание, а очнулась уже на телеге. Мужчина бережно закутал меня в свою одежду, а сам мерз в ночи. Потом кормил меня с ложечки и давал воду по одному глотку. Я была очень слаба... меня трудно убить, но и возвращаются ко мне силы очень медленно. Он привез меня в свой дом, перенес на кровать и несколько недель ухаживал, пока не смогла вставать, но и потом ухаживал и оберегал. Сперва я собиралась его съесть, как только у меня хватит сил, а потом...

Я слушал настороженно, острие меча все еще у нее под горлом.

— Говори, — потребовал я. — На этот раз тебе так легко не отделаться. Я разрублю тебя на куски, сожгу, а пепел развею!

— Только ему не говорите, — попросила она умоляюще. — Пусть никогда не узнает, что жил с чудовищем.

— Чей ребенок? — спросил я. — Я слышу детский голос с заднего двора.

— Старший, — прошептала она, — его от прошлой жены, она умерла после родов... А в колыбели — наш.

Я переспрашивал:

— Что? Ты родила от этого мужика?

— Да, — ответила она, глаза ее засияли, я насторожился, но блеск был влажным, я с изумлением увидел слезы. — Это необыкновенно — быть матерью!

— Он монстр? — спросил я.

С острием моего меча у горла она не решилась покачать головой, только наметила это едва заметным движением.

— Нет. Просто ребенок.

Я прорычал:

— Наверняка монстр! Матери всегда врут, защищая.

— Он не чудовище...

— Так потом им станет, — сказал я неумолимо.

Из ее глаз выкатились две крупные прозрачные слезинки.

— Умоляю, не убивай его! Как угодно убей меня, я пальцем не шелохну.

Я медленно убрал меч.

— Ладно. Я должен быть не только справедливым, но и милостивым, как почему-то велел наш Создатель. Уж не знаю, что за блажь на него нашла... Я не стану тебя убивать, как и твоих детей. Но не ради тебя, я милостив не настолько... а ради того, кто поит там коня. Он слишком уж счастлив с тобой! А я не могу вот просто так взять и сделать хорошего человека несчастным.

Она смотрела расширенными глазами, как я бро-

сил меч в ножны. Я не стал подавать ей руку, она поднялась медленно и осторожно, все еще опасаясь внезапного и смертельного удара.

— Ты... ты даруешь нам жизнь?

— Дарую, — отрезал я. — Надо бы прибить... так, на всякий случай, но рискну. Но если узнаю, что ты взялась за старое...

Она вскрикнула:

— Ни за что!.. Я познала куда более высокие радости, что просто убивать. Убивать и зверь может. Я была просто сильнее других зверей. А счастлива я только теперь!

Я кивнул и вышел. Бобик весело гоняет кур, те с громким возмущенным кудахтаньем взлетают, рассаживаясь на плетне, мужик уже напоил арбогастра и с восторгом расчесывает ему гриву.

Услышав мои шаги, обернулся и сказал с восхищением:

— Никогда такого красавца не видел!.. Мой лорд, вы не останетесь пообедать?

— Очень спешу, — объяснил я. — У меня очень строгий господин.

Я вскочил в седло, мужик крикнул:

— А кто у вас господин?

— Господь, — ответил я. — Только Господь.

Глава 6

Вблизи Большого Хребта воздух заметно посвежел, хотя, на мой взгляд, каменная стена должна бы накаляться под жаркими лучами и прогревать воздух вокруг себя, но тут все не так, а разбираясь некогда, вон появилась темная точка в основании Хребта и начинает стремительно расширяться одновременно с надвигающейся на меня каменной громадиной.

Бобик промчался вперед, справа и слева от Тоннеля массивные башни из толстых глыб, камня везде вдоволь, рыцари в стальных доспехах по обе стороны даже не смотрят в сторону осточертевшей дороги, где нескончаемым потоком тянутся нагруженные подводы, телеги, могучие волы тащат огромные фуры, идут торговцы, ведя в поводу навьюченных коней...

Странно, если бы Бобик не ринулся к рыцарям. Я с изумлением увидел, что там никакого переполоха, один сразу же подобрал с земли толстую палку и, сделав вид, что бросает в одну сторону, на миг спрятал за спину, а затем с силой швырнул в другую.

Хитрый Бобик все сообразил, не ринулся по новому следу, а развернулся и помчался в нужную сторону, подхватил у самой земли падающее бревнышко и тут же оказался перед его новым другом.

При моем появлении из башни вышли сразу четверо крупных и в прекрасных доспехах рыцарей. Все почти с меня ростом, на белых плащах красные кресты, опоясаны мечами, на поясах мизерикордии, ибо милосердие — закон для рыцаря Ордена Марешаля.

— Приветствую, братья, — сказал я. — Меня зовут брат Ричард.

Один сказал учтиво:

— Мы знаем тебя, брат.

Второй добавил:

— И знаем, как ты много сделал для того, чтобы Орден Марешаля снова вышел на свет божий.

— Во всех наших храмах, — сказал третий, — отслужили в первый же день по благодарственной мессе в твою честь.

— Во славу Господа, — сказал я с неловкостью. — Я только выполнял его волю.

— Во славу Господа, — ответили они вразнобой, но

одинаково благочестиво перекрестили кто грудь, кто лоб. — С победным возвращением, брат.

— Уже знаете? — спросил я с недоверием.

— Слухами земля полнится, — ответил первый уклончиво.

— Мы всего лишь, — добавил второй, — лучше других умеем слушать.

— Хорошее умение, — признал я. — Мне бы такое.

Они сдержанно улыбнулись, первый сказал учтиво:

— Оно твое, брат, ибо мы все рыцаря одного Ордена.

— Я счастлив, — сказал я, — что Тоннель в руках маршальцев. И хотя я сохраняю возможность обрушить его в случае крайней опасности, но куда лучше охрана, что не пропустит к нам вражеские полчища, зато обеспечивает, как вижу, бесперебойный поток люда в обе стороны, что так важно для прогресса.

Старший сказал медленно:

— Мне приказано охранять Тоннель. Меня зовут брат Отто, я — граф Шварцбург-Рудольштадт из рода Кенисбергов. Однако, брат...

Голос его показался мне малость смущенным, я спросил настороженно:

— Что-то стряслось?

Он покачал головой и взглянул мне прямо в глаза.

— Нет, брат, ничего. Просто сообщаю решение Совета Магистров, что служит миру и порядку. Ввиду стратегической важности Тоннеля разрешено перевозить через него любые грузы, кроме оружия. А также приветствуется передвижение всех людей, без различия, к какому роду племени и королевству они принадлежат. Это служит божьему плану перемешивания всех людей в один народ, ибо он и был единственным во времена Адама и Евы.

— А также, — добавил второй, — невзирая на их сословия и не делая между ними различий!

— Здорово, — сказал я искренне. — Как жаль, что законы Ордена не рулят всем миром и всеми королевствами.

Брат Отто кивнул, лицо становилось все смущеннее, наконец он вздохнул, посмотрел на меня чисто и честно.

— Брат Клаур говорит верно. Разрешено всем, кроме... войск.

Я уставился на него в изумлении, даже арбогастр насторожил уши и пытался обнюхать рыцаря Ордена, но тот отпрянул.

— Это, — проговорил я, — что, распоряжение Совета Ордена?

— Совета Магистров, — уточнил брат Клаур. — Сожалею, брат Ричард.

Я сказал в недоумении:

— Но как тогда я введу армию в Сен-Мари?

Он вздохнул и снова посмотрел на меня чистыми честными глазами человека, абсолютно уверенного в справедливости своей позиции.

— Боюсь, брат, это невозможно. Войска не пропустим ни в одну сторону, ни в другую. Только мирные грузы, только мирные люди. Все войны — зло. Войнами не выстроить Великое Арндское королевство.

Я помолчал, подбирая слова, но ничего не идет в голову, напротив, вылетело и то, что было.

— Войны зло, — пробормотал я в затруднении, — но что делать, если другая сторона не хочет жить мирно?.. А принудить молитвой... вы уверены, что это возможно?

— Все возможно, — ответил он учиво, но твер-

до. — Мир стал лучше, а нравы мягче с той поры, как пришел Иисус и отменил все человеческие жертвы!

— Хорошо бы ускорить эти изменения, — сказал я. — Все-таки Иисус когда был... А справедливыми освободительными войнами можно решить быстрее.

— Гражданская война, — сказал он, — для победителей и побежденных одинаково гибельна. И вообще, самое большое зло — победа в гражданской войне.

— Это не гражданская, — напомнил я. — Армия идет с севера.

— Все войны, — заметил он, — гражданские, если они между людьми.

— Что делать, — сказал я, — если хотим пользоваться миром, приходится сражаться.

— Дело воина, — заметил он, — стремиться в бой, дело командира — не торопиться. Ты в самом деле командир, брат?

Я перекрестился и сказал благочестиво:

— Блаженный Августин изрек: «Заповедь «Не убий» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от Бога».

— Покажите эти полномочия, — сказал он. — Брат, могу сказать, что очень редко войну ведут по заранее определенному плану. Чаще война сама выбирает пути и средства... а те чаще всего нам очень не нравятся, но что-то исправить уже поздно.

— И все же мир создается войной, — сказал я, — а во время войны законы молчат.

— Но не устав, — ответил он с достоинством. — Устав создавался веками. Тебе кажется чересчур миролюбивым?

— Все войны начинаются из-за избытка миролюбия, — ответил я уклончиво, — а добро все-таки лучше побеждает на расстоянии выстрела из лука. Еще

лучше — из арбалета. Брат Отто, вы мудрый и ученый человек, я искренне сожалею, что такой человек вынужден носить меч, а не преподавать в университете. Я предпочел бы встретить на посту охраняющего Тоннель человека попроще.

Он скромно улыбнулся

— И надеялись бы его переубедить? Увы, устав для всех устав. Ученый и неученый повинуются ему одинаково. Сожалею, брат, но мы не пропустим войска. А Тоннель так выстроен, что защищать его нетрудно даже от самой обученной армии. Да, мы слыхали, вы можете его обрушить... Но тогда уже никто не пройдет. Даже мирные люди.

Я вздохнул, развел руками.

— Ладно, но одного меня пропустите?

Он кивнул, на лице ясно проступило облегчение.

— Разумеется, брат. Один человек — не армия.

— Хорошо, — сказал я. — Только вернусь к приближающейся армии и сообщу, чтобы вернулись в свои лагеря.

Он поклонился, я развернул арбогастра и пустил его в обратную сторону.

Бобик по дороге задавил такого здоровенного кабяняру, что захекался тащить и чуть ли не впервые позорно отстал от арбогастра. А тот увидел большой отряд со знакомым всадником во главе, добавил скорости.

Норберт остановил коня, но не успел я покинуть седло, как прибежал Бобик и сунул ему кабана. Норберт даже не пытался взять этого монстра, а только сделал вид, что принимает, и кабан бухнулся на землю, вызвав небольшое сотрясение почвы.

— Молодец, — сказал Норберт, — умница! Хорошая собачка, хорошая...

Обрадованный Бобик встал обеими лапами на спину дрожащего в ужасе коня, лизнул всадника в щеку и, отойдя на пару шагов, грохнулся на землю, тяжело дыша и высунув язык.

Норберт посмотрел на меня с недоумением, я высвободил одну ногу из стремени, но так и остановился в задумчивости.

— Ваше Величество, — проговорил Норберт, — вы как-то вроде бы не с той стороны... Потеряли дорогу? Голова закружилась?

Я ответил с показной беспечностью:

— Уже побывал, все увидел, ничего интересного.

— И как там в Геннегау? — полюбопытствовал он. — Нас еще помнят? Вы кого-нибудь уже успели... обидеть?

Я покачал головой.

— Имеете в виду, конечно, женщин? Увы, до Геннегау не добрался, Тоннель закрыт. Спешу предупредить вас с Альбрехтом, что диспозиция меняется.

Он охнулся.

— Как... закрыт?

— Тоннель охраняют рыцари Ордена Марешаля, — пояснил я. — А им устав, видите ли, запрещает пропускать воинские части хоть в одну сторону, хоть в другую.

Он проговорил с нажимом:

— Они смеют не пропускать даже вас?

— Прекраснодушные дураки! — сказал я. — Подчиняются только Господу, так у них в уставе. Да еще великому магистру.

Он пробормотал:

— Не подчиниться Ричарду... это почти святотатство. Или это я вас уже обожествляю, как дикие язычники своих царей?

— Я не хочу с марешальцами ссориться, — объяс-

нил я, — хотя в будущем хорошо бы их устав подкорректировать в сторону большей реальности.

— Это какой?

— Правильной, — пояснил я. — Как вижу ее я.

Он спросил с тревогой:

— Но что теперь?

— Армию не пропустят, — пояснил я, — но если спрячете оружие и доспехи под плащами, кто помешает вам с графом Альбрехтом проехать среди прочих торговцев, купцов и караванщиков?

Он поморщился.

— Тогда не помешает мне взять с собой побольше верных людей... тоже под видом караванщиков. Это не поможет, даже если вот так переведу на ту сторону сотню-другую. Армию не спрячешь. Ваше Величество, вы что, только предупредить?

— А что делать? — огрызнулся я. — Все ускорилось, барон. Многое нужно успеть, времени в обрез, а быстрее меня никто не носится. Вообще-то мне самому начинает казаться, что с армией я поторопился. Это слишком лобовое решение или я теряю хватку?

Он ответил сдержанно:

— Очень надеюсь, что не так.

— В общем, — сказал я, — жду вас с Альбрехтом в ставке рейнграфа. Он, как понимаю, по-прежнему охраняет побережье на случай повторной высадки пиратов.

— А где именно его ставка?

Я пожал плечами.

— Кто знает? Скорее всего, на главном направлении.

— А какое главное?

— Откуда пираты могли бы, высадившись, сразу пойти на Геннегау. По прямой.

— Понятно, — сказал Норберт. Глаза его бодро засияли. — Все сделаем, Ваше Величество, как вы

и сказали. Должен сказать, вы хватку не теряете, это точно. Я сумею и сам пройти, и с собой провести хотя бы сотню лучших из лучших.

— Не рискуйте, — сказал я строго. — Нам не нужно задираться еще и с Орденом. Это наши надежные союзники.

Он поинтересовался на всякий случай:

— А вы не с нами?

— Увы, — ответил я. — Хотя хотелось бы.

— Ваше Величество?

— Съезжу в Сен-Мари, — объяснил я, — и попытаюсь узнать, что там в Гандерсгейме.

Он сказал быстро:

— В основном там вестготские лорды, которых вы оставили с воинскими подразделениями в десять тысяч человек.

— Вы и это знаете? — сказал я с удовлетворением. — Хорошо, я могу их вывести оттуда и внезапным ударом захватить Геннегау.

— Геннегау без ворот, — напомнил он. — Захватить его легко, защищать трудно.

— Армии стальграфа и рейнграфа, — сказал я, — всегда наготове. Как только Вирланд снимет войска, что перекрывают им все выходы, и пошлет на освобождение Геннегау, они ударят ему в спину.

Он подумал, покрутил головой.

— Надеетесь управиться теми силами, что в Сен-Мари? Хорошо бы, но довольно рискованно.

— У кого совсем нет козырей, — сказал я бодро, — тот блефует. Мне это иногда удавалось.

Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Вам это удавалось всегда. Но не спугните счастье. Блеф — это крайняя мера. И когда-то удача вам изменит.

Я вскинул было руку в прощании, затем в радостном озарении хлопнул себя по лбу.

— Барон! Возьмите с собой через Тоннель знамена разных частей нашей Познавшей Радость Побед. Провезите тайно среди тюков товара, а на той стороне установите где-нибудь на опушке леса, но так, чтобы местные видели. Дескать, огромная армия грозного Ричарда, что явился для беспощадного возмездия, уже идет через Тоннель и накапливается в лесах для свирепого и кровопролитного удара.

Он посмотрел в удивлении, но тут же лицо посветлело, а глаза радостно заблестели.

— Сэр Ричард, это... великолепно!..

— Знаю, — согласился я со скромностью, — я весь такой. Может быть, даже назовусь Ричардом Великолепным! У меня такой выбор кличек, такой выбор...

— Местные, — сказал он, — сразу разнесут, что половина нашей армии уже прошла на эту сторону! Вы же знаете, как слухи растут, обрастают. Скоро все королевство будет знать, что наша армия накапливает силы, поджидает обозы, после чего двинется на Ген-негау и все предаст огню и мечу.

— И все предаст огню и мечу, — повторил я. — Верно, будем всячески поддерживать этот слух.

Он сказал бодро:

— Чем больше паника, тем выше наши шансы.

— Только никого из чужаков не подпускайте близко!

— Как можно, — ответил он. — Никто ничего не заподозрит, Ваше Величество!..

— Барон, я на вас рассчитываю.

Он заверил:

— Мои люди будут и потом подходить мелкими группами, маскируясь под торговые караваны. Так что видимость будем не только поддерживать, но и расширять.

— Где сейчас Альбрехт?

— Идет с тяжелой конницей, — сообщил он. — Вообще-то не так уж и далеко от нас отстал, но их кони устанут быстрее. Сейчас, наверное, уже собираются на привал...

Я подумал, махнул рукой.

— Ладно, полчаса — не время. Дам еще и ему ценные указания.

Он покачал головой.

— Вы король, Ваше Величество. Ваше ли дело вот так носиться?

— Переходной период, — объяснил я с досадой. — Ничего, все наладим, сяду на трон, напьюсь, передо мной баядерки всякие плясать будут... Эх!

Бобик подхватился, ринулся с такой скоростью, что вскоре исчез, оставив быстро тающее облачко пыли на дороге. Я вскинул руку в прощании, и арбогастр пошел ускоряющимся галопом, стараясь догнать обнаглевшую собаку с неспортивными замашками.

Сердце забилось радостнее, вдали возникла и начала стремительно приближаться праздничная колонна красиво и пышно одетых в разные чистые цвета рыцарей, а во главе, самый франтоватый из них, граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля.

Даже конь под ним от сultанчика из перьев между ушами и до копыт разукрашен, словно собрался на праздник. Остальные разодеты не менее ярко, но граф еще и ухитряется держаться франтом, который даже в самом жестоком бою умеет не запачкаться, разве что получит пару засечек на панцире.

Бобик уже прыгает вокруг него, распугивая остальных коней, выказывает дружбу, арбогастр перешел на простой галоп — рысь и наконец остановился.

Я вскинул руку, рыцари по жесту Альбрехта придержали коней, а сам он на рысях примчался ко мне.

— Ваше Величество?

— Обстоятельства меняются, — сказал я. — Рыцари Ордена не пропускают через Тоннель, но задираться с ними не будем. Вы проберитесь на ту сторону, прикинувшись торговцем, у вас и вид такой... да и вообще что-то в вашем благородном облике есть эдакое хитроватое, будто вы жулик из жуликов. Если сумеете, замаскируйте несколько своих лучших героев, их тоже на ту сторону. А все армию храмовники не пропустят.

Он слушал внимательно и встревоженно.

— А вы, Ваше Величество?

Я скривился.

— Тоже пройду на ту сторону, иначе мы все делаем зря. Наше дело правое. Даже не просто правое, а как бы совсем абсолютно правое! В Сен-Мари мятеж против законо избранного короля, это нелегитимно и очень опасно. Нельзя позволять всяkim там свергать королей. Результаты выборов должны быть обязательными для всех, а кто против демократии — того на виселицу!

Он поморщился.

— Ваше Величество...

— Не вашевеличествуйте, граф, — оборвал я. — Я па-анимаю, с какой вы это интонацией! Думаете, о своей шкуре забочусь?.. Конечно, о своей. А заодно и о мировом порядке, примате законности и соблюдении демократичных основ и прав. Разве на всеобщих, равных и демократически прозрачных выборах в Сен-Мари слово и право голоса не были в соответствии с демократическими принципами предоставлены каждому человеку, начиная от герцогов и вплоть до баронов?

— Было, — согласился он, — но сейчас стоит ли возвращаться к той системе?

— Для начала, — ответил я мрачно. — Для начала, граф. На той стороне Хребта я поспешу в Гандерсгейм. Там наши войска. Пусть их немного, но все же... И, главное, подумываю отыскать адмирала Ордоньеса, он не мог уплыть далеко, а у него на корабле король Кейдан.

Он расширил глаза.

— А Кейдан... зачем?

— Надо использовать, — объяснил я. — Победу можно получить в долгой и кровавой резне, а можно и пройти фуксом. Если объявить в Сен-Мари, что мы явились возвращать трон законно избранному правителью, которого, все знают, ненавижу, моя репутация упадет или подпрыгнет?

Он поморщился.

— Понятно, подпрыгнет, но стоит ли восстанавливать на троне осточертившего Кейдана?

— А репутация? — повторил я.

Он буркнул:

— Не представляю, зачем это в долгой перспективе.

— А зря, — сказал я наставительно, — вы знаете, как часто идиоты твердят фразу: «Я ненавижу ваши убеждения, но готов отдать жизнь, чтобы вы могли их высказывать свободно». Даже не представляете, сколько на свете тупоголовых!

Он посмотрел с великим удивлением:

— Чё, правда?

— А вы сами с дураками не сталкиваетесь на каждом шагу?

— Нет, — сказал он, — я о фразе. Что, в самом деле есть такие, что готовы отдать жизнь...

Я отмахнулся.

— Нет, конечно! Зато звучит как красиво. И чем человек глупее, тем чаще повторяет. И напыщеннее. А так как дураками мир заполнен, то надо делать вид,

что и сам такой, живешь их заботами, радостями, ча-
яниями, любишь пиво и ходишь на футбол... в смыс-
ле, на турнирные бои... К тому же дураками управлять
легко, нужно только почаше говорить им, что они
свободные и демократичные, живут своим умом... ха-
ха, у муравья ум помасштабнее!.. А мы, короли, лишь
выполняем их желания. И можно запрягать этих осто-
лопов, как хотим.

Он вздохнул.

— Да понимаю, что когда вроде добровольно, то
работают лучше, чем когда из-под палки. Но все-таки
вторгаться в Сен-Мари под лозунгом восстановления
на троне...

— ...демократии и общечеловеческих принципов, —
подсказал я. — В лице его величества короля Кейдана!

Он сказал безнадежным голосом:

— Это Кейдан демократ и этот, как его...

Я отмахнулся.

— Граф, а наша пропаганда на что? Народ поверит
во что угодно, он дурак, если все подадим правильно.

Он покачал головой, сказал совсем тускло:

— А Кейдану хоть скажем?

— Что идем восстанавливать его на престоле? —
спросил я. — А нужно ли?.. Пусть себе остается там,
где и прячется.

— Ну да, — пробормотал он, — что заслужил, то
и получил. Хотя, понимаю, под такое знамя на вашу
сторону сразу встанут все сторонники Кейдана.

— Это же хорошо!

— А как с ними?

— После победы? — спросил я деловито. — Пола-
гаю, большая часть погибнет в процессе восстанов-
ления демократических основ и восстановления ле-
гитимности. Остальных объявили врагами народа или
шпионами, это по выбору, и вышлем...

— Куда?

Я подумал, сказал с неуверенностью:

— Например, на острова... Австралию уже открыли?

— Какую еще Австралию?

— Понятно, — сказал я, — ничего, у нас такой флот, все откроем, потом хрен закроешь. Главное, агентов влияния выявить вовремя и обезвредить. Мелких тихо и бесшумно в темных подворотнях, крупных — со скандалом и разоблачениями. Мы строим демократичное и правовое государство, у нас все будет прозрачно и как бы доступно!..

Он пробормотал:

— Это если Кейдан еще жив...

Я подумал, кивнул.

— Да, конечно. Некоторые мои противники исчезают как-то тихо, даже и не поймешь, погибли где-то или затаились, тот же Хоффман исчез без следа... Но Кейдан, думаю, так просто не исчезнет.

— Слишком крупная фигура?

— Не слишком, но короли так просто не исчезают. Потому лучше мы его используем в своих интересах, чем кто-то против нас. В общем, граф, вы поняли все, по хитрым и блудливым глазкам вижу. Потому... встретимся на той стороне Хребта. Вас там будут ждать люди Норберта.

Глава 7

«Что-то уже перебор, — мелькнуло у меня, — ношусь, как мартовский заяц, а гонцы на что. Но, с другой стороны, я вот так выигрываю даже не часы, а ценные дни и недели».

Брата Отто, который граф Шварцбург-Рудольштадт

из рода Кенисбергов, не видно, но среди рыцарей я заметил брата Клаура, этот по неспешности движений, исполненного достоинству облику и внимательному взгляду тянет на герцога, но герцогов, насколько знаю, в Ордене пока только трое: Готфрид, Ульрих и некий герцог Зальм-Райнграфенштайн, но тот возрождает отделения Ордена в северных королевствах.

Я издали поприветствовал рыцарей взмахом руки, Бобик ринулся выискивать тех, кто будет бросать ему до позднего вечера бревнышко, а я поймал взглядом лицо брата Клаура.

— Не слишком рутинная работа?

— Всякая работа в радость, — ответил он с достоинством, — если идет на пользу людям и человекам.

— И все-таки жаль, — сказал я, — что не можете пропустить меня с армией. Это излишнее рвение.

Он сказал почтительно:

— Брат Ричард, мы все знаем, как много вы сделали для нашего Ордена. Знаем и то, что благодаря вам удалось вывести его на свет божий.

Я перекрестился.

— Все в руке Господа.

Он кивнул.

— Да, конечно. Однако устав есть устав. Даже Господь Бог не смог бы изменить, если бы захотел даже. Да мы бы ему и не позволили...

— Если бы Господь жил на земле, — пробормотал я, — Ему бы не поздоровилось.

— Брат Ричард?

Подошел еще рыцарь, крупный, в дорогих доспехах, кивнул мне, приветствуя, и сказал примирительно:

— Брат Ричард, меня зовут брат Ральф, я барон Эттинг Гогенцоллерн-Зигмаринген. Спешу уточнить, вам никто не мешает ездить через Тоннель, хотя вы и при

оружии. Только держитесь правой стороны. Этот самобеглый паровоз так быстро не остановишь, а под левой стеной набросано всякого хлама, никак не уберем.

Брат Клаур поколебался, но зыркнул на сэра Эттинга и сказал нехотя:

— Да, один человек — не армия, хотя мы вообще знаем, что если речь о вас, то... вы стоите целой армии. Вы, как и упомянул брат Ральф, свободны ездить через Тоннель в любую сторону и провозить с собой личное оружие, но, уж простите, ваше войско мы пропустить не имеем права.

Я кивнул.

— Спасибо за точное следование правилам.

Они с недоумением смотрели вслед, а я подумал, что если следовать не букве закона, а духу, то обязаны были не пустить, сами же сказали, что я — армия, но сделали вид, что строго следуют правилу, и потому мы сейчас втроем мчимся по Тоннелю, справа и слева рельсы, если появится паровоз, успеем отскочить к правой стене, там струится живой поток торговцев, ремесленников, охотников за поживой...

Впереди блеснул, засиял и распахнулся яркий свет. Мы выметнулись в солнечный мир, справа и слева от дороги массивные башни с узкими бойницами в виде крестов для стрельбы из луков и арбалетов, ибо для луков достаточно вертикальных. Внизу не то вымощено камнем, не то убран тонкий слой земли до гранитной плиты, что при разломе чуть разошлась и снова столкнулась с такой мощью, что выдавила наверх то, что называем Большим Хребтом.

Стражи с этой стороны не успели охнуть, как я пронесся с заготовленной радостной улыбкой и приветственно вскинутой дланью, как же, нате, я вернулся, щасте ваше.

Арбогастр, умница, все понимает, останавливаться не стал, только свернул в сторону Гандерсгейма и понесся, наращивая скорость, а впереди мчится Бобик и радостно оглядывается: ага, я угадал, я все понял, я умница!

Вдали показались высокие башни крепости Брандта, я успел увидеть на дороге цветное пятнышко, торопливо придержал арбогастра, тот уперся в землю и пропахал четыре глубокие и длинные канавы.

Цветное пятнышко распалось на десяток ярко разодетых молодых дворян, одежда явно не маскировочная, хотя едут с охоты, к седлам приторочены крупные птицы.

Я выловил взглядом знакомое лицо, видел этого сен-маринского лорда при дворце в Геннегау, не самый крупный из вельмож, но пару раз появился при дворе, а с моей памятью этого достаточно.

Издали широко улыбнувшись, я подъехал ближе, они тоже придержали коней, на всякий случай окружив своего лорда полукругом, еще не признав меня издали.

— Приветствую, — сказал я и широко улыбнулся. — Рад вас видеть, барон Карберидж.

Барон замедленно поклонился и ответил с предельной осторожностью:

— Приветствуем вас, ваша светлость...

Я небрежно отмахнулся.

— Уже мое величество. Я король таких земель, где может поместиться четыре Сен-Мари!.. Не знаю, насколько вы, сэр Бенедикт, рады моему возвращению, но я безумно счастлив войти в Сен-Мари со своей северной армией, разгромившей Мунтвига и подмявшей под себя весь север.

За его спиной начали переговариваться, не спуская с меня настороженно-удивленных взглядов.

Барон спросил невольно:

— Мунтвиг... потерпел поражение?

— Не ожидали? — спросил я.

Он ответил с неуверенностью:

— Ну почему же... однако так быстро...

— Я вообще быстрый, — сообщил я. — В военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть. Война вообще требует быстроты. Когда скользишь по тонкому льду, все спасение в быстроте! Я успел, Мунтвиг — нет.

Он сказал с той же неуверенностью, когда сказать нечего, но что-то сказать надо:

— Да, это теперь видим...

— Мунтвиг уничтожен, — сообщил я гордо. — Теперь я — Мунтвиг. И Карл, если такого еще помните. В том смысле, что у меня армия втрое больше, чем были у них... И сейчас эта победоносная и алчущая крови и новых побед орда проходит через Тоннель и готовится превратить Сен-Мари в руины!

Его рыцари быстро бледнели, кто-то крестился, кто-то шептал молитвы, а сам сэр Бенедикт сказал в ужасе:

— Но Тоннель... братья Ордена обещали никого не пропускать!

Я надменно усмехнулся.

— Меня? Сына верховного магистра Готфрида?.. Который и вывел Орден из подполья?.. Вы шутите, барон. Уже скоро, скоро запылают ваши города, а дикие орды севера, эти косматые огромные дикари, будут убивать мужчин и насиливать женщин. В королевстве проклянут день и час, когда поддались на лживые уговоры сбросить законно избранную власть и передать трон Вирланду... Наслаждайтесь последними днями вашей жизни, барон!

Я захотел, повернул арбогастра, шепнув ему, чтобы пошел почти максимально быстро, успел пригнуться, вцепившись в ремни, и меня едва не выбросило из седла, когда через мгновение на месте черного коня взвилась пыль, а сам он вместе со всадником и черным пском исчез, даже грохот копыт тут же оборвался.

Однако как только они исчезли из виду, я придержал арбогастра, сейчас нужно сеять страх и ужас, наращивая психологическое преимущество.

Бобик, как будто все поняв, резко свернул от дороги. Там в сотне шагов большой шатер, три костра, группа воинов расположились и поджаривают хлеб, судя по ароматному запаху.

Оседланные и готовые к скачке кони у столба с крючьями, что значит стационарный конный разъезд готовых выпустить в разные стороны быстрых гонцов.

Мы подлетели на большой скорости, арбогастр резко остановился по моей команде, я крикнул во весь голос:

— Ну что, орлы?.. Припоминаете своего лорда?

От костра вскакивали в панике, но узнавали меня и опускали оружие, один наконец проговорил в удивлении:

— Ваша светлость... сэр Ричард?

Я сказал зловеще:

— Бери выше, дружище. Я уже король. И моя огромная армия, разгромившая Мунтвига... здесь о нем хоть кто-то слышал?.. сейчас неудержимым стальным потоком вливается через Тоннель в Сен-Мари... Вот теперь я залью кровью все королевство! Не оставлю ни одного в живых, кто посмел встретить мое величество с оружием в руках!.. Гнев мой страшен, а месть будет такой, что и в аду содрогнется!

Я улыбнулся ему и остальным зловеще, уже умею, хватило полчаса репетиций перед зеркалом, огромный черный арбогастр поднялся на дыбы и замолотил по воздуху копытами, которыми бы только скалы дробить, а Бобик, напоминая, что он вообще-то был известен как Адский Пес, растянул чудовищную пасть во всю ширь, показывая острейшие зубы, что в единый мах раздробят берцовую кость дракона, блеснул страшными багровыми глазами.

Мы с пугающей всех скоростью исчезли, даже пыль не успела подняться от копыт, только спустя минуты тут упадут с неба тяжелые комья земли, выброшенные копытами арбогастра.

— Хорошо, — прошептал я. — У страха глаза велики... Представляю, что еще добавят, как разукрасят и что за апокалипсис начнется...

Промелькнули далекие башни Брабанта, на миг возникла и пропала за спиной непостижимо высокая и толстая крепостная стена, что перекрывает узкую горловину в роскошные зеленые земли герцогства, а дальше перед нами распахивается и мчится навстречу ярко-зеленая степь.

Арбогастр и Бобик все ускоряют бег, сочная трава под конскими копытами превратилась в смазанное полотно зеленого цвета, потом начало прерываться серыми и желтыми, что значит, пошли уже и глинистые пустоши, а затем и песчаные.

Глава 8

Бобик, вот же чувствительная зверюшка, взял в сторону, там торчат оскаленные камни, все больше и больше, пока не превратились в скалы, а потом точно так же пошли на убыль.

Мы с арбогастром остановились возле, а он с ожиданием посмотрел на меня и помахал хвостом.

— Ну ты и морда, — сказал я пораженно. — Или я говорил?.. Или очень громко думал?

Он снова помахал хвостом. Прямо перед ним расщелина, вроде бы знакомая, здесь спускался как-то. И сейчас соскочил с седла на твердую скалистую землю, быстро скользнул вниз между блестящими плитами, сверкающими свежим расколом.

Дальше пошло шире, вправо, влево, наконец я решил, что пробрался в глубины достаточно, набрал в грудь воздуха и заорал:

— Атарк!.. Атарк!.. Появись, это я, твой кунак!

Из темноты прогудел настолько низкий бас, что буквально на грани слышимости, а если еще чуть, вовсе перейдет в инфразвук:

— Стой там и не двигайся.

— Не двигаюсь, — заверил я.

— Шевельнешься, — продолжил голос, — и пикнуть не пикнешь... Ты чего здесь?

— Мне нужен Атарк, — ответил я.

— Зачем?

— Нужен, — ответил я как можно убедительнее, даже подпустил в голос таинственности.

Однако гномы народ недоверчивый и даже подозрительный, в голосе незнакомца только и добавилось злобности:

— Зачем тебе Атарк?

Я улыбнулся как можно шире и доброжелательнее, пусть думает, что я его не вижу, тепловое зрение показывает, что из-за обломка скалы выглядывает толстый бородатый гномище.

— Атарк, — прокричал я, — мой кум и кунак, поняло? Мы с ним друг у друга в долгу, никак не вы-

рвемся и уже не помним, кто кому должен. И сколько. И куда. А что, его сместили с высокой должности?

Из темноты медленно выдвинулся могучий гном. Настолько мощно сложенный и приземистый, что по перек себя шире, рыжая борода цвета железной руды лопатой до пузы, волосы из-под железной шапки ложатся на плечи и спину.

Я не стал ждать нового вопроса, сказал дружелюбно:

— Приветствуя могучего героя. Вижу, ты не зря поставлен бдить рубежи. Мимо тебя никакой зверь не пробежит!

Он буркнул с прежним подозрением, совершенно не реагируя на мою лесть:

— Атарк поднялся еще выше. Потому и не придет на зов всего лишь человека.

— А Урант? — спросил я.

Он всмотрелся в меня маленькими колючими глазами.

— Ты знаешь и Уранта?

— Еще бы, — ответил я бодро. — Сколько мы с ним выпили... Даже и не помню на трезвую голову, я с ним аменгер или не аменгер?.. Может быть, леви-ратист? Или, не дай бог, сороратник или сокумбрик?..

— Уранта тоже нет, — сообщил он. — Далеко и занят. Чего тебе, существо?.. Я все передам.

— Нет уж, — возразил я. — Буду разговаривать только с ними.

Он хмыкнул.

— Ну тогда жди хоть сто лет.

Когда повернулся и пошел в темноту, я крикнул:

— Как скажешь! Только передай им, что приходил сэр Ричард, король и друг гномов, можно сказать — родня, они знают. Хотел с ними переговорить о важном, однако ты, морда немытая, помешал!

Я сам повернулся и пошел в сторону выхода, вскоре за спиной гулко затопало, будто не гном догоняет, а огр.

— Погоди, — послышался почти виноватый голос, — мы о каком-то Ричарде слышали. У нас новостей мало, всякую ерунду помним.

Я ответил, не оборачиваясь:

— Вот так и скажи, что не дал им поговорить с такой ерундой.

— Ладно, — крикнул он, сдаваясь. — Сейчас позову. Только не Атарка, а Ладлема. Он старший в этих землях.

Я бросил через плечо:

— Не врешь, существо?

— Клянусь, — ответил он. — Своим молотом!

— Зови, — ответил я снисходительно. — Хотя кто знает, что у тебя за молот.

Ждать пришлось недолго, послышались шаги, из темноты вышел похожий на бочку гном. Только бочка стройнее, а этот еще шире того, кто продолжает рассматривать меня колючими глазами, однако под стальной кольчугой не сало, а тугие мышцы, видно издали. Борода лопатой закрывает грудь и опускается до середины выступающего брюха, ног не видно под кожаным фартуком.

Я уж было усомнился, в самом ли деле вождь, если своими ручками работает в кузнице, потом вспомнил, что все гномы — протестанты, для них работа в радость и служение их богу.

За ним показались еще четверо гномов, все относятся к первому с явной уважительностью, хотя у гномов еще нет особого почитания вождей, вполне демократическое первобытно-общинное общество.

— У меня два дела, — сказал я с ходу и весьма на-

пористо. — Начнем с главного: Атарк взялся сделать мне молот... Даже не сделать, а восстановить. Вернее, уже Урант взялся. Ну, у меня не простой был молот, и создавали его не нынешние шмакодявики, а те великие и легендарные гномы, которые!.. Все поняли?

Ладлем пробормотал:

— Молот Древних Королей?

— Да, — отрезал я веско. — Хде он? Все сроки прошли!.. Это не весьма, вы же не эльфы какие, чтобы не уметь?.. Вы же хоть и эти самые, но потомки тех самых, что умели и могли?.. Разве в ваших жилах не кровь вашего великого рода? В общем, гоните мой молот, я за него заплатил авансом, так что дело теперь за вами. Честно говоря, моя мощь такова, что и без молота могу снести с лица земли башню, но там затраты выше крыши...

Ладлем спросил настороженно:

— А молот?

— Его бросай сколько угодно, — объяснил я, — пока плечо не заноет. И всегда в нем есть сила.

Они довольно переглянулись. Ладлем кивнул в темноту, там зашуршало, затем донесся тяжелый топот убегающих ног.

— А теперь о мелочи, — сказал я, — раз уж я все равно здесь. Надо спасти мир. Это ясно и просто, вы же деловой народ, не эльфы какие-то пустоголовые?.. Предложение могу вкратце, а могу и обстоятельно, но тогда нужен стол и кружки. Лучше пустые.

Гномы начали переглядываться, Ладлем посмотрел заинтересованно, да и кого бы не заинтересовало слово «пустые».

Принесли стол, достаточно длинный, чтобы поместились дюжина гномов, на середину выдвинули железные, серебряные и пару кружек из золота.

Я сосредоточился и начал наполнять их гротом, глинтвейном, ромом, виски, коньяком, а золотые доверху налил чистым спиртом, гномы — народ крепкий, помню по Уранту, что едва не задохнулся, но потом не мог нахвалиться.

Гномы разобрали кружки неспешно, с надлежащей солидностью, не эльфы же какие-то легкомысленные, видят и ценят мое понимание, сделали по глотку, дальше стоило посмотреть на их рожи, у кого заинтересованная, у кого глаза лезут на лоб, кто-то вдохнул и не может выдохнуть, и хотя все справились с честью, гномы — не просто крепкий народ, а скалы, однако же рожи у всех побуряковели, глазки заблестели, а голоса почти сразу стали раскованнее и живее.

— Скажу сразу, — заявил я, — над миром нависла беда. Этим летом в небе появился небесный ковчег, который разрушит все на земле. Там, где были горы, станут моря, а где моря — выжженные пустыни или высокие горы. Перемешано будет все, останутся груды щебня...

Они слушали внимательно, не выпуская кружек из ладоней. Ладлем пробормотал:

— Что-то такое в наших легендах есть. Будто бы такое было.

— И приближается снова, — заверил я.

Он нахмурился.

— Мы отсидимся под землей.

— Не получится, — сказал я с сочувствием. — Будут сдвинуты целые пласти земной коры. Пещеры исчезнут, хотя возникнут новые, только в них никого не будет.

Он спросил с подозрением:

— И как с таким собираетесь бороться?

— Ковчег опустится на землю, — пояснил я — от-

куда выйдут чудовища и наберут полные трюмы пленных. В это время можно и попытаться напасть, потом будет поздно, улетят.

Он ухмыльнулся.

— Гномов не схватят.

— Больше всех, — согласился я, — пострадают люди с их городами и крепостями. Но предположим, мы все же победим.

Он криво улыбнулся.

— Молодцы!

Я посмотрел на него с гневным изумлением.

— Вы не поняли?

— Что я должен понять?

— Люди сделают выводы, — сказал я жестко. — Оставив нас сражаться с Маркусом в одиночку, вы тем самым бросите нас в трудную минуту. И тогда после победы не жалуйтесь, что неприязнь, которая сейчас есть к вам, превратится в лютую ненависть, во вражду.

Он хмыкнул.

— Ну, до любви и сейчас далеко.

Я покачал головой.

— На вас начнут охотиться! Вас будут разыскивать только для того, чтобы убить. Как предателей. Тысячи удальцов будут спускаться в ваши туннели и стараться уничтожить вас, а на поверхность земли вам не подняться будет даже ночью.

Он помрачнел.

— Вам не отыскать нас в туннелях.

— В туннелях у вас не все, — напомнил я. — Не зря же вас то и дело видят в лесах. Даже днем. А теперь будут стараться убить и принести домой голову гнома как трофей.

Он помрачнел.

— Это угроза?

— Зачем, — сказал я, — вы же сами знаете, так и будет. Даже если люди победят, победа будет тяжелой, многие погибнут. А гномы не пострадают. Разве этого недостаточно для недоверия и вражды?

Он буркнул:

— А что вы знаете... об этом Маркусе?

— Немного, — признался я, — но кое-что для схватки с ним уже сделано...

Он настороженно выслушал то немногое, что я мог рассказать о непонятном, но могущественном противнике, что появится с неба, вот уже там почти в центре горит яркая точка, что превратилась в небольшой багровый диск.

— Говоришь, — проговорил он мрачно, — опустится точно там?

— Надеюсь, — ответил я и поправил себя, — расчитываю.

Он кивнул, для гномов, мастеров своего дела, главное — расчет, а надежды — это что-то глупое и непонятное, присущее разве что безголовым эльфам, что вообще непонятно зачем живут.

— Мы сможем прорыть к тому месту ход, — сообщил он. — Даже не один. Если начнем, конечно, пораньше, а не тогда, когда увидим, где сел...

— Уверен, — сказал я с благодарностью, — это нам поможет. Люди и гномы должны быть плечом к плечу!

Он скривился.

— Наши плечи на разных уровнях.

— Значит, — сказал я, — нам достанется больше. Я имею в виду, на орехи. Хочу добавить еще очень важное... Я только что говорил с высшими иерархами церкви! Они весьма зело за равноправие. Если выступите с нами плечом к плечу против Маркуса, то гномам будут предоставлены все те же права, что и людям.

Он поморщился.

— А что нам эти права?

— Например, — сказал я, — вы сможете продавать свои изделия напрямую, а не хитрым перекупщикам. Те берут у вас дешево, а в городах перепродают впятеро, а то и вдесятеро дороже!.. Вы же деловой и расчетливый народ, вам знакомо понятие упущеной выгоды.

Он уже приготовился возразить, явно давно вертесь на языке некая колкость, но тут задумался.

— В десять раз, говоришь?

— А ты как думаешь? — спросил я. — Когда делают вид, что с огромными трудностями достают у вас где-то в глубоких подземельях, рискуя жизнями?

Он проворчал:

— Мы сами выносим все товары наверх!

— О чем и речь, — ответил я. — И это только один из моментов упущеной выгоды. Отказываться от тесной смычки с людьми — сплошная упущеная выгода! Подумайте. Посоветуйтесь со старшими товарищами.

В темноте затопало, на свет вынырнул могучий гном, в руках на красном бархате бережно держит молот.

Я ахнул:

— Так это же... он самый! Какие же вы молодцы...

Ладлем прогудел гордо:

— У стариков сохранились чертежи и рецепты. А когда нашли нужный металл, пошло легче. Но геммы вставляй сам, у нас с этим туго. И вообще... он сейчас ничей, но как только возьмешь, он тебя признает хозяином.

Я нагнулся и с чувством обнял.

— Люди и гномы — братья навек!

Глава 9

Зайчик с задумчивым видом грызет камни, Бобик бегает вокруг и обнюхивает землю. Вид у Адского Пса несчастный, а когда увидел меня в темном проеме пещеры, завизжал и бросился на шею.

Я благоразумно уперся спиной в каменную стену и задержал дыхание.

— Ну ты чего, мордик?.. Как будто я отлучался на год!

Арбогастр посмотрел на меня со снисходительной иронией, дескать, будто не знаем этого дурачка, я кивнул ему, да-да, мы же взрослые, а он еще щенок, солидно поднялся в седло.

Я закрепил молот справа от седла, и мы все трое понеслись дальше навстречу просторам Гандерсгейма.

В свое время для его завоевания и окончательной ликвидации угрозы со стороны населяющих те земли варварских племен я ввел достаточно мощную группировку войск.

Ту самую, с которой завоевал Сен-Мари, плюс усиленную двумя турнедскими армиями под начальством рейнграфа Чарльза Мандершайда и стальграфа Филиппа Мансфельда. Со степными варварами, что на протяжении нескольких столетий расширяли свои земли, постепенно захватывая и разрушая города оседлого люда, дабы создать больше пастбищ для своего скота, я поступил во имя прогресса не просто жестоко, а весьма. Что делать, сам прогресс жесток, потому варваров я не просто покорил, а кто не согласился перейти на оседлый образ жизни, велел оттеснить к берегу океана и там истребить.

К счастью, они дрались отважно и не просили пощады, иначе я не знал бы, что делать с таким коли-

чеством пленных. Ну, вообще-то знаю, но как-то говорить о таком не хочется.

Бобик пошел было прямо, но я сдвинул арбогастра в ту сторону, где вскоре покажется океанский берег, крикнул Бобику:

— Эй, морда!.. Не отрывайся от коллектива, птичка ты моя!

Бобик то ли не услышал, то ли сделал вид, что уши позаложило, мчится, как стрела, а мы сдвинулись достаточно круто, наконец сбоку показалась первая сторожевая башня, высокая и сложенная из массивных камней.

После того как привел Гандерсгейм к полной покорности, я две трети армии убрал обратно в Сен-Мари, а потом через Тоннель вывел на северную сторону Большого Хребта, они пригодились в боях с Мунтвигом, но треть оставил на кормлении и присмотре в наиболее ключевых крепостях, велел контролировать перекрестки важнейших дорог, мосты и переправы.

Варвары уже не поднимутся, но местные королевства оседлых, что давно в симбиозе с кочевниками, могут снова вспомнить о потере своей королевскости.

А еще я велел на всякий случай взвести руками покоренных сторожевые башни на побережье. Где-то это система обороны, где-то просто сигнальные вышки, но на кораблях варваров, если те даже появятся в поле зрения, увидят, что их засекли. А еще пираты хорошо знают, что земли их союзников захвачены и там расположилось огромное войско крестоносцев, однажды сокрушившее их самих при попытке захватить Сен-Мари с моря.

Зайчик чуть пошел в сторону, там появился и стремительно понесся в нашу сторону высокий дом на

краю ухоженного поля, где зеленеют ровные всходы пшеницы.

Я резко остановил арбогастра и с интересом рассматривал дом, хоть и одноэтажный, но просторный, три сарай, длинная конюшня, во дворе столб коновязи, кузница, еще какие-то пристройки.

На порог дома вышел кряжистый мужик, вскинул руку козырьком ладони к глазам.

Я крикнул доброжелательно:

— Откуда?

Он спустился до двор, лицо испуганно настороженное, поклонился, не отрывая от меня взгляда.

— Ваше высочество? Принц Ричард?

— Уже король, — ответил я, — но это неважно. Насколько помню, здесь не было поселений. Либо там в глубине, где степняки, либо в Сен-Мари на западе.

Он ответил поспешно:

— Вы объявили, что здесь много вольных земель, могут переселяться все, кто пожелает!

— Точно, — подтвердил я.

— И первые пять лет никаких налогов, — добавил он и посмотрел с испугом, но я кивнул. — Вот мы и переехали... Я с женой и девять моих сыновей. Четверо старших уже с семьями.

— Прекрасно, — сказал я с чувством. — Осваивайтесь, я рад. А где остальные?

— Работают, — ответил он. — Поля распаханы и засеяны, гуси ушли на озеро, коровы и овцы на лугу, внуки в ручье плещутся, двое старших пробуют рыбу ловить с океанского берега... Это мы еще не умеем, у нас даже реки не было, но рыбы тут много, упускать не хочется... Другие вон из той рощи бревна возят. Вы же и лес разрешили рубить беспошлинно...

— Подтверждаю, — сказал я. — Я рад. Осваивай-

тесь. Богатейте. Понимаю, налоги никто не любит, но богатство нужно защищать. От одного-двух воров отобьетесь, а от шайки? Потому со временем все же буду брать налоги, а на них содержать охрану, что будет ловить и вешать тех, кто не желает работать, а покушается на ваше добро или добро вашего соседа. А сейчас передавайте поклон вашей жене, я рад, что родила девять сильных и достойный детей.

Вдали появилась черная точка и мгновенно выросла до огромного черного пса. Крестьянин не успел ахнуть, как я сказал злорадно:

— Ты все пропустил, Бобик!.. Мы такого гуся с арбогастром сожрали...

Зайчик довольно ржанул, мы проскаакали мимо остолбеневшего в горестном оцепенении Бобика и помчались вдоль береговой полосы.

Через несколько минут он пронесся мимо нас с такой скоростью, будто стоим на месте, арбогастр гневно всхрапнул, хотел наддуть, но я сказал строго:

— Зайчик, мы же с тобой взрослые, а он еще дурак... Не спеши, здесь надо и по сторонам посматривать,

Впереди широкая река, мост и небольшая деревянная крепостица, перекрывающая дорогу на тот берег. Несколько человек на стене сразу же наклонились в нашу сторону, один начал было «Стой, кто идет...», но его напарник заорал:

— Его высочество принц Ричард!.. Открыть ворота!

Через минуту ворота распахнули настежь. Бобик сумел удержаться и пошел рядом с арбогастром. Мы красиво и гордо вошли в крепость, со всех сторон начали сбегаться воины в великолепных вестготских доспехах и преклонять колена.

Я не стал покидать седла, озирал всех с отеческой

улыбкой. Из сторожки выбежал высокий рыцарь в изумительно подогнанных стальных доспехах, даже не видно, где заканчивается одна пластина и начинается другая.

Не останавливаясь, он подбежал к коню и рухнул на колено.

— Ваше высочество...

Я уточнил благожелательно:

— Мунтвиг разбит, все поют, а я уже король. Если не ошибаюсь, барон Лейнинген-Хайдесхайм? Сэр Вальден?

Он вскочил, повинувшись мановению моей руки, и сказал, сияя ярче своих начищенных доспехов:

— Спасибо ваше высо... Величество! Откуда вы меня знаете?

— Вы были в свите моего друга графа Гатера фон Мергенгарда, — напомнил я. — Как он сейчас?

— Мой дядя проверяет сторожевые башни на побережье, — отрапортовал он. — А меня послал с отрядом перекрыть здесь дороги и переправу.

— Получается?

— Людей у меня немного, — ответил он виновато, — потому согнал народ и заставил выстроить эти укрепления. Немного, но все же...

— Прекрасно сделано, — одобрил я. — Надеюсь, повидаюсь и с вашим дядей. Не одиноко вам здесь? Вдали от Вестготии?

Он ахнул:

— Одиноко? Да вы всех рыцарей Вестготии, что пошли с вами, пожаловали здесь землями!.. И никого из них не взяли в поход на Мунтвига. Так что здесь нас даже прибавилось за это время.

Я спросил с интересом:

— Каким образом?

— Адмирал Ордоньес велел установить сообщение с Вестготией. Тут же близко, всего лишь обогнуть Белый Рог, где морские чудовища топят все простые кораблики, но на ваши громадины напасть не решаются!

Сердце мое забилось чаще, я перевел дыхание и сказал ровно, стараясь не выказывать волнение:

— Адмирал Ордоньес... он сейчас где?

— Выполняет ваши приказы, Ваше Величество, — ответил он. — Охраняет побережье от пиратов, перебрасывает войска с места на место... Я не знаю в точности, мне был приказ обеспечить спокойствие в этом районе.

— И как? — спросил я.

Он жестко усмехнулся.

— Да тут как-то попытались местные прощупать нас... Я ответным рейдом сжег их стойбище, перебил всех, кто продолжал жить набегами, а не землепашеством. Думаю, повторить решатся не скоро.

— Хорошо, — сказал я, — спасибо, барон! Хорошие новости. Скажу графу, что вами очень доволен.

Он прокричал вслед счастливо:

— Спасибо, Ваше Величество!

За время моего отсутствия Гандерсгейм, конечно, не преобразился, зато отчетливо чувствуется присутствие моей армии, пусть ее и немного: на перекрестках крупнейших дорог конные посты, у мостов и переправ через реки — заставы.

Солдаты, глядя на меня влюбленными глазами, на перебой рассказывают, где отыскать командующего в Гандерсгейме графа Гатера фон Мерзенгарда, и вскоре нас как ураганом внесло в небольшой лагерь на перекрестке дорог из одного бывшего королевства в другое, а ныне владения моих лордов.

Переполох еще не улегся, как граф, такой же собранный и поджарый, в знакомой кирасе поверх зеленого кафтана, в штанах из толстой кожи с мелкими вставками из блестящей стали, быстро выбежал из шатра, увидел меня, счастливо и с таким облегчением заулыбался, что вот прям сейчас я возьму всю ношу на себя, а он пойдет розы выращивать.

Я не успел покинуть седло, он с достоинством преклонил колено.

— Ваше высочество...

— Мое Величество, — поправил я добродушно. — Да-да, привыкайте. Потом расскажу.

Я поднял его, обнял, остальным коленопреклоненным знаком велел подняться. Они начали приближаться, окружать, рассматривая блестящими от любопытства глазами.

Я сказал радостно:

— Дорогие друзья!.. Как же я счастлив, что вы не поперлись с остальным войском далеко на север на встречу Мунтвигу!..

Сэр Гатер покачал головой.

— Ваше высо... Ваше Величество, вообще-то все были готовы идти навстречу новой войне! Но вы сами лично распорядились оставить здесь в первую очередь вестготцев, хотя мы так и не поняли почему...

Я отмахнулся.

— Все просто. Вестготия владеет побережьем океана сразу за Белым Рогом, разделяющим Сен-Мари и Вестготию. Так же как и Гандерсгейм. Я не случайно пожаловал наиболее отличившимся в боях вестготцам земли на самом берегу. Вы не степняки, сразу начнете подумывать о возможностях, которые дает океан.

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы правы, уже строим планы. И даже начали осуществлять.

Я изумился.

— Уже? Как?

Он покачал головой.

— Не своими силами, Ваше Величество. Два корабля эскадры адмирала Ордоньеса по нашей просьбе побывали в Вестготии и привезли оттуда опытных строителей. Хотя корабли у нас строить никто не умеет, но учимся у тараконцев.

Я охнул.

— Ну и молодцы... А Ордоньес просто чудо.

Он кивнул.

— Да, вы умеете подбирать людей, Ваше Величество... Умоляю, расскажите, как и где вы наконец-то приняли королевскую корону!

Я отмахнулся.

— Уже язык болит рассказывать. Потом, на отдыхе. Значит, Ордоньес трудится, как пчелка.

— Как муравей, — уточнил он. — Впрочем, куда ему еще? В Сен-Мари сменилась власть, но здесь мы вцепились крепко. Да сюда никто и не суется. Пираты разбиты, сен-маринцы страшатся самого имени Гандерсгейма. Потому мы отыскали в своих владениях очень удобную и просторную бухту, где и начали закладывать порт...

— На что я и рассчитывал, — сказал я. — Только не думал, что вы так быстро. Вот что значит частная инициатива!.. Но Ордоньес... как же я рад. Кстати, а что с Кейданом?

Он взглянул на меня пытливо.

— Ордоньес его взял на борт.

— И где Кейдан сейчас?

Он развел руками.

— Увы, здесь. В Гандерсгейме, я имею в виду.

— Эх, — сказал я с огорчением, — а придушить по дороге не могли?

Он улыбнулся одной половинкой рта.

— Ваше Величество, долг христианина велит оказывать помощь всем гонимым. Его величеству королю Кейдану пришлось бежать из Сен-Мари.

— Он что, и сейчас на борту?

Он помотал головой.

— Нет, конечно. Его величество не выносит качки. Сейчас он в крепости.

— Лучше бы в монастыре, — обронил я сумрачно. — Монахи традиционно дают приют всем сирым и неимущим, а также беглым. А то крепость... это как намек, что соберется с силами и выйдет во всей мощи.

Он ответил почтительно:

— Не уверен, что его величество Кейдан на такое способен. Он был неплохим королем в стабильном королевстве. Но когда Сен-Мари затрясло, он растерялся.

— И наломал дров, — буркнул я.

— Да, — согласился он и добавил: — А вы — нет.

— Да, — согласился я, но посмотрел на его серьезное лицо и добавил честно: — Вообще-то наломал, но у меня масштабы!..

Бобик примчался, сунул графу в руки бревнышко, тот широко размахнулся и с усилием зашвырнул подальше, дабы поддержать дружбу с этим огромным черным чудовищем. Бобик исчез, спеша поймать обломок дерева еще в полете.

— Хорошо, — сказал я, — граф, не огорчайтесь, на пир не останусь. Сейчас как-то вообще не до пиров. Отыщу Ордоньеса, нам нужно будет срочно вернуть власть в Сен-Мари.

Он просиял.

— Я был уверен, что вы вернетесь и все восстановите!

Я обнял его и красиво с разгона, не касаясь стремени, вскочил в седло. Пусть видят, что я не только король, но и прекрасный всадник, для мужчины это предмет гордости повыше, чем увешать всю одежду бриллиантами.

Арбогастр все понял, взял правее, минут через пять бешеной скачки показалась береговая линия. Навстречу понесся влажный морской песок, иногда арбогастр не успевал или не желал убегать от набегающих волн и тогда несся как огромный черный лебедь с лебеденком, которого изображает Бобик.

По обе стороны разлетаются серебряные брызги, похожие на крылья, а шеи вытянуты вперед, как при взлете.

Я все поглядывал в сторону морской глади, надеясь увидеть там белые паруса каравелл, однако лишь вода и небо, но арбогастр взял круто влево, там берег уступил место воде. Мы начали огибать бухту, и я за высокими деревьями разглядел паруса.

— Ура, — сказал я вполголоса, сердце тревожно и радостно затрепетало, — если это не корабль Ордоньеса, то я не король... Хотя вообще-то какой из меня король, сам знаю, но никому не скажу.

Бобик ринулся через густые заросли напролом, послышался треск, молодые деревья затрясло, по трепыхающимся вершинкам видно, что понесся в сторону кораблей, а не за спугнутым стадом кабанов.

Бухта распахнулась разом, словно могучие деревья раздернули подобно занавесу, и открылась водная ширь. Один корабль выгружает людей и грузы

на берег, а два бдят у довольно узкого горлышка, где с трудом могут пройти не больше двух кораблей разом.

— Вперед, — сказал я арбогастру. — Если не ошибаюсь, этот толстый жрун уже понял, кого мы ищем...

Глава 10

Ордоньес, огромный, с жуткими шрамами на лице, перебитым носом и квадратной челюстью, такое лицо пугает женщин и вызывает уважение мужчин, просоленный ветрами и океаном настолько, что пахнуло этим неповторимым ароматом, пошел навстречу широкими шагами и уже начал было раскрывать объятия, но вспомнил, что он теперь граф и адмирал, обязан соблюдать манеры, рухнул на колено и, глядя на меня снизу вверх, улыбнулся во весь рот, показывая, что принял эту игру и знает ее правила.

— Ваше высочество!

— Адмирал, — сказал я тепло, поднял его и с чувством обнял. — Как же я рад тебя видеть...

Матросы заинтересованно подняли головы, оставив работу, на них прикрикнули, но сами капитаны один за другим начали подходить ближе, глядя на меня с восторженным любопытством.

Ордоньес прогудел довольно:

— А как рад я, ваше высочество!.. Как только увидел вашу крохотную собачечку, сразу понял — победа!

— Величество, — поправил я-мое-величество и, видя его удивленное лицо, пояснил небрежно: — Да-да, уже король. Мунтвиг разбит вдребезги, а мы начинаем объединение северных королевств. Конечно же, пора начинать думать о победном возвращении в маркизат Черри...

Он выпучил глаза, я видел, как даже дыхание у не-

го перехватило от лавины так небрежно вываленных новостей.

— Ко... роль?

— Да, — подтвердил я еще небрежнее. — Из трех королевств сделал одно, так что не просто король, а как бы весьма король. Даже зело! Хотя и обло.

Он сказал потрясенно:

— Уже?

— Разве быстро? — изумился я. — А мне казалось, и так затянул. Можно бы побыстрее, меньше бы дров наломал. В общем, Сен-Мари раздавить не составит трудов, только для такого пустяка перебрасывать всю огромную армию с севера? Это стыдно, выкажем леность ума и отсутствие отваги. Хорошо бы обойтись местными силами.

— Силов маловато, — сказал он в затруднении, — но видит бог, у вас может и такое получиться!..

Я сказал самоуверенно:

— Конечно, может!

— А если может, — сказал он, — то надо. Чтоб о нас песни пели и глупости глупостили.

— Это важно, — согласился я, — как не ради глупостей? Вся жизнь потеряет смак! Глупостей должно быть много, чтобы, как говорят в простом народе, было что вспомнить. Хотя, правда, я слыхал от стариков, что если и вспоминают, то кривятся и стыдятся.

— Ну да, — согласился он, — это мы думаем, что им будет вспоминать интересно. Но мы такими не останемся...

Я взглянул остро, в голосе отважного и не привыкшего обременять голову умными мыслями капитана прозвучала странная нотка.

Стареет, что ли, мелькнула опасливая мысль. А мне вовсе не философы нужны, я сам философ, мне ру-

баки и прочие исполнители надобны в большом количестве.

— Мы такое натворим, — сказал я хвастливо, — что все равно вспоминать и гордиться будем. Мы же не бабы коллекционируем?

Он хмуро усмехнулся.

— Это так.

— Докладайте, — велел я. — Что за это время и как произошло?

Он посмотрел с виноватостью, забавное зрелище, когда пират с такой жуткой физиономией, изрезанной старыми шрамами, смотрит вот так и разводит руками. При этом вздыхает так горестно, словно в одиночку тащит на гору тяжело груженную телегу...

— Когда Вирланд взял власть, началось как бы стыдное для мужчин. Забегали, орут... Что делать, знали только заговорщики, остальные растерялись. А тут еще в порт примчались всадники...

— С Кейданом?

Он кивнул.

— Сказать, что я удивился, это ничего не сказать!.. А он заявил мне, что единственное для него безопасное место — это на палубе корабля. Я хотел было послать его к такой матери, но на берегу показалась погоня, а я, как добрый христианин, по своей гуманности и в предчувствии некой смутной выгоды, велел принять его на борт и убрать сходни.

Я спросил с интересом:

— Те требовали выдачи?

— Да, — ответил он, — но тут уже я сам послал их подальше. Кейдан хоть и враг, но король?.. А они, значит, бунтовщики.

— Ну-ну?

Он сказал серьезно:

— Винюсь, сперва в самом деле увел эскадру в открытое море, но это же оставить вас без поддержки... хотя, конечно, когда демоны наперебой служат, можно и без меня, но все равно будет не совсем бы как честно, хоть я и пират. Вспомнил, что если и обойдется без меня, то у вас есть войска в Гандерсгейме, которым, возможно, моя помощь придется кстати.

— Уверен, — сказал я, — они вам обрадовались.

— Еще бы, — ответил он с гордостью. — Правда, не мне, кораблям. В Гандерсгейме еще таких красавцев не видели! Жду не дождусь, когда поплыем в ваш маркизат Черри. На таких кораблях и океан не такой уж и бесконечный...

Капитаны кораблей, что из новых, при словах «ваш маркизат» насторожили уши, но я тут же оживленно начал расспрашивать, что происходило, не давая им слова вставить, а потом, если не забудут и все же спросят, скажу, что послышалось, и посоветую пить меньше.

— А что Кейдан? — спросил я.

Он поморщился.

— Трусил, но виду не показывал.

— И что с ним? Где он?

— В Гандерсгейме, — ответил он с неловкостью. — А куда его еще?.. Не бросать же за борт, если прибежал просить убежища.

Я сказал зло:

— Только в Гандерсгейме его не хватало.

Ордоньес сказал успокаивающее:

— Он в Гандерсгейме, но... не у дел, Ваше Величество. Эх, как же здорово! Я теперь настоящий адмирал, если служу Его Величеству королю!

Я кивнул на каравеллу у берега.

— А где остальные?

— Все в деле, — заверил он. — Ни одну не потерял!.. Из тех, что построили. Вывел в море, представляете, почти без экипажа, уже там обучал, делал из этих простофиль моряков... Каравелла капитана Джорджа-Якоба все время курсирует между Тараконской бухтой и этой.

— Прекрасно, — сказал я. — Всегда свежие новости.

— И новости возят, — согласился он, — и рыцарей туда-сюда, если надо... еще пять перевозят рыцарей Вестготии...

Я встрепенулся.

— Ого! Приезжают посмотреть, как устроились родственники?

Он усмехнулся.

— Вы не то хотели сказать, Ваше Величество! Я же вижу. Да, вы угадали, вестготцы зашевелились, когда им стало известно, что ушедшие с вами получили богатейшие наделы на свободных землях Гандерсгейма. Вестготия слишком гористая, там пригодных земель мало... А когда я намекнул, что вам придется возвращать Сен-Мари силой...

Он умолк, глядя на меня хитро, дескать, какой же молодец, все угадал и понял.

— Ордоньес, — сказал я с мукой, — ну?

— Я почти все корабли задействовал, — пожаловался он, — все перевозил и все еще перевожу их в Гандерсгейм!.. Теперь старую гвардию можно оставить в Гандерсгейме, а новых пустить завоевывать Сен-Мари, Ваше Величество. Пусть добывают себе честь и славу, выказывая доблесть в боях. Да и чуточку поссорить вестготцев и сен-маринцев на всякий случай не помешает.

Я взглянул на него остро, этот морской волк уже начинает мыслить шире, понимает не только насчет

умелого выстраивания кораблей для морского сражения.

— Как там армии стальграфа и рейнграфа?

— Постоянно начеку, — заверил он. — Я к ним перевез малость вестготцев. Больше для укрепления духа, пусть турнедские лорды видят, что их не оставили.

Я довольно хлопнул себя по колену, чувствуя, как меня распирает счастье.

— Ордоньес, ну разве я не молодец? Разве я не гений?

Он спросил с интересом:

— Ваше Величество?

— Помнишь, — сказал я, — когда ты сказал там в маркизате, что никогда не подчинишься мне и не сойдешь на землю? Ты ожидал ссоры, драки, уж и не знаю, чего ты ждал больше... а я вместо того отдал тебе корабли всех, кто решил осесть на земле и пустить награбленное в дело!.. Ты сперва было опешил...

Он широко заулыбался.

— Было дело. Но вы так круто взялись, так умело рулили и меняли галсы, что все ошалели и как-то быстро начали подчиняться. А я понял, что отныне всегда буду служить вам, когда по вашему приказу пересек океан, о чем раньше и помечтать не мог, и обнаружил вас на противоположном берегу!.. Вот тут-то и начались приключения. Я только ради них и ушел в море, а вовсе не ради разбоя, как многие думают.

Чаши и кубки я заполнил сам, нимало не чинясь, дескать, не царское это дело. Ордоньес все понимает, настоящие мужчины не страшатся себя уронить и могут себе позволить не соблюдать всякое мелкое и потому признают такое же право и за другими.

Пришли капитан Джордж-Якоб и его два помощника, пока корабль разгружается в бухте, что скоро

станет и портом. Ордоньес, с моего милостивого разрешения, угостил их коньяком, отчего те пришли в восторг, но отпустил всех троих милостивым мановением руки и, когда они вышли, сказал с гордостью:

— Когда еще с Кейданом отчалили от берега, то ушли было в открытое море, а там посмотрели на острова, которые мы в прошлый раз тряхнули... Скажу с удовольствием, так и не отстроились!.. Такие руины... Затем всей эскадрой прошли дальше, а там...

— Архипелаг? — спросил я.

Он посмотрел удивленно и даже как будто с некоторой обидой.

— Так вы знали?.. Целая цепь островов. Нанесли на карту сорок штук, от крохотных, что можно окинуть взглядом целиком, до таких огромных, что по два Гандерсгейма поместятся.

Он замолчал, ожидая реакции, я сказал со вздохом:

— Есть там и такие, что и Сен-Мари затеряется в уголке. До всех доберемся, дорогой друг!

— Ваше Величество, — воскликнул он, — обязательно! Этой мечтой живу отныне. Сколько там чудес...

— Но сейчас, — напомнил я, — решается вопрос, быть нам или нет всем. Всему человечеству.

Он посерезнел.

— А что, всякие предсказатели не брешут насчет Багровой Звезды в небе?

— К сожалению, — ответил я. — Раз в пять тысяч лет уничтожает все на земле. И дома и людей.

Он почесал в затылке всей пятерней.

— Да... Нам не повезло.

— Как сказать, — ответил я. — А вдруг...

Он посмотрел на меня круглыми глазами.

— Хотите сказать...

— Представь себе, — сказал я, — что Господь вы-

слал нам настоящего противника?.. И если одолеем, мы не просто спасем свои шкуры!

— Спасем мир? — проговорил он, голос его осел до шепота. — А мы не слишком?

— Пифагор, — сказал я, — был такой великий рыцарь в прошлом, сказал однажды: «Стыдно стареть, так и не узнав, на что способны твои ум и тело». Он трижды побеждал в самых величайших рыцарских турнирах, что устраивались раз в четыре года и на время которых даже прекращались все войны!

— Такому можно верить, — ответил он с почтением. — Что ж, Ваше Величество, думаю, даже эта Багровая Звезда не прервет ваш победный путь. Рас считывайте на меня до конца. Вы распахнули передо мной мир, как я могу не пойти с вами и на смерть?

Он расстелил на столе карту, нарисовано коряво, я узнал только нашу береговую линию, а потом еще пару островов, где побывали, но дальше все новое.

— Вот первый из островов архипелага, — сказал он, — большой и заросший лесом. Там за ним гора, из расщелины большой ручей, почти река. Приблизиться так и не смогли, а хотели попробовать набрать пресной воды...

— Что, совсем вышли без запасов?

— Хотелось проверить, — объяснил он.

— Рифы?

Он покачал головой.

— Там сразу появились чешуйчатые гиганты, начали швырять в нашу сторону камни. Дураки, если бы подпустили чуть ближе... а так мы успели свернуть, прошли опасно близко, но Бог миловал, только потом полдня еще тряслось, когда вспоминали, какие скалы бухались в воду рядом с бортом.

— Да, — согласился я, — надо быть осторожнее. На островах больше разнообразия, чем на суше.

— Ну да, — согласился он, — на суше либо их бы давно перебили, либо они всех людей на свете... Потом через три необитаемых наткнулись на остров колдунов. Тоже никого не пускают к себе, но наши корабли так их заинтересовали, что позволили причалить, сами дали нам мяса, овощей и пресной воды, долго расспрашивали о кораблях, а когда я побаивался, что это все вы придумали, начали выспрашивать про вас, кто вы, откуда прибыли, как одеты... и вообще странные вопросы задавали.

Он умолк и посмотрел на меня с ожиданием. Я сказал поспешно:

— Да, на островах все любопытные на новости, скучная у них жизнь. А какие острова попались еще?

Он махнул рукой.

— Ваше Величество, все и не упомнить! Никогда не думал, что и в океане жизнь кипит. У меня все в судовом журнале записано. С такими кораблями можно плыть до конца света, пока бугшприт не упрется в небесную твердь хрустального колпака, которым Господь накрыл мир, чтобы вода не вылилась за край.

Я сказал сдержанно:

— Долго же тебе пришлось бы плыть...

Он посмотрел несколько странно, понизил голос до свистящего шепота, который наверняка слышно и на другом конце бухты:

— Что-то знаете?.. А то, пока плыл из маркизата, еще тогда чуть не одурел... все меньше понимал и все больше дурел.

— А что не так?

— Да все не так, — ответил он угрюмо, — сколько ни плыву, а небесная твердь отодвигается и отодвига-

ется! Вижу, вон там опускается в море, но как будто стою на месте, а это только волны бегут навстречу!

— Как-нибудь объясню, — ответил я с неловкостью. — Как предположение, в которое не обязательно верить, но которое все объясняет. А пока давай прикинем, сколько сможешь взять на борт солдат. Не топать же пешим маршем через весь Гандергейм, если есть возможность куда быстрее проплыть вдоль берега и высадиться там, где нас ну никак не ожидают.

Он кивнул, спросил шепотом:

— Ваше Величество... а как насчет демонов? Их позвать на помощь нельзя?

Я ответил так же тихо:

— Каких-таких демонов?

Он помялся, сказал едва слышно:

— Ну, мы же все видели... пусть не все, но видели, как вам прислуживает демон.

Я отмахнулся.

— Маргарита? Да, это еще тот демон... Вообще-то все женщины если не ведьмы, то демоницы. Других не знаю. По крайней мере, здесь. Но как опытный филуменист, скажу по секрету, здешние демоны совсем не такие, как на Юге.

— Ваше Величество?

— Демоны на южном материке, — объяснил я, — это бывшие слуги древних. Когда древние погибли, слуги остались, но появляться в нашем мире могут только по вызову людей, а сами не имеют права. Ну, такой в них вложен закон.

— А... здесь?

Я вздохнул.

— Здесь слуги, увы, погибли все. Наверное, их послали в бой первыми. Хозяева погибли тоже почти все, а кто не погиб, тот одичал, а от прежней моши

сохранил только жалкие крохи... К примеру, древние умели менять свои тела, это самое простое, так вот одичавшие древние и стали теми, кого называем демонами.

— Какая гадость, — буркнул он. — Тогда уж лучше те, которые приходят только по зову.

— Мне южные понравились тоже, — признался я. — Вернее, больше этих, что на севере. Вызвал их, они сделали свое дело и тут же мгновенно исчезают.

— Никого убивать не надо, — сказал он с облегчением. — Это хорошо, когда только слуги.

В шатре уютно, пахнет близким морем, кричат чайки, доносится хлопанье паруса под легким ветерком. Ордоньес вошел во вкус, да еще и коньак помог, рассказывал со вкусом про Остров Четырех Мистических Камней, про огромных морских чудищ, о плавающих островах, о долгом путешествии с приключениями, погонями, нападениями разбойников, мутантов, зомби, демонов, гигантских змей, горгулий и прочих-прочих чудовищ, о чем слушать можно всю жизнь, не задумываясь, что все повторяется раньше, чем успеваешь забыть предыдущие.

Я тряхнул головой, почудилось, что все это уже проходил, хотя точно знаю, такого не было, потом сообразил, память выкидывает шуточки, я же старые книги читал, но не только умные, еще и фуфла горы, а фуфловый бред почему-то интереснее, чем скучные истины.

— Здорово, — сказал я, прерывая на полуслове. — Прости, что перебил, но когда закончим тут с Маркусом, отправимся к таким островам, что ахнешь! Никакие горгульи, что ты видел, не перегоргулят тех, что встретим. Я загляну к Кейдану, а ты пока принимай на борт рыцарей, готовых идти на штурм Геннегау.

Он сразу посерезнел, поднялся, сказал совсем другим голосом:

— Тогда здесь никого не останется.

— Установим ротацию, — ответил я серьезно. — Кто-то здесь будет служить за земли и титулы, кто-то за двойное жалованье. Живы будем — все наладим.

Морщины на его лбу стали глубже.

— А вы действительно... к Кейдану?

— Да, — ответил я. — Есть одна идея...

Глава 11

Трава зеленая и сочная, едва ли не лучшая земля в Гандерсгейме, по праву силы всегда принадлежала наиболее воинственному племени мергелей. Сейчас мергели, разбитые и на две трети уничтоженные в жестоких боях, покорены и подчинены, а в их землях силами пленных выстроена крепость, как мне доложили по дороге.

Бобик завидел ее первый, понесясь со всех ног, я рассматривал твердыню придиরчиво, это, конечно, не крепость, а больше похоже на массивное основание будущей крепости, готов всего один первый этаж, но при нем уже поднимается в небо квадратная, массивная и довольно высокая смотровая башня. Однако и это сейчас хорошо, если учесть, что ее хозяина герцог Ришар называл славнейшим и отважнейшим рыцарем нашей армии.

Видно множество народа, что, как муравьи, таскают бревна, поднимают на стены тяжелые блоки камня, в ямах месят глину и скрепляющие растворы.

Навстречу на быстром степном коне выметнулся обнаженный до пояса загорелый мужчина, молодой

и жилистый, вскинул руку с раскрытым в запрещающем жесте ладонью.

— Кто и по какому праву?

Бобик посмотрел на него, оглянулся на меня, испрашивая разрешения съесть его вместе с конем, а если коня жалко, то одного.

Конь всадника, все понимая, у животных интуиция почти такая, как у женщин, испуганно шел боком, стараясь не приближаться к ужасному зверю.

Я отметил надменно:

— По праву короля.

И, полагая, что сказал достаточно этому мергелю, пустил Зайчика вперед. По виду мергеля можно сказать, что впервые попал в такую ситуацию, некоторое время мне казалось, что бросится на меня, но после раздумья круто повернул коня и унесся с достойной степняка прытью.

Зайчик шел неспешным галопом, как мы всегда делаем, когда попадаем в поле зрения, а сейчас нас точно видят из этой строящейся крепости.

Место для крепости выбрано очень удачно: хотя здесь ни скал, ни холмов, но каменистое плато, нет кустов и даже травы, так что незаметно не подобраться, а с высокой башни любого противника заметят издали.

Наш мергель на огромной скорости, словно за ними гонится чудовищный зверь, пронесся между строителями, я не видел, как он спрыгнул на землю, но коня с опустевшим седлом сразу увели бегом к коновязи, а он ринулся к зданию.

Среди работающих на миг возникло замешательство, но донесся повелительный окрик, все снова вернулись к своим обязанностям, а мне навстречу быстро пошел рыцарь огромного роста, широкий в плечах с

мощной мускулатурой груди, где обе пластины красиво выделяются под легкой рубашкой.

Я, оценив его общий вид, невольно взглянул на его руки, толстые и перевитые мышцами, что наносили мне такие ужасающие удары.

Он на ходу быстро и красиво преклонил колено, но не голову, продолжая смотреть на меня с непонятным выражением, что появилось после нашего поединка, когда победил я, однако отдал ему свою невесту, принцессу Алонсию.

Не исчезло и тогда, когда я своим указом пожаловал его титулом графа и отдал в его пользование все земли мергелей с подвластным им королевством Шальсбург, который теперь просто город, так как все карликовые королевства на территории Гандерсгейма упразднены моим высочайшим указом победителя и наклонятеля.

Я покровительственно посмотрел сверху, до чего же приятно победить не просто в поединке, а вот так, стать властелином, перед которым бывший непримиримый противник преклоняет колено.

— Встаньте, граф, — сказал я тепло и царственno, — рад, что вы сумели подчинить себе мергелей. Это было самое воинственное племя в Гандерсгейме. Еще раз поздравляю!

Он поднялся, взглянул мне прямо в глаза.

— Спасибо, ваше высочество.

— Ваше Величество, — поправил я. — Да-да, я уже король. И королевство мое побольше Вестготии... Я слышал, вы дали убежище беглому королю, свергнутому с трона королевства Сен-Мари великим полководцем Вирландом?

Он ответил почтительно, однако твердо:

— Это долг каждого христианина, Ваше Величество.

— Верно, — согласился я. — Благородный поступок, достойный каждого христианского рыцаря. Тем более свергнутый король в самом деле мог обратиться только к вам, не роняя достоинства.

Он насторожился.

— Ваше Величество?

— Ему не хотелось просить покровительства, — пояснил я, — у кого-то из своих подданных.

Он проговорил медленно:

— Вообще-то да, унизительно.

— А вы, недавний вестготиец, — сказал я, — и никогда не бывший его подданным... все правильно, граф.

Он сдержанно улыбнулся.

— Ваше Величество почтит нас своим присутствием?

Я кивнул.

— Почту. У меня будет разговор с беглым королем.

— Ваше Величество, — произнес он, — мы все будем счастливы видеть вас гостем и оказаться полезными.

— Спасибо, граф, — ответил я.

Как он ни сдерживался, но улыбка стала шире. В Вестготии оставался безродным рыцарем, известным только за свою отвагу и силу рук, чем постоянно шпилили придворные щеголи, но я пожаловал его титулом графа и дал такие земли, что половина тех спесивых дураков удавится от зависти.

Правда, ему сперва пришлось в двух ожесточенных сражениях наголову разбить мергелей и захватить эти земли, я же не раздаю никакие щедрости просто так.

Двое мергелей набежали и почти выхватили из моих рук повод коня, но на меня смотрят с великим по-

чтением. Мергели — прирожденные воины, и у них, как в волчьей стае, в крови подчинение более сильному вожаку.

Арбогастр сделал вид, что да, он простой глупый конь и его просто обязаны водить в поводу, он же дурак, может испугаться и броситься со всех ног куда глаза глядят, а там убиться о первую попавшуюся стену.

Бобик чинно пошел со мной рядом, однако нос подергивается, улавливая запахи и вычленяя среди них аромат кухни.

Я поинтересовался осторожно:

— Как здоровье принцессы?

— Она уже не принцесса, — уточнил Вильярд. — Зато у нас есть сын, Ваше Величество.

— Поздравляю, — ответил я. — Но, между нами говоря, для нас Алонсия всегда останется принцессой.

Он посмотрел несколько настороженно.

— Ваше Величество... вы скоро ее увидите.

— С ее отцом не связывались? — спросил я.

Он помрачнел, опустил взгляд.

— Нет.

— Возможно, — сказал я, — уже пора. Он к этому времени мог простить вас обоих. А если сообщите, что у вас со мной все в порядке, то вообще...

— Да, Ваше Величество... возможно.

— Не забудьте сообщить о рождении у него внука, — напомнил я. — Его сердце вообще растает. Вполне возможно, он именно ему и предпочтет передать корону Вестготии.

Он посмотрел на меня настороженно.

— Ваше Величество! Это невозможно.

— Почему?

— Лорды будут против.

— Это его законный внук, — сказал я. — Здесь все

чисто. А если у лордов за это время наметились свои кандидатуры на трон... то они могут и передумать, когда с кораблей на берег начнет высаживаться наша армия.

Он вздрогнул, посмотрел с тревогой.

— А она начнет?

— Пока нет необходимости, — заверил я. — Но, как вы понимаете, Вестготия — наш сосед, а с соседями отношения должны быть хорошими. Просто обязаны!

Мы вошли в здание, внутри прохладно, пахнет свежим деревом и расколотыми каменными глыбами. Холл настолько просторен, что да, крепость строится на вырост, а из холла, как я понял, только две двери, одна с правой стороны, другая с левой, что тоже понятно, мужская и женская половины.

— А Дрескер разве не с вами?

Он покачал головой, не глядя в мою сторону.

— Ищет какие-то раковины.

— На побережье?

Он снова покачал головой.

— Нет, здесь, в песках. В них есть что-то особое.

Он объяснял, я не понял. То и дело вас вспоминает.

— Незлым тихим словом?

— Радуется, что все же послушал вас, — ответил он. — Говорит, ему повезло больше, чем даже нам с Алонсией. Он здесь ощущал близко магический родник, как он говорит, но едва попытался поработать с ним, сразу явились какие-то прямо из стены и едва не прибили. Но когда выяснилось, что мы из чужого королевства и местных порядков не знаем, сжалились. А когда он рассказал им, как вы захватили Камень Яшмовой Молнии, а нас отправили сюда, долго улыбались... Похоже, вас знают здесь многие. К родникам

магии все же не допустили, но помогли нам выстроить эту крепость, а при ней высокую башню, чтоб он жил там, как и положено магу. Говорят, очень уважают вас, как Открывателя Новых Путей.

Он сам посматривал на меня с удивлением и даже, как мне показалось, с почтением, не всякий король удостаивается уважения со стороны сильнейших магов.

Комната Вильяра внутри показалась еще проще, чем стены будущей крепости. Голые стены, продолговатый стол на дюжину человек, только два кресла, оба во главе стола, и длинные лавки с одной и другой сторон.

Он виновато развел руками.

— Простите, Ваше Величество. Увы, мы не были готовы принимать короля.

— Ничего, — ответил я легко. — Кстати, вы первый, кто сразу начал называть меня Величеством, не переспрашивая и не сбиваясь на светлость.

— Я привык следить за тем, — ответил он сдержанно, — что говорю. Это лорды из знатных семей могут допускать ошибки...

— Теперь они не знатнее вас, — напомнил я. — Гораздо почетнее быть основателем благородного рода, которым гордятся больше, чем одним из потомков.

Я опустился на лавку, повелительным жестом велев ему сесть в его кресло, которое он занимал по праву хозяина.

— Рассказывайте, — приказал я, — что здесь и как. Мергели не пытаются бунтовать?

— Нет, Ваше Величество...

Я слушал, ничего особенного не произошло, что успокаивает, хоть здесь все так, как я и планировал.

Дверь распахнулась, вбежала почти вприпрыжку

Алонсия, увидела меня, жутко смутилась. Когда я увидел ее в первый раз в королевском дворе ее отца, короля Сильвервуда, она сходила по лестнице медленно и грациозно, держа в правой руке край подола длинного платья, а левой легонько касаясь перил, постоянно помня, что она принцесса и обязана блюсти.

Сейчас же платье на ней, как у крестьянки, простое и удобное, до щиколоток, лицо покрыто ровным красивым загаром, заметно пополнела, однако глаза все такие же крупно-серые и сияющие, словно жемчужины чистейшей воды.

Я сглотнул, глаза необыкновенные, как и взгляд, чистый, светлый, однако в нем все та же твердость, которую проявила, пойдя за Вильярдом на край света.

Она торопливо почтительно присела, сказав не-привычно для нее нетвердым голосом:

— Ваша светлость... простите, я слышала, что вы прибыли, но не знала...

Вильярд сказал торопливо:

— Алонсия, у нас в гостях король.

Она взглянула на меня в смущении.

— Прошу простить меня, Ваше Величество...

— Принцесса, — произнес я почтительно, стараясь не выказывать особенного восторга перед все еще ревниво наблюдающим за нами Вильярдом, — вы стали еще прекраснее!.. Встаньте и дайте вас рассмотреть.

Она польщенно улыбнулась.

— Тем, что похожа на крестьянку?

— А кого это волнует? — спросил я. — Я тоже не похож на короля, у меня вообще нет свиты! Но в Вестготии о вас слагают баллады, а кто даже из королев удостоился этой особой чести?.. Эх, надо было мне все-таки отдать Вильярду Камень Яшмовой Молнии, а себе забрать вас!

Она заулыбалась шире, быстрее Вильярда схватывая мою манеру общения.

— Ваше Величество, вы поужинаете с нами?

У меня на языке вертелось «Почту за честь», но я теперь король, это для других честь ужинать со мной, потому ответил с улыбкой:

— С огромным удовольствием, принцесса.

Она польщенно заулыбалась.

— Я теперь графиня, Ваше Величество.

— Мы с Вильярдом пришли к выводу, — сказал я и кивнул на ее мужа, — что вы для нас останетесь принцессой навеки и даже навсегда. А теперь, принцесса, я с вашего разрешения навещу Кейдана.

Она посерезнела и сказала мягко:

— Короля Кейдана.

— Короля, — согласился я. — Беглого, свергнутого, но все еще короля. Даже я признаю его сюзереном Сен-Мари.

Она оглянулась на молчаливого мужа. Во взгляде Вильярда промелькнуло изумление, да я сам от себя тоже не ждал таких слов, но вот сказал же, потому Вильярд смолчал и наклонил голову.

— Ваше Величество, потом мы ждем вас на ужин.

— Только не превращайте в пир, — предупредил я.

— Это будет трудно, — сказал он честно, — у меня такие люди... но я знаю вас и потому... воздержимся. Как представить вас, Ваше Величество?

Я сказал, глядя ему в глаза:

— Доложите Кейдану, что с ним желает говорить Его Величество король Ричард Завоеватель.

Вильярд посмотрел внимательно, помедлил, переспросил:

— Так и сказать, что именно король Ричард?

Интонация понятна даже стенам, что нас окружают, я улыбнулся и сказал легко:

— Граф, я уже давно в самом деле король. Где-то с пару недель, а то и больше, не помню такие мелочи. Не Сен-Мари, конечно, зачем мне такие лоскутки? Король ряда северных королевств, объединенных в один могучий кулак, что способен стереть с лица земли как Сен-Мари, так и любое королевство. Но мне важен не трон, я не тот дурак с мечом в руке, для которых борьба за трон — цель жизни. Власть — это не бабы и постоянные пиры, а возможность делать мир лучше. Вам одному скажу, что все задуманное могу сделать и без Кейдана, просто с ним жертв будет чуточку меньше. Не намного, но все же...

Он не сводил с меня испытующего взгляда, Алонсия же вообще задержала дыхание.

— А про вас говорят, — сказал он наконец, — как о кровавом чудовище... Я бы пошел с вами, Ваше Величество.

— К Кейдану?

— Нет, возвращать под вашу руку Сен-Мари. Хотя и не знаю, как это согласуется...

— Увы, — прервал я. — Граф, вы останетесь чуть ли не единственным оплотом стабильности в Гандерсгейме. Я скоро выведу отсюда войска. У вас авторитет, власть, уважение.

Он криво усмехнулся.

— Мергели больше всего чтут силу.

— Знаю по себе.

— А я, — сообщил он скромно, — победил их сильнейших бойцов. После чего те, по их обычаяу, поклялись служить мне. Вот так я и стал тем... кем стал.

— Прекрасно, — сказал я. — Значит, с Алонсией

не проклинаете меня? Я решал тогда вообще-то свои проблемы...

— Я понял, — сказал он. — Мы поняли. Но что нам оставалось делать? Но все равно спасибо. Первый год был трудным, но теперь мы счастливы... Его величеству Кейдану я доложу немедленно.

— Думаю, — сказал я, — он не станет колебаться. Он посмотрел настороженно.

— Почему?

— В прошлый раз, — пояснил я, — когда он явился на выборы, показался мне достаточно... нацеленным.

— Я сейчас же сообщу ему о вашем желании, — ответил он.

— С ним много людей?

Он покачал головой.

— Много только у короля на троне.

Глава 12

Похоже, Вильярд благородно и щедро уступил Кейдану почти половину крепости, хотя нужды в этом не было, однако дело в престиже, потому я шел по длинному коридору с узкими бойницами в наружной стене, пока не вышел в небольшой зал.

В кресле дремлет придворный Кейдана в его цветах и с королевской эмблемой на плече. Он вздрогнул, заслышав уверенные шаги, тряхнул головой, затуманиенный взгляд поймал мою фигуру.

Я видел, как он вздрогнул сильнее и поднялся, как полагаю, помимо своей воли. Лицо постаревшее и обрюзглое, я с изумлением узнал герцога Боэмунда Фонтенийского, верного советника короля Кейдана.

Он уже справился с изумлением, во взгляде откро-

венная ненависть, проговорил, не удостоив меня даже микроскопическим поклоном:

— По просьбе хозяина замка графа Вильярда его величество король Кейдан соизволил согласиться дать вам аудиенцию.

— Весьма благодарен, — ответил я с иронией. — Я польщен! А то все думал, как мне жить, если его величество король Кейдан, владетелин Барруа и Мон-тегю, владетельный граф Перрине и гранд Прованса, герцог Госсюйенса и князь Арраса... я ничего не пропустил?.. Может быть, пару каких-то деревенек, что так важны для его величества?

Он произнес сухо:

— У вас хорошая память, ваше... высочество.

— Величество, — напомнил я. — Вам разве не сказали?

— Мы пока не получили подтверждения, — отрезал он.

Я отмахнулся.

— Ну и ладно. Что титулы? Важнее то, у кого меч длиннее. Кстати, мне нравится ваша верность королю. И хотя он больше не поднимется, это понимаете, так что в вашей верности корыстных мотивов нет... Это хорошо. Даже у Кейдана, как вижу, могут быть верные и преданные ему люди. Итак, ведите, сэр Боэмунд!

Он сказал чопорно:

— Подождите здесь. Я доложу о вашем прибытии.

Я кивнул.

— Хорошо. Я терпеливый. Господь тоже, кстати, долго терпит, но потом... вы знаете, что потом?

Он пожал плечами.

— Никто не знает помыслы Господа.

— Но мы знаем, — напомнил я, — что бьет он

весьма больно. Вам рассказать на досуге про Содом и Гоморру?

Он удалился, каждым движением толстого зада подчеркивая, что я всего лишь один из, а к его величеству такие вот прут толпами, надоели.

Вернулся он достаточно скоро, не рискнул играть в придворные игры, произнес высокомерно:

— Следуйте за мной.

— Следую, — ответил я мирно. — Хотя на самом деле я вообще-то ни за кем не следую, потому все на своей дурной голове или не совсем голове... но это вопрос философский, не для придворных как бы умов.

Вошли в небольшую комнатку, за столом человек в цветах короля Кейдана, почти за его спиной массивная дверь с вычурной ручкой в виде оскаленной морды.

Он нехотя поднялся и легонько поклонился.

— Сэр Ричард...

— Здравствуйте, сэр Алан, — сказал я почти весело, — де Сен-Валери!.. Второй верный до конца и преданный соратник. Я удивлен и рад за ваше чувство долга.

Он ответил сухо:

— Благодарю за оценку, сэр Ричард.

— Мне бы побольше таких, — сказал я. — А то сейчас все верны, а сколько их останется, если я вот так же потерял бы все?

В его взгляде я прочел страстное желание, что поскорее бы это случилось, вот поплясал бы на моей могиле, но не ответил, а вышел из-за стола, поклонился закрытой двери, после чего деликатно постучал.

С той стороны донесся усталый голос, сэр Алан отворил дверь и звучно провозгласил в пространство:

— Принц Ричард Завоеватель к его величеству ко-

ролю Кейдану, владельцу Барруа и Монтегю, владельцу графу Перрине и гранду Прованса, герцогу Госсюйенса и князю Арраса...

Я смолчал, в таких ситуациях всяк, наверное, пытается поднять свою значимость хотя бы с помощью звучных титулов, шагнул через порог.

Комната, конечно, бедная, но у Вильярда и остальные не лучше, он пока занят выживанием, а не украшением замка. На стенах развешано оружие, как же иначе, все-таки Вильярд остается Вильярдом, а за массивным столом сидит сам Кейдан.

Он поднялся, когда я вошел, и, выпрямившись, смотрел на меня с непроницаемым лицом.

Все такой же рослый и моложавый, но с печатью поражения на лице и во всем облике, хотя и старается этого не выказывать. Все еще крепкий с виду, сильно похудел за время скитаний или морского плавания, раньше живот почти свисал через ремень, а по бокам нависали толстые валики жира, теперь все исчезло, появилась, можно сказать, даже талия.

Отвисающие щеки не просто похудели, но и чуточку подобрались, неопрятная пегая бородка сбрита на чисто, и хотя нижняя челюсть совсем не лошадиная, но все же по-прежнему чувствую его силу, властность, крутой нрав.

Я проговорил медленно, не сводя с него взгляда:

— Сэр Алан... вы можете оставить нас?

Герцог взглянул на Кейдана. Тот, чуть помедлив, кивнул. Герцог засопел сердито, повернулся и вышел, плотно и слишком громко закрыв двери.

Кейдан все так же молчит, отдавая инициативу мне, раз уж пришел, то и говори, зачем явился.

Я сказал как можно более ровным и контролируемым голосом:

— Присутствие ваших верных придворных нам бы помешало. А так тет-а-тет сможем тщательнее обсудить важные для нас вопросы. И даже особо важные.

Он взглянул в упор, снова помедлил и указал мне на кресло по эту сторону стола.

— Вы можете присесть.

— Благодарю, — ответил я и, направляясь к креслу, обронил небрежным голосом: — Кстати, я король. Три королевства: Варт Генц, Скарлянию и Эбберт — воссоединил и назвал Великой Улагорнией. Заодно в какой-то мере подчинил себе еще несколько королевств. Во всяком случае, там везде стоят мои войска, и со всеми подписан договор... Так что будем разговаривать как король с королем.

Он посмотрел на меня холодно, смолчал.

— Должен сказать, — продолжал я, — вы мне очень не понравились с первой же минуты, как вас увидел. Вы нагло вломились в суверенные владения герцога Готфрида, моего отца, а там попытались даже выдать мою сестру Дженифер за одного из ваших любимчиков!.. Этого вполне достаточно для лютой ненависти.

Он хранил молчание с абсолютно бесстрастным лицом. Я перевел дыхание и сказал с некоторым удивлением в голосе:

— Первое впечатление самое стойкое, вы это знаете. Я вернулся в свои северные страны, а когда вернулся в Сен-Мари... не хочу напоминать, как это случилось, я вас ненавидел весьма привычно все так же. Однако за это время я поднимался по лестнице титулов, на меня давил груз все большей власти, и однажды я подумал со злостью, что вы воспользовались отсутствием герцога Готфрида, чтобы ликвидировать автономию Брабанта, для того и его дочь хотели выдать за одного из своих вельмож!.. Да-да, вы потом

сообщили, что это очень достойный и благородный человек из хорошей семьи с незапятнанной репутацией, но тогда я действовал как член семьи, которая хочет независимости... то есть раздробленности, королевства!

Он снова промолчал, но во взгляде появилась некоторая заинтересованность.

— Хуже того, — сказал я, — все это я чуть позже сделал сам. Ликвидировал автономию Брабанта, выдал милую Даниэллу за одного из моих лордов, обеспечив его верность мне на всю жизнь... даже с независимостью Ундерлендов покончил, что вы старались сделать на протяжении ряда лет!

Он не проронил ни слова, но теперь приподнял голову, в глазах интерес, даже спина выпрямилась.

— Вы пытались наладить охрану со стороны океана, — напомнил я, — но беда в том, что пираты и степные варвары Гандерсгейма все еще почти один народ, действуют сообща... В общем, я не нашел ничего такого в своих начинаниях и победах, что не пытались делать вы. Ваше Величество?

Это уже был прямой вопрос, он поморщился и нехотя разлепил губы.

— Что вы хотите услышать?

— Признание, — сказал я, — что я действовал по вашему плану, хотя его и не видел. А это значит, что у нас, хорошо это или плохо, но очень много общего... хотя, я уверен, вы ненавидите меня больше, чем я вас.

Он ответил с нескрываемой неприязнью:

— А разве у меня не больше поводов?

Я кивнул.

— Согласен. Вообще-то у меня вообще нет повода вас ненавидеть, если уж по-честному, а вот у вас... Но

я пришел с деловым предложением, что хоть немного сгладит... вражду.

Я замолчал, ожидая реакции, и он без охоты и всякого интереса проговорил:

— Мне как-то нет необходимости что-то... сглаживать.

— Вообще-то и у меня нет, — признался я. — Что сделано, то сделано. Я вообще-то далек от роли кающегося грешника. Я даже в серьезных грехах не каюсь, всегда нахожу им оправдание... В общем, дело простое. Я сейчас с огромной армией, собранной на севере, вторгаюсь в Сен-Мари.

Он вздрогнул, напрягся.

— Сразу с трех сторон, — добавил я. — Если не с четырех. Да вы уже знаете: армии стальграфа и рейнграфа находятся в самом Сен-Мари, из Гандерсгейма я отправил закаленные и привыкшие проливать кровь врага и свою армии. Кроме того, эскадра адмирала Ордоньеса сейчас берет на борт наиболее рвущиеся в бой отряды... высаживать их планируем в таком месте, где Вирланд никак не ожидает. Напоминаю, побережье все еще под охраной рейнграфа, так что высадка пройдет в полной тайне и явится неприятной, скажем мягко, неожиданностью.

Он слушал серьезно и внимательно, хотя и старался этого не показать.

— А что, — проговорил он наконец с явной неохотой, — вы упустили сказать о своей северной армии? Насколько я знаю, Тоннель под охраной Ордена Марешала...

— Да-да, — сказал я радостно, — спасибо, что напомнили! Мне удалось с ними договориться. В это время моя Победоносная и Познавшая Радость Побед

проходит через Тоннель и скоро в Сен-Мари запылают города, во тьме заплачут вдовы и выгорят поля...

Он сказал брезгливо:

— Вижу, наслаждаешься.

— Отнюдь, — возразил я. — Отнюдь, сказала королева. С какой стати?.. Ничуть. Однако случится. Вирланд закусил удила и готов сражаться яростно. Зачем я пришел к вам? Объясняю на пальцах. Вы — легитимный король Сен-Мари. Если пойдете с моей армией, количество жертв удастся сократить вдвое. А то и втрое.

У него расширились глаза.

— Что? Пойти с вашей армией? Вы с ума сошли.

— Тоже так иногда думаю, — ответил я с удовольствием. — Нормальные люди сидели бы дома и сопели в две дырочки. А кто и в три.

— Почему, — спросил он, уже справившись с изумлением, — я пошел бы с вами?

— Сен-Мари, — сказал я, — все равно подомнем, но можно сжечь все города и перебить половину населения, а можно обойтись весьма малой кровью. Не кровавые реки, а только ручьи.

Он смотрел зло.

— Вы, конечно, предпочтете первый вариант?

— Зачем? — спросил я цинично. — Если намерен кое-что оставить себе?.. В общем, одни сен-маринцы не захотят воевать против меня, другие бросят оружие и разойдутся по домам, когда узнают, что вы с нами. Можно даже сказать, во главе!..

Его передернуло.

— Я? Во главе?.. Вы с ума сошли!

Я сказал с апломбом:

— Вы же представляете народное воодушевление, когда станет известно, что несправедливо изгнан-

ный король с Божьей помощью идет восстанавливать справедливость? Я имею в виду не изгнание с Божьей помощью, хотя кто знает подробности и помыслы Господа, а именно тот важный пустяк, что король Кейдан идет восстанавливать с Божьей помощью. А что восстанавливать, видно будет потом.

Он поморщился.

— Зачем это все?

— Народ, — объяснил я, — это такие люди, вроде нас, только похуже, поглупее, и от них дурно пахнет рыбой. И не только рыбой. Они любят обиженных, сочувствуют битым. Христиане, в общем, представляете? Можно на гребне этой волны быстро погасить начинаяющуюся гражданскую войну и обойтись без заваленных трупами полей. Вы как насчет заваленных трупами полей? Это же так доблестно и героически!

Он ответил сухо:

— Не одобряю.

— Хозяйственно, — согласился я. — У вас все еще чувствуется королевская жилка. Хватит и заваленных трупами дорог.

Его голос прозвучал с прежней надменностью:

— Я был и остаюсь королем.

Я выставил перед собой ладони.

— Разве кто-то возражает? Ах да, Вирланд... Но мы ему быстро рога съем. Желательно, у нас тут с вами косинус... тьфу, консенсус, сбить рога так, чтобы без заваленных трупами полей. А то и дорог.

Он промолчал, глаза поблескивают мрачно, я сказал убеждающее:

— Конечно, бабы других нарожают, но мы потеряли темп роста мировой экономики Сен-Мари!

Он промолчал снова. Я поднялся и учтиво поклонился.

— Ваше Величество, у вас есть время для глубоко-мысленного обдумывания до утра. На рассвете я выезжаю. Пойдете с нами или нет, мы все равно захватим Сен-Мари. От вас зависит только количество убитых и мертвых жертв, а также разрушений ценного имущества и потери мелкого и крупного рогатого.

Глава 13

В главном зале нервно прохаживается Вильярд, а едва я появился в коридоре, торопливо шагнул мне навстречу.

— Ваше Величество?

Я сделал успокаивающий жест.

— Да не волнуйтесь вы за своего гостя! Даже если мы враги, но у нас есть общий враг, так что мы пока что союзники.

Он с облегчением перевел дыхание.

— Слава богу! А то я, вы правы, должен бы как хозяин и человек, предоставивший кров и защиту...

— Все в порядке, — повторил я. — Его величество король Кейдан отправится во главе похода возвращать себе трон и корону Сен-Мари. Ну, а я, как верноподданный... у меня в королевстве свои интересы, земли, имущество всего Тараксонского порта... не забыли?.. Вот-вот, я со своей армией окажу ему посильную помощь.

Он смотрел с недоверием, тяжелая жизнь не дала развиться чувству юмора, так и не понял, но кивнул, сказал с неуверенностью:

— Вы пообещаете с нами?

— Я же обещал, — ответил я.

Бобик примчал и от избытка чувств завилял уже не

хвостом, а всем задом. Я потрепал его по огромной, как полевой котел кочевников, башке, принюхался.

— Это чем от тебя пахнет?.. Кажется, догадываюсь, кто послал знак... Ну пойдем, пойдем.

Вильярд посмотрел с вопросом в глазах.

— Что, он уже разнес кухню?

— Кухню разнес раньше, — успокоил я. — А сейчас, похоже, побывал у нашего доброго друга Дресслера. Я приду на ужин с небольшим опозданием, сэр Вильярд...

— Не беспокойтесь, — сказал тот торопливо. — Мясо прожарится лучше.

— Иди с ним, — сказал я Бобику. — Слышал? Он говорит о хорошо прожаренном мясе.

Бобик завилял хвостом Вильярду, а я быстро пошел по ступенькам на башню, затем перешел на бег, пока что удается прыгать через две, ладно, уже через одну, зато допрыгал до самого верха, там вломился, слегка запыхавшись, в заваленное всяким хламом помещение.

Дресслер у окна за столом, та же снежно-белая бородища, это какой-то знак, серебряные волосы опускаются до плеч, а когда рывком поднял голову, черные, как антрацит, глаза вспыхнули живейшим интересом.

— Ваше Величество... Когда я увидел вашу собачку, то понял, вы здесь проездом и долго не задержитесь.

Я прошел через комнату, по-хозяйски сел за столом напротив.

— Я тоже понял, почему от Бобика так пахнет... Он тут не все переколотил?

Он отмахнулся.

— Ничего важного. Очень аккуратный песик.

Я всматривался с живейшим интересом. Выглядит стариком, но движения не старческие, а глаза, что

должны уже выцвести от возраста, горят энтузиазмом. А если вспомнить, какой путь он проделал с Вильярдом, то не стоит удивляться, что по несколько раз в день поднимается на верх такой башни.

Я спросил весело:

— Как тебе здесь?.. А то... Погоди-погоди. Откуда знаешь, что я уже король?

Он дернул уголком рта.

— Но это же очевидно! Я сразу узнал. Еще в тот день.

— А почему никому не сказал?

Он пожал старчески узкими плечами.

— Зачем? Пришлось бы долго объяснять. Потом захотели бы еще что-то узнать или увидеть. Ерунду какую-нибудь.

— Недостойную твоего высокого внимания, — сказал я понимающие. — Это верно, не все свои способности нужно показывать. Не мальчишки. Другое дело, перед бабами...

Он посмотрел на меня остро и ответил с долей сарказма:

— Вот-вот, Ваше Величество.

— Давай без намеков, — сказал я. — Я сам не знаю, что я могу. А ты знаешь?

Он помотал головой.

— Откуда? Я только то, что есть на виду. В смысле, что уже проявлялось.

— Но уже успел установить контакт с местными магами?

Он посмотрел на меня с укором.

— Это у вас контакт, Ваше Величество. А нас они едва заметили.

— А эту крепость?

— Для них это пустяки. Все равно что вы муравьям

уроните капельку меда. А вот вас уважают!.. Кстати, как вы использовали Камень Яшмовой Молнии?.. А то я так и не ощутил.

— Никак, — ответил я честно.

— Что-о?

— Лежит у меня в столе, — объяснил я. — Все руки не доходят. Да пока ни к чему. Я слышал, им можно сжечь целое королевство?

— Королевство не королевство, — ответил он, — но город или большое войско можно. Однако вы...

— Пусть лежит, — прервал я. — Понимаешь, я король-строитель. Ну, в душе. Глубоко в душе. Пусть лежит у меня, зато никто другой не воспользуется. Если найдешь что-то такое, что помогает строить, только свистни! А то эти зачарованные мечи, топоры, кинжалы, луки уже осточертели. Как будто нет еще какого-нибудь достойного занятия, как убивать друг друга!

Он смотрел с изумлением.

— Вы правда так думаете?

— Что?

— Вы же рыцарь, — напомнил он. — Должны думать о том, как убивать соседей и расширять свою кормовую базу.

Я огрызнулся:

— А что я все это время делаю? Но хочу и застраивать то, что уже захапал. Первое на инстинктах, второе — по уму.

Он ухмыльнулся.

— Потому и собираете в своих владениях умных? Знаю, слышал. К вам стекаются маги и шарлатаны, колдуны и обманщики, чародеи и фокусники... Говорят, вы как-то умеете их различать и обманщиков сразу отсеиваете?

— Так и говорят? — спросил я с тревогой. — Что

ж, пока что великий инквизитор меня еще терпит. Мудрых людей защищать необходимо, сами они защищаться обычно не могут.

Он хмыкнул, выдвинул ящик стола и вытащил изящно поблескивающую, как сосулька, детскую лопатку, какой показалась мне эта вещица. В самом деле выточена из полупрозрачного камня, на рукоятке сложный узор, кромка заточена, словно в самом деле можно копать...

Я повертел ее в руках, осмотрел, протянул обратно.

— Что-то связано с магией?

Он скромно улыбнулся.

— Во всяком случае, это не меч. Лопатами не воюют. Как раз наоборот, ими сглаживают все противоречия между людьми. Дарю!

Я покачал головой.

— Зачем она мне?

Он пожал плечами.

— Как хотите.

Небрежно бросил на пол, я охнул от такого варварства, а лопатка с жалобным треском разлетелась, как и подобает сосульке, на сотни сверкающих частей.

— Зачем?

Он посмотрел на меня с непонятным торжеством.

— Вы же не хотите ее принять в дар...

Я открыл и закрыл рот. От блистающих осколочков донеслись тихие щелчки, они задвигались по полу, поползли из разных сторон к тому месту, где разлетелись вдребезги.

Дрессер наблюдал с застывшим лицом, а я раскрыл рот в изумлении. Осколки сошлись в кучу, подвигались, устраиваясь заново, по ним пробежал общий огонек, и на полу снова оказалась прежняя лопатка, целая и невредимая.

Я охнулся.

— Впервые такое вижу! Что это?

Он ответил с досадой:

— Если бы знал. Ничего еще не выяснил.

— Кое-что выяснил, — ответил я.

— Ваше Величество?

— Что может самовосстанавливаться, — пояснил я.

— Признавайся, много раз бросал на пол?

Он криво усмехнулся.

— Один раз уронил нечаянно. Потом... уже намеренно. Не один раз, конечно. Но ничего больше узнатъ не сумел.

Я поднял лопатку.

— Спасибо, я приобщу ее к своим сокровищам. Она всякий раз превращалась в лопатку?

Он насторожился.

— А во что могло еще?

Я пожал плечами.

— К примеру, могло в вазу... Или во что-то вообще невиданное... Это что так гудит внизу?

— Гонг на ужин, — объяснил он.

— Тогда мне пора, — сказал я. — Спасибо за подарок. Я с ним еще поэкспериментирую.

Когда я выходил из двери, перехватил полный сожаления взгляд Дрессера, брошенный на лопатку в моей руке. Если бы додумался раньше, что может не только самовосстанавливаться, но и трансформироваться...

Глава 14

Служанка настолько долго стелила постель, расправляла простыни и взбивала подушки, что я поинтересовался:

— Что-то хочешь сказать, гордая дочь степей?..

Она обернулась ко мне, в самом деле гордая, гибкая и чуточку надменная, настоящая дочь племени мергелей, глаза загадочно блеснули.

— Я готовлю вам постель, мой лорд. Чтобы вам было удобно...

— Мне будет удобно, — ответил я, — если скажешь, кто тебе велел задержаться у меня до утра.

Она гордо выпрямилась.

— Мне? Могли такое велеть?

— Посоветовали, — поправил я себя, — попросили. Это неважно. Главное, это лорда Вильярда желание или же... графини?

Она посмотрела на меня с некоторой насмешкой.

— И тогда мне будет позволено остаться?

— Да, — обронил я.

Она чуть помедлила с ответом.

— Лорд Вильярд меня послал. Но мне показалось, графиня очень недовольна. Она ничего не сказала, но я видела по ее лицу.

— Это не весьма прекрасно, — сказал я задумчиво. — Как самцу мне это приятно, но как королю... гм... Ты еще не разделась? У мергелей спят одетыми?

Она кивнула.

— Да, мой король. Но я, если хотите...

— Конечно, — сказал я. — Приветствуем приход цивилизации и культуры! Долой косные запреты... Ты за культуру?

Она проговорила настороженно:

— Я за традицию и женскую честь...

— Снимай, — поторопил я, — снимай. И это тоже... Я тоже, кстати, за традиции. Традиции мужского доминирования. А твоя традиция, как я понимаю, сопеть в две дырочки и помалкивать?

— Да, мой лорд...

— Вот и хорошо, — сказал я, — и на хрен нам культуры?

Утром, когда я проснулся, в камине уже весело потрескивают дрова, но это скорее знак прилежания, чем необходимость, в комнате тепло, а рядом со мной только смятое одеяло.

Я быстро оделся, вышел, позевывая, в коридор, у стены напротив, привалившись к ней, с угрюмым видом ждет герцог Бозмунд, хмурый и недовольный.

— Доброе утро, — сказал я жизнерадостно. — Как спалось?

Он зыркнул на меня исподлобья.

— Неважно. А вам, как вижу, везде весело.

— Дык я вообще веселый человек, — объяснил я. — Доброжелательный. Мало ли чего обо мне говорят. Не так уж и много я повесил, а на четвертование отправил совсем единицы. Я очень добрый в самой глубине своей мохнатой души... Что-то стряслось?

Он сказал зло:

— Вы сказали, что утром отбываете!

— А-а-а, — сказал я, — там лед сдвинулся?.. Или не лед?

Он сказал еще злее:

— Это нечестно! Вы используете его величество в своих целях. Конечно же, он не может отказаться от возможности спасти хотя бы часть своего королевства от разрушений! И принимает ваше предложение. Но это подло, ваше... Ваше Величество!

— Это политика, — пояснил я. — Нет честно или нечестно, есть расчет наименьших потерь.

— Расчет? Это гадко!

— Вы говорите, — упрекнул я, — как родовитый лорд, а не как государственный человек.

— Я и есть родовитый лорд!

— Но на службе? — спросил я. — С Кейданом во главе освободительной армии мы войдем в Сен-Мари, не истребляя массы народа, что выйдет навстречу с оружием в руках. И не будет необходимости морить города в блокаде, а потом еще и разорять за неповиновение... Если бы я был полководцем, жаждущим воинской славы, тогда да, конечно! Но разве я не гуманист, весь преисполненный... в общем, преисполненный!

Он сказал с тоской:

— Его величество принимает ваше предложение поехать во главе вашего войска. Но нас, его верных сторонников, волнует другой и очень важный вопрос...

Я подождал, но он умолк, я кивнул и сказал так же благожелательно:

— Понимаю, это очень важный вопрос.

Он посмотрел исподлобья.

— Вы даже знаете, какой?

— Если его величество, — ответил я, — вдруг умрет сразу после возврата Сен-Мари, это вызовет нежелательные слухи, согласны?

Он пробормотал с неудовольствием, всем видом выказывая, насколько шокирован моей грубостью:

— Вы слишком... прямолинейны... Ваше Величество.

— Зато предельно ясен, — ответил я. — Дабы оградить себя от возможных неправильных истолкований моих мотивов, я приставлю к Кейдану своих телохранителей.

— Вы в самом деле...

Я прервал его велеречивую речь:

— Они даже вам не дадут пырнуть его ножом в спину.

Он отшатнулся, шокированный настолько, что потерял дар речи.

— Зачем нам это?

— А чтобы свалить на меня, — пояснил я. — Кто знает, не перевешивает ли ваша пламенная и чистая ненависть ко мне вашу не менее пламенную и чистую преданность его величеству Кейдану?

Он смотрел на меня во все глаза, словно такая перспектива только сейчас пришла ему в голову.

Я сказал в нетерпении:

— Пойдемте. Вы все передали вроде бы верно, но хочу услышать это и от самого Кейдана.

Он поклонился, на этот раз действительно поклонился, а не только сделал вид.

— Следуйте за мной, Ваше Величество.

Кейдан в своей комнатке уже ждет, с ним герцог Алан де Сен-Валери, тот поднялся первым, затем и Кейдан, но не поклонился, просто выпрямился, глаза как у статуи из камня, лицо такое же, можно только позавидовать выдержке.

Боэмунд начал пристранно представлять меня, я прервал его нетерпеливым жестом.

— Герцог, оставим это до Геннегау. Сейчас только о деле.

Кейдан обронил ровным голосом:

— Слушаю.

— Ваше Величество, — сказал я вежливо, но с тем же холодком, — как я понял, вы приняли мое предложение... в целом. Мелочи для нас, государственных мужей, не так уж и важны, но для ушей ваших верных соратников, герцогов Фонтенийского и Сен-Валери, скажу, что когда мы войдем в Геннегау, королевский дворец ваш.

Кейдан слушал молча, не меняясь в лице, зато Боэ-

мунд просветлел, да и на лице Сен-Валери отразилось глубокое удовлетворение.

— Правда, — добавил я, — какое-то время и мне там придется побывать, но мне вообще-то не привыкать делиться с другими королями.

Боэмунд сразу помрачнел, я добавил исключительно для его ушей:

— А дальше будет видно. Обещаю не слишком обременять своим присутствием, так как у меня очень большие территории в Великой Улагорнии, а еще больше... как бы сказать мягче, королевств под моим дружеским влиянием.

Его лицо вроде бы на короткий миг оживилось, но дальше слушал так же настороженно и пропуская каждое мое слово через несколько слоев сита, однако молчал, предоставляя говорить, если понадобится, только его величеству.

Кейдан поинтересовался с иронией:

— И Сен-Мари тоже будет под вашим дружеским влиянием?

Я посмотрел на него с укором.

— Ваше Величество... О некоторых само собой разумеющихся вещах и говорить вслух не принято. Даже в присутствии столь преданных придворных. Разумеется, в королевстве будут проведены необходимые реформы. Больше я подобных ошибок, как случились, не допущу. Моя власть, как догадываетесь, уже никогда не пошатнется, я весьма позабочусь.

Боэмунд нахмурился, Сен-Валери сердито засопел, но оба смолчали. Я покосился на них и добавил:

— Ваши королевские права останутся в полном и даже полнейшем объеме, хотя и существенно урезанными.

Кейдан поморщился.

— Понятно. Мне позволят самому менять сокольничих и выбирать борзых для охоты? Так я понял?

Я широко улыбнулся.

— Мне нравится ваше чувство юмора, Ваше Величество. Чувствую, мы сработаемся. А пока собирайтесь, надо спасать Сен-Мари. Рекомендую отправиться на корабле Ордоньеса. Это гораздо быстрее, чем даже на быстрых конях.

Кейдан помолчал, хотя что тут раздумывать, но королевское достоинство не позволяет отвечать сразу, наконец произнес сухо:

— Мы отправимся с первым же кораблем.

Глава 15

На перекрестках крупнейших дорог Сен-Мари небольшие конные разъезды, но по мере того, как я на арбогастре и с Бобиком, стремительно проскочив мимо Брабанта, на большой скорости приближался к океанскому побережью, все сильнее чувствуется присутствие армии.

Чаще всего это просто конные патрули на перекрестках дорог, но все-таки раньше такого не наблюдалось, молодец Вирланд, милитаризует страну.

Таких постов на дорогах много, я высмотрел на пути еще один перекресток, телеги идут часто, конные и пешие тоже, такое оживленное место больше всего подходит для распространения слухов, особенно панических, я на огромной скорости промчался к самому патрулю и резко остановил арбогастра.

Он уперся всеми четырьмя, вспахав глубокие канавы в пять ярдов длиной, и мы остановились почти лицом к лицу к лениво расположившимся у костра патрульными.

Они вздрогнули, вскочили, но Бобик встал перед ними со зловеще распахнутой пастью и горящими багровым огнем глазами, и все застыли, страшась пошевелиться.

— Ну что, орлы, — сказал я так ласково, что все пятеро побледнели, вот-вот грохнутся от ужаса в беспамятство, — встречайте своего короля... Да-да, я уже не принц, а король. А через Тоннель сейчас идет сюда армия северных варваров, свирепых и жадных до богатств Сен-Мари... Мы разгромили Мунтвига, теперь здесь разнесем все... По моему приказу не оставят в живых ни одного, кто посмеет противиться их великому вождю Ричарду!.. Вот так и доигрались со своим герцогом Вирландом...

Не дожидаясь, пока кто-то пролепечет что-то в оправдание, я тронул коленями бока арбогастра, мысленно веля ему уйти на большой скорости, но так, чтобы у меня не оторвалась голова, а сам пригнулся к его шее.

Бобик все понял, и мы все трое буквально исчезли, а патрульные настолько застыли в ужасе, что вряд ли кто-то даже сможет указать, в какую сторону нас унесло.

Сделав полукруг, мы понеслись к Большому Хребту, держась в сторонке от дороги, что ведет к Тоннелю.

В десяти милях от зияющего черного отверстия выится густой лес, тянется, изредка прерываясь, почти через все Сен-Мари, и я еще издали сразу заметил на опушке знамена моей Непобедимой и Познавшей Радость Побед.

Как и указано Норберту, знамена то показываются из леса, то скрываются, якобы идет постоянная перегруппировка прибывающих войск. Блестит на солнце начищенное железо рыцарей в полных доспехах, мо-

лодец Норберт, сумел даже их провезти среди якобы товаров. Не рыцарей, конечно, доспехи, но его разведчики вполне сыграют надменных рыцарей-лордов, за которыми стоят многотысячные дружины.

Бобик унесся вперед, старается, это чтобы избежать надоевшего «Стой, кто идет?», разве не видно, что Бобик идет, а за ним обязательно притащится копытное с Великим Лордом на спине?

Патрульные все же выбежали навстречу, уважительно избегая столкновения с Бобиком, похожим на молодого резкого носорога. Один поспешно ухватил повод арбогастра, крикнул:

— Я держу, Ваше Величество!

Арбогастр даже не удостоил его взглядом, как же, удержит, а я соскочил на землю и пошел навстречу Норберту, что как эльф неслышно вышел из-за деревьев, коротко поклонился.

— Ваше Величество.

— Барон, — сказал я, — вам удалось провести на эту сторону даже больше людей, чем я ожидал!

— Но меньше, — ответил он, — чем хотелось бы мне. Граф Гуммельсберг сумел провести, к моему стыду, еще больше людей.

— Граф Гуммельсберг, — утешил я, — хитрый змей. А рыцари Ордена — люди честные, чистые и простодушные.

Он вздохнул.

— Потому их не подкупить, не уговорить, не задобрить.

— Как обстановка? — спросил я.

Мы медленно прошли между деревьями, где расположились люди Норберта, их сразу отличишь от блестящих рыцарей Альбрехта, как только он и уго-

ворил их снять доспехи или прикрыть тряпьем престолюдинов.

Норберт поглядывал на меня с уважительным интересом, проговорил на ходу:

— Мои люди начали собирать сведения... И первое, что услышали, это панические слухи, что через Тоннель сюда уже вошла огромная армия диких северных варваров. Дескать, мы едим сырое мясо и одеваемся в шкуры. Интересно, кто такую клевету возводит? А еще мы огромные, как деревья, и свирепые, как волки! Ну ладно, это даже хорошо, почетно. В общем, эти звери разорят Сен-Мари и убьют жестокой смертью всех, кого увидят с оружием...

Я покачал головой.

— Какой невежественный народ. А еще высокая культура!

— Я тоже так подумал, — подтвердил он. — Правда, в этих одинаковых слухах уловил какие-то знакомые интонации.

— Ничего нет нового под луной, — ответил я. — Думаю, и в безлунные ночи тоже. А под солнцем так вообще одни повторы.

— Да, — согласился он. — Жизнь тоже повтор. К нашей удаче, эта странная паника уже нанесла Вирланду поражений больше, чем если бы мы обрушились всей мощью. Или, как вы говорите, со всей дури.

— Удача ни при чем, — ответил я с надлежащей самоуверенностью. — Это как бы интуитивный расчет, глубоко продуманный и потому спонтанный. Каков размер паники?

Он сказал довольно:

— Народ из армии Вирланда бежит уже не поодиночке, а целыми отрядами.

— Прекрасно, — сказал я, — а так называемое мирное население?

— Тоже бежит, — доложил он сокрушенно.

— Ничего, — сказал я, — вернется. В мирное время народ не трогают, все это понимают.

Он покачал головой.

— Но это вы здорово придумали, Ваше Величество. Это же ваших рук дело?

— Победа в информационной войне, — сказал я, — это весьма. Весьма, я бы сказал!.. Думаю, я в этом хороши.

— Еще бы, — ответил он. — Вы от воина все больше уходите к политикам. Наверное, на уровне короля это и правильно?

Воины распахнули перед нами полог шатра защитного цвета, ай да Норберт, как это он додумался, шатры всегда бывают только ярких праздничных расцветок, хорошо заметные издали...

— Даже королю, — сказал я с досадой, — непонятно, что делать с Тоннелем. Я поговорил с рыцарями Марешаля еще разок, но уже видно, Тоннель отказываются передать в мои руки. Дескать, служат миру и процветанию, потому армии не должны проходить через Тоннель ни в одну, ни в другую сторону.

Он сказал с неодобрением:

— Я думал, Орден Марешаля в руках герцога Готфрида...

— Герцог Готфрид, — напомнил я, — всего лишь верховный магистр. Решения принимает обычно совет магистров, а мы... гм... недостаточно вчитались в устав Ордена.

— А что там не так?

Я ответил, морщась:

— Там все так, это мы не так. Устав прекрасен!..

Даже слишком. Но мы живем не на самой прекрасной земле. И если будем стараться ходить только по чистому, вообще нельзя за порог.

— Значит, — спросил он, — повлиять на их решение никак? Чтобы передали Тоннель снова в ваши руки?

— Не получится, — ответил я. — Это же ломать устав!.. Нет, они чувствуют себя правыми.

Он пробормотал:

— Вообще-то они и есть правы, но что делать...

— Не знаю, — сказал я. — Не знаю, что и как делать, к тому же проклятое время работает против нас. Пошлите за Альбрехтом, надо будет посмотреть диспозицию.

Полог отлетел в сторону, Альбрехт вошел во всем блеске могущественного графа: доспехи из Вестготии, синеватая сталь лучшей выделки, все сочленения подогнаны с минимальными зазорами, на кирасе насечка изумительно филигранного рисунка морды оскаленного льва, широкий кожаный пояс укрыт серебряными бляхами, ноги упрятаны в сталь, а за обладание такими сапогами короли могут начать войну.

— Впечатляет, — сказал я с чувством. — И другие такие же?

Он горделиво наклонил голову.

— Ваше Величество... Я не мог не оправдать ваши ожидания.

— Вы их превзошли, — заверил я. — Информационная атака уже вносит жестокое смятение в ряды противника, уцелевшие бегут, фанатики клянутся умереть, но не сойти с места, что нас устраивает. А сейчас давайте посмотрим на карту.

Норберт выглянул, проверил, как бдит стражи, дело

чрезвычайно важное, никто из посторонних не должен услышать хотя бы слово.

— Ваше Величество, мы готовы.

Я кивнул на карту, что заняла всю столешницу.

— Это Сен-Мари, если кто уже забыл. Красным я отметил замки и крепости, которые в свое время передал своим наиболее отличившимся рыцарям и военачальникам.

Альбрехт проронил первым:

— Понятно. Теперь снова наши. А эти вот... коричневые?

— Коричневым те, — сказал я, — хозяева которых рьяно поддержали Кейдана. Патриотов среди них нет, успокойтесь. Это шкурники, при Кейдане катались как сыр в масле, потому и драли за него глотки. В изгнание за ним не последовали.

Норберт помалкивал, Альберт сказал снова:

— Понятно. Этих тоже. А эти, которые со знаком вопроса?

— Это просто поддержавшие мятеж Вирланда, — сказал я. — Среди них есть и достойные люди, потому... хотя вообще-то сперва будем придерживаться своих интересов, а уже потом примем во внимание все остальное.

Норберт проронил:

— Своих... до какой границы?

— С кораблей высадятся преданные мне люди, — объяснил я. — Часть из них отличилась весьма... Не только ради них самих, но и для бодрости духа армии их нужно наградить.

Альбрехт заметил холодно:

— Причина не так важна. Важнее показать сен-маринцам, что не стоило плевать нам в спины.

— Важно, — согласился Норберт. — Заповеди за-

поведями, но Господь не против, если для наглядности подкрепим и более простыми аргументами. Но вы уверены, что мы достаточно легко перемелем армию Вирланда?

Я на минутку оторвал взгляд от карты, все смотрят очень внимательно и серьезно.

— Положение Вирланда, — пояснил я, — не такое уж и блестящее. Да, его поддержало больше сен-маринских лордов, чем меня или даже Кейдана. Это высший триумф Вирланда, однако он так и не сумел или не захотел воспользоваться преимуществами своего положения.

Норберт проворчал ревниво:

— Не такие уж и преимущества.

— Сен-Мари, — напомнил я, — огромное и густонаселенное королевство. Вирланд мог бы собрать такую же армию, как и я, когда спешно выстраивал защиту от Мунтвига. Все-таки это не куда-то идти, а здесь, на месте... Он знает, что стальграф и рейнграф привязаны к местам: один охраняет порт от всех-всех, даже от Вирланда, второй бдит на побережье, высматривая в море пиратов, что вполне устраивает Вирланда и всех сен-маринцев.

Альбрехт проронил:

— И даже армия, что осталась в Гандерсгейме, не сильно его тревожит, так как нам все еще приходится степных варваров держать в повиновении и покорности.

— Вот-вот, — согласился я. — С другой стороны, сам Вирланд, будь помоложе и побезрассуднее, попытался бы решить проблему одним-двумя мощными ударами. Все-таки, надо признать, Сен-Мари может выставить армию вдесятеро больше, чем у стальграфа с рейнграфом вместе с гандерсгеймцами.

Норберт сказал почтительно:

— Ваше Величество, он все еще надеется перетянуть нас на свою сторону.

Альбрехт поморщился.

— Тогда он человек не совсем умный. С чего ему надеяться?

Норберт ответил с полнейшим хладнокровием:

— Он больше политик, чем полководец.

Я посмотрел на обоих.

— Что, он уже успел послать к вам гонца?

— Слухи разлетаются быстро, — сообщил Норберт. — Как только мы прошли на эту сторону и начали маячить со своими знаменами всей армии, местные помчались от нас в ужасе, как от драконов. А Вирланд тут же прислал гонца, который был уполномочен предложить нам золотые горы, если перейдем на его сторону.

Я спросил с интересом:

— Вы ему что-то пообещали?

Альбрехт коротко усмехнулся.

— Нет. Но и не отказывали прямо.

— Хорошая тактика, — одобрил я. — Ладно, теперь что делать дальше. Вы оба с небольшими отрядами — небольшими! — продвигаетесь во-о-от сюда... здесь от океанского побережья прямой путь на Геннегау. Если рейнграф не дурак, а он точно не дурак, то его лагерь останется там...

Альбрехт спросил с настороженностью в голосе:

— А он там? Вы точно знаете?

— Да, — ответил я. — Корабли Ордоньеса возят туда пополнение. Как из Гандерсгейма, так и из Вестготии. Рейнграф свято верит, что я вернусь и пойду на Геннегау, потому держит плацдарм. Сейчас туда уже

идут корабли с отборными отрядами, в том числе везут и короля Кейдана.

Альбрехт вскинул брови, но смолчал, Норберт сердито фыркнул.

— А он зачем?

— Пригодится, — пояснил я. — Мы будем действовать вроде бы в интересах Кейдана, возвращая ему трон, но что на самом деле... объяснять не надо?

Норберт поморщился, но кивнул.

— Да, понимаю. Тогда, Ваше Величество, я сейчас велю собираться. А то вы все равно там окажетесь раньше.

Он вышел, не дожидаясь моего кивка, мы с Альбрехтом слышали его строгий командный голос, после которого сразу донесся топот множества ног, звяканье железа, конский топот.

Вернулся он скоро, кивнул Альбрехту, дескать, и его людям передал тот же приказ, повернулся ко мне с ожидающими глазами.

— Все верно, — одобрил я. — Сейчас перекусим, затем в путь-дорогу.

— Я своих уже отправил, — сообщил Норберт кратко. — Хоть одну милю да успеют пройти.

Часть вторая

Глава 1

Бобик на бегу оглянулся, далеко впереди возник и начал приближаться огромный лагерь из простых палаток и десятка шатров для лордов.

Он раскинулся между двумя широкими дорогами, одна ведет в далекий Тараксон, а вторая, что поменьше, к океанскому побережью.

Я ухмыльнулся, представив лица местных вояк, когда увидят и поймут, кто промчался мимо, это конец тихой жизни, когда спиши, а жалованье идет.

Часовые только успели головы повернуть, когда я нарочито придержал аргогастра и крикнул страшным голосом:

— Вы еще здесь?.. Хорошо!.. Будет много трупов и много крови!.. Ха-ха-ха!

Бобик показал страшные зубы, в следующее мгновение нас увидели за сотню ярдов, а затем их видение исчезло так быстро, что в лагере не успели вызвать из шатров военачальников.

Я даже не оглядывался, Вирланд избрал выжидательную тактику, а это с его огромной воинской мощью по меньшей мере неразумно. А меня это радует, все-таки приятнее иметь дело с теми, над кем сразу чувствуешь превосходство. Пусть не в силе, а в маневре, скажем так.

Бобик исчез в направлении океана, а мы с арбогастром увидели стройные ряды палаток раньше, чем ощутили соленый морской воздух. В идеальном ровном строем палаток чувствуется что-то гиллебердовское, а четыре огромных шатра расположены посередине.

Как я прикинул, здесь по меньшей мере две армии, словно и стальграф, который должен охранять Тараконскую бухту, тоже здесь. Часовые не просто выдвинуты далеко вперед, я не успел глазом моргнуть, как справа и слева оказалось по дюжине всадников с обнаженным оружием в руках.

Один крикнул возвышенным голосом:

- Слава Его Величеству королю Ричарду!
- Ура! — заорали всадники.

Ко мне подъехал рыцарь в блестящих доспехах прекрасной выделки, но все же доспехи турнедского фасона.

— Ваше Величество, — сказал он, — барон Блейкер Кардифф к вашим услугам. Мы как увидели вашу собаку, о которой уже легенды идут, сразу все поняли.

Я сказал ошарашенно:

— Да, хорошая собачка. А как узнали, что я уже король?

— Сегодня прибыл корабль из Гандерсгейма, — сообщил он. — С отрядом рыцарей и новостями.

— А-а, — сказал я с облегчением. — Все понятно, а то уже мало что в голову лезет. Рейнграф здесь?

— Да, мы едем к его шатру.

— А стальграф?

Он взглянул на меня несколько удивленно.

— Стальграф в Тараконе. Охраняет бухту и порт.

— А почему здесь такая армия?

Он довольно улыбнулся.

— Прибавилось войск из Гандерсгейма, а еще больше — из Вестготии.

Часовой услужливо поднял и придержал полог, из шатра быстро вышел рейнграф Чарльз Мандершайд, шагнул ко мне и преклонил колено.

Я покинул седло, поднял его и обнял.

— Рейнграф, — сказал я с чувством, — вы остались верны своему долгу, несмотря на все посулы нынешних правителей Сен-Мари. Но ваше терпение и преданность скоро будут вознаграждены, ибо час возмездия пробил!

Он ответил сдержанно, но я чувствовал, каких усилий ему стоит держать себя в рамках воинской дисциплины:

— Ваше Величество... мы готовы.

— Это будет скоро, — заверил я. — А сейчас, дорогой сэр Чарльз, пойдемте в шатер. Я хочу получить полный доклад о положении в этом регионе, а также о всех наших силах.

Норберт прибыл к концу дня, Альбрехт со своими тяжеловооруженными рыцарями на бронированных конях достиг лагеря только на следующее утро, доспехи снял с облегчением, оставил кирасу, помылся и облачился в самый праздничный наряд.

— Все знамена захватили, — сообщил он деловито. — Если расставить как надо, то северная армия уже здесь. Или хотя бы ее половина.

— Только не подпускайте чужаков слишком близко, — напомнил я.

Норберт сообщил:

— Сэр Чарльз очень строг. У него даже муха не подлетит близко!.. Он ничего не упускает.

— Хорошо их Гиллеберд выдрессировал, — одобriтельно заметил Альбрехт, но посмотрел в мою сторону

и уточнил, — но то пустяк в сравнении с тем, что с нами делает Его Величество король тот самый Ричард!

Норберт окинул придирчивым взглядом его яркий наряд.

— Вы точно готовы идти в бой? Или только на карнавал?

Альбрехт выпятил нижнюю губу и посмотрел на него свысока, хотя вообще-то Норберт чуточку выше.

— Разве мы не на празднике восстановления исторической справедливости?

Я смолчал, а Норберт поинтересовался ехидно:

— Что, уже и домик в Геннегау присмотрели? И чьи-нибудь земли?

— Тыфу на вас с высокого дерева, — сказал Альбрехт с достоинством. — А как же слава, доблесть, воинские подвиги?

— Какая слава, — ответил Норберт, — если всего лишь Его Величество возвращает свое? Это не те победы, которыми гордятся.

— Тогда ладно, — ответил Альбрехт рассудительно, — нет славы — возьмем домиками да землями.

За стенкой шатра простучали быстрые шаги, полог резко отлетел в сторону, на пороге появился Гаргастер, сотник Норберта, прокричал быстро, захлебываясь словами:

— Ваше Величество! В сторону нашего лагеря движется большой отряд сен-маринцев!.. Впереди герольд с белым флагом переговоров!

Норберт и Альбрехт застыли, даже рейнграф взирался на меня в ожидании быстрых решений. Я удержал радостную улыбку и проговорил неторопливо:

— Переговоры? Это хорошо. Я переговоры весьма одобряю. Даже люблю, это же не работать, а языком

туды-сюды. В этом деле я зело силен. Чье знамя у предводителя?

Гаргастер ответил так же быстро:

— Герцога Вирланда Зальского.

— Ого, — сказал я, — он сам, что ли? Как бы лично?

— Не рассмотрели, — признался он. — Все одеты пышно, едут со стороны солнца, глаза слепит...

— Ладно, — сказал я, — скоро узнаем. Иди, следи за их прибытием.

Он исчез, я повернулся к лордам.

— Небольшой перерыв. Мы примерно понимаем, что предложит герцог. Как мудро сказал сэр Норберт, Вирланд был хорошим полководцем, но сейчас поднялся на ступеньку выше и стал хорошим политиком. И понимает, что на самом деле положение его совсем не блестящее.

Альбрехт напомнил:

— Но сил у него пока что в несколько раз больше.

— Он об этом скажет не один раз, — согласился я.

— Но это не слишком убедительный козырь. Империю обгрывают по частям, а Сен-Мари сейчас в очень непривычном для себя положении. Из Тараконской бухты мощный кулак армии стальграфа Филиппа Мансфельда движется сейчас на соединение с нашей, охранять береговую линию теперь без надобности, этим занимается флот, а мы угрожаем со стороны океана. Но и это еще не все!.. От Гандерсгейма идет наша победоносная армия, разгромившая варваров и установившая там наши знамена...

Рейнграф вскинул брови.

— Не опасно оставлять Гандерсгейм без защиты?

Альбрехт усмехнулся и что-то пошептал ему на ухо. Сэр Филипп слушал с напряженным лицом, кивнул, но тревога с лица не испарилась, скорее усилилась.

— А самое главное, — сказал я, — наша Познавшая Радость Побед мощно и неудержимо идет через Тоннель, дабы сокрушить...

Рейнграф снова вскинул брови, но Альбрехт посмотрел на него с укором и покачал головой.

— Герцог Ульрих Ундерлендский, — закончил я, — вроде бы поддержал мятеж Вирланда, хотя мы с ним в одном Ордене Марешаля, но это не мешает ему ревниво отстаивать автономию Ундерлендов, а при Вирланде это будет легче, чем при Ричарде, который все старается подмять под себя.

Прогремел приближающийся стук копыт, голоса стражей зазвучали строго, донесся крик:

— Передайте Его Величеству, герцог Вирланд с посольством подъехал к лагерю!

Я сказал быстро:

— Пойду на переговоры, а вы пока ждите. Возможно, понадобится ваша консультация.

За пределами шатра я оглянулся на лагерь, везде одинаковые красные шатры по всему зеленому полю вплоть до прибрежного песка, никаких красот, голый рационализм, чувствуется армия нового типа, что Вирланд, как опытный полководец, если и не поймет, то ощутит всеми фибрами души военного человека.

Сколько их здесь, Вирланду не сосчитать, рейнграф умело расположил людей достаточно далеко от берега, чтобы обеспечить себе свободу маневра.

— Бобик, — сказал я строго, — останься. Я никуда не уезжаю.

Он посмотрел с укором, но я смотрю честными глазами, он вздохнул и побежал в шатер рейнграфа, там уже успел обучить оруженосцев сэра Мансфельда бросать бревнышко далеко и без устали.

Мне подвели арбогастра и проводили за пределы

лагеря, я вскинул руку, останавливая их, дальше Зайчик понес меня в одиночестве.

Со стороны Геннегау, пусть он и очень пока далеко, двигается большая группа всадников. И хотя это рыцари, но сразу видно, что это высшее рыцарство королевства, и едут не на войну, а для представительства.

Короля играет свита, сейчас они играют Вирланда, выказывая своим присутствием, насколько он силен и могущественен.

Я выехал почти на полмили вперед и остановил арбогастра. Всадник, что едет во главе отряда, вскинул руку, и его многочисленная свита начала придерживать коней. Дальше поехал один, рослый и неподвижный, еще больше раздавшийся в пояссе, брюхо стало совсем заметным, хотя прикрыто бляхой на ремне, больше похожей на круглый щит.

Еще ни разу я его не видел без доспехов, он и сейчас весь в металле, только забрало поднято, лицо суровое и угловатое, обветренная кожа и жестокий взгляд, в таком сразу видишь человека, привыкшего к походным кострам, хотя Вирланд последние годы жил абсолютно мирной жизнью. По крайней мере, пока ему не предложили трон.

Он рассматривал меня так же внимательно, как и я его. Оба мы изменились, а он заранее хочет увидеть, что во мне иное, чтобы точнее вести переговоры.

Я молчал, давая ему время приблизиться, но и когда он остановил коня, продолжал хранить молчание, это же он пришел, ему и начинать, хотя король я, он должен бы дождаться моего милостивого соизволения, но, с другой стороны, это он на троне, кто же по возрасту старше...

— Приветствую, — проговорил он хмуро, но вежливо, — сэр Ричард... и как я слышал, уже Ваше Величество?

— Вы слышали верно, — ответил я учтивым, но предельно холодным голосом. — Да, я король. Королевство мое велико и обильно, и порядок в нем... обеспечен.

Он всмотрелся в меня глубоко запавшими глазами, брови над могучими надбровными дугами стали еще гуще и мохнатее, признак возраста, но пока еще черные, как смоль, без единого белого волоска.

— Рад за вас, Ваше Величество, — произнес он формальным голосом вежливого человека. — Что привело вас в Сен-Мари?.. Должен заметить, все королевство в панике. Пересказывают слухи один другого ужаснее про огромных косматых великанов, что уже жгут города и села, насилиют женщин и убивают всех. Кроме того, питаются сырым мясом.

Я сказал любезно:

— Вы, конечно же, все опровергли?

Он нахмурился.

— Утверждение всегда сильнее отрицания, это же вы где-то говорили? Я срочно послал почтового голубя к охраняющим Тоннель, но ответа пока не получил.

— Пошли гарпию, — посоветовал я.

— Простите...

— Гарпии, — пояснил я, — вкуснее. Так полагают драконы, которым я поручил охранять военно-воздушное пространство в районе Тоннеля, объявив его закрытой для полетов зоной. Вообще, герцог, я на этот раз вхожу в Сен-Мари всерьез и надолго. Уже не тот простодушный мальчик, каким вы знали меня в крепости Брабант. Теперь я предусматриваю многое.

Он поморщился.

— Вы никогда не были простодушным. Но, признаю, повзрослели на десяток лет, а опыта набрались на все сто или двести. Но все-таки... вы в самом деле собираетесь превратить Сен-Мари в ад?

Я развел руками

— Герцог... Не совсем я. Вы, конечно, еще не знаете, но мы идем с благородной и справедливой целью, которую весь народ Сен-Мари примет и поймет... восстановить его величество короля Кейдана на его законное место на троне!

Он вздрогнул так, что даже пошатнулся, еще бы чуть, мог бы вообще свалиться с седла. Глаза расширились, а голос внезапно треснул и дал хрипотцу:

— Что?.. Кейдана?.. Вы это серьезно?

— Абсолютно, — заверил я. — Я дал ему убежище в землях, что остались под моим контролем... это Гандерсгейм, чего вы никак не ожидали, верно?

Он качнул головой.

— Да, это было... неожиданно.

— И теперь, — сообщил я гордо, — мы помогаем его величеству всего лишь восстановить свои права. А он, подчеркиваю, именно он пылает гневом на людей, что предали законно избранную власть, а трон почему-то отдали вам.

Он выглядел все еще потрясенным, даже коню это передалось, нервно прядает ушами и беспокойно переступает с ноги на ногу.

— Предательства, — проговорил он наконец, — не было. Если бы я не взял власть, началась бы гражданская война. Кейдан, как король, себя дискредитировал. Вас не желают на троне, вы чужак. А из своих сразу трое-четверо претендентов, это начало кровавой распри.

— Знакомо, — ответил я, — но все же это не отменяет вторжения его величества с нашей помощью и жестокой кары всем, кто посмел. И кто осмелился, несмотря на. Кстати, герцог, если хотите продолжить переговоры, уж простите за недостаточно деликатные

слова, но в интересах безопасности ваших людей я попросил бы вас оставить их там, где они находятся.

Он поинтересовался настороженно:

— А что случилось?

Я объяснил уклончиво:

— У нас все кипят справедливым негодованием на злодейский захват власти в Сен-Мари и дерзкое попрание моих прав. Да-да, это я ратую за восстановление Кейдана, а мои рыцари оскорблены жестоко за меня... За своего сюзерена в ключья порвут кого угодно. Они ж не понимают, что трон мы не возьмем себе, а вернем Кейдану!

— Молодые везде одинаковы, — сказал он со вздохом.

— В обиде за меня, — продолжил я, — начнут задирать ваших, пойдут дуэли, поединки. Должен предупредить, не хвастаясь, мои люди вернулись с войны, как вы знаете. Быстрой, жестокой и победоносной. Там они привыкли убивать и умеют это делать. Это не красивые турниры, где важнее красота приема.

Он потемнел лицом.

— Благодарю за предупреждение. Вы правы, своих оставлю подальше от лагеря.

— А я запрещу своим ездить к вашим, — сказал я. — Это не из человеколюбия, его во мне почему-то все меньше, просто не хочу множества мелких стычек вместо большой и кровавой широкомасштабной войны, что так радует сердце полководца, желающего называться великим!

Он посмотрел искоса на мое, надеюсь, глупое и самодовольное лицо дурака, что обожает воевать, захватывать города и совершать воинские подвиги.

— Спасибо, Ваше Величество, — произнес он сдержанно.

Я отмахнулся.

— Да пустяки! Надеюсь вскоре встретиться с вами на поле битвы!.. Как же люблю кровавый пир, когда столько вина, что течет ручьями и сливается в красные кипящие реки!.. Как обожаю зов боевых труб, лязг мечей по щитам и шлемам, ржание коней, воинственные крики и предсмертные хрипы умирающих!.. Ведь только в кровавых сражениях познается наше мужество, не так ли?

Он ответил нехотя, видя, что я жду подтверждения:

— Да, разумеется...

Я продекламировал гордо и патетически:

— О, да, мы из расы завоевателей древних, которым вечно скитаться, срываться с высоких башен, тонуть в седых океанах и буйною кровью своею поить ненасытных пьяниц — железо, сталь и свинец. Но все-таки песни слагают поэты на разных наречьях, И западных и восточных, но все-таки молят монахи В Мадриде и на Афоне, как свечи горя перед Богом, И все-таки женщины грезят — о нас, и только о нас.

Он увидел, что я замолчал и смотрю выжидающе, выдавил вынужденную улыбку.

— Да-да, очень даже... Ярко, в общем. Чувствуется, бард сам участвовал в боях.

— Еще каких, — подтвердил я. — Жаль, погиб молодым. А то еще сколько жестоких битв воспел бы и какие кровавые реки прославил!.. Вы уже торопитесь, ваша светлость?

Он кивнул, подобрал повод.

— Да, нужно, как вы правильно сказали, отвести свиту от вашего лагеря. Нам ни к чему разбирать возникающие дуэли.

— Могу предложить пару шатров, — сказал я любезно.

Он взглянул на небо.

— Дождя вроде бы не будет.

— Тогда жду вас, — сказал я любезно. — Как только устроите своих, мы можем продолжить.

— Кстати, — спросил он, — Кейдан в лагере?

Я ответил напыщенно:

— Его величество король Кейдан сейчас плывет сюда из Гандерсгейма на самой крупной каравелле. Он в полной безопасности и возглавит успешный без всякого сомнения поход на Геннегау.

Его лицо чуть дернулось, но лишь учтиво склонил голову.

— Ваше Величество...

— Ваша светлость, — ответил я так же церемонно.

Он повернул коня и послал его неторопливо рысью обратно к ожидающим его рыцарям. Я перевел дыхание, стараясь делать это незаметно, словно за мной кто-то наблюдает. Вроде бы удалось сыграть тупоголового дурака, который гордится ростом и силой и рвется в бой, зарабатывая восторг знатных и простых воинов. Это может заставить Вирланда пойти в уступках гораздо дальше, чем полагал до прибытия в наш лагерь.

А еще заодно удалось размежевать людей герцога и моих. Все равно кто-то да сболтнул бы, что у нас сил совсем не так много, как я брешу, честно и открыто глядя прямо в глаза.

Глава 2

Еще до прибытия Вирланда разведотряды Норберта начали шнырять по королевству, в свою очередь выпуская во все стороны стремительные конные разъезды. Норберт собирал отчеты и, объединив в общую картину, тут же докладывал мне.

Не знаю, каков Вирланд полководец, но в политике все же, надо признать, проявил себя с блеском. Суметь

организовать и сплотить разновекторных лордов королевства в единую мощную силу непросто. Даже не знаю, как удалось, чем пугал и чем соблазнял, но вынужден согласиться, что армии стальграфа Мансфельда и рейнграфа Мандершайда выглядят песчинками в сравнении с теми силами, что выставил Вирланд.

Слухи, что он сам не очень-то и хотел на трон, а это лорды заставили, полагаю, распространяет он сам и его свита. Так к нему больше симпатий, как к великому и заслуженному, что устал от ратных дел и ушел на покой к семье, но вот народ Сен-Мари воззвал к нему, к спасителю, и он пришел спасать, ибо он лучший.

— Что ж, — пробормотал я, — потягаемся и с лучшим... Только придумаем, как подступиться. Сэр Норберт, что там в лагере Вирланда?

Он доложил с удовольствием:

— Для Вирланда поставили шатер. Это значит...

— ...рассчитывает на долгие переговоры, — закончил я. — То есть намерен добиться каких-то результатов. Просто так уйти с пустыми руками не хочет.

— Время работает на Ваше Величество, — сказал он довольно. — Ордоньес спешно грузит войска на борт...

— Времени у нас как раз в обрез, — сказал я с тоской и взглянул на небо, — но долгие переговоры в самом деле хорошо. Сэр Норберт, распорядитесь поставить шатер на равном удалении от нашего лагеря и расположения свиты Вирланда.

Он кивнул.

— Сделаем, Ваше Величество. Это хороший жест. Да и удобство заодно.

Вирланд пока не показывается, что и понятно: наиболее могущественные лорды, от чьей поддержки зависит, должны узнать о неожиданном появлении

Ричарда, который называет себя королем, а также о его сговоре со свергнутым Кейданом.

Кто-то из этих лордов наверняка в его свите, но самые могущественные и влиятельные остались в Геннегау, а то и вовсе в своих имениях, что для меня совсем неплохо. За это время каравеллы Ордоньеса доставили три отряда амбициозных вестготских рыцарей, в основном — младших сыновей небогатых лордов, жаждущих хотя бы здесь отличиться и получить надел земли за отвагу.

Я тут же расположил их на краю лагеря под их вестготскими знаменами и баннерами, пусть сен-маринцы из свиты Вирланда увидят их издали. Этого будет достаточно если не для паники, то для сильнейшего беспокойства и каких-то подвижек в их временно спаянном коллективе.

Когда от Вирланда к шатру прибыл гонец и сообщил, что герцог хотел бы встретиться с его величеством Ричардом снова, люди Норберта велели ему ждать там, один примчался в лагерь и спросил, что делать дальше.

— Хорошо, — ответил я. — Пусть Вирланд выезжает. Я скоро буду.

В шатре, приготовленном для переговоров, накрыли красной скатертью стол, я велел убрать все золотые и серебряные кубки и чаши, для Вирланда это не диковинка, взамен сотворил несколько фужеров из тончайшего стекла, одни с раздутыми боками и приземистые, другие на ножках высоких тонких, устремленные ввысь, украсил где золотыми ободками, где тончайшими медальонами на боках.

Вирланд прибыл через пару минут, я уже расположился за столом и делал вид, что с удовольствием и

совершенно безмятежно потягиваю вино из тонкостенного фужера.

— Ваше высочество, — сказал я приветливо, — располагайтесь, промочите горло. Мы здесь вдвоем, так что можем без церемоний.

Он осторожно сел, на фужеры посмотрел почти равнодушно, мужчины от такой ерунды в восторг не приходят.

— Возвращаясь к нашему разговору, — сказал он мрачно, — однако замечу, что хотя вы только что с корабля, однако успели как-то распространить по немалой части королевства всякие слухи.

Я поинтересовался:

— Хотя бы добрые?

Он в раздражении дернул щекой.

— Каким образом? Хотя для вас, наверное, да.

— Надеюсь, — сказал я, — если говорить обыденным языком, армия не разбегается?

Он нервно дернул щекой.

— Почему? Нет, конечно. Люди верны своим лордам!

— Это Сен-Мари, — напомнил я. — Богатое и сытое королевство. Давно не знавшее войн. Степные варвары не в счет, вы же всегда отсиживались за крепкими стенами замков и крепостей. Потому воинский дух в Сен-Мари намного ниже, чем по ту сторону Хребта, где живут бедно и постоянно гремят кровавые войны. Там к крови привыкли, а здесь нет. И не хотят привыкать.

— Мои люди мне верны, — возразил он.

— Конечно-конечно, — согласился я. — С моей стороны было бы оскорбительно даже усомниться в их преданности своему лорду! К счастью, всегда и везде есть люди верные и преданные. Даже в Содо-

ме и Гоморре были, как утверждал Авраам, но это не спасло те города. Как и тех людей.

Его щека нервно дернулась снова, он сказал, чуть повысив голос:

— Армия способна оказывать сопротивление!

— Герцог, — напомнил я, — первыми через Тоннель прибыли главы моих разведок с парой сотен очень умелых сборщиков информации. Так что мы знаем реальную картину того, что творится в Сен-Мари. Господь, как известно, на стороне тех, у кого армия больше. Уж не говорю про воинский дух...

Он возразил:

— У нас армия больше!

— Вы просто не знаете размеры моей, — ответил я с полнейшим чувством превосходства, что наполняет шатер и просачивается наружу. — А я вашу знаю. У меня под рукой армии десяти королевств!.. Теперь я, так сказать, Карл и Мунтвиг вместе взятые. Вы ведь слыхали о них, хоть и отгорожены Большим Хребтом. Хотите, чтобы эти полчища вторглись в Сен-Мари... а они наполовину уже здесь, и оставили одни руины?.. Кого не убьют на месте, того уведут в плен в северные леса, где сен-маринцы не переживут первую же зиму.

Он посмотрел на меня расширенными глазами.

— Вы такое посмеете?

Я пожал плечами.

— Господь вообще всех перетопил, не глядя на то, что на земле были и весьма достойные люди. Но когда достойных слишком мало... В общем, это на вас лежит решение проблемы, герцог. Не на мне. Мои карты открыты и лежат на столе.

Он посмотрел на меня не сколько зло, как устало и раздраженно.

— Ваше Величество, мне все-таки кажется, вы блефуете.

— Но не уверены, — уточнил я. — А как насчет ваших лордов? Сумеете их убедить?.. Мне кажется, ошибка вашей стороны в том, что вы все полагали... заметьте, я не возлагаю вину всецело на вас, так наверняка думали все, что у вас только две небольшие неприятности. Армии стальграфа Мансфельда и рейнграфа Мандершайда в самом Сен-Мари на краю океана, и какая-то часть войск в Гандерсгейме? Знаю, вы держите небольшую группировку войск возле Брабанта, чтобы встретить их, если те вздумают покинуть Гандерсгейм и двинуться на захват Геннегау...

Он спросил:

— Знаете? Откуда?

— Проехал мимо, — сообщил я. — Только в Гандерсгейме не какая-то часть моих войск, а довольно большая. И напрасно вы держите свою армию у них на дороге.

Он полюбопытствовал:

— Ваши люди там останутся? Вы правы, Гандерсгейм должен чувствовать вашу твердую руку.

— Их там уже нет, — сообщил я любезно.

Он вскинул брови.

— Ваше Величество?

— Эскадра Ордоньеса, — сообщил я любезно, — в Гандерсгейме погрузила на корабли последнюю тысячу тяжелой пехоты. Они высадятся в том месте, где никто из вас их не ждет. Или уже высадились. Не здесь, конечно. Простите, но это военная тайна. Путь на столицу открыт!.. И хотя нашего десанта достаточно для захвата Геннегау, но корабли отправились за второй партией. Вы даже не представляете... куда.

Он побледнел, спросил тихо:

— Что у вас за карта в рукаве?

— Вестготия, — ответил я любезно. — Вы же знаете, те немногие вестготские рыцари, что пошли со мной, получили в Гандерсгейме богатые земли...

Его лицо стало землистого цвета, глаза потеряли блеск, а голос прозвучал надтреснуто:

— Все понятно... Надеются на богатые пожалования в Сен-Мари. И захват не принадлежащих им земель.

— Вы мудрый человек, — сказал я. — Сразу все уловили. Скажу еще, их очень много, и всех отличившихся в боях придется наградить. Да-да, землями и угодьями. Что делать, очень уж вестготы жаждут участвовать в захвате столицы и последующей резне. Это же не их столица, чего ее жалеть?

Он побледнел, новость ударила в самое сердце, но проговорил с трудом:

— У нас сил побольше.

— Ну да, — сказал я саркастически. — Половина контролирует все дороги со стороны Тараксона и бдительно следит за армией стальграфа Мансфельда, а вторая перекрыла выход из Гандерсгейма, где сейчас уже никого нет?.. Герцог, вы все правильно сделали, вы хороший полководец!.. Но дело в том, что я старые книги читал... а учусь быстро.

Он поник, совершенно раздавлен, однако гордость рыцаря и полководца заставила выдавить с достоинством:

— Геннегау захватите, но лорды запрутся в своих замках и не сдадутся! Сопротивление будет ожесточенное.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Вы уж постарайтесь вдохнуть в них мужество!

Он посмотрел с подозрением.

— Зачем?

— Мне выгоднее, — признался я, — чтобы они оказали, как вы говорите, сопротивление просто ожесточенное.

— Но, простите...

Я сказал ласково:

— Мы же с вами военные люди, герцог. Я не так убелен годами, как вы, но уже участвовал во множестве боев и захватов вражеских земель. Или захватываний? И знаю по опыту, как и вы, что резню можно вести только в первые пару дней, как бы в азарте боя, а потом уже нельзя, церковь запрещает.

Он поморщился.

— К чему вы это говорите?

Я объяснил, чувствуя, что произношу прописные истины:

— Мне выгодно перебить как можно больше противников, а также заодно и их семьи, вроде бы невзначай, ну так получилось, это же война, лес рубят — щепки летят. Потому желательно, чтобы к моменту наступления мира все мои противники были немножко убиты. А то если потом, это уже деспотизм и тирания, чего я, как гуманист и как бы демократ, избегаю.

Его лицо постепенно каменело, кожа стала серой, как гранит, а глаза погасли.

— Ваше Величество, — произнес он, — я не могу поверить...

— Во что?

— В серьезность того, что вы сказали.

— Почему?

— Это... бесчеловечно.

Я улыбнулся как можно циничнее.

— Ваша светлость, я практичен. Во имя гуманизма и человечности мы постараемся операцию умиротво-

рения завершить как можно скорее. При этом, конечно, пострадают и отдельные ни в чем не виновные граждане, как у нас принято говорить, хотя, между нами говоря, невиновных вообще-то нет. Все в чем-то да виновны или, как мудро изрекает церковь, слегка перегибая палку, грешны. Даже первородно грешны! В смысле, каждого можно схватить прямо на улице и бросить в тюрьму, ничего не объясняя, и каждый будет хорошо знать, что вообще-то его посадили за дело!

Он пробормотал:

— Это так, но это не повод...

Я изумился несколько театрально, но кто в такой ситуации заметит:

— Как не повод? А как же справедливость? Ее торжество?

— Господь велит быть снисходительным, — напомнил он, — даже к виновным. А к тем, чья вина не доказана...

— Все виноваты, — отрезал я. — Вы что, против церкви? Нашей матушки святой римско-католической?

Он сказал поспешно:

— Нет-нет, я ни в коем случае не ставлю под сомнение...

— Да? — спросил я с подозрением. — А то мне как-то вдруг почудилось, что ставите. И даже сомневаетесь в способности Господа различать правых и виноватых! Убивать вообще-то следует всех, а он там разберется, кто виноват, а кто сильно виноват. Потому я приветствую вашу героическую готовность сражаться до последней капли крови.

Он буркнул:

— Спасибо.

Я заверил пламенно:

— Мы чтим героев и всегда отдааем им салют при

похоронах. Я, уверяю вас, вовсе не приветствую такое человечески понятное желание гуманиста и демократа наплевать на могилы врагов, а то и сплясать на холмиках над ними! Это не совсем хорошо, хотя, конечно, уступая народу, я не возражаю против таких старинных и освященных вековыми традициями обычаев. Но сам в глубине души почти совсем против.

Глава 3

Он смотрел в меня хмуро, все еще не веря, что я такое вот чудовище, не знает, что я еще голубь сизокрылый, не видел он настоящих ястребов войны.

— Ваше Величество, — произнес он с трудом, — благодарю вас за вино и такие изысканные угощения. Мне нужно посоветоваться с сопровождающими меня лордами... в свете новых данных.

Я поднялся, учтиво поклонился, как старшему по возрасту.

— Герцог...

Он встал, ответил таким же церемонным поклоном.

— Ваше Величество...

Альбрехт, Норберт, сэр Филипп и сэр Чарльз вышли из-за головного шатра в лагере, как только я приблизился. Альбрехт, выказывая себя самым нетерпеливым, бросил взгляд в сторону Вирланда, что пустил коня галопом в сторону их стоянки.

— Ну что?

— Пойдемте внутрь, — сказал я. — Промочим горло. С Вирландом не пришлось, больно скован, вот уж не ожидал...

Часовой внес вино и чаши, Норберт взял кувшин, отослав стража бдить и не допускать, разлил по кубкам и чашам.

— Переговоры идут трудно, — прокомментировал я, — но плодотворно. Ого, хорошее вино!

— Из Вестготии, — доложил сэр Филипп. — Результаты есть?

— Не все сразу, — ответил я. — Результат пока ноль, но подвижки есть. Как говорится в подобных случаях, высокие стороны обменялись мнениями.

Норберт спросил с недоверием:

— Подрались, что ли?

— Нет, — пояснил я, — это такая дипломатическая формула. Когда никаких результатов, то это обменялись мнениями. Можно добавить, что встреча была плодотворной и успешной.

— А в чем?

— Барон, — сказал я с досадой, — это высокая политика. Не все сразу. Ставки больно высоки! Не за корову торгуемся.

Альбрехт сказал ему с бодростью в голосе:

— Барон, вернемся к нашим баранам. А его величество такой хитрый змей, что и того Змея перехитрит, что Еву обрюхатил. Думаю, если бы его величество оказался там и в то время, он обрюхатил бы и Еву, и Змея.

Я нахмурился.

— Но-но, граф! Не приписывайте мне штучки, которыми прославился Зевс. Животные меня не интересуют, как и рыбы или птицы, а вот Лилит, если честно, интриговала... еще как интриговала. Ладно-ладно, заулыбались! Допивайте и марш работать. А я тут пока мыслить буду. Победы куются, чтобы вы знали, вовсе не на поле битвы!..

Стальграф и рейнграф дисциплинированно вскочили первыми, Норберт сказал суховато:

— Наращивайте преимущество, Ваше Величество... которого у нас нет, но которое якобы есть.

— Оно в самом деле есть, — уточнил Альбрехт и добавил: — Не в силе, конечно.

День прошел в хлопотах, которые явно не нравились Вирланду и его людям: хоть и очень издали, но видно белоснежные паруса каравелл, корабли то и дело подходят к берегу, а это значит: пополнение для удара по Геннегау постоянно прибывает.

На следующее утро примчался гонец и сообщил, что Вирланд просит позволения присутствовать на переговорах двум своим соратникам.

Норберт насторожился, зато Альбрехт довольно заулыбался.

— Это уже что-то серьезное.

— Почему так уверены, граф? — спросил я.

— Если готовится в чем-то уступить, — предположил Альбрехт, — ему нужны свидетели, что не просто так, а был вынужден.

— Похоже, — сказал Норберт и повернулся ко мне, — но тогда, Ваше Величество, вы просто обязаны взять двоих и со своей стороны.

— Понятно, — сказал я, — придумали, любопытные...

Норберт возразил суроно:

— В первую очередь забота о вашей и потому нашей безопасности. Во вторую — соблюдение равновесия и достоинства. Он берет двух и вы двух. Иначе это умаление вашего достоинства.

Я кивнул гонцу.

— Скажи Вирланду, вернее, его гонцу, идем на встречу его просьбе. И со своей стороны берем двух

лордов, дабы его спутникам было не так скучно слушать наши переговоры.

Гонец поклонился и выскользнул из шатра. Нортон с неодобрением покачал головой, но вышел следом за мной и знаком велел подвести им с Альбрехтом коней.

Альбрехт все же исчез, а через пару минут вернулся в самом нарядном жилете, яркий и празднично одетый щеголь, но это на другом бы выглядело как-то да, а на нем как так и надо. Поверх изящной вязаной рубашки блестящая кираса, он терпеть не может поцарапанных и со следами ударов, хотя другой бы гордился, но Альберт либо меняет, либо велит тщательно заскоблить и заполировать.

Норберт фыркнул, как и мой арбогастр, Альбрехт надменно приосанился.

— Едем, — сказал я нетерпеливо. — Бобик, ты остаешься!

— Да стоит взять бедную собачку, — предложил Альбрехт.

— Вы будете бросать ему бревнышко? — спросил я. Он злобно усмехнулся.

— Думаю, он сам, заскучав, побежит без нашего присмотра к свите Вирланда...

— Бобик, — повторил я строго. — Жди здесь. Поехали!

У шатра для переговоров Норберт привязал наших коней, присмотрелся к движению в лагере свиты Вирланда.

— Герцог садится на коня!

— Все в шатер, — велел я.

Альбрехт возразил:

— Ваше Величество, нам пока лучше остаться здесь. Возможно, герцог тоже позовет своих помощ-

ников только на момент заключительной... формулировки.

Норберт кивнул.

— У него хоть и перья на шляпе, но на этот раз граф прав.

— Хорошо, — сказал я, — общайтесь с его людьми. Только не проболтайтесь.

— Мы о бабах, — заверил Альбрехт. — С этой темы соскользнуть в политику трудно!

Герцог подъехал в сопровождении двух лордов, все трое спешились, Вирланд начал представлять своих спутников:

— Ваше Величество, это...

— ...барон Ховард Кастельван, — сказал я весело, — а также виконт Глен Силендборг, доблестные рыцари и умелые военачальники.

Вирланд слегка опешил, а сэр Ховард поклонился и пробормотал, тоже смущенно и обескураженно:

— Ваше Величество... я счастлив, что вы запомнили мое имя...

— Как и мое, — произнес с поклоном виконт.

Я сделал приглашающий жест в сторону шатра.

— Герцог?.. Барон Ховард? Или вы предпочитаете пообщаться пока с моими военачальниками?

Вирланд кивнул, на его лице отразилось некоторое облегчение. Я придержал полог, пока герцог переступал порожек, стол уже накрыт скромно и с достоинством, никакого пира, только два фужера и кувшин с вином.

Я выждал, когда он опустится в кресло, я же моложе, к тому же принимающая сторона, сел сам и начал смотреть на него со всем вниманием.

Он опустился на лавку и сказал хмуро:

— А что еще за игру вы затеяли?

— Герцог? — произнес я.

— У вас на левом конце лагеря, — сообщил он раздраженно, — знамена короля Кейдана. Это все уже в моей свите заметили, пошли разговоры. Но самого короля пока не видно.

— А-а, — сказал я. — У них хорошее зрение, герцог.

— Трудно не заметить, — ответил он, — когда эти знамена придвигают все ближе.

— У вас возражения? — спросил я. — Имею в виду, серьезные возражения?

Он пояснил также зло:

— У сен-маринцев короткая память. Живут больно беспечно, совсем забыли, что вы вторглись в Сен-Мари для захвата под знаменами герцога Готфрида. Да еще и сделали вид, что пришли спасать нас от нашествия варваров.

— Да, — признал я, — варвары помогли. Если бы не они, пришлось бы бить вас и разорять города. Но сейчас вы рассмотрели наши знамена верно, мы пришли, как я уже сказал, восстанавливать законную власть. Которую избрал весь народ Сен-Мари в лице его лучших представителей на местах. Что вы имеете против?.. Хотя это риторический вопрос, давайте проще: какими силами располагаете? Реально?..

Он хмуро усмехнулся.

— Так я и скажу.

— И не надо, — ответил я. — Я не весьма чужак, я свой как с дуба упавший и потому облупленный!.. Сен-Мари знаю, как свои шесть... или сколько их у меня?.. ах да, пять пальцев, надо запомнить... Сам могу сказать вам, кто на вашей стороне, кто против, а кто воздерживается в самом широком смысле. А из тех, кто с вами, сколько таких, что запрутся в замках и будут выжидать...

Он помрачнел, пальцы нервно побарабанили по столешнице. Я наблюдал за ним исподтишка, делая вид, что спокоен и полностью уверен в своих силах.

— Мне все равно не верится, — сказал он решительно, — что вы так уж рветесь выказать воинскую отвагу и стяжать лавры жестокого воителя. И вообще кажется, Ваше Величество, вы не годитесь для переговоров, уж простите.

— Почему?

— Слишком быстро хватаетесь за оружие.

— Мир еще не тот, — ответил я, — каким его задумал Господь.

— Увы, — сказал он со вздохом. — А хотелось бы пожить в совершенном.

Я возразил:

— А откуда Господу знать, каким представляем совершенный мир мы?.. Он же дал нам свободу воли! Получим то, что сотворим. Господь ни при чем.

Он посмотрел искоса.

— Вы как будто даже рады, что Господь устранился.

— В какой-то мере, — согласился я. — Все победы — наша заслуга!

— Как и наши поражения, — добавил он. — Потому и надо нам с вами решить все так, чтобы и Господь был доволен, раз уж сам помочь не в состоянии.

Я промолчал, Вирланд все время гнет свою линию, вроде бы у нас переговоры, а там еще и попытается возглавить их, дескать, у него опыт и жизненная мудрость, но я не только старые книги читал, дети бедных взрослеют быстрее богатых, а беднее и несчастнее меня на этом свете никого в момент моего появления не было.

— Вы правы, — сказал я вежливо, — хороший полководец, как хороший врач, берется за клинок лишь в крайней надобности. Но я еще весьма юн, как видите.

И вообще... разве не всякий рыцарь стремится к воинской отваге и стягиванию лавр? Стяжению?

— Вы не всякий, — ответил он нехотя. — Хотя я предпочел бы, чтобы вы были таким.

— Почему? — спросил я снова.

— В этой ситуации слишком много вариантов, — пояснил он. — Очень легко наделать ошибок. Особенно если просто воин, жаждущий славы.

Я сказал саркастически:

— А вы, естественно, тут же воспользовались бы?

— Разумеется, — согласился он спокойно. — А как иначе?.. Только, к сожалению, с вами это не пройдет. Вы как-то ухитряетесь видеть все варианты и все нити... Потому с вами я кладу все карты на стол.

Ну да, подумал я и посмотрел на него доверчивым детским взглядом, так я тебе и поверили.

— Я тоже, — ответил я, — чего нам скрывать? Оба видим друг друга, как облупленных. Это такое выражение, ничего не имеет общего с... ну, вы понимаете, что имеет в виду плебс. В общем, оба понимаем расстановку сил. Более того, оба постараемся не допускать ошибок.

— Постараемся, — сказал он задумчиво.

— Вообще-то, — сказал я доверительным тоном, — начинать войну, рассчитывая, что противник наделает ошибок и сам убьется о стену, весьма наивно и нерасчетливо.

— Я уверен, — запротестовал он, — что таких ошибок... не допущу.

Я улыбнулся.

— Я тоже, герцог. Так на чем мы остановились?..

— На ваших больших кораблях, — сказал он. — На мой взгляд, это огромный риск, оставлять Гандерстейм беззащитным. Думаю, что и на ваш. Но вы все же идете на этот риск...

Глава 4

Я кивнул, все понятно, они видели, как утром к берегу приблизились огромные каравеллы, все еще диковинка для сен-маринцев, одна уже швартуется, на причал перебросили широкие сходни, по ним начали сводить сперва огромных боевых коней, а следом двинулись закованые в синеватую вестготскую сталь отряды рыцарей, расширяя наш плацдарм еще больше.

— Какой же риск? — поинтересовался я.

— Не поднимут мятеж степные варвары, — сказал он, — когда вы вот так беспечно оставили Гандерстейм без защиты?

— Гандерсгейм? — спросил я. — Какой Гандерстейм?.. А-а, вы подумали, что эти люди прибыли из Гандерсгейма?.. Ну что вы, герцог...

Он посмотрел на мою гнусную улыбочку, помрачнел еще больше.

— А кто эти они?

Я сказал медленно и проникновенно:

— Как я уже сказал, армия из Гандерсгейма уже переброшена на побережье Сен-Мари. Не сюда, в другое место. Мы готовимся ударить с трех-четырех сторон.

— Тогда кто это прибыл?

Я широко и радостно улыбнулся.

— Как я уже сказал, первый отряд вестготцев прибыл недавно, а сегодня начала высаживаться вся вестготская армия. Один корабль здесь, девятнадцать... в другом месте. И стрела на их карте нацелена на Геннегау. Как бы красивое воинское состязание, кто первым возьмет город и кто ворвется в королевский дворец, чтобы всех там предать смерти. Скажу даже больше, по нашей старой дружбе его величество король Вестготии Херлуф Сильвервуд расщедрился и прислал свою личную армию!

Он сказал невольно:

— А вестготы почему...

Он умолк, уже понял, а я сказал с удовольствием:

— Во-первых, Вестготия всегда была вашим соперником, только Белый Рог вас удерживал от того, чтобы помериться и силой. А когда в Вестготии узнали, что я всех вестготских рыцарей, что пошли со мной, наделил в Гандерсгейме богатыми землями... хотя это вы уже знаете.

Он вздохнул.

— Боже, что вы натворили...

— Я? — спросил я с изумлением. — А не вы?

Он сказал сломленно:

— Теперь я начинаю сомневаться, что Сен-Мари способна сражаться на четыре стороны. Однако мы все-таки будем драться отчаянно. И победим с Божьей помощью!

— Господь не может помогать обеим сторонам, — возразил я мягко, — а нашей, как уже видите, помогает... Герцог, не будем ходить вокруг да около. Вы знаете мои требования.

Он произнес глухо:

— Но нужно же какие-то условия...

Я сказал, понизив голос:

— Не стоит такие вопросы обсуждать даже в присутствии часовых. Они могут оказаться весьма щекотливыми. Не для меня, герцог. Как я понимаю, вы все еще в плену стереотипов!.. Вы настолько уверены, что рыцари Ордена Марешаля не пропускают или пропускают наши войска с трудом и задержками... что мне просто неловко за вас... Эй, стража! Срочно сюда сэра Альбрехта. Можешь заодно и Норберта.

Никакой стражи, естественно, нет, но вопль мой услышали, Вирланд только взял фужер с вином, но

успел осушить до половины, когда полог откинулся, вошел Альбрехт, как всегда блистающий, веселый и нарядный, коротко поклонился и посмотрел на меня с вопросом в серых серьезных глазах, за которыми каждый сразу увидит мощный мозг, а хватку уловит в цепком взгляде.

— Ваше Величество?

Тон, которым он это произнес, говорит яснее ясного, что я, Ричард Завоеватель, самое что ни есть Его Величество, остальные величества предо мной как мурлыки перед лоссем.

— Граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля, — сказал я, — вы его наверняка знаете по прошлым его... гм... подвигам. Сейчас он еще и канцлер далекого королевства Сакрант, где Мунтвиг держал резиденцию... Граф только что прибыл через Тоннель, о чем может поклясться на Библии... Кстати, глава моей разведки.

Полог шатра откинулся, вошел Норберт, сухой и подтянутый, холодный, строгий, как обычно, с чисто выбритым до синевы подбородком, воинственно приподнятыми кончиками усов, высокий и твердый, как старый дуб.

Я постарался смотреть на него глазами Вирланда, сэр Норберт хорош, такие соратники всем нужны: немолод, но лицо почти без морщин, разве что про-дублено ветрами и морозами, под глазами небольшие мешки, да взгляд суров и недоверчив, как у многое видавших людей.

— Барон Норберт Дарабос, — представил я. — Глава моей внешней разведки и легкой конницы. Вы его тоже возможно знаете и даже помните. Только что прибыл через Тоннель с передовым отрядом. Как вы понимаете, разведчики нужны на новом месте в

первую очередь, потому у них знаменитые скакуны, выведенные герцогом Ришаром, вы слыхали, знаю. Потому оба начальника разведок так оторвались от основной массы, что сейчас только-только входит в Тоннель.

Лицо Вирланда стало серым.

— Но как же...

— Клятва рыцарей Ордена? — договорил я. — Так я один из этого ордена. Не последний, замечу скромно. И сын верховного магистра герцога Готфрида, что отказался от трона Сен-Мари.

Он прошептал сломленно:

— То была его главная ошибка. Прими он трон, в Сен-Мари был бы мир и спокойствие. Я первый поддерживал его и отдавал голос в его поддержку!

— Герцог, — напомнил я, — давайте не уходить в сторону. Сейчас реальность такова, что мои войска прибывают с каждым часом. Держать их на месте в бездействии будет глупо. Растирают боевой дух. Вы понимаете... Сэр Альбрехт, сэр Норберт, вы можете идти принимать прибывающие войска.

Оба поклонились и вышли, держа морды ящиками. Вирланд сказал тяжело:

— Торопитесь начать наступление?

— Тороплюсь получить определенность, — ответил я. — Будете ли оказывать сопротивление крестоносцам, что под знаменем церкви и с пением псалмов идут восстанавливать на троне законно избранного короля, или же дерзновенно и попирая все человеческие и Божьи законы, кощунственно воспротивитесь торжеству Божьих законов...

Он поморшился.

— Вы дважды повторили насчет Божьих законов. Перебор.

— Эмоционально оправданно, — возразил я. — А вы алгеброй гармонию? Не выйдет, главное — эмоции. Люди разве умом пользуются? Если правильно нажать на чувства верующих... а кто у нас неверующий?.. то вас свои же и разорвут.

— Это не по-рыцарски, — заметил он суховато.

— А мы сейчас рыцари, — уточнил я, — или, на-против, политики?

Он ответил с тем же оттенком неприязни:

— Я предпочел бы иметь дело с рыцарем.

— Первая заповедь рыцаря, — напомнил я, — защищать церковь, а также всех обиженных и угнетенных. И вообще всех, кто не может защитить себя сам. Так что, как понимаете... может быть, вам лучше иметь дело с политиком?

Он спросил угрюмо:

— А что предложит политик?

— Политика, — сказал я, — искусство компромисса. Рыцарь не знает полутонов, у него либо свет, либо тьма. И тьму уничтожает нещадно и без колебаний. А тьмой, как вы понимаете, сумеем представить вас и всю вашу команду. Политик же вообще не видит ни белого, ни черного, для него только оттенки серого, а нюх ловит всякие нечистые запахи. Но зато с политиком можно договориться.

Он проговорил голосом прижатого к стене человека:

— Ваши условия?

— Никаких, — отрезал я. — Полная и безоговорочная капитуляция. Через несколько дней я буду в Геннегау... или на том месте, где он находился. Ничего страшного, герцог! Когда-то на месте Геннегау был великий и прекрасный город Генлабнае, столица Арндского королевства. И ничего, как видите. Был

один город — стал другой. А вместо стертого с земли Арндского королевства появилось выстроенное пришлыми племенами Сен-Мари. А мы снова выстроим Арндское! Для выполнения этой великой цели в свое время, как вы помните, был создан Орден Марешаля.

Я утешал его, искоса наблюдая, как меняется лицо недавнего властелина Сен-Мари.

— Неужели, — спросил он мрачно, — вы в самом деле готовы залить кровью Сен-Мари?

— И даже стереть его с лица земли, — охотно подхватил я и счастливо заулыбался. — Герцог, мне подвернулся случай получить прозвище величайшего из завоевателей!.. Как могу упустить такой шанс?.. Пожалуйста, дайте мне осуществить свою мечту! Сопротивляйтесь изо всех сил, яростно и до последней капли крови!.. Чтобы подвиги на каждом шагу, чтобы кровью был полит каждый камень городских стен и улиц, чтобы в Геннегау не осталось семьи, где не были бы убиты все мужчины и не изнасилованы женщины...

Вирланд сказал с той мягкостью, в которой чувствуется стальная твердость, как металлический кастет в бархатной перчатке:

— Ваше Величество, я по-прежнему убежден, королем может быть только лорд из самого Сен-Мари. Наши традиции, гордость, достоинство, даже много вековая изоляция от остальных королевств... Не только лорды, даже народ отвергает чужаков.

Я ответил холодно:

— Я вроде бы и не пытался взобраться на трон. Напоминаю еще раз, я уже король!.. Три королевства соединил в одно, а еще у меня армия из полудюжины королевств... Так что я как не претендовал на трон Сен-Мари, так и не претендую.

Он уткнулся наклонил голову.

— Тогда этот вопрос отпадает. Но что вы планируете дальше?

— Герцог, — сказал я, — кто владеет информацией, тот владеет миром.

— Ваше Величество?

— Вы забыли про герцога Ришара, — напомнил я.

Он наморщил брови, подумал, спросил с неуверенностью:

— А что с ним? Я слышал, вы его отпустили немножко поплавать вдоль берегов Вестландии...

— Не только, — уточнил я. — Герцогу, никогда не видавшему моря, страстно восхотелось поплавать... но я разрешил только вдоль береговой линии, никогда не теряя ее из вида. Покаботажничать, но без каботажа.

— Да-да, я слушаю.

— Он и приплыл, — объяснил я. — Нанес на карту границы с десятка королевств, что выходят к воде. Но интересно и другое...

— Ваше Величество?

— Он посоветовал то же самое сделать и Ордонье-су, — ответил я. — Адмирал Ордоньес, тяготясь рутинной службой охраны берега Гандерсгейма, оставил эскадру, а сам на флагмане проплыл на север, тоже держась береговой линии. И тоже отмечал удобные места для бухт, иногда высаживал десант на берег и высматривал, что за королевство и почему нет своего флота, плыл дальше, отмечал удобные заливы, это такие части моря, что обособлены и защищены от ветров и волн, у моряков это называется бухтами...

Он буркнул:

— У нас уже есть Тараконская, знаю.

— Вот и отлично, — сказал я. — Тогда вам проще объяснить, что так вот вдоль береговой линии, чаще всего непригодной для судов, адмирал забрался довольно далеко. И когда уже подумывал возвращаться,

высадил на берег группу, что узнала от местных удивительные вещи: Мунтвиг разгромлен, а его победитель Ричард Завоеватель находится совсем рядом! Королевство называется Готия, за ним лежит Гиксия, а за Гиксией уже Варт Генц, в котором Ричард почти король!..

Он сказал в нетерпении:

— Понимаю, это заслуживает восхищения и похвалы. Уверен, отважный адмирал получит награды. Однако...

— Какое это имеет отношение? — спросил я. — Герцог, я могу делать прыжки в стороны, так называемые вбоквельы, но я не теряю главную линию! Я это к тому, что адмирал Ордоньес пообещал принять на борт столько рыцарей и отважных искателей подвигов, сколько поместится на борт его флота из двадцати каравелл. И сейчас в тех северных королевствах, где люди бедные и жадные до сокровищ, народ толпами валит к берегу... Понятно, что Ордоньес чуть позже возьмет их всех и доставит легко и без проблем... понимаете?

Он напрягся, спросил глухо:

— В Гандергейм?

Я кивнул.

— Сперва я тоже так планировал. А потом подумал, а нужен ли нам долгий марш? Не проще ли высадиться прямо в Тараксонской бухте, что все еще под охраной стальграфа... или где-нибудь на побережье Сен-Мари, чтобы кратчайшим путем на Геннегау?

Глава 5

Он мрачно молчал, наконец поднял на меня глаза с лопающимися капиллярами.

— Должен сказать, вам просто повезло.

— Не совсем так, — поправил я. — Мы же не си-

дели на месте, как вот вы. Потому у нас не везенье, а успех.

Он подумал, сказал тяжело:

— Я склонен предположить, что вы сумеете ценой большой крови и разрушений сломить наше сопротивление и захватить трон.

— Разумное предположение, — согласился я. — Только мы мало прольем крови... своей. Мы умеем воевать малой кровью. Чужую, разумеется, кто считает?.. И разрушений на самом деле не будет много, ваша светлость... Зачем рушить свое имущество?

— Свое?

Я ответил мирно:

— Имущество и земли мятежников перейдут в казну, как вы понимаете. Это реалии, герцог. Давайте лучше поговорим о гарантиях неприкосновенности, которые получите лично вы, ваша семья и близкие.

Он дернулся

— Что? Я не стану покупать милости победителя ценой предательства!

— Разве я говорил о предательстве? — спросил я. — Просто в огне войны часто гибнут лучшие, а всякие барабаны уцелевают и дают потомство. Вот так род людской и вырождается... Нужно сохранить кадры. А дураков не жалко, бабы новых рожают.

— Что вы имеете в виду? — потребовал он.

— Вы составите список лордов, — объяснил я, — которым следует сохранить жизнь, даже если они и весьма против кандидатуры Ричарда Завоевателя. Мы вместе проверим список, кого-то вычеркнем, насчет кого-то сторгнемся и таким образом придем в тому, к чему пришли бы в результате долгой и кровавой войны, но только без разрушений, тысяч убитых, ручьев крови, что сливаются в реки, сожженных деревень и стертых с лица земли городов...

Я наблюдал за его лицом, он и сам понимает, что война уже проиграна, как бы ни выказывал талант полководца и политика, нашла коса на камень, я тоже хитер и лжив, но армия у меня явно больше.

— Я все равно у кого-то отниму земли, — сказал я, — а хозяев сошлю... скажем, в Гандергейм. Вы же понимаете, была насильственная смена власти, а это военное преступление.

Он буркнул:

— Мера была вынужденная.

— Возможно, — согласился я. — Но могли же действовать конституционным путем?..

— Простите?

— Такой оборот речи у простолюдинов, — сказал я, — уж извините, я в последнее время много среди них терся. Имею в виду, как-то законно? Тот же импичмент... это когда короля, не справившегося с обязанностями, мягко и вежливо отстраняют, поблагодарив за труды и вручив на прощание букет цветов, а на престол под аплодисменты восходит избранный большинством голосов более приемлемый большинству. Хотя все мы знаем, какое у нас большинство, но все равно это лучше, чем когда трон достается некому кандидату в результате кровавой гражданской войны?

Он сказал быстро:

— Именно так и было! Нам удалось избежать гражданской войны.

— Вам удалось, — поправил я. — Это ваша заслуга, герцог. Я ее не умаляю. Возможно, не сделай вы это, скрытое недовольство, подавляемое мною, с моим уходом прорвалось бы наружу.

— Вы подметили точно.

— Но все же, герцог... Сидели бы вы тихо, никто бы к вам не предъявил претензии. У нас же так устроено общество, как бы ни был хорош спаситель и как

бы гуманно ни действовал, потом спасенные всегда найдут к чему придраться, за что осудить и даже подвергнуть пожизненному заключению. Потому, герцог, отвечать придется вам. Но я уже предложил вам сделку со следствием... тьфу, опять это прорывается! Надеюсь, в Геннегау буду общаться только с благородными людьми.

Думаю, несмотря на мое подчеркнуто искреннее сожаление, он понял, что мои простолюдизмы не случайны. Либо он идет на сделку, либо армия высаживается где-то на побережье, не угадать где, и, сметая все на своем пути, идет к Геннегау.

И, скорее всего, сейчас не обойдется всего лишь контролем над дорогами и долинами, когда большинство замков были оставлены в покое, пока гордые владельцы не смирились с очевидным.

На этот раз у короля Ричарда больше власти, чем было у гроссграфа, он вошел во вкус и ощущил вкус крови.

Я все больше выказывал признаки нетерпения, вставал и ходил по шатру, выглядывал наружу, театрально вздыхал и притопывал ногой. Дескать, герцог, это я из вежливости, ваша жена мне как бы мать, я не желаю нанести ей вред, это огорчит и герцога Готфрида, но если вы упираетесь, то на самом деле мне сделка не нужна вовсе, вы это понимаете.

Он тяжело вздохнул и сказал сломленным голосом:

— Я прижат к стене. Вы можете выкручивать мне руки, как хотите.

— Могу, — согласился я, — но не буду. Герцог, я не собираюсь упиваться здесь победой.

Он вскинул брови.

— Ваше Величество?

— Есть дела поважнее, — ответил я с небрежно-

стью. — Это вы здесь, за Большим Хребтом, чувствуете себя единственным королевством в мире...

— Мы знаем, — заметил он, — о других...

— Но никто из сен-маринцев не покидал своего королевства, — сказал я, — потому всем и кажется, что вы центр мира. Но это не так. Потому я здесь всего лишь укреплю свою власть... свою, герцог, но королем становиться и не подумаю.

Он быстро взглянул на меня, в глазах вспыхнула надежда, спросил быстро:

— Но... трон не может оставаться пуст!.. Кейдан дискредитирован, а Родриго слишком мал...

— У меня была такая мысль, — признался я. — В смысле, оставить на троне Родриго. После бегства короля Кейдана... видите, я называю его королем!.. После бегства бывшего короля Кейдана на троне мог бы остаться его наследник, Родриго.

Он кивнул.

— Ваше Величество, этот мудрый вариант устроит всех. Или большинство. Все стоят за то, что на троне должен быть сен-маринец. И готовы сложить головы за эту светлую идею.

— Мне ваши дурные головы не жалко, — ответил я без всякой жалости и ощущил, что в самом деле не жалко, это же статистика, — просто Родриго на троне устраивает и меня. В конце концов, он мой брат! Я просто обязан защищать его интересы.

— А вы, — сказал он, — будете при нем регентом?

Я покачал головой.

— Нет, я планировал представить Совету вашу кандидатуру.

Он дернулся.

— Я? Но я и был при нем регентом!

— И что? — спросил я с интересом. — Тяжело?..

Думаю, вы за свою жизнь уже поняли, что легкой она не бывает, бывают только легкие дни. Это я по дурости еще брыкаюсь и патетически спрашиваю: если человек рожден для счастья, то где же оно? Не прячьте от меня мое счастье!

Он долгое время молчал, всматриваясь в меня так пристально, словно жаждет рассмотреть спрятанный во мне капкан, из которого уже не вырваться.

— Ладно, — проговорил он наконец, — это вы пла-нировали. А что решили?

Я развел руками.

— Если бы вы не выдвинули навстречу армию, я бы так и сделал. Но в ожидании большой войны я решил привлечь Кейдана. С его именем будет намного проще завоевать Сен-Мари. Так что Кейдан — король, вы — в изгнании. Но не слишком далеко. Так, в одно из своих имений.

Он задумался, по его лицу мне показалось, что размышляет не столько о том, как и где будет жить, если сдаст Сен-Мари, а как организовать оборону, мужчины не женщины, сдаваться не любят.

Я сказал в нетерпении:

— Герцог, мои армии направляются к Геннегау с четырех сторон! Решайте быстрее. Каждая минута ваших мудрых, как я уверен, размышлений стоит жизни пока простолюдинов в селах да одному-двум лордам, что ринутся защищать свое добро... но потом заполыхают и крупные города!

Он сказал глухо:

- Скажите честно, Ваше Величество... в чем подвох?
- Да нет подвоха, — заверил я.
- Но ведь, — сказал он в затруднении, — тогда из-за чего это вторжение? Если и трон вам не нужен?
- Мне нужен океан, — ответил я честно. — Боль-

шой флот. Выход к островам, а их там тысячи тысяч. А за океаном еще земли...

Мелькнула мысль, что там у меня целый маркизат, но про этот материк лучше не заикаться даже лучшему другу, здесь все, что относится к Югу, — Древнее Зло.

Он проговорил в задумчивости:

— А-а-ах да... Вы же все силы отдавали флоту, че-
го я никак не мог понять. Тогда яснее. Разумеется, я
приложу все силы, чтобы эти права оставались в не-
прикосновенности.

Я поморщился, сказал предельно учиово:

— Герцог, давайте сразу расставим точки. Вы в по-
четной отставке. Это вежливое название изгнания.
Я — король Великой Улагорнии и председатель Со-
дружества Королевств, подписавших договор о нена-
падении и взаимной поддержке. Сен-Мари, разуме-
ется, вступит тоже. Как человек чести, вы должны
устраниться от всякой общественной деятельности и
выращивать розы. Не знаю, почему все так настойчи-
во твердят про эти розы, будто ничем другим нельзя
заняться на покое.

Он слушал настороженно.

— Разумеется, Ваше Величество, я не буду вмеши-
ваться в дела королевства.

Я поморщился, он все время ведет себя так, словно
и в отставке может направлять курс государственного
корабля в ту или иную сторону.

— Делами королевства, — добавил я, — занимает-
ся, как помню, Совет. И будет заниматься в тех слу-
чаях, до тех пор... может быть, не будем пока говорить
о Родриго? Я милостиво буду курировать Совет Ко-
ролевства. Вы же понимаете, подобная мера напра-
шивается.

Он кисло поморщился.

— Ну да, невеселое зрелище Совет, указы которого игнорируются... Я все понял, Ваше Величество. Фактическим правителем будете все равно вы.

— Но юридически, — напомнил я, — система власти не изменится. А в подобных делах главное — сохранить лицо. Честь и достоинство не будут не то что попраны, но даже задеты!..

Он вздохнул в последний раз.

— Хорошо. Я готов подписать соглашение от имени королевства. В конце концов, пока что его возглавляю я. А вы... от имени Великой Улагорнии?

Я изумился.

— А она каким боком к Сен-Мари?.. Нет, конечно. От имени Содружества Королевств! Демократичных, гуманных, исповедующих общечеловеческие ценности, данные нам Господом. Надеюсь, вы не против Господа?.. Ах да, я уже спрашивал... Но, наверное, что-то же заставило меня спросить? Вы в каких отношениях с церковью, ваша светлость?

Он буркнул:

— В общепринятых. Я не высываюсь... ни в одну сторону. Если ваши армии уже высаживаются с кораблей, дайте им, пожалуйста, приказ оставаться на месте.

— Утром стулья, — сказал я, — вечером деньги. В смысле, сперва подпишем договор. Вы в самом деле уполномочены ставить подпись?

Он кивнул.

— Разумеется.

— И Совет не заявит, — поинтересовался я, — что таких полномочий вам не давал?

Он выпрямился, ответил гневно:

— Тогда я не буду возражать, если вы вторгнетесь и перевешаете членов этого Совета!

Я потер ладони.

— Отлично. Эй там, кликните сэра Альбрехта. Он, помимо того что заведует контрразведкой, еще и канцлер...

На этот раз сэра Альбрехта искать пришлось дольше, я усердно угощал герцога лучшим вином и подкладывал изумительно приготовленное мясо животных, о которых он и не слышал.

Альбрехт вошел, поклонился, я сказал сразу:

— Дорогой канцлер, несите проект договора. Сэр Вирланд, я уверен, ничего здесь обсуждать и особо оговаривать не надо. Нет-нет, я вовсе не намекаю на огромную армию за моими плечами, что и так будет разочарована быстрым заключением мирного договора, совсем без войны и красивых подвигов... просто здесь только пункты, от которых я отступать не намерен. Кстати, моя подпись там уже стоит.

Он нахмурился, подписание такого договора слишком смахивает на капитуляцию, что на самом деле так и есть, но я даю возможность ему сохранить лицо, что в рыцарском мире важнее не только почестей и земель, но даже жизни.

Альбрехт с непроницаемым лицом наблюдал, как герцог ставит подпись, посыпает ее мелким золотистым песком, сам взял лист и помахал в воздухе, чтобы чернила быстрее высохли, а затем положил в ложку комочек красного сургуча, подержал над свечой, пока тот расплавился и начал шипеть по краям.

Мы с герцогом наблюдали, как он очень осторожно капнул дважды, захватывая края наших подписей, а мы, выждав чуть, вжали перстни в быстро застывающую красную массу, оставив четкие оттиски печатей.

Альбрехт с огромным удовольствием оглядел лист договора с четким расположением всего трех абзацев,

красиво и каллиграфически точно расположеными подписями и бьющими в глаза красными печатями.

— Готово, — сказал он и добавил: — К вящей славе Господа!

— Да вы иезуит, — пробормотал я, — хотя об этом еще не догадываетесь... Герцог, поздравляю вас. Этот день будет поворотным моментом в истории Сен-Мари. Я вижу бесконечное процветание...

Мысль о Маркусе я подавил так быстро и жестоко, что герцог, надеюсь, не заметил моего секундного помрачения. Он задумчиво изучал наши подписи, придавленными красным, как пламя пожаров, сургучом, и, казалось, на его лицо падает зловещий багровый отсвет, а лицо такое, словно слышит лязг металла, конское ржание и крики насилиемых женщин Сен-Мари.

Глава 6

Когда Вирланд в сопровождении сэра Ховарда Кастьельвана и сэра Глена Силендборга отбыл от шатра переговоров к своей свите, я с великим облегчением потер ладони с такой силой, что там едва не вспыхнуло пламя.

— Свершилось!.. Сен-Мари наш. Без войны.

Альбрехт и Норберт долго смотрели ему вслед.

— Их свои же не разорвут? — поинтересовался Норберт. — Они так рассчитывали на свое превосходство в силе.

— Какое превосходство, — ответил Альбрехт, — когда у нас, судя по словам Его Величества, нашего сюзерена, здесь тысяча армий. Им только стоит дунуть разом, все Сен-Мари сметет!

Норберт покачал головой.

— Его Величество... человек особенный. Я бы ни

за что не мог бы врать так искренне и вдохновенно, глядя прямо в глаза, не моргая и не краснея. Это дар!.. Конечно, не Божий.

Альбрехт поинтересовался:

— Ваше Величество, вы меня каким-то иезуитом назвали. Это что?

— Иезуит? — переспросил я. — Один молодой рыцарь, которому в бою отрубили ногу, и потому он не мог даже скакать на коне, долго искал, чем заняться, пока не придумал особый рыцарский орден, члены которого не носили ряс и ничем не отличались от всех остальных, кроме того, что тайно следовали своему уставу, в котором были вот эти знаменитые слова: «К вящей славе Господа», «Все средства допустимы, если во имя великой Цели» и «Штиль хуже самой сильной бури». Они и назывались иезуитами.

— Гм, — сказал он, — про штиль особенно нравится.

— Правда? — спросил я. — Тогда вы очень молоды, граф.

— Надеюсь, — ответил он скромно. — А вам больше нравится «Все средства хороши...»?

— Если ведут к великой цели, — сказал я сердито. — Не надо, граф, обрывать, не надо!.. Это вообще верно. Все средства или почти все хороши и оправданы.

— Или почти все, — повторил он задумчиво, — пустячок, а все меняет.

— Мир меняют молодые, — заверил я. — Старики уже знают, что все молодые... да и старые тоже — дураки, с ними каши не сваришь, все тлен, потому ничего и не делают, а мы знаем меньше, потому беремся и делаем! А что сделали криво или косо — потом поправим. В смысле — потомки поправят, им тоже что-

то да надо делать, раз уж природа на них отдохнет, а на дальних еще и оттянется.

— Ну да, — согласился он, — главное, все сломать и сжечь, чтобы место освободить! А потомкам останется совсем пустяк: выстроить новый мир.

— Не выстроить, — огрызнулся я, — а достроить по мелочи. Выстроить и сами сумеем. Готовьте армию к выступлению!.. Как только Кейдан сойдет на берег, его сразу в седло и — в Геннегау. Мы и так засиделись.

Они переглянулись. Альбрехт пробормотал:

— Два дня — и уже засиделись. Ну и требования у нашего сюзерена...

Кейдан еще с корабля увидел шатер и при нем свое знамя короля Сен-Мари, что заставило его забыть даже о морской качке. На землю не сошел, а почти сбежал, роняя достоинство сюзерена Сен-Мари.

За ним едва поспевали Боэмунд и Алан, а я велел послать к нему посыльного с уведомлением, что немедленно начинаем поход на столицу.

Альбрехт напомнил ревниво:

— Пусть добавит, столица сдается без боя. А то король начнет прятаться в задних рядах, а вам же нужно, чтобы ехал впереди?

— Не совсем впереди, — уточнил я, — но на виду.

Альбрехт сказал с нажимом:

— Ваше Величество, вам нужно сменить одежду. Сейчас вы не в бою, хоть и в бой в таком виде не ходят, это же унизить противника, но при въезде в столицу покоренного королевства... вас должны видеть во всем блеске.

Норберт смолчал, но я видел, что начальник военной разведки согласен. Стальграф и рейнграф промолчали, лица суровые и каменные, в глазах полное безразличие к такому важному вопросу.

— Граф, — прервал я, — конечно же, я весьма долго и напряженно размышлял над такими поистине определяющими вопросами, что надеть и что съесть, чтоб похудеть. Второй пока неразрешим, но когда-то над ним будет ломать голову чуть ли не все человечество, а с первым мне дано озарение свыше...

Альбрехт сказал безнадежным голосом:

— Если озарение, то понятно...

— Рад за вас, — сказал я бодро. — Вы угадали, я для этого случая надену полные рыцарские доспехи! И ничего больше.

Лица стальграфа и рейнграфа чуть ожили, Альбрехт же вскрикнул шокированно:

— Ваше Величество!

— Тихо, — оборвал я. — Кейдан напялит самое пышное и нацепит на себя все драгоценности, какие у него только есть. Что, не так? И будем как два дикаря.

— И проиграете, — сказал молчавший дотоле Норберт и пояснил: — У вас столько носимого золота не наберется.

— Да, — добавил я саркастически, — а я ж проигрывать не люблю.

Альбрехт пробормотал:

— Вообще-то верно, нужно как-то по-другому...

— Стальная корона! — сказал Норберт.

Стальграф и рейнграф вообще оживились, даже засияли, глаза засияли.

Сэр Чарльз сказал почтительно:

— Если позволено мне сказать свое мнение, не считите за лесть, но это великолепное решение.

— И все меняет, — добавил сэр Филипп.

Альбрехт, судя по его виду, уже понял, что да, в некоторых случаях лучше не соревноваться, а как бы уступить, так иногда удается выиграть, да не просто выиграть, а с блеском, в чем-то другом.

— Тогда не отрывайтесь от нас, — предупредил он. — А то всадник в доспехах рыцаря, какие бы они ни были, все равно смотрится просто рыцарем.

— Вы правы, граф, — ответил я кротко. — Кто бы подумал.

Он недовольно хрюкнул, покосился на стальграфа и рейнграфа, понимают ли они, что это такой странный юмор у сюзерена, даже острить, как все, не умеет.

Я угадал, все это увидели, да и что там угадывать, когда просто нет других вариантов: Кейдан облачился, как и принято, в самые праздничные одежды, нацепил золотые цепи с массивными регалиями, украшенными золотом и бриллиантами, а герцоги Боэмунд Фонтенийский и Алан де Сен-Валери, тоже одетые пышно и торжественно, поставили коней рядом, готовые в любой момент взять королевского коня под уздцы и пешком торжественно ввести во двор королевского дворца.

Правда, когда показалась высокая розовая гора, в которой угадывается Геннегау, навстречу выехал главный церемониймейстер королевского двора, властно отодвинул герцогов, а наших с Кейданом коней поставил рядом.

Я всматривался в вырастающую столицу с некоторым трепетом. В какой-то мере Геннегау стал почти родным городом, в нем больше веселья и беспечности, чем во всех остальных столицах, вместе взятых, а я все-таки дитя веселья и беззаботности. И хотя могу, как выяснилось, спать у костра и есть поджаренное на углях костра запачканное пеплом мясо, но все же веселый город мне ближе, хотя и понимаю, что еще веселее и беспечнее было в Содоме и Гоморре.

Город Розового Камня, как я его назвал мысленно, когда увидел в первый раз, вздымается кольцами,

расположившись с комфортом на исполинском холме. В самом низу высокая городская стена, тоже из розового камня. Ворот все еще нет, как не было, я отдал было приказ поставить их и укрепить, но потом решил, что это лишит столицу самого южного королевства на северном материке своеобразного очарования и сделает похожей на другие города, угрюмые и настороженные ко всем входящим, отменил втихую, а Вирланд то ли не обратил внимания, то ли не решается преступать традиции.

Альбрехт поглядывал на меня испытующе.

— Ваше Величество...

— Ну?

— Как на этот раз? — поинтересовался он. — Второй раз завоевываете этот дивный город.

Я вздохнул.

— Ты не представляешь, как я взматерел за это время. И как порастерял иллюзии...

— Тогда как?

— Будем по-взрослому, — сообщил я. — Никаких ля-ля. И без хи-хи. Медленно и печально. Да и обстоятельства, что смотрят сверху, не располагают к пирам и веселью.

Арбогастр и конь Кейдана морда к морде двинулись по широкой дороге к арке городских ворот. Под бодрый рев боевых труб даже кони идут резвее, помахивают хвостами и треплют гривами, а копыта звучат суще и звонче.

Я поглядывал на соратников, все в парадных доспехах, забрала подняты, однако в руках грозные рыцарские копья, крупные боевые кони покрыты кольчужными сетками, блестят стальные налобники с острыми длинными шипами, и вообще все вступающие в город выглядят готовыми к немедленному бою.

Все верно, мои лорды и следующие за ними рыца-

ри, как знатные, так и незнатные, подъезжают к Ген-негау все-таки как победители, а не просто вернувшись после долгих странствий. С нашего согласия Вирланд и его люди всячески распространяют слухи, что никакой вражды не наблюдалось, только некоторые незначащие недоразумения, но они успешно устранины. Однако все понимают, что это не совсем так.

«И не все недоразумения еще устранины», — добавил я про себя. А вот когда мои отборные группы под видом купцов или бродячих актеров войдут в те замки и крепости, которые я в свое время передал своим отличившимся рыцарям и военачальникам, а ночью откроют ворота для моих штурмовых отрядов... тогда и будут устранины последние незначительные недоразумения.

Реконкиста, так сказать, начнется и завершится в один день. Точнее, ночь. Утром все должно быть восстановлено. Но на этот раз под власть моих лордов вернутся не только замки и земли, которые Вирланд и его клика отняли, но и ряд наиболее высокопоставленных лиц расстанутся с властью и богатством.

Мы проехали под гигантской аркой, на воротах радостно прокричали мои солдаты, что уже заняли все стратегически важные позиции. С другой стороны от меня едет Норберт, смотрит по сторонам хмуро, сообщил вполголоса:

— Перед дворцом стоит немножко задержаться. Сейчас мои люди там все просматривают и проверяют.

— Вряд ли кто-то попытается, — ответил я вяло.

— А что вам стоит поприветствовать ликующие толпы чуть дольше? — спросил он. — Мои люди торопятся, выскочат сразу, когда вас увидят во дворе.

Я украдкой взглянул на небо. Красный уголек, от которого вот-вот вспыхнет все небо, разгорается все

ярче. Уже сейчас дрожь по телу, сердце стискивает холодный страх, а ночью вообще не поднять тяжелую голову...

— Тоже тороплюсь, — ответил я серьезно. — Нам очень много нужно успеть.

Народ орет в восторге, хотя на меня смотрели сперва молча и в испуге: всадник в рыцарских доспехах без всяких отличительных знаков, но на голове зловеще блестает корона из той же стали, из которой меч и доспехи, затем крики раздавались еще громче и восторженнее.

Короны у всех, народ привык, даже у простых баронов короны из золота и украшены драгоценными камнями, титул обозначен только размером и формой зубчиков, и лишь у меня одного-единственного на всем свете корона из чистой стали, что говорит обо мне больше, чем самые громогласные объявления глашатаев.

Альбрехт улучил момент, подъехал и обронил льстивым голосом:

— Ваше Величество, в вас есть что-то женское...

— Что-о?

— Только женщины могут, — пояснил он шепотом, — так умело выделиться на фоне соперницы, всего лишь выбрав наряд.

Я спросил свирепым шепотом:

— Это что за намек?

— На вашу непредсказуемость, — ответил он почтительнейшим голосом. — И неожиданность решений. Я бы даже сказал подхалимски, неординарность! Гении и женщины не думают, что говорят. У женщин тоже иногда получается!

— Ох, граф, — ответил я, — придется передать вас в руки святейшей инквизиции.

Он спросил испуганно:

— Но я же не хулил Господа Бога?.. Или вы уже, Ваше Величество... ох, боюсь и выговорить...

— Тихо, — прошипел я.

Он отъехал прежде, чем я пообещал удавить медленно и мучительно, дальше мы с Кейданом двигались вдвоем с чуть приотставшей почтительно свитой.

Люди Норберта дважды меняли маршрут, это на случай если на каком-то балконе будут ждать люди Вирланда с арбалетами в руках.

Глава 7

Наконец показался королевский дворец, а вот лицо Кейдана, несмотря на ликующие крики народа, становилось все напряженнее.

Я зыркнул в его сторону, сказал предельно вежливо:

— Ваше Величество, королевский дворец, как я уже сказал, ваш, но я, с вашего разрешения, конечно, устрою в Геннегау резиденцию Содружества Свободных Демократических Королевств. Пока займу левый флигель дворца, если вы не против, а потом, возможно, придумаю что-нибудь насчет отдельно стоящего здания в Геннегау... или в другом городе.

На его лице отразилось чувство облегчения, я угадал верно, больше всего его, конечно же, беспокоил вопрос насчет дворца, что и понятно. Странно было бы королю ютиться в пристройке для слуг, но от такого самодура, как я, он мог ожидать чего угодно.

Я кивком подозвал герцога Боэмунда, он подъехал, поклонился.

— Как видите, герцог, — сказал я доверительно, — я привел его величество во дворец, ухитрившись не разрушить Геннегау и не перебить его жителей.

Он поклонился.

— Прошу меня простить, Ваше Величество, я все это время вам не верил. Но теперь да, вижу.

— К вам просьба, — продолжил я тем же тоном, — я не хочу выступать с широковещательными заявлениями, это дело местного короля...

Он уточнил:

— Его величества Кейдана?

— Его самого, — подтвердил я. — В моем лице здесь представлено Содружество Демократических Королевств, к которому уже присоединилось Сен-Мари. Под договором о дружбе, ненападении и взаимопомощи стоят подписи ряда королей, в том числе и его величества короля Сен-Мари.

Он спросил с беспокойством:

— А каковы условия договора?

Я отмахнулся.

— Подробности у графа Альбрехта. Или барона Норберта. А то у меня уже язык болит объяснять... Я вообще не хочу конкурировать с его величеством, потому любую информацию будут распространять внештатным образом.

— Ваше Величество?

— Скажу вам, — пояснил я, — а к вечеру будет знать все королевство.

Он запротестовал:

— Ваше Величество!.. Какое королевство? Хорошо, если хотя бы Геннегау...

— Ладно, — сказал я великодушно. — Если к вечеру будет знать все Геннегау... этого достаточно. Так что узнаете и распространите текст договора. А также сами прикиньте возможности, которые это нам сулит.

Он сказал опасливым шепотом:

— Если я правильно понял, Ваше Величество... это огромные возможности, просто агромадные!.. Я даже

сразу не могу все охватить. И, конечно же, вам со временем... да что там со временем, уже скоро, вам понадобится свой дворец с собственным подъездом, охраной, курьерской службой... Я даже могу что-нибудь посоветовать.

— Спасибо, — ответил я. — Скажете графу Альбрехту или барону Норберту, они организуют.

Перед главным зданием дворца мы отдали коней людям Норберта, они уже знают, где здесь конюшни, а мы с Кейданом медленно и величаво начали подниматься по ступенькам.

Придворные, откуда только и набежало столько, бросают нам с Кейданом под ноги цветы, а я, широко улыбаясь на публику, сказал Кейдану краем рта учтиво, но с твердостью в голосе:

— Ваше величество, с вашего позволения сегодня я пока еще хожу и в главном корпусе. Думаю, за сутки подраться не успеем. Передача власти должна проходить плавно и постепенно, иначе народ не поймет.

Он спросил с подозрением:

— Разве Вирланд еще не передал?

— А кто такой Вирланд? — спросил я. — Этую фигуру мы уже сбросили с доски.

Он не сводил с меня испытующего взгляда.

— Тогда что?

— Не передал вам еще я, — ответил я откровенно. — Ваше величество, в главном дворце, который я занимал, остались мои некоторые важные бумаги.

— И Вирланд их не тронул?

— Он жив, — ответил я. — Разве это не доказательство?

Он смолчал, я поклонился и ускорил шаг, посчитав, что торжественное вступление в столицу и во

дворец уже состоялось, дальше можно все упростить и сократить. А сказанного Кейдану достаточно, он поймет. Думаю, даже знает, что я имею в виду под важными бумагами.

Когда я сдуру решил, что наконец-то наступила эпоха щастя и благоденствия, то собрал свои сокровища и поместил в особой комнате, что за моим кабинетом, пройти в нее можно только вдоль стенки мимо стола.

Там я устроил свой арсенал, развесив по стенам мечи, начиная с Озерного. Их около двух десятков. Часть отыскал в странствиях сам, как Зеленый, Красный, Ночной или Травяной, другие для меня выковали гномы. На двух столах у меня разложены Небесные Иглы, Костяные Решетки, Комья Мрака, еще всякие полупонятные и не совсем понятные штуки, всякая мелочь в ларцах и сундуках, там же амулеты и талисманы...

На двери и на полу нарисовал зловеще-красные линии, сделал нехорошие такие зубчики, стражам сообщил доверительно, что всякий ступивший или переступивший умрет жуткой смертью, а душа попадет в ад на самую горячую сковородку.

Само собой, запоры тоже поставил, как и несколько хитрых ловушек, так что попыток при мне как-то не было. Кейдан пробыл королем после моего ухода недолго, но если даже он не рискнул взломать страшные заклятия, то в недолгое и очень осторожное правление Вирланда все наверняка осталось на месте.

Самое худшее для меня в том, что защиту не могу взломать я сам, так что все мои сокровища не слышали призыв своего хозяина, и я не мог, как бы ни сосредотачивался и не пытал, вызвать и ощутить в ладони рукоять, скажем, Зеленого Меча.

Альбрехт пошел рядом, я заметил, что держится так, чтобы закрыть меня собой, если кто вдруг попытается броситься с ножом, хотя ему вряд ли это нравится.

— Граф, — сказал я тихо, — уверенность и манеры. Уверенность и манеры!.. И мир у наших ног.

Он ответил еще тише:

— Но где наша охрана? Что-то Норберт...

У лестницы зорко посматривают по сторонам двое из конной разведки, оба якобы в расслабленных позах, не кланяются, запрещено, ибо, пока опускают головы, кто-то может нанести удар.

Альбрехт перевел дыхание, на втором этаже разведчики стали встречаться чаще, вся охрана пока из них, более профессиональная прибудет позже.

Сзади послышался быстрый топот, я оглянулся, Норберт поднимается со строгим и спокойным лицом, но мы с Альбрехтом чувствуем его страшное напряжение.

— Город на военном положении, — доложил Норберт. — Рейнграф позаботился, уже расставляет патрули.

— То-то его не видно, — сказал Альбрехт. — Он сразу от ворот пошел захватывать город?

— У него особое задание, — ответил я уклончиво.

— У вашей двери, — сказал Норберт, — будут те же проверенные Ульман и Айсватер, а начальником дворцовой стражи снова барон Торрекс Эйц...

— Он цел? — изумился я.

— Цел, — ответил Норберт. — Как только Вирланд осуществил переворот, барон Эйц собрал всех верных вам людей и спешно отбыл в Тараконскую бухту к стальграфу. Так же, кстати, и Жерар Макдугал. Оба с бароном вспомнили свои рыцарские навыки и сражались довольно успешно, заслужив уважение своих бойцов.

— Одобрямс, — сказал я бодро. — Нет-нет, не сюда, барон. Вон граф знает, явно уже пытался что-то спрятать... Кстати, а как мои сен-маринские служащие?

Он послушно повернулся за мной в узкий коридор, где и двоим разминуться нелегко, не задевая друг друга краями одежды, что вообще-то повод для дуэли.

— По-разному, — ответил он сдержанно. — К примеру, барона Фортескью Вирланд намеревался оставить во главе созданного вами министерства иностранных дел...

Он умолк, посмотрел на меня с интересом.

— Что, — спросил я с нетерпением, — тот отказался?

Он сказал разочарованно:

— С вами неинтересно, Ваше Величество.

— А остальные?

Он пожал плечами.

— Куно Крумпфельд, ваш канцлер, вообще не стал разговаривать с мятежником. Удалился в свое имение и не показывается даже к соседям. Еще несколько человек поступили примерно так же, но большинство остались. Объясняют это тем, что служили не Вирланду, а королевству. Лорд Рудольф Лотце вообще сказал, что служит только принцу Родриго, наследнику трона.

— Объяснимо, — сказал я. — Та-ак, пришли. Отойдите чуть, а то вдруг шарахнет... Я тут такое наколдовал, самому страшно. Никогда бы не подумал, что я в душе такой Достоевский... Кстати, где сейчас Фортескью?

Они с опаской наблюдали за мной с расстояния в три ярда, я видел на их лицах похвальную борьбу с желанием спасти лорда от опасности и подозрение, что я все выдумал, ничего опасного нет, я на них просто отыгрываюсь.

Норберт в затруднении посмотрел на Альбрехта, тот ответил настороженно:

— В своем родовом имении. Вы его вроде бы пожаловали в графы?.. Так теперь он снова барон. И никому не известный... Ваше Величество, вы бы поосторожнее! Я не уверен, что опыт грабителя у вас достаточно богатый...

Альбрехт саркастически фыркнул.

— Наш сюзерен — политик, не знали? А это значит, что умеет грабить даже мертвых.

— Ох, — сказал я, — дошутитесь, граф. Вы себе где присмотрели имение? Не дам.

— А что насчет Фортескью? — спросил Норберт.

— Вернуть, — распорядился я. — И, конечно, восстановим в прежней должности. Но так как теперь он будет заниматься делами не только королевства Сен-Мари, а всего Содружества Демократических Королевств, то правильно и закономерно будет взвести его в олдграфы или что-то подобное.

Замки щелкнули все разом, дверь не открылась, а исчезла. Норберт перекрестился, Альбрехт поплевал через левое плечо.

Я сказал бодро:

— Входите. Только не наступайте ни на одну из красных линий на полу. Правда, большинство из них незримы.

Альбрехт отпрыгнул.

— А как тогда не наступать?

— Щас, — сказал я великодушно. Вообще-то эти магические линии становятся зримыми в любом тумане или дыме, но выдавать такие тайны не стоит, я подвигал руками и произнес заклятие из книги Уэстфорда, что вызывает обыкновенный дымок, как от тлеющего полена. — Вот смотрите...

Дымок лениво растекся по полу, и светящиеся линии стали видны отчетливо. Альбрехт и Норберт осторожно вошли, держась скованно. В комнате ничего особенного, только стол, два кресла и куча бумаг с чернильницей на середине столешницы во главе, и Альбрехт сразу же предположил:

— Может быть, сразу в рейхсграфы?

Я посмотрел на него косо.

— Торопитесь, граф.

— Ага, — сказал он довольно, — угадал. Значит, все-таки впереди империя?

Норберт насторожился, но смолчал. Я прошел через комнату, там подвигал руками и произнес еще пару пустяковых заклинаний, что снимают пелену с глаз.

В стене проступила массивная дверь. Я вытащил ключ, сердито покосился на Альбрехта.

— Торопитесь, граф. Не уверен, что хорошо прокатит с Содружеством. А что дальше, будет видно.

Оба смотрели на дверь во все глаза, Норберт снова смолчал, Альбрехт подумал, в сомнении бросил на меня косой взгляд.

— Мне кажется что-то неверное в самом названии.

— Что?

— Содружество Демократических Королевств...

— Понял, — сказал я сварливо, — что именно вам не весьма. Но это только слова, в них мы всегда благороднее и чище, чем в реале. Однако высокие слова на знаменах тоже необходимы! Мы как бы чуть-чуть подтягиваемся... а если и нет, то все равно понимаем, что истинная истина все-таки еще выше, чем та, что у нас в руках... Не сбивайте, граф, а то ключ из-за вас вообще не лезет в дырку!

Норберт предположил сухо:

— Может, стоит попробовать другой?

— Я что, — ответил я, — такой дурак, что ношу целую связку? У меня один ключ, раньше подходил ко всем замкам.

Альбрехт пробормотал:

— И еще называет себя паладином... Ваше Величество, вы считаете гнусное вранье с высокими словами допустимым?

Я все пытался просунуть кончик ключа с меняющейся на глазах головкой в щелочку, ответил сердито:

— Сматря какое, граф! Если некто врет, что вот он какое золотце и умница, то тем самым как бы все равно старается хотя бы казаться золотцем и умницей. А если говорит с гордостью: вот такое он говно, то заранее снимает с себя все обязательства быть человеком вообще!

Норберт обронил жестко:

— Такого можно вешать сразу.

— Или топить, — ответил я и пояснил, как хозяинственный, — так дешевле.

В замке звучно хрустнуло, я похолодел, ключ обломился или насадка рассыпалась, но это у замка такой глупый юмор, у хозяина учится, там с лязгом отодвигнулся железный штырь.

— Ура, — сказал Альбрехт.

— Рано, — буркнул я. — Там еще три замка.

Он сказал с укором:

— Ваше Величество, а вы не того... бывает такое от переутомления. Государственные дела и для умных бывают тяжеловаты, а уж для вас...

— Не каркать под руку, — отрезал я, — и не хрюкать. Иначе самого пошлю отпирать.

Он опасливо умолк, а Норберт поинтересовался:

— Со штатом сотрудников пусть сам лорд Фортескью и разбирается?

— Точно, — одобрил я. — Кому, как не ему, знать лучше, кого выгнать пинками, кого в шею, а кого и выбросить из окна? Нам нужны плоды его работы, а не!

— Понял, — сказал он. — За Куно послать сейчас же?

— И за остальными, — ответил я, — кто выказал верность мне. Пусть умнее было оставаться, но мы разве по уму себе выбираем друзей, а не по сердцу?

— Но руководить все-таки должны умные.

— Умные должны работать, — возразил я. — А руководить — честные.

Последний засов, отодвигаясь, что-то сказал одобрительное, но голос такой ржавый, что я ничего не разобрал и поспешил толкнуть дверь, пока запоры не передумали.

Глава 8

Вдоль всех стен вспыхнули свечи, простые, обычные, просто огонек от моих пальцев облетел их и быстро воспламенил торчащие кверху и готовые сгореть, лишь бы услужить хозяину, фитильки.

Комната не намного больше предыдущей обманки, но стоит посмотреть, как разом распахнули рты и застыли в восторге Норберт и Альбрехт, чтобы понять: даже в них все еще живы мальчишки, восторгающиеся дивным и прекрасным оружием.

На стене напротив тесно от множества мечей, двуручных и полуторных, меньшего размера не признаю, кинжалов и топоров. Все не поместились, захватив и половину соседней, во всей красе разнообразные щиты. Третья стена занята развесанными кольчугами, чародейскими, волшебными и просто магическими, там же всевозможные наплечники, налокотники, на-

ручные и ножные щитки. Это все не считая трех рыцарских доспехов в полный рост, поставленных рядом у четвертой стены. Над их головами во всем страшном блеске находятся секиры и топоры, пара моргенштернов и прочее еще более экзотическое оружие.

А на двух столах ларцы и шкатулки, среди них почти нет украшенных драгоценностями, но от каждой веет тысячелетиями и тайнами. Там же на столе и прочие непонятные для обоих штуки, только я знаю, что это Комья Мрака, Небесные Иглы и Костяные Решетки, но о других понял только то, что в них есть мощная магия, извлечь которую пока что не удалось никому.

Альбрехт проговорил потрясенным голосом:

— Ваше Величество...

Я поморщился, ответил с холодком:

— Мое наибольшее богатство. К сожалению, здесь все только для убийств. Однако мир пока таков, убийство вовсе не убийство, если защищаешь жизнь, честь, доброе имя, своих близких, родину и Отечество, полковое знамя, библейские заветы, этические принципы, либеральные ценности, демократию, социальные завоевания, невмешательство в личную жизнь, права простого человека, права на иммиграцию, на труд, образование и право голоса, за равноправие полов и религий, морально-этические ценности... и много-много чего еще. Так что, увы, оружие необходимо.

Норберт пробормотал:

— Думаю, оружие будет необходимо и в Царстве Небесном...

Альбрехт изумился:

— А там зачем?

— Охранять же кто-то должен, — ответил Норберт. — Вы будете райские розы нюхать и на арфе

играть... представляю это зрелище, а мы будем охранять. От всяких посягателей.

— Сами играйте, — огрызнулся Альбрехт. — Ваше Величество, какой меч мой? Или все мои?

— Сэр Норберт, — сказал я, — ваши люди лучше всех освоились во дворце. Пусть отыщут и принесут ящики... соответствующей длины, вообще нужного размера. И следят, чтобы граф не спер. А то что-то он как-то неровно дышит.

— И глазки, — сказал Норберт, — какие-то блудливые.

— Да, — согласился я, — и глазки.

Альбрехт, не слушая гнусные выпады, медленно прошелся вдоль стены, ахал и цокал языком, наконец сказал с придуханием:

— Ваше Величество... с этим арсеналом можно стать королем...

Норберт хмыкнул, Альбрехт понял, чуть смутился, но тут же сказал уже деловым тоном:

— В руки брать можно все?

— Ящики пусть поставят в соседней комнате, — распорядился я. — А вы все это осторожно поснимаете со стен и так же осторожно перенесете в ту комнату, там уложите в ящики, предварительно постелив туда мягкую ткань. Это чтоб мечи не поцарапало деревом, как вы понимаете, такой вот я умный. А со стола соберу сам, к тем штукам вам прикасаться опасно.

— И... куда? — спросил Норберт.

— В левый флигель, — сообщил я. — Там будем до тех пор, пока не придумаем что-то получше.

Альбрехт сказал с нервным смешком:

— Лучше бы там и оставаться. А то страшно и подумать, что можете счесть лучшим вариантом.

Я не успел сообразить, что он имеет в виду, как Норберт буркнул:

— А вдруг Его Величество способен вырастить не только маяк, но и дворец?

— Не надо, — отрубил Альбрехт. — Сами понимаете, почему.

Норберт кивнул.

— Понимаю. Ладно, пойду распоряжусь насчет ящиков.

Он вышел, Альбрехт все еще осторожно бродил вдоль стен, рассматривал, чуть ли не целовал, но прикоснуться не осмеливался.

Я сказал с укором:

— Граф... я бы все эти штуки для убивания людей сменял на одну, воскрешающую их!

Он улыбнулся.

— Увы.

— Или хотя бы такую, — сказал я, — чтобы строила дома, а не жгла. Да ладно, что строила, хотя бы ремонтировала... Вот смотрите, целых пять штук, каждая может издали сжечь дом или сарай с зерном, но ни одной...

Он помрачнел.

— Сэр Ричард... вы задаете слишком детские вопросы. А на них отвечать труднее всего. Поверьте моему опыту. А эти сундуки... куда?

— Большие вынесут наши ребята, даже вам могу доверить, если руки не кривые, а ларцы и всякую мелочь со стола — я. Другим братьсяя, как уже сказал, но могу повторить, я терпеливый, опасно.

Через полчаса все оружие и доспехи погрузили в ящики, тщательно приколотили крышки, да не узрят посторонние, Норберт и Альбрехт, не доверяя никому,

сами взяли по ларцу, еще два сундука я велел нести за нами.

Когда спускались по лестнице, придворные уже шушкались и показывали пальцами. Слуги распахнули перед нами двери, мы вышли во двор, до левого флигеля около двухсот ярдов, но мы едва успели пройти треть, как за спиной раздался требовательный крик:

— Стойте!..

Я оглянулся, по ступеням следом за нами сбегает чуть ли не вприпрыжку, теряя всякое достоинство, герцог Алан де Сен-Валери, весь растрепанный, взволнованный, негодующий.

— В чем дело? — спросил я холодно.

Он обогнал нас, встал на пути парней с ящиками и раскинул руки.

— Стойте! Это имущество королевского двора!.. Вы совершаете воровство у его величества!

Я сказал зло:

— Герцог, успокойтесь. Это мое личное имущество. Можно сказать, носимые вещи. У нас с его величеством все договорено.

— Нет, — вскрикнул он. — Пока я не услышу от его величества это лично, я не позволю расхищать его вещи. Не сомневаюсь, что вы похитили самое ценное!

Из здания начали выходить уже группами, на крыльце не помещаются, сходят опасливо по бокам, окружая нас полукольцом.

— Тогда бегите к его величеству, — велел я.

— А вы тем временем улизнете?

— Герцог, — сказал я, уже закипая, — выбирайте выражения.

— А если вы не выбираете... действия?

Далеко впереди ворота сада широко распахнулись, по четверо в ряд показались рослые всадники на круп-

ных боевых конях, все в доспехах вестготской выделки, впереди рыцари, следом тяжелая панцирная конница.

Сердце мое радостно стукнуло, Ордоньес перевез первыми тех, кто больше всего и нужен.

— Перестаньте, герцог, — сказал я, — не хочу с вами ссориться.

Он прокричал громко, рассчитывая на то, что услышат все во дворе:

— Я защищаю интересы его величества!

— Повторяю, — сказал я терпеливо, — я забираю свои личные вещи. Отойдите с дороги.

— Нет, — закричал он, срывааясь на визг, — нет!.. Несите обратно.

— Герцог, — сказал я страшным голосом, — вы меня уже разгневали.

Он ответил гордо и спесиво:

— Меня ничей гнев не страшит, кроме гнева Господа нашего!

Я вскипел, тугая волна горячей крови ударила в голову. Всадники уже покинули коней и подошли, очень заинтересованные, к нам. Я узнал среди них барона Лейнинген-Хайдесхайма, племянника графа Гатера.

— Сэр Вальден, — велел я страшным голосом, — взять это мелкое ничтожество... и повесить во дворе!.. Нет виселицы? Тогда прямо с балкона! И чтобы все видели!

Он кивнул, на лице отразилось явное удовольствие, вестготцы всегда соперничают с сен-маринцами. Двое дюжих воинов ухватили герцога и с явным удовольствием завернули ему руки за спину так, что он вскрикнул, лицо стало белым от боли и ужаса..

Сэр Вальден спросил деловито:

— Как объяснить?

Я прохрипел, лязгая в бешенстве зубами:

— За препятствие... за нарушение условий Союзного Договора!.. Чей приоритет над местными законами неоспорим!.. Ташите отсюда эту мерзость!

Герцога потащили прочь, Альбрехт подбежал ко мне, проводил арестованного встревоженным взглядом.

— Господи... Я понимаю, но стоило ли в первый же день...

— Сейчас по всему королевству нечто подобное, — ответил я резко, — что жалеть эту тварь, что будет постоянно вставлять мне палки в колеса!.. К тому же надо показать наконец-то, кто правит бал!..

Подошел Норберт, послушал, посмотрел на уволакиваемого придворного.

— В какой-то мере, — пробормотал он, — это верно. Здесь слишком привыкли видеть королем Кейдана. И только Кейдана.

Альбрехт сказал нервно:

— Тогда можно иначе. Поставить его у позорного столба на городской площади и... выпороть!

Норберт подумал, кивнул.

— Вообще-то и мне этот вариант нравится больше. Казнь что, поговорят и забудут. А так на герцога будут показывать и говорить, что Ричард и таких порет, как простолюдинов.

Я сказал медленно, делая вид, что переубедили, а я не сам уже остыл:

— Хорошо, вы правы. Скажите, что приказ изменился. Но выпороть хорошенько. Не для вида, а так... чтобы кожа свисала такой красивой красной бахромой в ажурных дырочках. Пусть простой народ порадуется, что и герцогам достается, и восславит приход демократов.

Ящики унесли в левый флигель дворца, там под-

няли на второй этаж и сложили у стены, поставив усиленную охрану.

Норберт повел меня по комнатам, показывая с такой уверенностью, словно прожил здесь всю жизнь, вместе выбрали место для моих покоев, а я присмотрел, куда спрячу свои сокровища.

— Годится, — сказал я. — Не думаю, что задержусь здесь надолго. Но не делить же один кабинет с Кейданом?

Он скромно улыбнулся.

— Хотел бы я на такое посмотреть.

После его ухода я прошелся вдоль внешней стены, посмотрел во все окна, есть даже дверь на балкон, что весьма важно как для меня, так и для некого птеродактиля.

За спиной скрипнуло, я моментально обернулся. Из коридора шагнул рыцарь в скромном кафтане неброских цветов поверх кирасы со свежими насечками, стальной шлем на сгибе левой руки, церемонно преклонил колено, но не голову, продолжая смотреть в мое лицо очень серьезными глазами.

Я подошел, поднял его и обнял.

— С возвращением, сэр Жерар!

— Ваше Величество...

— Продолжим, — сказал я. — Нет, сперва восстановим, затем продолжим. И уже таких ошибок не наделаем. Это было бы глупо, верно?

Он кивнул.

— Конечно. Наделаем новых. Более масштабных. Все-таки король, не майордом.

Я широко улыбнулся.

— Приступайте, сэр Жерар!.. Кстати, там внизу уже барон Торрекс Эйц, налаживает охрану корпуса. Вы с

ним и тогда дружили... И вообще, снимите эти ужасные доспехи. Мы отныне мирные люди.

— Насколько мирные? — спросил он.

— По обстоятельствам, — пояснил я.

— Моя рабочая комната, — сказал он, — будет, к сожалению, соседняя? С этой не связанный?

— Это недолго, — заверил я. — Есть идея насчет отдельно стоящего дворца. А там уже укрепимся стационарно.

Он поклонился, уже привычно сдержанный и немногословный, отступил и вышел, ухитряясь ступать неслышно подкованными сапогами.

Глава 9

Никогда не думал, что моей опорой станут турнедцы или вестготы, но сейчас, когда мои основные силы на севере, именно стальграф Филипп обеспечивает порядок в Геннегау, рейнграф Чарльз взял под контроль все дороги в Сен-Мари, а две трети своей армии отправил с графом Гатером фон Мергенгардом, которому поручена особая миссия.

Утром разведчик Норберта, который послал легкие отряды со всеми штурмовыми отрядами, вбежал в кабинет и сообщил, запыхавшись, что барон Лейнинген-Хайдесхайм захватил считавшуюся неприступной крепость Альх Мечей, оставил там гарнизон и быстрым маршем пошел дальше.

— Молодец Гатер, — пробормотал я. — На самое опасное, но и почетное задание послал племянника... А того точно за такой подвиг придется наградить.

Норберт вздохнул с облегчением.

— Ваша тактика работает, — сказал он со странным выражением. — Это не по-рыцарски, конечно, кто-то

да осудит, никогда такого не было, чтобы благородные рыцари в виде нищих да трусливых погорельцев пробирались в крепости и замки противника...

— Главное, — возразил я, — результат! А насчет того, что никогда... Викинги, от которых все гордо ведут происхождение, и не так прикидывались.

— Неужели правда?

— Один из их вождей, — подтвердил я, — чтобы попасть в город, который не удавалось взять, даже прикинулся мертвым, чтобы занесли по ту сторону крепостных стен. Про троянского коня вообще молчу, в нем даже царь, как мышь, прятался и страшился дышать громко...

Дверь отворилась, появился сэр Жерар, такой же угрюмый с виду и молчаливый, как и в те старые добрые времена, с первого взгляда видно, насколько расчетлив в каждом жесте и слове. Такие люди обычно живут добротно, у них крепкий нравственный стержень и служат только правому делу, во всяком случае тому, кого считают правым.

Я покосился в его сторону, замер, не двигается, не желая меня отвлекать, если того не пожелаю.

— Сэр Жерар, — произнес я.

— Ваше Величество, — ответил он почтительно и вроде бы бесстрастно, однако я уловил, что это обращение ему нравится все же больше, чем предыдущие.

— Сэр Жерар, — сказал я, — давайте сократим эти церемонии, когда мы не на приеме. Никакого урона моего королевскому достоинству не будет, если вы с порога скажете, что там у вас в клюве.

Он доложил деревянным голосом:

— Ваше Величество, по вашему соизволению доставлены...

Я прервал:

- Доставлены или приглашены?
- Приглашены, — ответил он педантично, — и доставлены. Сэр Куно ждет в коридоре.
- В новом дворце заведем приемную, — пообещал я. — Зови.

Он сделал движение в сторону двери, но та распахнулась, через порог шагнул Куно Крумпфельд, все такой же высокий, чуть располневший, но в той же серой одежде и с полным отсутствием украшений.

Даже лицо все такое же серое, лишенное всякого выражения, глаза оловянные, однако с каждым шагом глаза оживают, а лицо теплеет, даже ротовая щель превратилась в счастливо улыбающийся рот.

— Куно, — сказал я нетерпеливо и жестом запретил ему преклонять колено, — мы в рабочей обстановке, так что давайте без церемоний. Вы в прежней должности, но теперь она называется иначе, полномочия и обязанности иные, и вообще будете заниматься совсем другими делами. Вы все поняли?

Он кивнул, несколько обалдело.

— Ну а как же, Ваше Величество. Все понял, это же так просто, что даже скучно. Думаю, мне нужно установить более плотные контакты с графом Фортескью?

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел на канцлера очень внимательно.

— Знаете, Куно, я все больше удивляюсь вам. Как все так быстро улавливаете?

Он ухмыльнулся.

— Ваше Величество, как же быстро?.. Еще только герцог Вирланд выехал к вам на переговоры, наш кабинет начал прикидывать варианты развития событий. А когда услыхали, что вы во главе Содружества

Королевств... даже последнему посыльному в моем бывшем ведомстве стало ясно.

— Вы создали хорошее ведомство, — сказал я. — Подобрать умных и работающих непросто. Да, Куно, масштабы изменились. Придется заниматься не делами королевства, а делами королевств.

Он поклонился.

— Ваше Величество...

— Вам заниматься, — подчеркнул я. — Причем с присущей мне гуманностью, деликатностью, чуткостью, бережным отношением к правам и свободам отдельного человечка, милосердием, справедливостью, строгостью в соблюдении законов, непримиримостью к преступлениям, дозированной жестокостью, свирепостью и непримиримостью к злу, беспощадным истреблением всего, что не соответствует нашим представлениям о справедливости и так называемой законности...

Он слушал внимательно и ответил предельно серьезно:

— Я именно так и представлял. Но для такого серьезного... предприятия нужна крепкая власть. Надеюсь, вы ее больше не упустите.

— Еще бы, — ответил я недобро. — За битого двух небитых дают? Куно, набирай штат.

— Он уже есть, Ваше Величество.

— Придется расширить!

— Да, Ваше Величество.

— Я против бюрократии, — сообщил я, — и против бюрократов, но уже понимаю, что без их работы любое государство рухнет. Так что бери на работу столько, сколько нужно. Я потом посмотрю и либо урежу, либо добавлю.

Он поклонился.

— Ваше Величество.

— Сам знаешь, — сказал я, — кому можно доверять, кому нет. Думаю, то, что случилось, даже в чем-то лучше... Знаем, кто чего стоит.

Он поклонился.

— Ваше Величество, с вашего разрешения начну немедленно. Как только получу от вас последние ценные указания и выйду из кабинета.

— Вы их уже получили, — ответил я. — Действуйте.

— Насколько...

Я прервал:

— Пока что мы не стеснены никакими парламентами, так что можем проводить меры по повышению уровня нашей жизни быстро и решительно.

— Все понял, Ваше Величество. Именно этот пустячок и хотел уточнить.

Снизу доносится голос, долетел звонкий смех. Я насторожился, это кто там еще, вышел в сопровождении молчаливого сэра Жерара на внутренний балкон и ощущил, что брови лезут на лоб.

В главном зале дефилируют, прогуливаясь, степенные лорды, хотя преобладает молодежь, юные женщины в сопровождении строгих воспитателей или родителей, общаются, собираются в пары, кружки...

Я изумился, повернулся к сэру Жерару.

— Кто эти сумасшедшие?.. Они все должны быть в главном флигеле!

Он пожал плечами.

— Либо полные дураки, либо такие хитрецы, что и себя перехитрят.

— Либо инакомыслящие, — сказал я с досадой. — Должны поступать наперекор родителям. Те все у Кейдана, а эти вот демонстрируют...

Он указал кивком на двух молча наблюдающих за собравшимися лордов.

— Но не все молодые. Вон те двое...

— Завидев юных бунтарей, — сказал я, — всегда находится старый волчара, что возглавит их, превращая стадо в стаю, и сумеет использовать этих молодых энергичных дураков в своих интересах. Потому пусть Альбрехт установит за обоими наблюдение.

— Будет сделано, Ваше Величество.

Я вернулся к столу, но Жерар не уходил, я поднял голову.

— Что-то еще?

Он кивнул.

— Да, Ваше Величество. Вам стоит пройтись разок через зал.

— На хрена?

— Это называется утренним выходом, — объяснил он. — Придворные ждут. Иначе пойдут слухи, что король Ричард нездоров или мертвецки пьян... Уж и не знаю, что лучше. Разве что мертвецки пьян, потому что нездоров?

— Вот свиньи, — сказал я зло, — а я-то думал, король — это король!

— У всех свои роли, — пояснил он и перекрестился. — Свободен только Господь Бог.

— Нужно быть ближе к Господу, — ответил я и тоже перекрестился. — Ладно, разомнем задние конечности.

В кабинете Альбрехт с задумчивым видом перебирает бумаги на моем столе, я проговорил страшным голосом:

— Шпион? На кого работаете, граф?

— Пока на вас, — ответил он, — Ваше Величество, чему сам не перестаю удивляться. Это я при моем благоразумии... Вот эти земли можете вычеркнуть или

перенести в другой список. Только что пришли новости, что и они в руках наших удалых... викингов, как вы их называете?

— Как я их только не называю, — буркнул я. — Хорошо, подумаем, кому их передать. Следуйте за мной, граф. По дороге учиню вам допрос с пристрастием.

— Ногти рвать будете? — спросил он опасливо.

— Кое-что придумал и пострашнее, — ответил я зловеще.

— Господи... что?

— Работать заставлю, — пообещал я.

Он охнулся.

— Как... работать? А для чего Геннегау, этот город греха захватывали?

— Успеете побесстыдничать, граф, — ответил я сурово. — Может быть, успеете.

Мы прошли коридор и начали спускаться по лестнице, а внизу в зале прогуливающиеся придворные моментально начали перестраиваться, как вышколенные военные, даже дамы встали в две шеренги, между ними красная ковровая дорожка, что ведет к выходу, там мне делать бы нечего, но придется пройти, уже слышу, как ехидно подхихикивает Альбрехт.

Из шеренги кланяющихся придворных быстро выдвинулась молодая женщина и присела в низком поклоне, выступив на полшага, неслыханное нарушение придворного этикета.

Я остановился.

— Леди... Сильвания? Сильвания Безансонская, урожденная Блуа, из рода Сен-Тристан... и что-то там еще. Что-то случилось?

Она вскинула на меня взгляд, полный мольбы, лицо бледное и заметно исхудавшее.

— Ваше Величество...

Я поморщился.

— Да жив он, жив!.. Просто еще пока что в далеком королевстве Сакрант выполняет особое задание государственной важности. Даже общегосударственной, потому что я как бы общегосударь в некоторой мере, если смотреть не слишком пристально и вообще лучше не всматриваться.

Ее лицо сразу ожило, к щекам прихлынул румянец, хотя и слабый, а глаза засияли, как звезды.

— Спасибо, Ваше Величество!

— На здоровье, — буркнул я.

Мы возобновили медленное и торжественное шествие, медленное потому, что надо успевать улыбаться всем и отвечать на поклоны милостивым наклонением головы, так это именуется, нельзя ускорять шаг, короли никогда не спешат, иначе в государстве поднимется паника.

Альбрехт некоторое время шел рядом молча, потом оглянулся на эту энергичную леди.

— Что-то особенное?

Я отмахнулся, ответил шепотом:

— Да все о Максе сохнет. Жаждет отдать ему свой замок и земли. Там была некая запутанная история...

— Помню, — сказал он. — Я бы назвал ее скорее красивой.

— Красивая женщина, — согласился я, улыбаясь и отвечая на поклоны и женские приседы.

Он посмотрел на меня искоса.

— Я об истории.

— А-а, трудно понять женщин, верно?

— Точно, — ответил он, — а что она хочет взамен?

Я коротко хохотнул.

— Точный вопрос! Именно так. А взамен хочет всего Макса.

Он охнулся.

— Ну и зараза! Ничего себе размах... Проглотит и не подавится. Потому Макс и не возвращается?

— Макс ни о чем, — пояснил я, — кроме своей пехоты, не думает.

Он еще раз оглянулся.

— А она настойчивая!

— И неплохо владеет оружием, — сообщил я. — Когда сражалась в полных рыцарских доспехах, даже я, такой вот проницательный, не заподозрил женщину.

— Теряете нюх, — обвинил он. — Или в вашей постели той ночью было с десяток женщин? Тут, смотрю, уже появляются весьма лакомые...

— Всего одна, — ответил я. — Да и то не в постели, а так...

— Леди Сидония Колетт?

— Алика.

Он вскинул брови.

— Это кто?.. Не припомню...

— Служанка, — пояснил я злорадно. — У меня здоровые вкусы, граф! Я стараюсь быть близким к простому народу. У правителя с народом должен быть плотный контакт. Нельзя, просто нельзя пренебрегать своими обязанностями!

На крыльце постояли с минуту, народ останавливался, завида короля, кто низко кланяется, кто преклоняет колено, еще не разобрались в сложном этикете, когда в Сен-Мари два короля, и оба в одном дворце, но кому-то нужно кланяться больше, а кому-то меньше.

— Пойдемте взад, — сказал я со вздохом. — Нече тут давать собой любоваться бесплатно. За показ деньги берут!..

Вернулись мы несколько другой дорогой, один раз показались, и хватит, я сел за стол и начал просматри-

вать сводки, Альбрехт затеял спор с Жераром, я их не слушал, только вздрогнул, когда дверь распахнулась и вбежал запыхавшийся гвардеец.

— Ваше Величество, — выпалил он, — сюда идет его величество король Кейдан!

Я нахмурился, явно стряслось неприятное, Кейдан вот так просто не явится, сказал быстро:

— Пусть идет. Не задерживайте.

Он исчез, я ждал в напряжении, дверь распахнулась, Кейдан вошел так стремительно, что это скорее ворвался, его трясет, как осину в сильный ветер, губы прыгают, не находя себе места, а когда заговорил, зубы лязгали, будто в мороз:

— Как как вы... что вы себе... это неслыханно!

Я жестом велел Жерару и Альбрехту покинуть кабинет, а когда за ними плотно закрылась дверь, поинтересовался медленно:

— Вы о чем, Ваше Величество?

Он проговорил таким голосом, словно уже рвет зубами мне глотку:

— Вы распорядились подвергнуть моего ближайшего соратника унизительнейшему наказанию! Это недопустимо!

Я стиснул челюсти, унимая быстро разгорающийся гнев.

— Ваше Величество...

— Да, слушаю вас!

— Вы правы, — ответил я, — это недопустимо...

Недопустимо в обычных условиях. Однако ваш соратник, уж извините, так и не понял все еще, у кого меч длиннее. Это вообще-то ваша вина, Ваше Величество. Вы почему-то еще не объяснили своим соратникам, что Договор Союзных Королевств стоит выше местных законов, будь это гиксийские, бриттские, мезин-

ские или сен-маринские. Хотя, конечно, я понимаю почему не объяснили, я бы сам, наверное, избегал такой неприятной и щекотливой темы...

Он смотрел бешеными глазами.

— Ваше Величество!

— Ваше Величество, — ответил я еще тверже. — Все-таки им придется объяснить, что двоевластия нет и не предвидится. Иначе будут... эксцессы и похлеще того, что случился. Местные короли, я говорю не только о вас, это вас должно утешить, пользуются полной властью везде и во всем, если это не противоречит Договору Союзных Королевств.

Он не то чтобы успокоился, но кое-как взял себя в руки, выказывать чувства не очень достойно для государственного деятеля, прошел сквозь стиснутые челюсти:

— Я еще не подписал... никакого... договора.

— Вы можете и не подписывать, — ответил я.

Он спросил лютно:

— Что? Почему?

— Говоря откровенно, — объяснил я, — для нас это даже лучше. В таком случае Сен-Мари полностью в нашей власти. Значит, у королевства нет никаких прав и законов, а только милость или немилость победителя.

Он сказал с нажимом:

— Это выкручивание рук!

— Я же сказал, — напомнил я, — двоевластия не будет. Либо довольствуетесь управлением королевством в рамках Союзного Договора, либо вообще существуете по нашей милости. Или не существуете, выбор за вами. Всевышний, да будь благословенно его имя, всем нам даровал свободу воли. Даже сен-маринцам, что вообще-то удивительно, но ведь неисповедимы пути Господни.

Он стиснул челюсти, бледный, даже глаза ввалились, процедил зло и с отчаянием:

— Я хочу прочесть договор.

— Сэр Альбрехт вам даст экземпляр, — ответил я. — А пока сообщите своим людям, что пока положение в королевстве не утряслось и еще неизвестно, у кого какие полномочия... с победителями лучше не задираться. Это в интересах сен-маринцев. И ваших, если вы заботитесь о подданных.

Он ответил надломленным голосом:

— Я скажу им сейчас же.

Я поклонился.

— Ваше Величество...

Он почти прошептал:

— Ваше Величество...

Дверь за ним закрылась, я перевел дыхание. Скорее бы все это закончилось, как же не люблю эти гнусные разборки и это сладенькое и такое нехорошее чувство власти и превосходства, что идет всего лишь от силы, а не ума или правоты.

Глава 10

Думаю, Альбрехт еще там в Ричардвилле уже раздумывал, что и как будем делать в Сен-Мари. Понятно же, что свой поход Реконкисты завершим в Геннегау, потому взялся не просто круто и быстро, а донельзя эффективно, моментально собрав штат и заставив всех работать, как белки в бешено вертящемся колесе.

Мы рассматривали с Норбертом карту города, когда Альбрехт вбежал, запыхавшийся, с раскрасневшимся лицом, хотя и все так же разодетый и франтоватый.

— Уф, успел, — сообщил он. — Ваше Величество,

вы уже закончили перетаскивать, как трудолюбивый муравей, все свое добро в этот флигель? Эх, не успел...

Я насторожился.

— Что стряслось?

— Ничего страшного, — заверил он, — просто есть вариант, как мне кажется, лучше.

— Давайте, — ответил я. — Я люблю, когда лучше.

И чтоб много. И все мне, мне.

Он сказал быстро:

— К сожалению, среди активно поддержавших Вирланда оказался и сэр Фридрих Рюккерт, один из самых богатых и влиятельных лордов королевства.

— Рюккерт? — переспросил я. — Странно, он же принес мне присягу! Пусть не самым первым, но все же и не последним.

— Он просто ненавидел Кейдана, — объяснил Альбрехт. — Какие-то старые счеты. Потому и стал служить вам. Но вы ушли, он с группой таких же недовольных Кейданом взяли и предложили трон Вирланду!.. Тот для них ближе, чем вы, чужак, Ваше Величество...

— Где Рюккерт сейчас?

— Неизвестно, — доложил он. — Понимает, что если вы и не тронете самого Вирланда, тот слишком знаковая фигура, то отыграетесь на его соратниках. Так что либо в одном из своих дальних и мелких имений, либо вообще постарается уйти через Тоннель в те земли, где его не знают.

Я кивнул.

— Прекрасно. Действуйте.

Он просиял.

— Со всем вашим размахом?

— Да, — подтвердил я. — С моим.

Норберт проворчал:

— Меня нужно было спросить, только и всего.
— Где Рюккерт? — спросил я.
— По достоверным сведениям, — ответил он спокойно, — отступил с остатками дружины в свое имение в землях Алых Маков. Полагаю, погибнет, сопротивляясь аресту.

Я посмотрел внимательно, Норберт моментально понял инициативу Альбрехта и видит, что я ее одобряю.

— Уверены?

— Да, — ответил он и напомнил: — Граф прав, в Геннегау на той стороне площади дворец не уступает королевскому. Это было фамильное гнездо Рюккертов.

Я подумал, кивнул.

— Верно, граф. А так как лорд Рюккерт красиво погибнет при попытке его ареста, то все его имущество, движимое и недвижимое, в интересах народного хозяйства реквизируем. Мне в его дворце будет удобнее, чем в левом флигеле королевского... Нам с Кейданом лучше не встречаться даже в одном дворе.

— Я пошлю людей прямо сейчас? — спросил он. — Имею в виду во дворец?

— Да, — ответил я. — Подготовьте там все... ну, и для всех служб заодно. Только сразу же объявите, что лорд Рюккерт погиб, сопротивляясь закону.

— Сделаю, — заверил он. — Иначе было бы странным ваше переселение...

— Действуйте, — велел я, он поклонился и пропал за дверью.

Я постарался вспомнить, какой же у меня размах, о котором спросил Альбрехт. Если судить по выражению его лица, размах нешуточный, а это значит, дворец герцога очистят даже от домочадцев. Если там и остались жена и дети или внуки, то скорее их тоже

спешно отправят... в дальние имения, которые я не стану отбирать даже при самом широком размахе. Я бережливый и запасистый, но не мелочный.

Из окна моего кабинета, что выходит на просторную городскую площадь, виден на той стороне дворец, что не просто огромен, его строили с явным расчетом переплюнуть по размаху королевский. Стены облицованы темно-зеленой плиткой, чем выгодно отличается от дворца Кейдана. Там простая кладка из массивных гранитных глыб, ничего лишнего, все украшения и драгоценности внутри, народ должен видеть, что король живет просто, а вот Рюккертам можно и побахвалиться, что они с блеском и проделали.

Когда я пересек площадь, начиная по-хозяйски осматриваться еще от ограды, заметил с удовлетворением, что местных слуг нет ни во дворе, ни в холле, везде только наши гвардейцы, закованные в сталь и провожающие каждого подозрительными взглядами.

Главный зал изяществом и роскошью точно может потягаться с королевским. Колонны вдоль стен и два ряда в зале, поддерживающие свод, мрамор и малахит на полу, роскошь и богатство чувствуются во всем, однако же у того из Рюккертов, кто строил, хватило ума не вмешиваться так уж особенно в работу архитектора, и дворец получился могучий, но одновременно изысканный.

Я с изумлением увидел среди солдат человека в богатой одежде вельможного лорда, он поклонился мне и так остался в ожидании.

— Сэр Джеральд, — сказал я, — рад вас видеть, хотя, признаться, весьма удивлен...

Он развел руками, верховный лорд Джеральд Бренан, очень богатый и могущественный землевладелец, еще в мое первое появление на троне он принес при-

сягу и тут же удалился в свои земли, всегда угрюмый и неразговорчивый, а сейчас тоже ничего не произнес, видимо полагая, что мне и так все известно.

Альбрехт сказал сбоку:

— Куно Крумпфельд, мучаясь кадровым голодом, уговорил его помочь в работе. Сэр Джеральд является крупнейшим специалистом по землепользованию...

— Прекрасно, — прервал я. — Сэр Джеральд, добро пожаловать! Я весьма ценю мнение господина Крумпфельда.

— Спасибо, Ваше Величество, — ответил он скованно.

Пока шло переселение, я не вмешивался, первый этаж займет канцелярия и различные службы, от Министерства по делам Содружества Демократичных Королевств... потом название сократим до прочих мелких. Но все вопросы по королевству Сен-Мари оставим в ведении короля Кейдана и его соратников. Нам хватит и своих общих дел, а в его администрацию будем посыпать лишь редкие указания, что и как делать.

Из комнаты, которую я выбрал под свой кабинет, виден кусок голубого неба с клочьями мелких облаков, но если высунуть голову из окна и взглянуть на верх, в груди становится холодно, а сердце немеет в тоске.

Красная точка давно стала сперва пылающим угольком, затем багровым диском, размером с монету, а сейчас уже почти с блюдце, непонятно и страшно...

Я отошел от окна, в груди холод не испаряется, стало еще хуже, я же забиваю себе голову... чем только не забиваю, страшусь думать о надвигающейся катастрофе, обманывая себе тем, что маяк еще не готов.

У двери с этой стороны застыл со сложенными на груди руками неподвижный слуга, можно принять за

вырезанную из дерева статую, это я распорядился, чтобы не выглядывать в коридор и не орать Жерару.

— Альбрехта и Норберта ко мне, — сказал я.

Он исчез моментально, без поклона, это я тоже запретил во имя эффективности и экономии времени.

Когда Норберт появился в кабинете, я чуть подождал, слыша быстрые шаги взбегающего по лестнице Альбрехта, а когда он влетел в комнату, сказал без предисловий:

— Граф, хотя это и не канцлерово дело, но все же первостепенной государственной важности, потому оно ваше. Тщательно отберите лучших из лучших воинов, расположенных сейчас в Сен-Мари.

— Рыцарей?

— Лучших из лучших, — повторил я сердито, — мне их сила и отвага нужны, а не титулы. И беззаветная, как говорят, а вообще-то сумасшедшая храбрость!

Он понизил голос:

— Для войны с Маркусом?

— А то!

— Я так и подумал, — сказал он и зябко передернул плечами. — Так бы и сказали, набрать сумасшедших.

— Мы не знаем, — сердито пояснил я, — что это вообще за такое!.. Может, в небе вообще гигантская медуза вот так повиснет и начнет всех хватать щупальцами... Людей нужно подобрать абсолютно готовых победить или умереть. Отступать нельзя — все равно смерть.

Норберт заметил ровным голосом:

— Такие отряды нужно создать не только здесь.

— Разумеется, — отрезал я. — Из всех королевств уже идут к месту сбора лучшие из лучших. Нужно только перехватывать и указывать, где именно собираемся.

Альбрехт помолчал, лицо его побледнело. Я посмотрел на Норберта, тот как обычно суров и мрачен, но теперь еще и бледный, как смерть.

— Что, страшновато?

Альбрехт проговорил бледным голосом:

— Если учесть, что это будет битва с самим Господом... то да, войско потребуется еще то. И не только войско потребуется.

— Не с самим Господом, — огрызнулся я, — а с тем, что Он послал на землю! Если, конечно, послал Он, а не.

— А точно не Он?

— Да какая разница?

Он вздохнул.

— Немалая. В общем, с Орденом Марешаля ссориться нельзя.

— Нельзя, — признал я нехотя. — Рыцари Ордена пойдут хоть на дьявола, хоть на Господа Бога, если будут чувствовать себя правыми. И ни один не отступит... Кстати, ящики с моими сокровищами перетащили?

Норберт кивнул.

— Да, сейчас под охраной.

— Несите сюда, — распорядился я. — Теперь я сам буду охранять... до поры до времени.

Альбрехт спросил заинтересованно:

— До какой поры?

— До Маркуса, — ответил я. — Я себе оставлю только меч, а вы разберете все остальное. Вдруг что-то да сработает лучше других. В общем, перетаскайте сюда... можно не лично, но под надзором, а там вскроете ящики и развесите вот на этой стене в художественном беспорядке.

Норберт сказал недовольно:

— А можно, в порядке? А то беспорядок не очень люблю. И всякие там художества.

— А я вовсе не выношу, — признался Альбрехт.

Я махнул рукой.

— Ладно, вешайте как хотите. Нет у вас художественного чутья и чувства прекрасного.

— Абсолютно, — подтвердил Альбрехт с готовностью.

Они молча и довольно быстро отодрали крышки с ящиков, я не особо и приколачивал, укрывая только от посторонних взглядов. Норберт взглянул, но смолчал, Альбрехт сказал невольно:

— Красота какая... Особенно когда вот так в куче.

— Да где там красота, — спросил я с досадой. — Голая функциональность. Все орудия убийства, ничего для поэзии.

Он покачал головой.

— Нет, все же красота... хотя, конечно, мрачноватая. И зловещая. А какими должны быть мечи?.. Сэр Норберт?

Тот вздохнул.

— Ну да, конечно. Мечи и должны выглядеть страшновато. Самый лучший меч тот, который достаточно показать противнику, и самый отважный воткнет свой в землю.

Глава 11

Я быстро зыркнул в его сторону. Похоже, старый воин уже готов заканчивать эпопею воинских подвигов и переходить к мирной жизни. Это хорошо, такие люди воюют очень рационально, берегут своих людей, безрассудную отвагу сами не выказывают и других от нее удерживают.

Ларцы и шкатулки я перенес сам, к таким работам не стоит привлекать простых воинов, а Норберт с Альбрехтом с явным удовольствием развесили мечи, топоры, кинжалы, а затем и щиты на оставшиеся места.

— Знаете, граф, — сказал я, — уж я-то знаю, почему вы увильнули от тяжелой работы канцлера не только Сакранта, но даже Великой Улагорнии...

Он сказал с живейшей заинтересованностью:

— Ну-ну?

— Увидели кусок пожирнее, — сказал я со злорадством.

— И где же?

Я топнул ногой.

— Здесь. Вот в этом самом месте. Но вы ошиблись, граф!.. В Сен-Мари работы намного и даже весьма. Хотя бы в том, что все придется с нуля, а не как вы надеялись.

Он вскинул брови.

— С нуля? Это не так уж и мало. Я вообще-то знал одного, у него ничего не было, а еще и должен... Вот то да, а нуль — это уже хорошо. Значит, закладываем основы здания Содружества Свободных и Демократических... может быть, отбросим хотя бы это последнее слово?

— Можно, — согласился я. — Слишком длинное.

— Свободных королевств, — повторил он и саркастически ухмыльнулся, — ну да, свободных... А вы сами представляете себе, что это за... надстройка?

— Не весьма, — признался я. — Что-то такое... ну... координирующее...

— С единым управлением? — уточнил он.

— Разумеется, — ответил я, но, уловив его ухмылочку, сказал сердито: — Только в случае острой не-

обходимости!.. Понятно же, что когда люди свободны, то сами жилы рвут, стараются, а из-под палки какая работа? Потому мы всячески должны подчеркивать свободу и поддерживать ее во всех нужных нам проявлениях.

— Во всех?

Я сказал зло:

— Вам уши заложило, граф? Я же сказал, во всех проявлениях, нужных нам!

— А-а..

Я сказал еще сердитее:

— За исключением попыток выйти из Союза или как-то обособиться. У нас должно быть общее экономическое и правовое пространство, общий закон и права, хоть и крохотные, простого трудящего люда.

— И армия, — подсказал Норберт.

Я зыркнул свирепо.

— Разумеется, но о ней нужно упоминать пореже, а то и вообще... подвести под графу секретности. И вообще, вы двое работать пришли? Или языком почесаться? Так идите и работайте, работайте, работайте!

Альбрехт с удовольствием потер руки.

— Да тут незаметно подошло время обеда...

— Сколько можно жрать, — сказал я сердито. —

Вы как мой Бобик!

— Обожаю эту собачку, — сказал он.

Ухмыляясь, они вышли, тут же в кабинет вдвинулся сэр Жерар, произнес бесстрастно:

— Ваше Величество! Граф Фортескью по вашему вызову.

Граф вошел быстрыми шагами, поклонился, непривычно поджарый, но не худой, а я видел его и сытеньким розовым кабанчиком, и худым, как гвоздь, узником тюрьмы Кейдана, а сейчас он с двумя шра-

мами на щеке выглядит бывалым воином, хотя, как помню, в боях никогда не участвовал.

Он старался держаться невозмутимо, как и положено дипломату, но счастливая улыбка уже раздвигает губы, делая рот шире.

— Граф, — сказал я, — Господь долго терпит из милости, давая нам возможность раскаяться и по возможности исправить ошибки. Но если этого не делаем, он бьет больно. Сэр Рюккерт, ярый сторонник узурпатора трона герцога Вирланда и человек, отхвативший у вас почти половину ваших земель, бежал со своими людьми в сторону границ с Вестготией... как будто туда можно попасть иначе, чем на моих кораблях!..

Он спросил осторожно:

— И где он теперь?

Я поморщился.

— А где он может оказаться? Сопротивлялся аресту довольно мужественно, надо признать, как и его люди. Сдались только слуги и двое оруженосцев. Остальные пали в бою и были похоронены там же на морском берегу, где волны быстро смыли все следы.

Он спросил, не сводя с меня испытующего взгляда:

— Значит, отныне...

— Таким образом, — сказал я и перекрестился, — по воле и мудрости Господа нашего его замок и его земли присоединяются к вашим, что очень удобно, вы соседи. Но это дело обыденное, с этим даже не поздравляю, однако мои люди подсказали, что ваше мужество и верность принцу Ричарду должны быть отмечены и в титуле.

Он округлил глаза.

— К примеру, — сказал я, — мне всегда нравился титул кирхенфюрста... но самому, к великому сожале-

нию, так и не удалось им побывать, хотя хотелось... гм, мне все же кажется, вы не слишком кирхен... так что может быть, ландесфюрста?.. Им я тоже не бывал, не повезло... И звучит, и ни к чему не обязывает...

Сэр Жерар произнес ровно:

— Ваше Величество, осмелюсь подсказать, преданным вам людям стоит жаловать и придворные должности. Они мало к чему обязывают, но дают возможность вращаться при дворе, оказывать какое-то влияние, поддерживать ваши начинания...

Фортескью промолчал, скромно опустив глазки, я подумал, переспросил:

— А что вы предлагаете? Обер-гофмейстера, то бишь гран-мэтра де ла кур или же обер-гофмаршала?

Жерар произнес так же мрачно:

— А чего мелочиться? Можно сразу камергера. Это высшая должность при дворе, а делать ничего не приходится.

Я посмотрел в изумлении.

— Вы серьезно?

— Вполне, — подтвердил он. — Камергеров может быть несколько. Все нормально с точки зрения права и законов..

Я подумал, повернулся к замершему Фортескью.

— Граф, сэр Жерар абсолютно прав. Жалую вам титул ландесфюрста, а также придворную должность камергера. Мне кажется, в Сен-Мари ландесфюрсты вообще не водились, так что вы первый и единственный! Это повод гордиться и задирать нос перед теми, кто на вас посматривал свысока. На ближайшем торжественном приеме я вам пожалую официально. Нужно, чтобы присутствовала вся знать королевства... А теперь работать, работать, работать!.. Устраивайтесь

там внизу, быстренько наберите помощников. Работы будет больше, Куно вас введет в курс дела.

Он широко улыбнулся в ответ на смену моего покровительственно-ласкового тона на суровый и требовательный, поклонился и быстро вышел, уже весь собранный и переполненный идеями, как быстро наладить работу Министерства.

Он еще не знает, мелькнула мысль, что это будет Министерство не Сен-Мари, а чего-то такого, что я сам еще масштабы вижу весьма смутно и нечетко.

Еще в первый же день переезда в бывший дворец Рюккера перетащили из королевского дворца и установили в моем кабинете зеркало в мой рост, через которое могу выйти из точно такого же в Савуази, Брабанте и даже в подвале леди Элинор. Кстати, его забрать нужно обязательно.

Пусть у этих зеркал и меньше возможностей, чем у Зеркала Горных Эльфов, однако эти быстрее набирают энергию для следующего переноса. А Кейдану ни к чему.

Эх, не забрать пентаграмму аббата Дитера... Если бы только пентаграмма, ничего нет проще, но это же вскрывать пол и вытаскивать девайсы... Хотя, конечно, можно предупредить Кейдана, что перебираться на новое место буду долго и трудно, здесь прижился, кое-что вмонтировал в стены из фамильных ценностей, которые просто обязан забрать по завету предков.

Пентаграммы установлены в Геннегау, Савуази, Варт Генце, Скарляндии и Ламбертинии, а вообще я дал аббату Дитеру самые широкие полномочия, пусть роется по всем загашникам монастырей и собирает из деталей эти странные и непонятно как работающие порталы.

Вообще-то могу перемещаться еще браслетом Гонца, хотя он признает только эльфов, есть еще возможность с помощью Подземного Вихря, а также недавно найденный способ с Эркхартой.

Так что не сказать, что не ищу варианты, все время ищу, почти всякий новый лучше предыдущих, но все-таки далеко до желаемого...

Альбрехт заскочил на минутку, сказал свистящим шепотом:

— Ваше Величество!

— Ну?

— Вы забыли о самом главном.

Я насторожился.

— О чём? О Маркусе я все время помню.

Он отмахнулся.

— Да что там какой-то Маркус, кто о нем думает? Я говорю о пире в честь победного возвращения!.. Это нужно и нам, и побежденным.

Я вздохнул.

— Да, конечно. Организовывайте.

Для пира вообще-то подходит любой повод, но наше победное возвращение — куда уж более, потому слуги открыли все закрома Рюккерта и начали таскать в главный зал, где могущественный лорд обычно принимал важных гостей и похвалялся богатством и влиянием.

В большом зале на уровне второго этажа три балкона, один для оркестра, второй для стражи, а третий ведет из моих покоев, что включают в себя как спальню, так и кабинет, библиотеку, рабочие комнаты.

Сейчас я тихонько встал в дверном проеме, чтобы никто не заметил снизу, и наблюдал, как заполняется зал.

Кроме моих немногих лордов, в первую очередь

Альбрехта, Норберта, Мансфельда и Мандершайда, несколько знатных рыцарей из их армий. Так что я окружен по большей части турнедскими героями, а также вестготскими, что прибыли на кораблях, готовые для яростного штурма города.

Сейчас они, несколько разочарованные, что не стяжали воинской славы и не совершили великие подвиги, с другой стороны, плоды победы достались им легко, и все благодаря умелой дипломатии их сюзерена, который ведет их от победы к победе.

Барон Эйц тоже за столом, ему я просто велел присутствовать, объяснив, что нас, армландцев, и так капля в этом людском море, а сен-маринцы хоть здесь вроде бы все наши лояльные сторонники, но все же их слишком много, слишком...

Послышались шаги, нарочито громкие, это Альбрехт предупреждает о себе, все-таки в моих личных покоях, куда доступ пока открыт, а потом даже ближайших друзей гвардеец остановит строгим: «По какому делу? Я доложу».

— Все начинается пиром, — сказал он, остановившись рядом. — А дальше плавно перетекает в дискуссию, на кого бы напасть...

— Не будет таких дискуссий, — ответил я мрачно. — Это муравьи бьются друг с другом, не замечая лесного пожара, а вот нам нельзя поднять головы, чтобы Маркус не напомнил о себе.

— Маркус, — проговорил он, лицо его потемнело, но вскинул голову и сказал с натужным оптимизмом: — Встречную атаку не проведешь, так что будем дожидаться, когда появится... А пока будем осваиваться. Как вам здесь?

— Во дворце? — спросил я. — Да мне как-то все равно, дворец или шатер... Вижу только, знакомых морд маловато.

Он спросил понимающе:

— Вы о женщинах?

Я ощетинился.

— Что, по мне видно?

Он покачал головой.

— Успокойтесь, Ваше Величество. Вы держитесь как скала, поросшая мхом. Зеленым таким, добрым. Даже как бы с плесенью. Хорошай такой плесенью! Как на сыре. Просто ваше состояние естественно и понятно...

— Что вам понятно?

— Женщине нужен мужчина, — ответил он, не отрывая взгляда от толпы, — мужчине нужны женщины... желательно все на свете.

— У вас и запросы, — сказал я. — У меня поскромнее. Я уверен, что верно и преданно человек может любить не больше трех-четырех женщин. От силы семь-девять...

Он грустно улыбнулся.

— Но жизнь такова, что и на одну не у всех хватает времени, сил, денег, решимости. Зато кому-то достается больше, чем одна.

— Я тоже из тех, — отрезал я, — у кого недостает времени, сил и решимости. Господи, тут вот-вот Маркус рухнет на головы, а мы будем предаваться любовным утехам?

Он пожал плечами.

— Я разве сказал, предаваться? Так, перекусить на ходу. Не слезая с седла.

— Не снимая, гм, сапог со шпорами, — сказал я. — Ну да, это понятно...

— Розалинда, — сказал он без всякого перехода, — мирно и счастливо живет с мужем в далеком имении. Азагердию выдали замуж, как только вы отправились на север.

Я проворчал:

— Чего это вы их вспомнили?.. Я вот совсем не думаю.

— Да ладно, — сказал он, — если не о них, то все равно о них, пусть даже у них другие имена и причесги, зато все равно это они. Могу порекомендовать...

— Заткнитесь, граф, — сказал я в раздражении. — Недоставало, чтобы мне еще и баб рекомендовали!

Он поклонился.

— Нет-нет, Ваше Величество, что вы... Я уверен, что в женщинах вы разбираетесь лучше, чем в политике, в которой, если честно, не разбираетесь вовсе.

Я засопел, это наглая ложь, в политике я вообще орел, но Альбрехт и не пытается что-то доказать или опровергнуть, просто растормашивает меня, чтобы не зацикливался на одной-единственной идее, способной свести с ума.

— Ладно, — сказал я, — Маркус подождет, вы правы. Все равно еще не готовы, маяк пока что растет, как непонятный гриб.

Он посмотрел искоса.

— Присматриваете?

— Чувствую, — отрезал я. — Такой вот я чувствительный! Баб не чувствую, а маяк за триста или сколько там миль чувствую.

— Повезло нам с государем, — ответил он.

— Не язвите, граф, — сказал я строго. — Я уже весь в язвах. К счастью, пока невидимых, но я их чувствую. Мне кажется, там в зале недостает перемешивателя?

— Перемешивателя?

— Ну да, — сказал я, — как повар перемешивает большой такой цветной суп в большом котле.

Глава 12

В самом деле, отдельно вестготы, армландцы с турнедскими военачальниками, в сторонке группа могущественных сен-маринских лордов, чье богатство многократно превосходит королевское: Чарльз Фуланд, которому я привез похвальные новости о его единственном сыне, Арчибальде Виеннуанском, Рудольф Герман Лотце, Вильгельм Рошер, лорд Карл Людвиг Кнебель, заметно растолстевший Оскар Лубе, всегда сдержаный лорд Бенедикт Карберидж, барон Френк Ховард, юный отпрыск знатного рода Холбергов, верховный лорд Джералд Бренан, лорд Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, все из богатых и влиятельных родов, но, как вижу, не растерявшие хватки и проницательности, не сделали ставку на Вирланда, а ушли в тень, сейчас явились и сказали, что верили в мою победу. Что ж, а я верю им, как же иначе, так что они по своему могуществу и влиянию все так же будут занимать высокое положение и оказывать заметное влияние на жизнь в Сен-Мари в тех рамках, которые я очерчу.

Граф Фортескью и несколько знатных сен-маринцев, что не просто на моей стороне, но и на службе, тоже держатся чуточку обособленно, хотя вежливо общаются как с завоевателями, что не завоеватели, так и с теми, кто признал это завоевание законным.

По моему приказу пригласили также старшин гильдий, в том числе из Тараскона, хотя во избежание слишком уж заметного недовольства я распорядился посадить их в дальнем конца зала и за столами, покрытыми простыми скатертями из грубого полотна.

Уже прибыли несколько глав гильдий оружейников, кожевников и бронников, все в настолько доро-

гих шелках, что не всякий знатный лорд может себе такое позволить, на груди каждого скромно позякивают массивные золотые цепи с драгоценными камнями, что говорят об их ранге. Узнаю лица мастера Френка Мазона, главного художника верфи, за ним заняли места главы гильдий строителей, плотников, вон медленно и важно садится мастер Эльбеф, старейшина гильдии оружейников, зал оглядывает угрюмо и настороженно, это впервые их, простолюдинов, привлекли в королевский дворец на пир.

Я вспомнил дом Лоренса Агендера, верховного главы совета гильдий и цехов, где все комнаты спокойно и уверенно говорят о достатке такого уровня, какой далеко не все высокородные лорды имеют, а большой обеденный зал, где он трапезует с семьей и принимает за столом гостей, блестит роскошью и великолепием, кресла оббиты дорогой тканью, посуда из серебра и золота...

Последним подошли мастер Пауэр и мастер Лоренс Агендер, я проследил, как усаживаются, бросил Альбрехту:

— Бдите, граф. Я поприветствую гостей.

Он проследил за моим взглядом, поморщился.

— Этих... ремесленников?

— Граф, — сказал я, — они создают богатство, которым мы распоряжаемся.

— Ну и что?

Я улыбнулся.

— Граф, я хочу чтобы Сен-Мари стала еще богаче.

Все-таки Альбрехт, думал я по дороге в общий зал, рыцарь до мозга костей. Все понимает, но все же общаться с ремесленниками считает для себя зазорным. Люди благородного происхождения одно, неблагородного — другое.

Я нарочито зашел с другой стороны, вроде бы чтобы пройти весь зал, но тем самым двинулся вдоль столов, где расположились самые незнатные.

Главы гильдий подхватились, не зная еще, как держаться, начали вразнобой кланяться.

Я остановился, сказал легко:

— Мастер Эльбеф, что-то вы похудели...

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил он сдержанно, голос его звучит привычно угрюмо, рассматривает настороженно, сам все такой же кряжистый и жилистый, настоящий оружейник, а не какой-нибудь тыфу, ткач или ювелир. — Работы и забот много...

— Будет еще больше, — заверил я жизнерадостно. — Помните о своей свободе создавать предприятия, чтобы королевство развивалось как можно быстрее!.. Ищите новые полезные ископаемые, выплавляйте руду и... все для развития! Про флот молчу, это приоритет, знаете.

Они кланялись, мастер Пауэр сказал просительно:

— Вы уж больше не оставляйте королевство без своей твердой руки, Ваше Величество!

— Теперь не оставлю, — пообещал я.

В зал вошел крупный вельможа в сопровождении богато одетых лордов, величественный и спесивый, его сразу встретили поклонами и увели за один из столов, мастер Пауэр проводил его почтительным взглядом и сказал мне шепотом:

— Это сэр Герниэлт Делстэйдж. Его род идет от того самого рыцаря, который прибыл в эти земли первым и подписывал с местными дикарями договор о создании первого Арндского королевства!

Мастер Лоренс Агендер пробормотал:

— И что? А мой тянется от того, который прини-

мал десять заповедей и подписывал договор с обязательствами следовать им.

Мастер Эльбеф спросил, любопытствуя:

— А это было раньше или позже?

А мастер Френк Мазон, главный художник верфи, самый грамотный, поинтересовался:

— А что за десять заповедей?

Мастер Агендер посмотрел на них волком, не зная, всерьез ли такое невежество в мире или только в просвещенном Сен-Мари, а я засмеялся, не пропустив шуточки, похлопал главу ювелиров по плечу и пошел через зал к своему месту.

Когда-то давно, когда устроили вот такой пир и с такими важными лордами, я шел робко и трусливо, как кролик, но старался держаться важно и с достоинством, я же победитель варваров, спас Геннегау от их нашествия, а что сам захватил его для себя, еще никто не знал, я был тогда всего лишь безвестным графом, сыном герцога Готфрида Брабантского, явившимся на его зов.

Сейчас этот шум и гам, эти спесивые рожи и полные важности лица, все это не только привычно, даже буднично, но вижу за этими личинами людей не всегда во всем уверенных, а если уверенных, но обязательно глупых.

Дорожка из красного бархата ведет через зал к посту у дальней стены, там отдельный стол для моего величества и еще с десяток кресел, где сидут мои ближайшие соратники. Увы, в этот раз не сидут, большинство пока что разбросаны от Сакранта до Великой Улагорнии, где спешно возводится Ричардвиль, а здесь со мной только Норберт, Альбрехт да оба турнедских лорда: Мандершайд и Мансфельд, а осталь-

ные военачальники рангом помельче расположились в зале.

Зал залит огнями, я велел не скучиться на свечи, так что горят как люстры по всему залу, так и светильники вдоль стен, а еще и большие свечи на столах, всаженные в массивные подсвечники, каждый произведение искусства.

На столах, как и водится среди пирующих мужчин, на блюдах целиком зажаренные кабаны, олени, косули, гуси, это основа любого пира, присутствует рыба и всякая мелкая птица, но это как бы добавка, а вообще-то мужчины должны грубо жрать жареное мясо, громко хохотать и хвастаться, демонстрируя грубую силу и выживаемость.

Снизу доносятся удалые выкрики, звучат заздравные тосты, поднимаются мощные ароматы жареного мяса, острых специй, мужского пота, а наверху на хорах в одиночестве корпит с лютней в руках ярко и пышно одетый молодой красавец с длинными ухоженными волосами и бледным лицом. Щипнув за струну, прислушивается, делает на бумаге некий значок, мало похожий на ноту, снова дергает и прислушивается, наклонив голову, к этому жужжанию.

Я постоял в проеме двери, наблюдая за ним, а когда он чему-то насторожился, сказал жизнерадостно:

— Ты всегда в работе, Велазарий.

Он вскочил, поклонился.

— Ваше Величество! Такая честь...

Я отмахнулся.

— Брось. Творческие люди выше всех королей и всяких там императоров. Дворец может существовать без короля, но не без придворного поэта! Жизнь — это быстрая еда и долгая работа, а кто не работает, тот

ест не только в перерывах. Работай за троих, и трое выпьют за тебя, как вон сейчас в зале...

Он поклонился, не зная, что ответить на грубые королевские шуточки.

— Ваше Величество...

— Ты поработал хорошо, — сказал я. — К стыду своему, я даже не ожидал, что сумеешь написать те бодрые марши! Они получились полными отваги и мужества.

— Ваше Величество, но вы же велели...

— Велел, — согласился я, — но это от безрыбья. Сам не думал, что у тебя получится так хорошо. Видать, и у тебя где-то там глыбоко внутрях есть что-то этакое, чтобы молотом по головам, копьем в живот, ржание коней и крики мертвецов!

Он бледно улыбнулся.

— Просто тема уж очень необычная.

— Вызов?

— Да, — согласился он. — Это был вызов моему беспримерному таланту. Я вызов принял и... победил.

— В самом деле победил, — согласился я. — И хотя для тебя это теперь рутинा, но мне нужно еще пару маршей. А самое главное... ты даже не представляешь...

Он насторожился.

— Ваше Величество?

— Мы дадим бой Маркусу, — сообщил я и заметил, как побледнело его лицо. — Потому нужен такой героический марш... или гимн, чтобы у каждого сердце трепетало! Чтоб даже трус бросился в бой, не страшась ужасной смерти.

Он проговорил с трудом:

— Ваше Величество...

— Ну? Не потянемся?

— Умру, — прошептал он, — но все из себя вытяну.

Все кишki... Это вызов, так вызов! Только ради этого стоит жить.

Я кивнул, снова спустился вниз. На пиру не обязательно сидеть постоянно во главе стола, рекомендуется иногда подходить к своим соратникам за другими столами, похлопать по плечу и сказать что-нибудь подбадривающее, это повышает уровень лояльности и даже преданности.

Я, конечно, молодец, так что по праву горжусь своей стойкостью и целибатностью, человек — это то, что выше челюсти, а все, что ниже, это все-таки от Змея, здорово же он, гад, постарался... но вот теперь, устояв и выстояв, чувствуя себя в чем-то обокраденным, даже и не знаю, как это сумел сам себя, но ощущение какое-то тоскливо-драматическое, даже тянет как-то, не то под ложечкой, не то в другом месте...

Придворные красотки, словно ощутили перемену, а то и в самом деле ощутили, муравьи же чувствуют как приближение грозы, так и ее уход, начали откровеннее делать глазки, улыбаться, томно опускать ресницы, ну и богатый же у них набор, кто бы подумал, а это ж еще старое и суровое время чистых нравов и здоровых обычаев...

Я двигался между двух рядов кланяющихся придворных и приседающих женщин, в груди неясная тоска, раньше мечтал, что все женщины будут моими, сейчас вот они в самом деле все мои, но что со мной...

Одна из красоток улыбнулась так, словно уже чувствует мои ладони на ее булочках, я невольно остановился, ненавижу обижать женщин невниманием.

— Леди Марсилин, — сказал я заговорщицки, — вы готовы?

— К чему?

— Танцевать.

Она чарующе улыбнулась.

— Я с вами готова не только к танцам.

Чувствуя понятную неловкость, никто из нас не любит, когда перехватывают инициативу в таких делах, посмотрел в ее ясные чистые глаза. Она ответила взглядом, что я король, человек занятый государственными заботами, потому могу без лишних в таких случаях обязательных церемоний, но для некоторых уж точно необязательных.

Я улыбнулся как можно радостнее.

— Леди Марсилин, я это запомню.

— Надеюсь, — ответила она, но что-то в ее голосе дало мне понять, женским чутьем уловила, дескать, ничего не запомню и забуду о ней раньше, чем дойду до своего места за столом.

А вот назло не забуду, сказал я себе сердито, а вот сегодня же... но понимал с холодком, что ничего подобного не случится. Не до лядей.

Когда я вышел на крыльцо, там уже стоял верховный лорд Джеральд Бренан, а теперь еще и скромный служащий в команде Куно Крумпфельда, мрачно рассматривает слуг, выкатывающих из подвала бочки с вином.

— Вижу, — заметил я, — вы не слишком пируете. Хочется удратить?

Он оглянулся, торопливо поклонился.

— Ваше Величество...

— Вино слабое? — спросил я.

Он сдержанно улыбнулся.

— Нет, все хорошо, Ваше Величество. Но сэр Куно запретил.

— Изверг, — сказал я с сочувствием.

— Да и вообще, — сказал он, — в таком новом деле как никогда нужны ясные головы. Иначе такого можно наломать...

Глава 13

Он вдруг заулыбался и подтянул живот. Мужчины, что поблизости, как один приосанились и сделали значительные лица, кроме того, все приятно улыбаются и смотрят мимо меня.

Я еще не успел обернуться, как всего коснулось и облекло животное тепло, словно уже я под теплым одеялом и ко мне прижато разогретое женское тело. Ощущение настолько знакомое, что повернулся, уже зная, кого увижу.

Бабетта подходит сияющая, с нежной белой кожей, растерявшей прошлый загар, но все так же налита солнцем, золотые волосы, частью убранные в башенку, свободно падают на плечи, радостно горят чистым золотом, лицо стильное, полные и чуть вытянутые вперед губы туго налиты сладким красным соком, жемчужные губы сверкают в счастливой улыбке.

Она с ходу бросилась мне на шею, влепила звучный поцелуй, нимало не стесняясь окружающих, и все поняли, как я видел краем глаза по их лицам, что это дружеский, даже родственный поцелуй.

— Рич, — сказала она нежным щебечущим голосом, — я просто с ума схожу от радости. Ты вернулся!

— Ты не поверишь, — ответил я, — но я тебе тоже рад.

Она улыбнулась моим лордам.

— Это он так шутит. Он вообще такой шутник, такой шутник... Лорды, вы не против, если я его украду у вас на несколько минуток?

По их лицам видно, что против, еще как против, но не из-за потери их лорда, да пусть он сейчас хоть провалится, всем до свинячьего писка жаль лишаться ее общества.

— Пойдем, — сказал я, — допрошу с пристрастием. Друзья, я ненадолго. Удавлю и вернусь.

Она улыбнулась им, и они все расцвели улыбками, даже те, у кого каменные морды треснут, если попробуют изобразить улыбку, даже они смотрят на нее счастливыми глазами.

Я взял ее за локоть и отпустил только, когда мы оказались в моем кабинете. Она подняла локоть, получилось очень эротично, подула, вытянув губы, на то место, где остался след от моих пальцев.

— Ты все такой же яростный, — сказала она с восхищением. — Где бы я ни бывала, всегда чувствовала твои ладони на моем теле. Под платьем, конечно.

— Садись, — велел я, — и давай признавайся.

— В чем?

— Во всем.

Она капризно надула губы.

— Это будет очень долго.

— Харчами обеспечу, — пообещал я.

Она внимательно смотрела, как я творю и расставляю на столе изящные фужеры. Я постарался блеснуть, вообще с Бабеттой я всегда в ударе, потому фужеры получаются со стенками тоньше пленки мыльного пузыря, не видно вовсе, даже страшновато, когда красное вино возникает в двух-трех дюймах над столом, поднимается, ограниченное чем-то незримым.

— Это необычно, — признала она, — ты таких еще не делал.

— Раstu, — объяснил я многозначительно. — И не только в умении создавать фужеры.

— Фужеры?

— Фужеры, бокалы, — ответил я. — Не должны дамы пить из кубков, как мужчины и лошади.

— А из чаш?

— И даже из чаш, — сказал я твердо. — Неизящно. Она улыбнулась.

— А в чем ты еще вырос, Рич?

— Ну да, — ответил я. — Ты восхитительна, Бабетта. Но меня и раньше было не просто так расколоть. А чтоб вот так взял и начал выбалтывать то, что нужно кому-то, а не мне, такому замечательному...

Она рассмеялась.

— Да, ты все такой же кремень. Даже в постели не проговаривался. Зато я всегда рассказывала все, без утайки!

— Тогда мы квиты, — ответил я мирно, — за твоё здоровье, Бабетта!

Она осторожно взяла фужер за тонкую ножку, некоторое время держала в руке, внимательно рассматривая, сделала крохотный глоток и, как знаток, некоторое время покатала во рту, прислушиваясь к ощущениям.

Я наблюдал из-под приспущеных век, прикидываясь полностью расслабленным и отдыхающим.

— Прекрасное вино, — сообщила она после паузы, — и создаешь его без особых усилий, вижу. А можешь еще парочку таких же сотворить... вон на том столике возле постели?

— Собираешься лечь? — спросил я.

Она взглянула с упреком.

— Рич! Я же спросила, не можешь ли создать два фужера.

— Понятно, — ответил я. — Тогда и всяких пирожных... И мороженого.

— От мороженого я вообще в восторге, — призналась она. — Чтоб в такую жару и такое чудо...

Творить еду, даже самую изысканную, все легче, теперь не нужно очень старательно вспоминать все от-

тенки, достаточно сказать «круассан» или вспомнить, как когда-то один раз в гостях попробовал нечто не- понятно изысканное, то могу и моментально на стол, потому сейчас творил легко, быстро, улыбаясь и показывая, что вовсе не надрываюсь.

— Что, — спросил я, — неужто моя скромная пер- сона начинает тревожить его императорское величе- ство?

Она в удивлении приподняла брови.

— Почему так решил?

— Ты же здесь?

В ее взгляде мелькнуло неудовольствие, я слишком напорист и бесцеремонен, хотя это и понятно, мужчины существа простые, покачала головой.

— Не тревожит. Милый Рич, ну почему такое само- мнение?

— А что?

— Заинтересовало, — сказала она мягко. — Его им- ператорское величество полагает, что такой человек пригодился бы там, на Юге.

— При императорском дворе?

— Именно, — сказала она. — Там такие возмож- ности!

— Смотря для чего, — пробормотал я.

Она посмотрела с укором.

— Рич... Разве я стала бы тебе предлагать возмож- ности утех или флирта с императорской дочерью? Ты человек из стали, уже знаю. Пойдем приляжем. Обе- щаю, одежду с тебя срывать не стану. Просто устала с дороги.

Уставшей она не выглядит, но кто знает ее ресурсы, я подхватил широкое блюдо с пирожными и перенес к столику к постели. Бабетта, ничуть не рисуясь, сбро- сила платье, у нее это просто и естественно, даже и не знаю, как это получается, когда благородной даме

нужно троє служанок, чтобы все затянули и зашнуровали, а она отшвырнула платье на спинку кресла, подчеркнув тем самым истинную мужскую точку зрения, что лучше всего оно смотрится именно там, рухнула в постель и с наслаждением вытянулась.

— Ох, как же я устала...

— Обычно говорят, — напомнил я, — «Господи, как я устала».

— Правда? — спросила она и, повернувшись на бок в великолепной бесстыдной наготе, смотрела на меня с откровенным интересом. — А при чем тут Господь?

— Да так, — ответил я. — Как-то не приходилось от тебя слышать его имени.

— Не употребляйте имя Господне всуе, — сказала она наставительно. — Как видишь, и я читала ту книжку... И не сгорела. Это ты хотел выяснить?.. Какое чудесное вино, легкое и безумно изысканное...

— Не налегай, — предупредил я, — оно обманчивое. Потом бьет в голову.

— А тебе разве плохо? — спросил она, подразнивая. — Овладеешь пьяной женщиной, это же здорово. Ну вот, я уже опьяняла...

— Это хорошо, — ответил я. — Тогда давай колись. Это ты устроила переворот?

Она в изумлении округлила глаза.

— Рич! Я могу удавиться твоим пирожным!

— Не удавиешься, — возразил я, — у тебя глотка, как у нильского крокодила. А чего не признаться? Все уже позади. Что-то мне не верится, что Вирланд вот так ни с того ни с сего решил сбросить короля и сам сесть на трон.

— Рич, — повторила она, — он же ненавидел короля! А тот еще и несправедливо отодвинул его со всех высоких мест!.. Помнишь, еще когда вы с ним впервые встретились в Брабанте, при Кейдане был пер-

вым Рено де Три, он еще почему-то считался великим магом королевства, хотя никакой великой магии я в нем не увидела.

Я невольно передернул плечами.

— Так то была невеликая?

Она посмотрела на меня несколько странно.

— Рич... ты сейчас сильнее того Рене де Три. А ты разделялся с ним, еще когда был простым бароном!.. В общем, недовольные королем лорды учили обиду Вирланда, когда пришли к нему с предложением свергнуть Кейдана и занять освобождаемое место.

— Ну да, — согласился я, — а он так вот сразу.

— Не сразу!

— Долго убеждала?

Она ткнула в бок маленьким кулаком.

— Не лови на слове! Ничего подобного не было.

Не ищи везде заговоры, Рич. В реальности все хуже.

— Ого, что же?

— Не заговор, — ответила она, — а собственная дурость. Только слабые люди всегда считают, что им завидуют и вредят, но чаще сами же и виноваты в своих бедах.

Она говорила серьезно, я сказал примирительно:

— Согласен-согласен, я допустил кое-какие промахи. Но мелкие, даже крохотные. Сама по себе идея переворота не могла возникнуть на пустом месте.

— Идея переворота была всегда, — ответила она строго. — И есть. В любом королевстве и при любом короле. Все только и ждут, когда сюзерен оступится. Хоть немного!.. Правда, чаще всего перевороты не удаются, заговорщики обычно еще глупее самого глупого короля... Но здесь помогло то, что ты отбыл и увел почти всю армию.

— Ладно, — сказал я, — все позади. Теперь власть уже не выпущу.

Она посмотрела очень серьезно.

— Уверен?

— За одного битого двух небитых дают, — сообщил я, — да и то не берут. Один раз у меня отняли королевство — это трагично, но отнимут второй — уже смешно. А для мужчины лучше смерть, чем оказаться в смешном положении. Как будто без штанов на городской площади.

Она сказала деловито:

— Иди сюда. Повалляемся, расскажешь, чем занят сейчас.

— Шпионка, — сказал я с удовольствием. — Вообще-то, Бабетта, когда-то общество падет настолько, что шпионы будут выглядеть весьма романтично, а не позорно, как сейчас.

Она улыбнулась.

— Мы уже выглядим романтично, только общество еще не поняло. Ты ведь сам уже создал свою разведку!

Я отмахнулся.

— Это еще не разведка. Только в пределах своих земель... А вот когда зашлю к вашему императору и начну там что-то проворачивать...

Она взглянула на меня с некоторым испугом.

— Ой...

— Что?

— Зная тебя, — проговорила она с натянутой улыбкой, — можно сказать, так и сделаешь.

Я лег рядом, закинул ладони за голову и лениво прислушивался, как она развязывает мой ремень и умело стягивает штаны. Блаженное чувство, что-то в Бабетте такое особенное, с нею хорошо и без интима. Единственная женщина, после пользования которой вовсе не хочется поскорее встать и пойти заниматься делом...

Глава 14

— Ну как, — поинтересовалась она, когда дыхание начало выравниваться, — я не потолстела?..

— И не похудела, — сказал я с удовольствием. — Мы все любим, чтобы было за что подержаться.

— Бесстыдник, — сказала она с удовольствием.

— Только с тобой, — заверил я и обнял, пальцы сладострастно впились в мягкую и податливую плоть, такую нежную, теплую, именно теплую, а не горячую и чувственную. На самом деле никому из нас не нужны горячие женщины, это говорим для форса и поднятия своего самцовского престижа, обычно дутого, а вот так, спокойное и безмятежное наслаждение и есть то, что всем нам нужно на самом деле.

Начинаю подозревать, что у Бабетты есть амулет, позволяющий чувствовать, что нам нужно. Ну не может женщина настолько точно и верно понимать наши желания, хотя, конечно, в идеале это они должны бы уметь и без амулетов, но вот не умеют же, дуры набитые.

— Твой дворец с первого же дня затмил королевский, — сказала она с одобрением. — Твой-твой, о Рюккерте скоро забудут. Он и был пустым местом, серым потомком великих людей... Понимаю, ты не нарочно выпендриваешься. Но и Кейдану сейчас, как ни покажется странным, править легче.

— С какого перепуту?

Она мягко улыбнулась.

— За ним ты, Рич. Кто бы такое мог представить?..

— Я нет, — ответил я честно. — В дурном сне не привиделось бы. Но политика и обстоятельства такое с нами вытворяют...

Она сказала с пониманием:

— Даже с тобой. Теперь видишь?

— Что?

— Мы не настолько вольны, — пояснила она, — как нам кажется и как мы стараемся выказать. Быть свободным от своего сюзерена не значит быть свободным вообще.

Я поморщился.

— Бабетта, это слишком сложно. Я не хотел бы о таком... с женщиной.

На столике рядом с постелью появилась широкая вазочка с изысканным сливочным мороженым, сверху мелкие крошки шоколада, а из боков торчат зерна очищенных орехов, в том числе и таких, какие здесь не растут.

Она протянула руку к вазочке, лукаво посмотрела в мою сторону.

— Тогда, — сказала она мило, — возьму и выдам тебе секрет. Сразу заинтересуешься.

— Имперский? — спросил я.

— Да.

— Давай, — сказал я. — Хорошо, пока без зверских пыток.

Она лукаво прищурилась.

— Секрет в том, ни один маг при императорском дворце не в состоянии создавать такие изысканные блюда.

— А вина?

— Вино, — ответила она со смехом, — тем более! Хотя вино мужчины требуют в первую очередь.

— А что создают?

Она пожала плечиком.

— Да то же самое, что повара готовят на кухне. Ничуть не лучше. А как удается тебе?

— Я бы сказал, — ответил я откровенно, — если бы это не потащило за собой цепь других признаний, без

которых это сделать невозможно. Так что, Бабетта, я тебя люблю, но не проболтаюсь.

Она вздохнула, но взгляд оставался испытующим.

— Кто ты, Рич?

— Предпочту остаться загадочным, — сказал я глупым голосом, — и таинственным. Так я интереснее, правда?

Она неспешно прорывала глубокую норку в горке мороженого, вылавливая там невиданные в этих землях орешки, рассматривала их и съедала с таким задумчивым видом, что я забеспокоился насчет сохранения тайны моих блюд. Во всяком случае, магов угощать не стоит, а то вдруг сумеют скопировать...

— Кстати, — сказала она со смешком, — вы с Кейданом задали работу местным красоткам!

— В смысле?

— Стارаются попасть в фаворитки, — пояснила она, — как к королю, так и к вам, загадочный человек. Приходится бегать через площадь, ха-ха! И еще не сообразили, дуры такие, где перспективнее.

— А где?

Она улыбнулась.

— У Кейдана, конечно. Ты имения и титулы за постель не раздариваешь.

Я пожал плечами.

— Кейдан пусть берет всех вирландовых. Уступаю.

— Вирланд — верный супруг, — напомнила она. — Всю жизнь ждал герцогиню Изабеллу. Так что все остаются вам с Кейданом.

— И ты тоже? — спросил я. — Бабетта? Одна на двоих?.. Или еще и каких-то герцогов примем в ваш... кружок?

Она расхохоталась.

— Как вы изъясняетесь мило! Не сразу и сообра-

зишь... разве что по интонации. Нет уж, Кейдан не был членом моего кружка, можешь поверить.

— Только я и Кейдан?.. В смысле, здесь?

— Хорошее уточнение, — ответила она мило. — Нет, Кейдан прост, таких и без постели вижу нас kvозь. Это тебя, дорогой Рич, все не удается понять, потому я, как всякая любопытная женщина, просто влюблена в такого человека-загадку. Мы же такие любопытные-е-...

— Постараюсь, — сказал я напыщенно и подкрутил несуществующий ус, — оставаться ею и дальше. Чтобы безвозмездно пользоваться и дальше вашими ланитами, персями и кружком.

Она от смеха запрокинула голову, показывая свое сочное красное горло, вдруг да забыл ее возможности, а я сделал вид, что заглянул, измеряя взглядом глубину, иначе зря старалась, а мы обязаны замечать все женские прелести и давать им понять, что заметили и оценили.

— Бабетта, — сказал я с любопытством, — а с какой целью ты всякий раз затаскиваешь меня в постель?

Она посмотрела хитренько.

— Честно? Все еще не могу поверить, что с тобой это ничего не дает. Ты встаешь таким же точно, ни-чуть не меняя своего отношения.

— Обыдно? — спросил я.

— Непонятно, — ответила она честно.

— А по-твоему, — спросил я, — ты что, отдаешь что-то весьма ценное?

Она засмеялась.

— Дело же не в том, что думаю я!

— Тогда представь, — ответил я, — что я думаю, как и ты. Наши системы ценностей совпадают. Во всяком случае, в этой области.

— Ах ты свинья, — сказала она ласково, — так оби-

деть женщину, что и не придраться... Рич, а в самом деле... не пришло ли время посетить императора?

— А что, пора?

— А ты как думаешь? Начинает выражать недоумение.

— Ах, — сказал я, — пока только недоумение?

— Этого мало? Учи, это дипломатический язык. Он всегда очень сдержан, однако многозначителен.

— Подожду, — ответил я, — когда выразит сдержанное недовольство. Это, как я понимаю, следующая ступень выказывания раздражения.

— Ох, не рискуй...

— Вообще-то, — сказал я, — если честно, мне и самому хочется... как бы тебе это сказать...

— Да так и скажи.

— В общем, — произнес я, — ты можешь передать как бы неофициально, выуженное у меня в постели, что я весьма заинтересован. Только в связи с приближением Маркуса было бы безответственно затевать далекое путешествие на Юг через безбрежный океан, если Маркус все равно застанет на полпути.

Она усмехнулась, но, как мне показалось, несколько напряженно.

— Да? А мне казалось...

— Ну-ну, не тяни.

— Что умеешь передвигаться быстрее, — договорила она, — чем тратить на поездки недели и месяцы.

— Да, — согласился я, — у меня Зайчик хорош, хорош... Увы, он не может по морю.

Она поинтересовалась с недоверием в голосе:

— И до сих пор еще ничего не придумал? Мне казалось, этим нужно озабочиться в первую очередь.

— Это ты озабочилась, — ответил я, — или, скорее всего, другие озабочились. А я все сам, сам! Сво-

ими ручками. Золотыми руками. И своим невероятно мощным умом, который...

Она рассмеялась.

— Который ты так умело прячешь, знаю-знаю.

— Бабетта, — поинтересовался я, — у меня один вопрос насчет Юга. Нет-нет, он не касается ваших тайн...

Она поощряюще улыбнулась.

— Рич, у меня от тебя нет тайн.

— Как на южном материке готовятся к Маркусу? — спросил я. — У вас о нем могут знать больше. Тоже лезут в пещеры?.. Уходят в подводные города на морском дне?..

Она заметно помрачнела, из груди вырвался тяжелый вздох...

— Рич, мы стараемся об этом не думать.

— Почему?

— Зачем думать о неизбежном? — ответила она с горечью. — Да, у нас есть записи о Маркусе, но все говорят, что после него все начинается заново. К счастью, баггеры находятся на таких глубинах, что вся мощь Маркусов их не достает...

— Или баггеры неуязвимы для Маркуса, — буркнул я. — Возможно, его разрушительный луч в состоянии разрушить земную кору и сжигать города и леса... но не высокопрочную сталь?

Она умолкла и рассматривала меня с напряженным вниманием.

— Рич...

— Слушаю?

— Кто ты? — повторила она. — Ты знаешь немало о Юге, хотя там не бывал, ты употребляешь такие слова, каких даже мы там не знаем, я могу только смутно догадываться, что ты имеешь в виду... Кто ты?

Я усмехнулся.

— Я мужчина, который старается тебя заинтересовать такими вот не самыми достойными приемчиками и намеками. На самом деле, конечно, я никогда не летал на баггерах или грандбаггерах и даже не знаю, в какой стороне Юг, если ты не покажешь своим хорошеньким пальчиком, да и то завтра уже забуду.

— Но ты знаешь не только слово «баггер», — сказал она, — но и то, что на нем летают!.. Рич, что передать его императорскому величеству Герману?

Я ответил подчеркнуто гордо:

— Передай, что Его Величество король Ричард... нет, не так. Никаких титулов! Мое величество выше титулов. Передай, Ричард Строитель навестит его вскоре после того, как разделается с Маркусом. Как и на чем изволит прибыть... пока не решено, но пусть императорское величество не переживает, я найду способ.

Она грустно улыбнулась.

— Знаешь, я почти верю. Ты настолько наглый...

— А наглость, — добавил я, — второе счастье. Бабетта, я говорю не для того, чтобы отмазаться. Я в самом деле хочу побывать во дворце императора. Посмотреть Юг и его... особенности.

Она покачала головой.

— Ты хотел сказать «чудеса».

— Хотел, — признался я, — ты в самом деле такая чуткая?

— А почему не сказал? — поинтересовалась она.

— Чудес не бывает, — ответил я. — Вообще. Чудеса — это нечто необъяснимое, но объяснение есть всему.

Она посмотрела исподлобья.

— Не дождусь дня, когда вы встретитесь с императором. Посмотрю, какое объяснение найдешь чудесам, которые так скучно называешь особенностями.

Она довыскребала ложечкой остатки мороженого,

я взглядом показал, что могу заполнить снова, она улыбнулась и покачала головой.

— Спасибо, а то в самом деле растолстею. И вообще мне пора...

— Уходишь, — сказал я с сожалением. — Вот так всегда.

— Но я и прихожу, — сообщила она.

Я повернулся на бок и смотрел, как она быстро сдернула со спинки кресла платье и влезает в него ловко и умело, придворные дамы так никогда не смогут.

— Я по тебе начинаю скучать, — сказал я вдруг.

— А я по тебе скучаю всегда, — ответила она.

Я смолчал, а она улыбнулась, вышла в коридор, но, судя по тишине за дверью, там ее, похоже, не заметили вовсе, хотя сэр Торрекс снабдил внутреннюю стражу всеми доступными амулетами.

Глава 15

Выждав чуть, я быстро собрался, скользнул в личину исчезника и прошел на высокую башню, а там на верхней площадке поспешно всматривался и внюхивался, перейдя на запаховое зрение.

Не знаю, то ли интуиция подсказала направление полета, то ли нюх уловил рассеянные молекулы запаха, но я понесся, держа ноздри распахнутыми и все еще не уверенный, в ту ли сторону меня несет чутье.

Мир в ночи серый, но вообще-то для большинства совсем черный, это я не вижу цвета и уже бурчу, а для других кромешная тьма, так что не ворчи и не жалуйся, м уничижай крыльями вот так же мерно и ровно, не привлекая внимания...

Впереди далеко внизу за черным лесом поднялись башни замка. Я всмотрелся, что-то знакомое, хотя ни-

когда здесь не был, или же знакомого тоже нет, а есть след, какие-то молекулы запаха Бабетты...

Я сделал круг, крыша высокая и покрыта черепицей, я снижался медленно, всматриваясь в окна и выступы. Один показался достаточным для того, чтобы поставить ступни. Я плюхнулся на него, распластав крылья по стене, поспешно перетек в личину человека и, повернув кольцо Хиксаны Дейт, вдавился в стену.

Никогда не привыкну к этому отвратительному чувству зависания в глубине болота, когда нет привычной опоры под ногами, не видишь, что впереди, сбоку, внизу или вверху.

Старателльно отсчитывая шаги, я проламывался сквозь вязкую массу, ставя ноги так, будто поднимаясь по лестнице, и через полминуты осторожно выдвинул полморды из стены, осмотрел пустую комнату, выбрался в нее и перевел дыхание.

Тихо, настороженный слух уловил очень далеко звук шагов, но он отдалился и затих раньше, чем я успел ринуться искать убежище.

По ту сторону двери тихо, я укрылся личиной незримности, как можно тише выглянул в коридор. Длинный, узкий, освещен плохо, что для меня весьма.

Прислушиваясь и задействовав на полную мощность тепловое и запаховое настолько, что дико заболела голова, а из носа пошла кровь, я услышал далекие голоса, мужские и грубые, однако среди них один знакомый женский...

Тепловое зрение уже не требуется, как и запаховое, я вытер кровь с верхней губы, дальше проще, прокользнул на веранду, а оттуда, прислушиваясь, пробрался к дверному проему.

В богато убранной комнате четверо мужчин, двое ко мне затылками, один в профиль, это хозяин замка

lord Вильгельм Рошер, второй лицом ко мне, лорд Карл Людвиг Кнебель, знатный и вельможный, Вирланда не поддерживал, это я знаю, но и у Кейдана не ходил в фаворитах, а теперь вообще еще видеть не желает. Лиц двух других не видно, но, судя по тому, как вальяжно сидят, оба не простых свиней.

— ...никаких переворотов!.. — продолжал голос Бабетты. — Пока что. Дело не в ваших амбициях и обманутых надеждах. В самое ближайшее время Ричард предпримет путешествие на Юг ко двору его императорского величества Германа Третьего.

Рошер охнул.

— Но... как? На это могут уйти годы!

Бабетта медленно появилась в поле зрения, просто прохаживается взад-вперед, немыслимое нарушение этикета, ее взгляд скользнул по их лицам с великолепным пренебрежением.

— У нас есть сведения, — сообщила она, — Ричард пользуются какими-то запрещенными церковью возможностями. В общем, побывает у императора... а там уже будет видно. Как император решит, так и будет. Скорее всего, он уже не выпустит Ричарда.

Рошер воскликнул:

— Прекрасно!

Она посмотрела на него с легким презрением.

— Сэр Вильгельм, для королевства было бы лучше иметь Ричарда на троне... но я вас понимаю, он всех вас смертельно обидел, а это серьезнее, чем отнять у вас земли и титулы.

— То-то и оно, — прорычал лорд Кнебель, лицо его перекосилось свирепой гримасой. — А королевство... это мы королевство! И только наши интересы нужно учитывать.

— Разумеется, — согласилась Бабетта. — Импера-

тор учитывает именно ваши интересы. И поддерживает именно вас.

Рошер сказал с яростью:

— А еще этот выскочка Ричард приближает к себе людей незнатного происхождения!.. Я хотел покинуть зал, когда явились те купцы и ремесленники. Хоть и на дальнем конце зала, но все равно в одном с нами помещении!.. Это оскорбительно, это неслыханное попрание наших древних привилегий!

Она сказала ровным голосом:

— Император понимает ваши чувства. И разделяет. Все скоро изменится, уверяю вас. Вы пока можете медленно готовиться...

Кнебель сказал быстро:

— Мы должны договориться насчет трона!

Бабетта отмахнулась с такой небрежностью, словно она и есть императрица.

— Это ваше внутреннее дело. Император не собирается вмешиваться.

— Но тогда...

Она пояснила:

— Император желает видеть спокойное королевство, управляемое на старых освященных принципах. А король, загребающий всю власть под себя, опасен вам и неприятен императору. В интересах императора видеть везде мир и благополучие.

Рошер бросил злым голосом:

— Ну да, этот узурпатор еще и флот строит!.. Это же для каких войн и завоеваний?.. Не-ет, нам не нужен такой король.

— Император тоже, — заверила она.

— Тогда почему бы императору нам не помочь?

Она покачала головой.

— На это есть причины.

— Нам знать нельзя?

— Не нужно, — ответила она. — Это слишком серьезно и касается не только вашего королевства. Не такого уж и огромного, как вам кажется, не в обиду будет сказано. На этом и закончим, лорды. Я сообщу, когда будет что-то новое.

Они поднялись, все разом церемонно поклонились. Бабетта отступила к стене, вошла в нее целиком. Рошер охнул, Кнебель перекрестился, а третий, это не проронивший ни слова, лорд Оскар Лаубе, поплевал через левое плечо.

Я отступил от проема дальше, подслушивать нечего, а из серой каменной стены выдвинулось ее роскошное тело, ни один локон не потревожен, башня золотых волос на месте, следом вышла она вся, голос ее прозвучал достаточно холодно:

— Ну что, Рич, что ты узнал нового?

Судя по ее взгляду, видит меня отчетливо, даже посмотрела прямо в глаза, я шепотом послал ее в задницу и с неохотой вышел из незримости.

— У тебя хорошая защита, — произнесла она также отстраненно, — но пока что не от меня. Итак?

— Ты все время меня чувствовала?

Ее губы изогнулись в презрительной гримаске.

— И видела тоже.

— И все-таки подбивала этих замшелых дураков свергнуть Ричарда? — спросил я. — Разумеется, императору спокойнее видеть множество мелких феодальных хозяйств, от них никакой угрозы. Верно?

— Верно, — согласилась она. — Но, как ты слышал, я посоветовала им не торопиться.

— И что? Все равно они враги.

— Пока не выступят с оружием в руках, — напомнила она, — еще не враги. Мало ли кто хотел бы тебя свергнуть!

— Ладно, — сказал я. — А зачем это тебе?

Она пожала плечами.

— Зачем мне знать, что в королевстве? А сам как думаешь?

— А заговорщики?

— То же самое, — ответила она. — Ричард, ты так хорошо прикидываешься дураком, что даже я могу поверить. Ты же видишь, я хочу удержать их выступление до того времени, как ты посетишь двор его императорского величества.

— А ты здесь в то время устроишь новый переворот? Чтоб никто не мешал?

— Ричард, — сказала она, снова называя меня полным именем, — кто знает, захочешь ли ты сам возвращаться на этот бедный суровый север?.. К тому же все дела нужно отложить из-за Маркуса. Так что не переворот тебя должен тревожить.

— А что?

— Сам знаешь, — отрезала она. — Народы всюду покорны воле Божьей, и даже сейчас, когда все уже видят в небе этот зловещий знак, всего лишь чаще начали ходить в церковь. Очень немногие пытаются избежать судьбы и старательно ищут укрытия в глубоких пещерах, еще меньше тех, кто грозит мечом этой напасти и хотел бы дать отпор, но ты единственный, кто сумел нащупать хотя бы одну ступеньку...

— Нащупаем и другую, — ответил я угрюмо. — В общем, ты пока вредить не стараешься... так уж особенно?

— Я никогда тебе не вредила, — ответила она и посмотрела мне в лицо прямым и вроде бы открытым взглядом, хотя не знаю, бывают ли у женщин открытые на самом деле. — Только мое представление, что тебе хорошо и что плохо, не совсем совпадает с твоим.

— Ты хотела сказать «наше представление», — ули-

чил я. — Заминка была крохотная, но я заметил. Такой вот я замечательный.

— Представление детей и взрослых, — заметила она, — могут не совпадать, не так ли?

— Ну не такое уж ты и дите, — возразил я.

Она улыбнулась.

— Спасибо, Рич, ты умело и вовремя стараешься разрядить обстановку.

— Еще одно хорошее слово, — сказал я.

— Какое? — спросила она и осеклась.

— Да-да, — подтвердил я. — Разрядить.

Она покачала головой.

— А можно встречный вопрос?

— Нет, — ответил я. — Ты не ответишь — и я не отвечу. А врать нам друг другу и так не привыкать.

Она смотрела очень внимательно.

— Рич... обещаю, очень скоро не станем врать друг другу. Я не стану точно. Мне кажется, ты сделаешь ответный жест... Хотя за тебя ручаться трудно.

— Я сам за себя не ручаюсь, — ответил я. — Тебе мороженое? Или пирожное?

Она впервые за разговор улыбнулась.

— Вернемся к тебе?

— Наперегонки?

— Согласна, — ответила она. — Если обгонишь ты, я в твоей полной власти. Если приду первой я, то насилую, как хочу. Идет?

— Договорились, — ответил я и сразу прыгнул вниз.

Часть третья

Глава 1

Как я и предполагал, Бабетта уже сидит в моем кресле, ожидая меня и вроде бы даже подремывает. Я ввалился в кабинет через окно, тяжело дыша, чувствуя ломоту в суставах и горячую боль в мышцах.

Она посмотрела с сочувствием.

— Нарочно поддался?

Я прохрипел:

— Даже если бы хотел... у нас в крови... побеждать...

— Тогда тебе еще многое предстоит узнатъ, — сообщила она. — Хотя нужно ли это королю?

— Мне все нужно, — сообщил я упрямо. — Нет, мясо не буду, нутро горит, лучше мороженое...

Она с ласковой усмешкой смотрела, как я жру это дивное лакомство, закинула ногу на ногу, очень нехарактерный жест для этой эпохи, но я сделал вид, что для меня это совершенно естественно, пусть поломает голову еще, осторожно наполнил два фужера шампанским, стараясь, чтобы не пролилось, и она с явным удовольствием начала следить за серебристыми шариками, что появляются на дне и стенках, быстро растут и, отделяясь от них, стремитель-

но несется вверх, чтобы подпрыгнуть над поверхностью и взорваться мельчайшей винной пылью.

— Как красиво...

— И вкусно, — заверил я. — Не весьма одобряю тех рыцарей, что поили им коней, все-таки зачем нам еще и пьяные кони?.. С другой стороны, понимаю желание сделать приятное своим четвероногим друзьям, что не раз спасали нам жизни...

Она посмотрела с недоверием.

— Шутишь?

— Ничуть, — ответил я.

— Что за королевство, — произнесла она задумчиво, — где таким чудом поят простых коней... Ладно, Рич, когда-нибудь я тебя расколю до самой задницы. А теперь иди сюда, уж я изнасилую тебя, так изнасилую...

Утром я пробудился на смятой постели, чувствуя аромат ее тела, но Бабетты и след простыл, а когда одевался, пришел Альбрехт, покосился на ложе.

— Где она сейчас?

— Хотел бы сам знать, — буркнул я. — Хотя не знаю... может быть, и не хотел бы. Некоторые вещи лучше не знать.

— Лучше, — согласился он, — но мы все равно узнать стараемся. Пусть и себе во вред. Упорхнула на долго?

— Не знаю, — ответил я снова. — Ничего о ней не знаю. А то, что знаю, так мало.

Он спросил деловито:

— Насколько бесследно?

— Следы заметать умеет, — ответил я. — Если вы об этом, граф.

Он пробормотал:

— Если бы удалось лишить всех колец, сережек, заколок в волосах...

— И что?

— Сумела бы, — поинтересовался он, — появляться здесь и уходить так же легко?

Я пробормотал:

— Снимать с женщины украшения не решится ни один мужчина. В них вся сила женщин, даже если те не волшебные.

— Она вела разговоры насчет Юга?

Я посмотрел на него с подозрением.

— Вы как будто подслушивали, граф. Никуда не денешься, придется в самом деле как-то нанести визит императору Герману. Он не говорит, как мне это сделать...

— Еще одна проверка, — сказал он, — ваших умений.

— Как-то доберусь, — ответил я, — хотя еще не знаю как. Конечно, это случится уже после Маркуса. Если выживем.

Он спросил осторожно:

— А что за игру ведете с этой женщиной? Очень опасная штучка.

— Я тоже, — сообщил я. — Еще не заметили?

Он взглянул на меня с недоверием.

— Даже с женщинами?

— Я же демократ, — объяснил я, — и гуманист. Поэтому исповедую равноправие. Нужно будет внести на рассмотрение Совета законопроект, уравнивающий женщин в правах с мужчинами, чтобы их тоже можно было четвертовать, вспарывать им животы и отрезать гениталии... А то как-то оскорбительно, их за людей не считают!

Он хмыкнул, сюзерен всегда шутит так необычно,

что не сразу и понимаешь, что еще загнет. Как вот насчет равноправия женщин с мужчинами, ха-ха, это же надо такую восхитительную дикость!

Далекий зов я услышал на другую ночь в глубоком сне, мгновенно встрепенулся, начал прислушиваться, но все еще оставался там, когда из тьмы крупно пропустило худое лицо аббата Бенедария.

Он вперил в меня нещадный взор, голос прогремел звучно и раскатисто, как у небесного ангела:

— Ты призван...

— Отец Бенедарий, — пробормотал я, — куда?..
Кем?

— Нами, — ответил он сурово. — Встань, соберись, думай о Храме... Перебери всех старших, не забудь отцов Мальбраха, Леклерка и Кроссбрена, без них не получится... И вообще, чем больше увидишь лиц, тем легче...

Я проснулся, сердце колотится, в ушах все еще звучит страшный голос. Во сне всегда все приобретает вселенские масштабы.

Бобик поднял голову, посмотрел почему-то багровыми глазами и снова уронил, но глаза не закрыл, продолжая наблюдать за мной внимательно.

— Что? — спросил я нервно. — Это был не сон?..
Ладно, никто не видит...

Мы всегда страшимся попасть в смешное положение, потому я слез, встал у ложа и прислушался, нет ли кого за дверью, что станет свидетелем, как стою, будто дурак какой, чего-то ожидаю.

Представить помещения в Храме нетрудно, затем я вызвал в памяти лица приора, камерария, госпиталия, бейлифов, помощников приора, не забыл и отца

Леклерка, который вроде бы без должности, но силу в нем чувствуя.

Жар начал охватывать меня раньше, чем я добрался до монахов, соленый пот начал пощипывать глаза, и вдруг ощущался приятный холод, и сразу же ушней коснулись голоса.

Я протер глаза, вокруг меня в два ряда священники, за ними видны монахи, прозвучал ликийющий голос брата Гвальберта:

— Я ж говорил!.. Он паладин, в нем сила!

Я тряхнул головой, ошалело огляделся. Ко мне подошел отец Хайгелорх, взял под локоть, я удивился железной хватке престарелого старца.

— Пойдем, — сказал он. — Времени в обрез!

Я послушался, перед нами расступились, но тут же ряды священников и монахов сомкнулись, как морские волны за кораблями.

У кабинета аббата уже ждут, судя по их встревоженным лицам, двое монахов. Распахнули перед нами двери и придержали, склонив головы и не смея поднять глаза.

Я вошел первым, за мной почему-то никто не последовал, а когда закрылась дверь, я оказался перед столом аббата Бенедария. Сам он в бессилии отдыхает в кресле, но при моем появлении с трудом поднял голову и вперил в меня нещадный взор.

— Брат паладин, — произнес он слабым голосом, в котором я, однако, ощущал страшную силу, — пришел твой час...

— Господи, — пробормотал я, — так рано?

— Туда в самом деле еще рано, — произнес он неумолимо, — хотя кто знает, что решит Господь...

Я сказал с облегчением:

— А зачем я призван? Конечно, я как бы пользовался...

— Это высокая честь, — проговорил он слабым голосом, — ты прав, брат паладин. Это очень высокая честь.

Я пробормотал:

— Но так срочно... Это пугает.

— Срочно, — ответил он, — потому что срочно.

У нас возникли серьезные сложности. Думаю, мы бы справились, но для этого нужно собрать все наши силы, а это значит остановить очень важные исследования...

— Понятно, — сказал я, — я один, меня не жалко. Что от меня требуется?

Он взглянул мне прямо в глаза и произнес почти гипнотизирующе:

— Наденешь черную корону...

Меня передернуло.

— Ни за что!

Он сказал твердо:

— Ты ее уже надевал, и ничего, выдержал.

— Тогда вы все выдерживали, — напомнил я.

Он кивнул.

— Да, совместными усилиями смирили. Теперь ее мощь в тебе. Но, надев корону, ты воспользуешься своей мощью Повелителя Темного Мира! Нам стало известно, что там внизу, еще ниже мест, где ты побывал, собирается армия... По крайней мере такое ощущение. Слишком там много... ты не поймешь... но там много такого, что если вырвется на поверхность...

Я спросил дрогнувшим голосом:

— И что я должен?

— Это темный мир, — напомнил он. — Там Повелителю повинуются слепо. Велишь броситься со ска-

лы в кипящую лаву — бросятся. Велишь всем убить себя на месте — убываются. В любом случае только ты можешь сладить с этой угрозой. Спеши, мой сын! Я чувствую приближение этой угрозы...

В кабинет вошли отцы Хайгелорх, Велезариус, Кроссбринер, Ансельм, Ромуальд, еще несколько неизвестных в монашеских рясах, но с такими лицами, словно все начальники генерального штаба в отставке.

— Он согласен, — сказал аббат. — Приступайте немедленно! Брат паладин... тебе не помешает твое... очень неприятное нам всем оружие...

— Да, — ответил я трясущимся голосом. — Да, святой отец...

Я вскинул руки, сосредоточился. Через мгновение ощутил холодок по всему телу, а на плечи мне пугающие мягко и облегающие лег плащ Каина.

Они смотрели с застывшими лицами. Я напрягся, раздвинул руки над головой, сосредоточился. На этот раз холод вошел острой сосулькой, я сцепил зубы, в правую ладонь легла рифленая рукоять, а пальцы левой обхватили холодное лезвие длинного узкого меча. Даже не глядя на него, я узнал меч Вельзевула.

Аббат медленно кивнул.

— Ты все-таки... сделал... это.

— Я упражнялся долго, — сообщил я. — Хотя, конечно, трясет.

— Тебе это пригодится, — произнес он.

Спуститься в тайные храмы падших ангелов, мелькнула мысль, в самом деле круто и показательно. А то что-то я давно не блистал личными подвигами, обычно либо наблюдаю с вершины холма за масштабными сражениями, либо ношуся из королевства в королевство, как простой гонец, что говорит прежде всего о моей неспособности наладить почтовую и прочую курьерскую службу.

— Сигизмунд со мной?

— Мы его услали, — ответил отец Муассак мрачно. — Чтоб не просился с тобой. Ему нельзя...

— Что случилось?

— Он паладин, — объяснил за отца Муассака камерарий Ансельм и отвел взгляд в сторону, поелозил им по полу, но так и не поднял, — понимаешь, брат во Христе, он чистый паладин...

Я сказал саркастически:

— Ах, вот в чем дело!

— Душе его, — ответил камерарий уже строже, — обеспечено место в раю. А твою на Страшном суде будут рассматривать очень долго...

Отец Муассак хмыкнул.

— И споров будет много. Ладно, отец Бенедарий, я готов.

— Я тоже, — сказал отец Велезариус нетерпеливо.

— И мы, — повторили за ними остальные отцы почти в один голос.

Я ощутил приближение чего-то мощного, это как при близкой грозе волосы начинают потрескивать, но не успел ничего сказать, мир вспыхнул красным огнем. Сильнейший жар опалил кожу, через мгновение перед нами выросла Защитная Стена, горячий воздух с такой силой надавил на барабанные перепонки, что я ощущал себя глубоко на дне моря.

Мне показалось, стена из лиловой стала теперь розовой, хотя сохраняется и часть прежнего цвета. Отец Хайгелорх перехватил мой взгляд и сказал с сочувствием:

— Заметил?.. Реагирует на давление с той стороны.

Демоны поднимаются из глубин.

Отец Кроссбрин сказал нервно:

— Если брат паладин еще не дрогнул, мы готовы исполнить указание отца настоятеля.

— Дрогнул, — признался я. — Еще как дрогнул. Вообще-то я часто это, дроживаю, но куда деваться? Мы постоянно приперты к стене. А кто не приперт, тот и не живет... Давайте, пока я не расплакался.

Хайгелорх знаком велел мне задержать дыхание, я напрягся, чувствуя, как их объединенные усилия продавливают меня сквозь Защитную Стену, словно гвоздь через ком глины. Я лишь стискивал челюсти и старался не потерять сознание в диком буйстве красок, что сменяется то абсолютной чернотой, то ослепительным светом.

На той стороне полез в сумку, пальцы обожгло прикосновением к холодному металлу. Даже в этой жаре и духоте, где и камни раскалены, черная корона остается сама по себе, сохраняя свой мир и свою мощь.

Стиснув челюсти, все же страшно, хорошо — никто не видит, я вытащил ее с таким усилием, словно держу скалу, и, взяв в обе руки, начал поднимать над головой.

Мелькнула трусливенькая мысль, что в прошлый раз, когда опустил вот так на свое высокое и мудрое чело, это случилось в храме в присутствии полусотни священников и монахов высшего ранга, даже не знаю их всех, а здесь один, совсем один, даже Сигизмунда нет, перед которым бы хорохорился и выказывал доблесть.

Однако руки поднялись хоть и неохотно, но без дрожи, а когда опустил этот черный обод на голову, чувствуя зловещий холод, ничего не стряслось, за исключением того, что сперва ощутил в себе больше монси, просто нечеловеческой монси, а затем появилась уверенность, что если восхочу и возжелаю, то никто меня не остановит, а я сдвину вон ту скалу с той же легкостью, как отбрасываю с дороги пинком камешек.

Уже без усилий я двигался вниз по извилистым

туннелям из красного камня. Не покидало ощущение, что иду не то по артериям, переносящим кровь, не то вообще по капиллярам, когда те сужаются так, что задеваю головой свод.

Из стен красный свет, что уже перестал казаться зловещим. Мир чудовищный, но странное ощущение, идущее от короны, в конце концов убедило, это мой мир, мне и здесь хорошо, я не чужак, здесь мой народ и мое стадо...

Я перепрыгивал с камня на камень, иногда бросался в темно-красную пропасть, откуда взлетают фонтаны раскаленной магмы, плавно опускался на края скал и, раскинув руки в блаженном ощущении неистовой моци, срывался вниз, уже зная, мне все здесь подвластно.

Я встретил их на такой глубине, которую раньше не мог и вообразить, они вытаращили на меня глаза, у кого их по четыре, у кого восемь, есть и вообще безглазые, но все равно смотрят на меня, а потом передние ряды начали с грохотом опускаться, но не преклонили колена, а простерлись ниц, уткнув морды в красную землю.

Я открыл рот и закрыл, а рука остановилась раньше, чем кончики пальцев коснулись рукояти меча Вельзевула. Эти чудовища не просто признают мою власть, они повинуются полностью, слепо и бездумно. Если я велю им перебить друг друга, они это сделают. Когда-то это слепое повиновение было их сильной стороной и надежно защищало общество, но все же слабые и разобщенные люди, что вечно спорили друг с другом и почти никогда не соглашались, постепенно догнали их в развитии и даже обошли.

И теперь вот эти, чудовищная помесь сошедших с небес ангелов и потерявших стыд женщин, как сказано в Библии, уязвимы как никогда. У ангелов за-

ложено это повиновение изначально, оно перешло и этим вот. Только ангелы бездумно повинуются Творцу, а эти, отколовшиеся, своему Темному Повелителю.

Сейчас я — Темный Повелитель, сумевший с помощью священников и монахов Храма Истины в какой-то мере, пусть и не до конца, преодолеть зов мира тьмы и животных страстей.

И что я могу сказать им?

Я подошел ближе, плащ давит на плечи, хотя невесом, а меч Вельзевула в состоянии отнять жизнь любого из этих существ, бессмертных или не бессмертных.

Глава 2

Отцы на мой зов откликнулись сразу, я ощутил головную боль и жар в теле. Подступила тошнота, но не противился, и через несколько минут, показавшихся мне вечностью, сильные руки ухватили меня и выдернули из стены.

Отец Велезариус спросил жадно:

— Ну как?

Я прохрипел:

— Давайте к аббату... чтобы не повторяться...

За моей спиной раздался властный голос отца Кроссбринера:

— Он весь горит! Быстрее взялись за руки. Ну, разом...

Мир вспыхнул и рассыпался, а через мгновение мои подошвы ударились в твердый пол с такой силой, что колени подогнулись, но отцы держат под руки и упасть не дали.

Прохладный воздух мощной струей ворвался в мои раскаленные, как угли в горящем горне, легкие. Я заскалялся, протер слезящиеся глаза и поклонился аббату Бенедарию.

Он все в том же кресле и в том же положении, словно я и не покидал кабинета, только на усталом измученном лице глаза вспыхнули ярче.

— Ты жив, — произнес он слабым голосом, — и ты вернулся, брат паладин. Значит ли это, что все сделано?

— Это как сказать, — ответил я. — Отец Бенедарий, вы деликатно сказали «сделано», избегая таких слов, как убийство, истребление, уничтожение, почти запрещаемых слов в христианстве, но все-таки не запрещенных...

Священники начали переглядываться, аббат всмотрелся в меня остро и внимательно.

— Брат паладин, — произнес он тихо, — что ты хочешь сказать? Говори.

Он не сказал «сын мой», как говаривал раньше, это говорит о многом тому, кто понимает, а я уже давно из тех, кто хватает такое на лету, как молодой пес муху.

— Отец Бенедарий, — сказал я покаянно, в самом деле чувствуя стыд и горечь от того, что вернулся с таким результатом, — я не выполнил вашего поручения.

Священники задвигались, но переговариваться еще не начали, внимательно ловят каждое мое слово.

Аббат спросил с тревогой:

— Что случилось?

— Они враги рода человеческого, — ответил я, — и если бы их снова накрыла волна вселенского потопа, что наслал Господь в свое время... или сожгло бы огнем, завалило камнями или вообще они провалились бы все до единого к самому земному ядру, где их бы сплющило и размололо на атомы... я бы не пожалел.

Он смотрел холодно, словно уже видит и знает наперед, что скажу, и я невольно заторопился, заговорил быстрее, глотая слова и сбиваясь с ровной, хоть и корявой мысли:

— Я не могу убивать тех, кто покорно склонил передо мной головы!.. Вот не могу и все. Сам не понимаю, что со мной, но не могу.

— Они не люди, — напомнил он.

— Но мои подданные, — ответил я со смятением, причины которого до сих пор не понимаю, — как я мог?.. Тогда надо было идти без короны!

Священники начали переговариваться, аббат напомнил сухо:

— Без короны тебя бы убили.

— Знаю, — сказал я. — Без короны я бы даже не добрался до них.

— Тогда почему?

— Я же говорю, — ответил я, — не знаю, почему так поступил. Какие-то высшие законы все-таки в нас втемяшились за тысячи и тысячи лет!

— И что... ты сделал?

Я вздохнул, развел руками.

— Я просто велел им вернуться, — сказал я. — Сам пошел с ними и посмотрел... Да, святой отец, я увидел эту разницу... Я имею в виду разницу, что когда языческие боги спускались на землю и гребли под себя простых женщин, то у них рождались великие полубоги. Ну там Персей, Геракл, Ахилл, Язон... А когда ангелы поступили так же, у них у всех родились чудовища вроде нефилимов, стоккимов, ширнаширов, геганов... всех их называем демонами. И относимся не совсем так, как язычники к полубогам. Я в самом деле не увидел там ни одного полубога, о которых рассказывали эллины... Одни мерзкие твари.

Он сказал сурово:

— Мир язычников был миром демонов! И те языческие боги — тоже демоны.

— Если бы они пытались вырваться наверх, — за-

верил я, — я бы встал на их пути с этим мечом... которым можно убивать и бессмертных. И убивал бы, клянусь!

Он помолчал, спросил усталым голосом:

— Они вернулись в свои норы?

— Да, — ответил я. — У них не совсем норы, там целые города!.. Хотя я не сразу понял, что это города... но на мне черная корона, я наполовину видел, как и они, потому да...

— Потому ты и не стал с ними воевать?

Я помотал головой.

— Отец Бенедарий!.. Я спрашивал себя так и эдак. Даже без короны я все-таки назначен доминантом, царем этого мира. Господь даже ангелам велел поклониться мне... В смысле, Адаму, что значит человечеству. Кстати, а почему мы этим не пользуемся?.. Если часть ангелов отказалась поклониться, то остальные же поклонились?.. Значит, мы вообще-то должны их использовать тоже.

Он нервно дернулся щекой.

— Темная корона помрачила твой разум. Кто из людей посмеет приказывать ангелам?

— Я, — ответил я. — Я посмею.

Глава 3

Впервые ко мне в келью никто не приходил и не выспрашивал жадно новости. Я даже подходил к двери, прислушивался, но и в коридоре тихо, словно все переселились в соседнее крыло.

Лишь через пару часов появился брат Альдарен и, не переступая порог, сказал бесстрастным голосом:

— Отец Ансельм собирает церковный суд. Через

час, брат паладин, тебе надлежит явиться в главный зал.

— Альдарен, — спросил я, — это по моему делу?

Он молча отступил в коридор и закрыл дверь. Я в бессильной тоске сжал кулаки. Конечно, по моему делу, а спросил глупо только для того, чтобы спросить, завязать разговор. Но этот молодой монах передал сообщение, ухитрившись ни разу не назвать меня братом паладином, словно это высокое звание уже сняли заранее.

Когда через час я вышел из кельи, ни одного человека не встретил на пути, только перед дверями зала с полсотни, если не больше, молодых монахов, но все разбежались, как испуганные овцы при виде огромного злого волка.

Я переступил порог, с холодком в сердце увидел три стола, сдвинутые полукругом, шагах в пяти от них одинокая табуретка, даже не стул, и все отцы священники сидят лицами к этой табуретке. Еще около сотни человек в рясах до полу и с надвинутыми на лица капюшонами стоят вдоль всех четырех стен.

Запнувшись на мгновение, я отвесил общий поклон и медленно пошел к своему месту, на ходу пытаясь придумать в свою защиту хоть что-то, отыскать какие-то весомые слова, что убедят всех в моей правоте... вот только сам все еще не чувствую себя правым.

В центре шеренги сидящих судей отец Ансельм, строгий и с жестоким выражением лица, справа приор Кроссбринер, слева отец Хайгелорх, Велезариус, Аширвуд, Ромуальд, Зибериус, Леклерк, Мальбрах и несколько священников, лица которых я увидел впервые.

Отец Ансельм молча указал мне на табуретку. Я поклонился и молча сел, опустив ладони на колени в

христианском жесте смирения и покорности судьбе, которую ниспошлет Господь.

После паузы, во время которой как я не двигался, так и никто в зале, отец Ансельм медленно поднялся и вперил в меня нещадный взор.

— Мы собрались здесь, — сказал он голосом, в котором я слышал примесь металла, — по очень срочному и неотложному делу... чрезвычайной важности!.. Как большинство из вас уже знает, сэр Ричард, которого мы называли братом паладином...

Отец Леклерк произнес мягко, но достаточно громко и властно:

— Пока вина его не доказана, он остается братом паладином.

Отец Ансельм бросил в его сторону испепеляющий взгляд.

— Сэр Ричард, — сказал он, — не отрицает своей вины. Но поправка с благодарностью принята. Сэр Ричард, являющийся паладином, был послан в недра земли, где темные силы свили свое гнездо, с приказом уничтожить демонов!.. Но он не просто не выполнил задание, что было бы только понятно. Он ослушался!

Отец Леклерк поинтересовался:

— Ослушался, в смысле, не пошел?

Отец Ансельм ответил в раздражении:

— Вы знаете, что он пошел! И спустился в самые недра. Однако ни одного демона не уничтожил... почему? Вас это поразит, как гром: он просто не желал этого делать!

Отец Ромуальд сказал ровным голосом:

— Полагаете, это действие черной короны?

— Полагаю, — отрезал отец Ансельм, — он ощущал себя Повелителем Темного Мира!..

За столом переглядывались, наконец отец Веле-

зариус, который самый крупный специалист по демонам, помалкивающий и рассматривающий целую стопку бумаг перед собой, явно не имеющих ко мне никакого отношения, поднял голову.

Я ощутил на себе его внимательный взгляд.

— Брат паладин, — произнес он ровно. — Повлияла ли корона на вашем челе на решение, которые вы приняли?

Я подумал, ответил предельно честно, все равно за секут любую ложь и повернут ее против меня:

— Полагаю, что да.

— Но не уверены?

— Нет, — ответил я.

— Почему?

— Просто не знаю, — ответил я, — где кончается влияние короны и в чем оно и где начинается моя ответственность сюзерена.

Он покосился на судей, те выжидающе молчат, спросил так же ровно:

— Ответственность сюзерена?

— Да.

— Поясните, — попросил он. — Здесь люди духовного звания, могут не знать тонкостей.

— Иерархия везде одинакова, — возразил я. — Высший всегда отвечает за присягнувших ему. Точно так же аббат является авторитетом и отвечает за вас. Если я Властелин Темного Мира, то как я могу уничтожать своих подданных? Пусть захватил корону хитростью или силой, а не по праву, но когда надеваю, а они все преклоняют колени... по-своему, конечно, я как бы обязуюсь править ими мудро и справедливо. Ну как могу я велеть им умереть или убиться о стены?

Он напомнил сурово:

— Короли убивают.

— Только виновных, — возразил я. — А мне предписали убивать всех, кого встречу или отыщу. Я бы, честно говоря, так и сделал... если бы они дрались... а не сразу же поклонились мне и выразили полнейшую покорность моей воле!

Кроссбринер сказал резко:

— Простите, что вмешиваюсь, но они... чудовища, не так ли?

— Они мои чудовища, — сказал я виновато, — я за них в ответе... Один дурак еще в древнем языческом Риме сказал: «Да свершится правосудие, пусть даже погибнет мир!» — и ему хлопали в диком восторге. И доныне цитируют как образец истинного правосудия, строгого и бескомпромиссного.

На меня смотрели выжидающие, по лицу приора я понял, что он и сейчас твердо верит в эту формулу, дескать, все верно, пусть хоть мир погибнет, но чтоб правосудие свершилось и ни один гад не ускользнул от кары.

— Я тоже так думал, — продолжил я, — ну дурак был, а что с дурака взять? Только послать его учить умных, как у нас обычно и делается. А еще дурака выбирают править... Но мне повезло, как-то все же сообщаю вот. Если мир погибнет, кому нужно будет там, в пустоте, что мы строго и скрупулезно следовали закону?

Они молчали, хотя по лицам многих видел готовые сорваться резкие и колкие возражения.

Я продолжил торопливо:

— Господь все это учел, забыли? Справедливость нужна, но если из-за дотошного следования справедливости губить мир... где найти еще таких идиотов? Господь готов был пощадить распутные и нечестивые Содом и Гоморру, если бы Авраам отыскал там хотя бы пару десятков праведников!

Аббат Бенедарий поморщился, поднял руку, я послушно замолчал.

— Весь наш мир держится на справедливости, — напомнил он. — В мире, где ее нет, не возникнут ни королевства, ни даже племена. В волчьей стае и то царят справедливость и дисциплина. Не будь справедливости, сильный всегда будет угнетать слабого, грабить и насиливать его жену, обижать детей...

— Господь дал нам законы справедливости, — напомнил я, — и милосердия. Человек еще юн, по горячности все больше напирает на справедливость, отодвигая милосердие в дальний темный угол, так что скоро и не вспомнит о такой ненужной хрени. Да и в самом деле, какое милосердие к гадам? Но, оказывается, оно не просто нужно, а необходимо.

Отец Кроссбринер сказал резко:

— Ну-ну, просветите нас.

— Если откроете Библию, — сказал я и, заметив удивление на его лице, как и лицах отца Аширвуда, его первого помощника, и двух очень серьезных бейлифов, пояснил: — Это книга такая! Толстая, правда, но читать ее вам всю не обязательно, устанете, вы же не привыкшие. Достаточно посмотреть первую главу, где Господь сказал, что создал лучший из миров. Этим сказано, что уже создавал раньше, но те оказывались неудачными... и я даже могу предположить с большой долей вероятности, почему!

Кроссбринер сказал с ядовитой усмешкой:

— Соблаговолите пояснить вашу мысль.

Аширвуд и еще несколько священников, которым я как кость в горле, приободрились и начали смотреть, словно на кролика перед стаей волков.

— Он создавал их, — сказал я, — на законах справедливости. Но по законам справедливости, ничем их не нарушая, могут жить только камни, горы, реки,

моря да еще облака. А все живое... Будучи молодым и полным жажды сделать вселенную лучше, он уничтожал такие миры и делал их более совершенными, но и там все приходилось рушить. Наконец начал допускать ту неправильность, которую называем милосердием. Это отклонение от справедливости, да, но, как оказалось, мир без нее существовать не может, на что справедливо указывал Богу еще Авраам.

Они переглянулись, я видел, как у многих уже формируются резкие возражения, и заговорил быстрее:

— Даже в нашем мире Господь постепенно сдвигается в сторону все большего милосердия!.. Сперва наслал потоп на прогневившее его человечество, потом уже только сжигал отдельные города, а затем наказывал лишь отдельных людей. Это вы заметили или у вас Библия на столах только для красоты? И для торжественных клятв их можно дать, даже не раскрывая Святое Писание. Теперь Господь и вовсе разрешил нам жить, как сами хотим... Это милосердие и понимание человеческих слабостей!

— Понимание, — резко сказал отец Ромуальд, — не значит прощение!

— Но значит, — возразил я, — снисхождение. Снисхождение к более слабым духом. Разве Устав вашего монастыря не учитывает, что не все вы подвижники?.. А подвижники разве все двадцать четыре часа подвижничают?.. И ни часа отдыха?

Аббат Бенедарий хлопнул ладонью по столу, все повернули к нему головы, я тоже послушно умолк.

— Вернемся к Темному Миру, — произнес он трезвым голосом. — Ты объясняешь свое нежелание очистить мир от этого зла... приступом милосердия?

Я помялся, все еще не зная, как это объяснить, сказал жалким голосом:

— Еще год назад я бы не колебался. Весь мир на-

силья мы разрушим! Потом как-то, взрослея, стал понимать, что все разрушить — это не весьма зело. Рушить и дурак может, а кто из нас в молодости не дурак?.. Но все равно даже сейчас я не стал бы особо колебаться, если бы надо было стереть с лица земли семью или пару семей оборотней или троллей. Но уничтожать целые племена и народы... и хотя это вроде бы правильно, но что-то в этом есть и неправильное. Как в высшей справедливости кроется огромная несправедливость!

Отец Аширвуд в нетерпении морщился, кривился, поглядывал по сторонам, наконец сказал резко:

— Давайте заканчивать! Мне кажется, все предельно ясно. Паладин, который должен был очистить мир от демонов и легко бы это сделал, вложил меч в ножны и вернулся, заявив, что делать этого не станет. Предлагаю лишить его сана паладина. Кто за это предложение, прошу поднять руки!

С помертвевшим сердцем я видел, что практически все разделяют мнение инквизитора. Руки начали подниматься одна за другой, я закрыл глаза и опустил голову...

...Яркий свет резанул даже сквозь веки, озарив мир в пурпурный цвет. Я поспешил распахнуть глаза, между мною и столами с судьями полыхает столб огня первого дня творения, из такого сотворены ангелы, а затем сотворен и весь мир, теперь постепенно загаженный нами и потерявший блеск.

Я охнул, узнав неистового Тертулиана, а он без преамбулы загремел с такой мощью, что у всех свечей заколебались язычки пламени, а стекла в окнах жалобно зазвенели:

— Да вы одурели все!.. Вроде бы абсолютно правы, но это старая правота!.. Церковь обязана постоянно

реформироваться, Господь указал путь, а вы вцепились в старые догмы?

Я украдкой перевел дух. За столом остолбенели, а те под стенами вообще превратились в каменные изваяния. Сердце мое, уже стремительно падающее в бездонную пропасть, обрело крыльышки и выпорхнуло обратно.

На лица судей я смотрел уже победно и с наслаждением, сейчас Тертуллиан их всех к ногтю, но с изумлением понял, что присутствующие в зале потрясены не столько появлением этого огненного гиганта, сколько его словами.

Отец Леклерк первым опомнился и возразил с достоинством:

— При всей симпатии к брату паладину, который выказывает верность идеям Христа, несмотря на детское бунтарство и якобы полное отрицание, должен признать с горечью и скорбью, что на этот раз он встал на сугубо неверный путь...

Отец Ромуальд прогудел мощным голосом:

— Его занесло. Как постоянно заносит то в одну сторону, то в другую.

— Молодой, зеленый, — поддержал их отец Велезариус.

Отец Кроссбринер произнес непримиримо:

— Его обычно заносит в ту, где всех убить и всех перевешать, а здесь кинуло, да еще как кинуло, в милосердие! И к кому? Он просто перешел на сторону Зла.

Глава 4

Тертуллиан качнулся в одну сторону, в другую, как огненный смерч, голос его прогрохотал с яростным напором:

— Вы что, ослепли? Он же проявил милосердие!

Главное качество истинно мудрого правителя! Это и есть высшая справедливость, что не может караться Высшим Судом Храма!

Аббат Бенедарий задвигался, все тотчас же умолкли и обратили взоры в его сторону.

— Разве? А как же Устав нашего Храма?

В его словах крылся некий намек, судьи вроде бы уловили и поняли, на лицах некоторых появились сдержаные улыбки, кто-то ухмылялся открыто.

Тертуллиан взревел:

— Когда я создавал этот Храм, мир был другим!.. Когда писал Устав, люди были еще не люди, а двуногие злобные, дикие и невежественные твари!.. Поступать с ними нужно было жестко!

Приор спросил резко:

— А не стали хуже?

— Нет, — отрезал он голосом, похожим на треск грома над головой, — не стали! Это все наша жажда, чтоб поскорее! Я сам нетерпеливее дальше некуда! Но чтоб увидеть, что люди стали лучше, нужно прожить столько, сколько живу я...

— К счастью, — сказал престарелый отец Хайгелорх, — мы не живем столько. Хотя тут есть и те, кто прожил дольше, но почему-то остались на прежних позициях? Так что скажу от имени... пусть не всех, но очень многих, мы уважаем мнение пресвитера Тертуллиана... однако мнение пресвитера Тертуллиана хоть и весьма весомо для нас, но не настолько, чтобы опровергнуть наше отношение к поступку брата паладина...

Я заметил, что он каждый раз делал нажим на слове «пресвiter», даже повторил дважды. То ли это слишком малый сан, то ли Тертуллиан для них всего лишь пресвiter.

Тертуллиан прогремел, рассыпая длинные причудливо изогнутые искры:

— Думал ли я, создавая этот монастырь, какого еще не было на свете, что он станет рассадником такой дремучести?.. Горе мне, не сумевшему создать вечное...

Он вспыхнул особенно ярко, исчез, в зале как будто еще больше потемнело. Лица священников остались такими же суровыми, ни тени удивления.

У меня мелькнула мысль, что, судя по их реакции, для них визиты Тертуллиана не такая уж и диковинка.

Аббат Бенедарий проговорил успокаивающе и словно бы чуть виновато:

— Нельзя объять необъятное. Он создал вечные работы, что поддерживают все великое здание церкви... и этого для бессмертия его идей и его самого достаточно. Итак, вернемся к нашему вопросу. На чем мы остановились?

Отец Ансельм поднялся, отвесил ему церемониальный поклон.

— Я поставил вопрос о лишении сэра Ричарда сана паладина. Исход голосования уже ясен...

— Да, — проговорил аббат, — хотя появление пресвитера Тертуллиана было весьма впечатляющим.

— Как обычно, — буркнул отец Леклерк.

— Это у него получается, — согласился отец Ромуальд. — Так что... продолжим?

— Завершим, — отрезал отец Ансельм.

Священники переглядывались, я снова ощутил холод во всем теле. Похоже, они в самом деле могут на своем суде лишить меня сана или звания, как я его называю.

Аббат Бенедарий взглянул на меня остро.

— Вы что-то скажете в своем последнем слове, брат паладин?

— Вы можете меня лишить сана, — ответил я с горечью. — Наверное, можете, я все еще не знаю ваших

полномочий. Но я все равно останусь паладином и буду всегда на стороне справедливости, на чьей бы стороне она ни находилась.

Отец Муассак заметил мягко, но с осуждением:

— Но ты все же человек, брат паладин...

— Человек, — с горечью ответил я, — это не двуногость и плоские ногти. Человек — это нечто больше, во что вам сейчас поверить трудно. Слишком много я повидал зверей в человеческом облике!.. Думаю, Господь смотрит не на тела, а в души... Признаюсь, я поступил, поддавшись только порыву души, а вот сейчас, общаясь с вами, все больше прихожу и к мысли, что был прав. И это убеждение только крепнет. Чем больше слушаю вас, тем больше понимаю, что поступил верно. Спасибо вам, что сняли камень с моей души! Теперь я знаю, что если есть возможность явить милосердие, нельзя пропускать вперед даже учителя.

Отец Кроссбринер поморщился, но смолчал, покосился на своих соратников, но те сами в затруднении поглядывают на аббата. Отец Бенедарий молчал, опустив побагровевшие толстые веки на глазные яблоки, лицо неподвижное, только губы чуть шевелятся, словно пытаются поспеть за словами, которые он проговаривает мысленно.

Отец Ансельм сказал в нетерпении тем настойчивым голосом, в котором отчетливо слышались интонации инквизитора и главы церковного суда:

— Отец Бенедарий... давайте покончим с этим вопросом. Я имею в виду, завершим с голосованием?

Аббат вздохнул, открыл глаза.

— Вопрос сложный, но он решаем... мне тоже кажется, не в пользу брата паладина. Однако над миром нависла угроза полного уничтожения. Лучше нынешнее дело отложить, как и все прочее, оставив только задачу Маркуса, Багровой Звезды Смерти. Сейчас,

когда брат паладин вернулся из Темного Мира целым и невредимым, мы должны подумать, как лучше использовать все наши силы.

Он вперил взгляд в отца Ансельма. Тот поерзал, рядом его помощники опускают глаза, оставляя вождя отдуваться самому, наконец он проговорил с великой неохотой:

— Это разумно. Однако потом вернемся к этому вопросу.

— Вернемся, — согласился аббат. — Он слишком важен... основополагающий, я бы сказал.

Среди собравшихся то и дело слышны вздохи облегчения, ну как же, самое легкое решение уйти от проблемы и ответа, отодвинув их на потом. А там, глядишь, как-нибудь и само разрешится. Прямоилинейные решения кончаются клубком проблем, а монастырская мудрость гласит, что, обгоняя события, прибегаешь на окраину новых проблем, потому лучше все отложить. Большая часть проблем решится сама, а меньшая... ее можно зачислить в неразрешимые и даже не пытаться с ними что-то делать.

Я поклонился всем со всем смирением, какое только смог изобразить, а я в этом мастак, отдельно склонил голову перед аббатом, что избежал раскола, просто отложив решение, это и есть мудрость. Маркус либо всех убьет, либо после победы над ним всем на радостях будет амнистия и всеобщее прощение...

Вернувшись в келью, я торопливо старался вспомнить, не нужно ли мне чего здесь, нужно схватить и бежать, времени в обрез, не сразу даже услышал, как в дверь тихо постучали, даже поскреблись.

— Открыто, — сказал я. — Заходите, отец Леклерк, брат Гвальберт... и тот, кто с вами.

В коридоре оказались отец Леклерк, брат Гвальберт и совсем молодой монашек, даже послушник, судя по

его одежде. Все трое вошли осторожно, даже с опаской, молодой послушник смотрит вообще со страхом и старается держаться в сторонке.

Отец Леклерк спросил с любопытством:

— Как ты узнал, что именно мы в коридоре?

Я отмахнулся.

— Да какая разница. Догадался. Вот только этого третьего не знаю.

Он посмотрел внимательно и покачал головой.

— Да?.. Ну, наверное, просто догадка. Мы же прошли сюда под молитвой Вараввы, она делает всех незримыми... А этот брат Агнорий, ты прав, он послушник. Почему-то прямо загорелся, когда рассказывали о тебе...

— Садитесь, — сказал я. — Угощу малость, сам погнем да отбуду. Сожалею, что не смог исполнить то, что от меня ждали.

Они сели, брат Гвальберт сразу цапнул глиняную кружку с вином, отец Леклерк не притронулся ни к еде, ни к вину, рассматривал меня очень пристально, а послушник так и остался сидеть в сторонке, только поблескивал оттуда настороженными глазами.

— Как идет подготовка? — спросил отец Леклерк.

— К встрече с Маркусом? — переспросил я. — Уже стягиваем к месту посадки войска. Быстрым маршем идут тролли нашей армии, у них есть и опыт, и боевой дух. С эльфами еще не говорил, но, думаю, появятся и они.

Он помедлил, кивнул.

— Ну да, если же не появятся, потом их истребят обозленные люди. Как и тролли, если не придут... И на земле останется только человек.

Гвальберт осушил кружку до дна, перевел дыхание.

— И все-таки брата паладина заносит, — сказал он с досадой, — то в одну сторону, то в другую. То к

людям черств, как обросший мхом ко всему глухой камень, и готов казнить за малейшую провинность, то непонятно щадит врагов рода человеческого...

Я сказал смиренно:

— Может быть, все дело в слове «провинность»?.. Милосердный правитель и жестокий за одну и ту же провинность один велит выпороть, а другой — казнить, но все равно даже очень жестокий не станет казнить и даже пороть невиновных.

— Но те твари виновны все!

— Согласен-согласен, — сказал брат Гвальберт торопливо. — Я с тобой, отец Леклерк. Просто стараюсь понять логику действий брата паладина. Даже если те невиновны, ему нужно еще, чтобы сопротивлялись!.. Ну как с войском из соседнего королевства, что посягнуло на его земли. Там все виновны, даже если невиновны, но если пришли в составе армии, то виновны, и должны быть убиты!.. Но брат паладин сумел что-то доказать, хоть и не вполне.

Я наполнил кружки снова, на этот раз и отец Леклерк выпил, а послушник не шевельнулся. Когда они поднялись и вежливо попрощались, он не сдвинулся с места.

Я проводил друзей до порога, закрыл за ними и задвинул засов. Послушник помалкивал, во взгляде появилась настороженность, а когда я повернулся к нему, беспокойно заерзal по лавке.

— Ну, — потребовал я, — рассказывай.

— Что? — спросил он, вставая. — Ладно, я пойду...

Я толкнул его обратно на лавку.

— Ты же не зря пришел?.. Что тебя так заинтересовало в рассказах обо мне?

Он пробурчал:

— Да так... просто. Вы очень удачливый человек.

— А если это не удача, — спросил я, — тебя же это заинтересовало?

Он поднял голову, взгляд исподлобья показался мне очень недобрым.

— Удача, — повторил он. — Только удача. Почему, подумал я, других удача обходит, а вам все в руки валится. Почему вы находите даже там, где другие ничего не замечают.

— Даже так? — переспросил я. — Как-то даже не думал... А что, это в самом деле так? Это же здорово. Не хочется думать, что я какой-то особенный, ненавижу эти мечты ленивых идиотов о некой избранности, однако же...

Он сказал чуть смелее:

— А если это не избранность?

— А что?

Он пожал узкими плечиками.

— Не знаю. Но мне кажется, вы неправильно оцениваете последствия прилета Маркуса. Разве он уничтожает все на поверхности земли?

— Еще и перепахивает на большую глубину, — сказал я. — На очень большую.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Да? А я где-то читал или слышал, что вскоре после его отбытия... в каком-то королевстве были выстроены огромные храмы и дворцы, которые немыслимы для диких людей, и что у них были какие-то огромные повозки, что двигались даже по воздуху...

Он осекся и взглянул настороженно и даже с опаской. Мое сердце заколотилось чаще, но я ничем не выдал своего интереса, сказал равнодушным и даже как бы немного разочарованным голосом:

— Ничего у них не было. Все те штуки самозарождаются на огромной глубине, куда разрушительная сила Маркуса не достанет. И поднимаются через толщу земли на поверхность.

Он вздрогнул, посмотрел широко распахнутыми глазами.

— Как это... самозарождаются?

— Возможно, — объяснил я, — там живут некие гномы, что делают эти баггеры и даже грандбаггеры. Но это больше годится как рациональное объяснение, хотя наличие гномов и не обязательно.

Он помолчал, явно чувствует себя очень не в своей тарелке, проговорил сумрачно:

— Вы как-то странно уверены, брат паладин.

— А откуда, — сказал я негромко, — то зерно, которое посажено в долине Отца Миелиса? Вы о нем знаете, весь монастырь знает.

Он прошептал, заметно волнуясь:

— Его привезли... с Юга?

— А вы как думаете?

Он ответил угрюмо:

— Не знаю.

— У вас странный интерес к Югу, — произнес я строго, — что с вами, брат? Вам нужно чаще молиться, вспоминать Христа... это был великий пророк, брат! Его даже считают у нас сыном Всевышнего, как будто наш Господь какой-то языческий божок вроде Зевса, что старался переспать со всеми женщинами, замужними и незамужними, а также совокуплялся с кобылами, коровами, овцами, гусями, рыбами и даже муравьями, ха-ха, он же не знал, что муравьи бесполы... хотя тому идиоту не все ли равно?

Глава 5

Я угадал, он даже не обратил внимания на мой кощунственный и подчеркнуто провокационный выпад в сторону официальной версии происхождения Христа, хотя причина может быть и в том, что религиоз-

ности в нем не больше, чем у остальных монахов Храма Истины. Впрочем, все равно реагировать должен, мы все не то, что есть, а то, чем стараемся казаться.

— Просто Юг отсюда, — сказал он смиренно, — кажется таким удивительным, необычным...

— Люди везде люди, — ответил я строго. — Только одни чаще вспоминают Господа, другие реже. А есть и такие, что вообще о нем позабыли... Это я о Юге, брат Агнорий!

— Да это не интерес, — промямлил он жалко, — а так... любопытство.

— Любопытство тоже нужно проявлять, — сказал я уже строже и возвышеннее, — к делам и помыслам Всевышнего!.. Слышали о таком?.. А о мерзком и развращенном Юге, где даже демоны совсем не такие, как здесь, и думать не следует. И где маги, стыдно подумать, выше королей настолько, что даже не обращают на них внимания, а живут в своих высоких башнях, чтобы ближе к небу!

Он снова попался, до чего же приятный здесь народ, могу вывернуть у такого карманы, а он и не заметит, спросил торопливо:

— Маги в высоких башнях?.. Значит, вы сами их видели?.. И даже принесли оттуда некоторые вещи?

— Мало ли что я где взял, — ответил я сварливо. — Боевые трофеи брат не стыдно! Даже почетно. Ну, в некоторых обществах с прямой, как дышло, моралью.

— А как, — прошептал он и пугливо оглянулся на дверь, — вы туда попали?

Я покачал головой.

— Брат Агнорий, слишком много вопросов. Я уже сказал, у вас слишком странный интерес к этому нечестивому месту. Даже контингенту... или континенту, как правильно?

— Континенту, — поправил он и поспешно прикусил язык.

— Вот-вот, — согласился я, не показывая, что заметил, как он выдал себя снова. — А это нехорошо.

Он воскликнул:

— Нехорошо спрашивать? Но вы там даже побывали!

— Ну и что, — возразил я. — И снова побываю. Мне можно. Я весьма паладин, а это значит, когда монах, когда воин, а когда вообще что-то такое, что необходимо к вящей славе Господа... как мы это понимаем. И я становлюсь этим что-то... хотя вы не то подумали, по глазкам вижу.

— Я ничего не подумал! — возразил он.

— А думать надо, — сказал я наставительно. — Хотя верить, конечно, проще. Удобнее. Спокойнее, как бы... Знаете, странный брат... хотя тут все странные, либо вы мне скажете прямо щас, что у вас за такой интерес к Югу, либо выметывайтесь отсель и вот дотуда, это я о вашей келье, если вы здесь в келье, а не в роскошных палатах, как привыкли.

Он вздрогнул, вскрикнул срывающимся голосом:

— Откуда вы знаете?

— Догадываюсь, — сказал я мрачно. — Хотя что тут догадываться? Среди монахов любого монастыря людей благородного происхождения всегда больше, чем простолюдинов. Тем надо лес рубить и землю пахать, о высоком ломать головы некогда... Так кто вы, брат? Ваше настоящее имя? Происхождение, род, звание, личный номер?

Он застыл, но голос мой прозвучал в самом деле по-королевски, даже, может быть, что-то в нем появилось еще, и его лицо стало совсем бледным.

— Лорест Виттельсбах, — ответил он почти беззвучно, — сын электора Палатината Реторского...

Я сказал с каменным лицом, стараясь не показывать изумления:

— Понятно. Пришлось как-то побывать в тех краях... Нет-нет, ножками я побрезговал, внизу грязно, осмотрел так это за чашкой кофе с высоты стратосферного полета. У нас там птеродактили летают. А может и не летают, какая разница?.. И как вы сюда попали?.. Сумели пробраться на корабль, уходящий через океан?

Он вздрогнул, застыл, круглые глаза так и остались расширенными.

— На корабль? — проговорил он с трудом. — На какой корабль?

— Уходящий через океан, — повторил я. — С южного материка на северный. На этот, значит. Ну, так было?

— Почему, — спросил он, — вы это спрашиваете?

Я сказал с досадой:

— Снова эти встречные вопросы! Не хотите отвечать, не отвечайте. Но и меня тогда не спрашивайте.

Он помялся, покосился в сторону двери и сказал совсем тихо:

— Да, я был совсем ребенком, когда пробрался на корабль...

— За двести пятьдесят лет вы не слишком выросли, — заметил я.

Он подпрыгнул.

— Вы и это знаете?

— Я многое знаю, — сообщил я скромно. — Энциклопедист как бы вот. Столько мусора в голове, но для кого-то он совсем не мусор!.. Однажды ко мне прибыла одна родственница его величества императора Германа Третьего с прямым поручением от него разыскать их сбежавшего родственника...

Я говорил небрежно и уверенно, он слушал с рас-

пахнутыми глазами и раскрытым ртом, ухватил то, что его разыскивают, но не среагировал на вскользь оброненное насчет родственника, а я нарочито повторил дважды.

— Вы убежали, — перодолжал я напористо, чтобы не дать ему опомниться и что-то возразить или опровергнуть, — чтобы вернуться позже? Или вам там что-то грозит?

В его лице что-то изменилось, самую малость, но я ощущил, что момент потерян, Агнорий, он же Лорест Виттельсбах, уже опомнился, взгляд стал острее, а сам сосредоточился, как одна великая держава после позорно проигранной войны.

— Мне ничего не грозит, — произнес он сдержанно. — Во всяком случае, здесь. Я даже не понимаю, о чем вы говорите, брат паладин. Достойно удивления ваше путешествие на южный материк... но больше я сказать ничего не могу.

— И не надо, — ответил я как можно равнодушнее. — Думаете, у меня вот прямо цель жизни вас отыскать? Три ха-ха!.. Даже хи-хи. Злорадное такое хи-хи, знаете ли... У меня делов выше крыши. Среди них даже важные как бы есть. Не считая таких пустяков, как этот самый, как его, что прилетит... ага, Маркус. Может быть, слыхали? И все надо успеть. Так что, брат Агнорий, идите и считайте дальше, сколько ангелов на острие игры и сколько можно туда еще. Только сами не подсядьте.

Он направился к двери, но та открылась раньше, чем он взялся за ручку, на пороге возник брат Гвальберт.

— Брат паладин! — возвестил он. — Сейчас наши старшие закончили совет, тебя пока отпускают... на время. Так что иди и занимайся своими делами, только шею постараися не свернуть, тут есть желающие свернуть ее тебе лично!

Он захотел, послушник Агнорий пригнулся и проскользнул у него под мышкой, а за Гвальбертом появился отец Леклерк, взгляд сочувствующий, кивнул, дескать, Гвальберт передал все верно.

— Ну и хорошо, — ответил я с облегчением.

Они дали мне место в коридоре, я захлопнул келью и пошел к выходу. Гвальберт сказал сзади понимающе:

— Обидно, что пряник не дали?

— Даже по плечу не похлопали, — добавил отец Леклерк.

— По морде не получил, — объяснил я, — уже хорошо. Что-то я так часто начал ходить по лезвию меч... надо бы как-то пожить тихо.

— Ну да, — согласился Леклерк, — сидя тихим вечером на травке и глядя в звездное небо, где все ярче разгорается Багровая Звезда...

Оба помрачнели, я сказал со вздохом:

— Ну, а как свернем рога Маркусу, отсидимся, отлежимся, отъедимся...

— Обязательно, — сказал Гвальберт, — если нам дадут, конечно. Тут каждый день всякие маркусы, хоть и помельче. Зато много.

— Хоть и много, — утешил Леклерк, — зато часто.

Мы направлялись через зал к выходу из монастыря, когда за спиной простучали деревянные подошвы сандалий, нас догнал Жильберт, самый тихий и скромный послушник во всем монастыре, пропищал испуганным голоском:

— Брат паладин!.. Зайдите попрощаться с аббатом!

Леклерк резко остановился.

— Даже так? Брат паладин, разворачивайся побыстрее, пока настоятель не передумал.

Я торопливо ринулся к лестнице, молчаливые монахи в приемной пропустили меня, не проронив ни слова.

Аббат Бенедарий, едва я вбежал, опустил на столешницу книгу. Глухо звякнуло, что значит переплет из металла, но это вовсе не означает, что книга ста-ринная, как раз сейчас такие и делают, да еще, как вижу, и с замочком, плотно скрепляющим обе обложки.

Не произнося ни слова, он провел ладонью над книгой, замочек проиграл короткую мелодию, щелкнул и повис на одной петле.

Аббат сказал понимающе:

— Вижу, такое знакомо... Откуда?

— Да так, — ответил я, — снилось, наверное.

— Эта книга, — бесстрастно произнес он, — содержит тексты, как сказано в ней, дошедшие от Из-начальных. И этот способ защиты... уникален.

— Только в том, — сказал я, — что открыть можете только вы.

Он кивнул.

— Быстро схватываешь.

— Другие книги могут узнавать и открываться только своим хозяевам, — продолжил я. — Так что метод этот хороший, конечно. А что за тексты?

Он посмотрел как-то странно, а голос прозвучал с непривычной для него нерешительностью:

— Текст... Ах да, тексты... Их прочесть пока не удалось... Есть желание взглянуть?

— Если не вдарите, — ответил я, — то почему нет?..

Он коротко усмехнулся, кончики пальцев легко приподняли переплет, явно из легкого металла.

Я вытянул шею, страницы желтоватой бумаги, хотя это вряд ли бумага, заполнены значками в странном порядке, который показался хаосом, потом я уловил некие законы, хотя расположены не линейно, не столбиками, и даже не по кругу, а словно бы у переписчика рука двигалась то как шахматный конь, то по

диагонали, пока не упиралась в обрез, а оттуда прыгала по закону «угол падения равен углу отражения»...

Ничего общего с тем, чем пользуется человек, книга не просто древняя, а непонятно, что это вообще, но странное чувство зудит в крови и отдаётся в мозгах, что хоть значки и слишком просты, хотя нигде не повторяются, во всяком случае пока еще не заметил, а такое богатство говорит о несметных возможностях этой письменности, если это письменность...

Но все-таки растущая и вроде бы ни на чем не основанная уверенность, что я вроде бы понимаю, хотя еще и не понимаю, что понимаю, крепнет, и я все всматривался, потом с позволения аббата перевернул страницу, затем еще и еще.

Возможно, это любовный роман, но могут быть и подробные инструкции, как построить портал в другую галактику. Все может быть, а значки могут оказаться как буквами, так и рунами, иероглифами или математическими формулами.

Он внимательно наблюдал за моим лицом. Мне показалось, что даже дыхание иногда придерживает, чтобы не мешать, настолько я, наверное, сосредотачивался, но время текло, я только всматривался, наконец он проронил негромко:

— Вижу, ты что-то узнаешь.

— Нет, — ответил я честно, — ничего не узнаю. Но так близко!.. Что-то крутится в голове, вот-вот про克люнется, но пока это вот обидное ощущение, что уже понял, только никак не пойму, что же понял.

— Жаль, — произнес он с заметным разочарованием. — Что-то мне подсказывало, что ты эти значки видел... Или увидишь? Эх, возраст, все путается в голове... Иногда что-то вроде бы вспомнишь, а потом оказывается, через несколько лет в это самое вляпываешься... Хорошо, брат паладин, ты посмотрел и за-

помнил, вижу по твоему лицу. У тебя хорошая память, верно?..

— Не жалуюсь, — ответил я скромно, как положено христианину, тем более монаху.

— Тогда тебе это пригодится.

— Может быть, — сказал я, — когда-то и.

Он протянул руку, я поцеловал с поклоном.

— Спасибо, святой отец.

За дверью переминаются с ноги на ногу отец Леклерк и брат Гвальберт. Сразу прервали разговор на полуслове и бросились ко мне.

— Ну?

Я прошел чуть, еще не придумав, что сказать, хлопнул себя ладонью по лбу. В последнее время этот жест мне начинает удаваться все лучше, словно озарения пошли одни за другим, как гуси к озеру.

— Стоп-стоп... Однажды я побывал у одного аскета...

Леклерк спросил настороженно:

— Это ты к чему?

— Да все о Маркусе, — ответил я со злостью. — О чем бы ни думал, он постоянно влезает. А тот аскет, говорят, знает все на свете.

— И как победить Маркуса — знает? — спросил брат Гвальберт живо.

— Об этом я и подумал, — признался я.

Леклерк усомнился:

— Неужели такие существуют?

— Возможно, — ответил я уклончиво. — За четыре тысячи лет жизни, наверное, можно чему-то научиться.

— Четыре тысячи, — проговорил он шепотом. — Это же сколько у него грехов...

Я пробормотал:

— Главное, баланс, а не количество того или иного,

но... не хочу вдаваться в дискуссии, а то вдруг стану умным. Ехать надо, а не умничать! А то кто знает, вдруг пятую тысячу не осилит...

Они разом остановились у выхода во двор, это показалось странным, потом я вспомнил, что многие из монахов просто не могут покидать Храм, не имеют права, что ли, или не права не имеют, а что-то другое, более серьезное.

Из будочки у ворот вышел Жак, огромный и улыбающийся.

— Что, досталось?

Голос его звучал дружелюбно, словно вдвоем противостоям тем ханжам от религии, но я человек осторожный, повернулся к Леклерку и Гвальберту, помахал им рукой, затем сказал Жаку предельно уклончиво:

— Привет, Жак. В смысле, здравствуй... и, увы, прощай.

Он спросил с интересом:

— Что так быстро? Словно бежишь. Или в самом деле ловят?

— Меня поймать не просто, — ответил я с намеком. — Открывай.

Он посмотрел хитро.

— А сквозь ворота не можешь? А то возиться, открывать...

— Сквозь ворота? — изумился я. — Я что, привидение?

Он ухмыльнулся, неспешно вытащил бревно из железных петель, толчком ноги распахнул калитку в воротах.

Я пригнулся в узком проеме, подмывает удивить, перекинуться птером и лихо взмыть в небеса, знай наших, но скорбно вздохнул и пошел быстрым шагом.

Глава 6

Место я помню, только на этот раз полет начал с другой точки, однако быстро сделал необходимые поправки на стороны света и пошел усиленно махать крыльями.

Черные мертвые деревья внушают страх, хотя я только прикидываюсь тонко чувствующим, даже вру, что люблю поэзию. Настоящего тонкошкурого уже продирал бы не просто страх, а черный ужас.

Я высматривал сверху знакомые места, они казались даже больше знакомыми, чем ожидал: снег покрывает эту часть леса так уверенно, словно сейчас середина зимы.

И вообще в прошлый раз было пусть не лето, но снега поменьше, черные деревья не были облеплены вот так, за что только и цепляется, там же стволы и ветви, потерявшие кору, не просто отполированные, но и будто покрыты лаком...

Избушку не заметил бы под снегом, ее почти совсем завалило, отыскал только по ручью, что почему-то отказывается замерзать, хотя по краям и торчат острые, как ножи, льдинки.

Холодный снег ожег голые перепончатые лапы, я поспешно перетек в личину человека и почти бегом направился к избушке.

Дверь открылась без скрипа, навстречу пахнуло теплом, что удивило, в прошлый раз было холоднее на много. В дальнем углу за колченогим столом согнулся мужчина в звериных шкурах, оглянулся на шорох моих шагов, всмотрелся, не поднимаясь.

— А-а-а, — произнес он без выражения, — тот самый, который... Ну как? Похоже, что-то да удалось?

— Удалось все, — ответил я бодро.

Он указал на старую лавку в стороне, я подтащил

ее поближе к столу и сел, всматриваясь в лицо аскета, странно помолодевшее и с живыми блестящими глазами.

— Удалось убить бессмертного? — переспросил он с недоверием.

Я небрежно пожал плечами.

— Все мы бессмертны! Пока не умираем.

— Но он...

— Лехко, — ответил я и, предупреждая новый вопрос, сказал с нажимом: — Но сейчас у меня задача еще важнее и неотложнее. Что ты знаешь о Маркусе?.. Да-да, том самом, что сотрет все с лица земли и убьет всех, кто не успеет спрятаться, и почти всех, кто спрячется!

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Еще не понял? Ничего такого, чего не знал бы ты. Мне ведомо все, что на земле, но Маркус...

— Не на земле, — договорил я. — И даже не с Земли. Ты не знаешь даже, где он опустится. А я вот знаю!

Он смерил меня внимательным взглядом.

— Да, знаешь... Очень любопытный вариант ты продумал. С чем прибыл сейчас? Должен сказать, ты и в прошлый раз задал мне задачу, что показалась неразрешимой... Люблю такое, чтоб все же решаемо, но на пределе сил! И если и эта такое же... Гм...

Я спросил с надеждой:

— Что-то наклевывается?

Он покачал головой.

— Нет. Я не знаю, где опустится их летучий корабль, если это корабль, и не знаю, как с ним справиться, но вовсе не потому, что чего-то не знаю, как уже сказал...

— А в чем?

Он пробормотал:

— «Все на свете» — как теперь понимаю, это на

самом деле не все на свете. Ну да, мало ли что мы понимаем под белым светом! Хотя вроде бы понимаем правильно... Спасибо, расширяешь мои знания. Жить стало интереснее, а то уж подумывал уйти из нее... Все на свете — это не все на свете, потому что Маркус из другого света. Как теперь понимаю, вон звезды... а я, оказывается, ничего о них не знаю!.. Только вот сейчас понял, посмотрев на тебя, что ничего не знаю...

— А я знаю, — произнес я с гордостью лорда. Увидел удивление в его глазах, победно улыбнулся. — Могу рассказать, если хочешь, но не на халяву, конечно. Ты мне тоже много чего расскажешь, бартерные сделки должны быть уравновешены.

— Гм...

Я сказал деловито:

— Сперва о Маркусе. Мы не знаем абсолютно точно, где он приземлится, но у нас теперь уже есть веские предположения. Но никто не знает точно, верно? Или кто-то может знать?

Он поморщился.

— Разве что те, кто его направил. Или те, кто на нем. Хотя, возможно, им тоже все равно, где опуститься.

— Значит, — сказал я горько, — без вариантов. Будем надеяться, что у нас получится.

— Да, — ответил он, — хотя что-то странное брезжит где-то на окраине понимания.

— Что?

— Не знаю, — ответил он, — но это связано с вами, юноша.

Я отшатнулся.

— Со мной? Как это со мной?

— Не знаю, — сказал он, — если бы это был ответ, я бы знал, но это не ответ, хотя в чем-то и как-то... нет, не могу определить. Но это имеет какое-то отношение к Маркусу. И даже к его приземлению.

Я сказал умоляюще:

— Мужик, сосредоточься! Эта сволочь сметет с лица земли и твоё... гм... жилище мыслящего человека. Не уцелеешь, а какая это великая потеря для всего прогрессивного и полупрогрессивного человечества, я просто и не представляю как бы!..

— Я уже нажился, — буркнул он, — хотя, конечно, туда все равно попаду, так что торопиться пока смысла нет... В общем, ты был рядом с ответом...

— Но ты его не знаешь? — спросил я с недоверием. — Почему-то? Кто навредил? Имя, адрес?

— Потому что, — воскликнул он с досадой, — это больше, чем ответ!.. Это не ответ, где Маркус опустится на землю или как его победить, иначе я бы уже знал, это... больше... нечто больше. Возможно, это ответ, как вообще остановить Маркус и повернуть обратно? Заставить пролететь над землей, ничего не ломая?.. Не знаю. А еще тебе добавочная радость, ты же любишь трудности, этот ответ, который не ответ, находится не у человека...

— Эльфа, — спросил я. — Тролля? Огра?.. Снежного великана?.. Демона?.. Женщины?

Он покачал головой.

— Нет. И ничего даже близко. Хотя...

— Что? — спросил я живо. — Нашупал?

— Можно сказать, — произнес он в нерешительности, — как бы тролля. Но и не тролля...

— Пострадамус, — сказал я с досадой, — тоже понимай, как хочешь. Но все-таки не отступлюсь. Как добраться в те странные места?

— Могу указать место достаточно точно, — ответил он, — и то потому, что ты там уже был. В шаге от.

Я сказал с досадой:

— Почему я тогда не?.. Ладно, у меня всегда так,

зато у меня задний ум крепче гранита!.. И мыслит примерно так же. Где это место?

Он указал, у меня отвисла челюсть.

Вернувшись в свой дворец, теперь уже мой, о Рюкерте велел всем забыть, я полдня занимался самыми неотложными делами, а вечером уединился в спальне и вытащил из нижнего ящика седельную сумку.

Зеркало Наблюдений, как его называют горные эльфы, на самом деле еще и зеркало перемещений, хотя эта процедура намного сложнее и, думаю, даже эльфам давалась с трудом, если вообще знали о такой возможности.

До полуночи шарил, до рези в глазах напрягая зрение, по береговой линии океана, все как-то пусто, дважды попались крохотные рыбакские деревушки, один раз видел троих купающихся детей, но так и не понял, откуда они взялись.

То и дело врезался в «туман войны», что удивило, вроде бы береговую линию я, будучи маркизом, проехал всю или почти всю, но городов все так же не вижу.

Ага, вон он!.. Омаль, большой и почти полностью восстановленный город, вот уж не думал, что энергия у вчерашних пиратов бьет настолько мощно, что отстроят ими же разрушенные города.

Еще чуть левее по береговой линии... да что за зеркало, почему изображение скакет, уходит в сторону? Вряд ли это я сам, у меня мозг дисциплинированный, хоть и не всегда, а внимание не так уж и прыгает, как у недоумков, я обычно собран, как вот сейчас...

Полчаса ушло на то, чтобы отыскать старый Омаль, на самом деле он всего в десятке миль от нового, но мне пришлось трудиться с такими усилиями, словно прополз все это расстояние на четвереньках, заглядывая в каждую мышиную норку.

— Ура, — сказал я дрожащим голосом. — Ура?..
Вроде бы ура...

Но внутренний голос уточнил, что если внутри вот так трястется все, как овечий хвост, то как бы не со всем ура, хотя должно быть еще как ура.

Однако, как ведро холодной воды на горячую голову, поверхность зеркала все еще твердая, как и положено. Еще не навытягивало достаточно моши, знать бы только, сколько ему нужно... вот так и возникают человеческие жертвоприношения, люди спешат, отдают самое ценное, даже детей своих, только бы заполучить ту мошь, которой могут владеть только они...

— Да что же ты такая зараза, — проговорил я с отчаянием. — Ну как можно, мир гибнет, а ты все пожрать просишь... Где я тебе возьму?

От злости и бессилия, что остается только тупо ждать, а время убивать за государственными делами, я вскочил, походил взад-вперед, несколько раз ударил в стену кулаками. Все так называемые важные дела кажутся такими чепуховыми при одной только мысли, что нас всех ждет, что сна ни в одном глазу, сердце бухает часто и сильно, словно с обнаженным мечом скачу на арбогастре и вот-вот врежусь в толпу врагов.

Снизу доносится нечто вроде ровного шума моря. Я вышел на внутренний балкон, тупо изумился, народ не спит, развлекается вот таким странным образом, общаясь и обмениваясь сплетнями в такое время, когда нормальные люди спят.

Более того, с виду как бы ожили, словно здесь одниочные жители, у женщин порозовели щечки, мужчины держатся вольнее, передвигаются от группы к группе намного свободнее.

Правда, я тоже ненормальный, сна ни в одном глазу, спустился вниз в надежде, что как-то отвлекусь мелкой хренью, еще на лестнице пришлось заулы-

баться и вскинуть руку в приветствии придворному народу и отдельно дефилирующим людям.

Как же, как же, рабочий день кончился, теперь отдыхаем и развлекаемся каждый в меру своих возможностей, но не переходя границы. Разумеется, церковь бдит, даже если тут и нет священников, у каждого из нас внутри своя церковь.

— Ваше Величество...

— Ваше Величество?

— Ваше Величество!

Я улыбался милостиво и медленно двигался, стараясь делать вид, что всех замечаю, всех оцениваю, на всех имею виды во время понятного кадрового голода. На лицах вижу готовность служить и выполнять все мои желания. Для того и трутся здесь, чтобы заметил и приблизил, давал какие-то поручения, пусть сперва мелкие, отличиться можно и на мелких.

Высокая красивая дама с горделивой осанкой и благородным лицом, исполненным внутренней красоты,ной надменности и сдержанного благородства, присела в низком поклоне настолько изящно и с достоинством, что я невольно остановился.

— Леди Матфрида...

Она ответила теплым и богатым на оттенки голосом:

— Ваше Величество?

— Леди Матфрида, — сказал я с почтением, — я рад, что вы здесь. Надеюсь, все так же гофмейстерины?

Она чопорно улыбнулась.

— Пока нет.

— Почему?

— До меня еще руки не дошли, — сообщила она. — Как вы понимаете, его величество король Кейдан уволил всех, кто служил вам.

— Ого, — сказал я, — значит, там сейчас безработ-

ными остались камергер и обер-камергер, гофмейстер и обер-гофмейстер, гофмаршалы...

Она наклонила голову.

— И все остальные, Ваше Величество. Егермейстер, обер-егермейстер, церемониймейстер, обер-церемониймейстер...

— Их нужно пригласить, — сказал я решительно. — Готовыми кадрами не стоит разбрасываться!.. Кадры решают все, как заявил один великий лорд. Леди Матфрида, возьмете это на себя?

Она ослепительно улыбнулась.

— Ваше Величество, если доверяете...

— Полностью, — заверил я. — Я был очень доволен вашей работой, когда рулил в королевском дворце. Уверен, буду доволен и теперь, когда у нас целое Содружество...

— Ваше Величество...

— Ах да, — сказал я, — леди Матфрида, я утверждаю вас главной гофмейстериной Содружества Свободных Королевств. Нет, главной для нас уже мало... Генеральной! Генеральной гофмейстериной. Надеюсь, сумеете наладить эту службу так же хорошо, как это было на вашей прежней работе.

Он присела снова.

— Ваше Величество...

Я кивнул и пошел дальше, успев заметить, что к леди Матфриде начали притягиваться поближе девушки из благородных семей. Теперь от нее будет зависеть свод правил для женщин, а самое главное — набор во фрейлины, мечта всех молодых девушек из провинции да и из столицы тоже.

Не сдвинулась с места только леди Мередит, юная чистая девушка с огромными голубыми глазами, делающими ее похожей на куклу, пышной прической золотистого цвета, где кудри ниспадают крупными

локонами, нежнейшим лицом с алыми губками бантиком и милыми ямочками на щеках

Правда, не сдвинулась потому, что как раз на моем пути, даже пришлось отступить чуть, чтобы мне, королю и все такое, не пришлось ее обходить, как столб.

— Ах, Ваше Величество! — прощебетала она с ласковым упреком, красивым женщинам можно упрекать даже королей. — Что же вы другим поручаете такие важные дела? В жизни можно полагаться только на себя самого. Да и то не советую.

— Почему?

— А вы человек, — спросила она с изумлением, — разве надежный?

— Ну, — пробормотал я, — вы такие вопросы задаете, что просто и не знаю. Хорошо быть наивным, полагаю.

— Ага, признались!

— Я супернадежный, — возразил я с достоинством. — Надежнее меня только горы на Севере. Может быть, еще и на Востоке, но там еще не был, все предстоит. Просто я был весьма ошарашен, как это можно усомниться в моей надежности, у меня же на лице написано, какой я замечательный!

Она мило прощебетала:

— Ах, сэр Ричард... Я уже начинаю в это верить. Вы в самом деле так уверены, что и я вам верю. Мама говорит, мужчинам нельзя верить, а я все равно верю, они ж мужчины, как им не верить?

Глава 7

Она щебетала и щебетала, ее речь перепархивала от одной глупости к другой, как птица с ветки на ветку, я молча любовался ее свежестью и нежным румянцем, что вспыхивает на щеках и тут же исчезает, чтобы че-

рез мгновение снова появиться и разлиться от скул и до подбородка.

Женщина сама выбирает мужчину, вспомнил старую истину, который ее выбирает, так что лучше вот так учиово поклониться и топать дальше, милостиво улыбаясь и стараясь чем-то себя занять, пока чертово Зеркало Горных Эльфов продолжает дозаряжаться.

Дальше сэр Эраст Маклейн — типичный мезогин, как, впрочем, и большинство мужчин, только он больший мезогин, чем остальные, в том смысле что помимо толстых массивных костей еще и наделен массой дурного мяса, а живот выпирает больше чем весьма.

Поклонившись, он заметил со знанием дела:

— Ваше Величество, я бы не хотел оказаться в вашей шкуре!

— Да, — согласился я миролюбиво, — вам в ней было бы тесновато.

Сказал я по-дружески, но он почему-то поджал губы и помрачнел, хотя быть толстым не так уж и чудовищно, я знал и вполне приличных толстяков.

— Ваше Величество, я имел в виду, заново все налаживать...

— Я не один, — заверил я, — вы ведь поможете?

И, похлопав его по плечу, не стал слушать счастливые заверения в преданности, двинулся дальше, остановился возле сэра Клоубля. Этот тоже вроде бы занимал какое-то место в моей канцелярии или не занимал, не помню, но видел его пару раз во дворце. Этого достаточно, чтобы подозрительный Кейдан выдворил и его.

Как у большинства придворных, негромкий голос и сдержанные движения, чрезвычайно умен, судя по отзывам, знает всех как облупленных, что позволяло ему легко лавировать в сложностях двора, избегать ненужных интриг и успешно проводить свои.

— Сэр Клоубль, — сказал я, — вы уже показывались Куно Крумпфельду?

Он поклонился.

— Ваше Величество... он пока раздумывает.

— Значит, — сказал я, — ценит.

Дальше за ним юная леди Ширлиния, она посмотрела на меня, вздрогнула и побледнела, а плечи зябко передернулись.

Я спросил в удивлении:

— Что с вами, леди Ширли? Я ужасен? А все говорят: прекрасен-прекрасен... Брешут, сволочи?

Он прошептала:

— Видела недавно, как казнили одного за государственную измену. До сих пор дрожь берет, как только вспомню. Зачем вы это делаете?

— А не вспоминайте, — сказал я легко. — Разве мало всякого радостного? Наверное, и в аду можно что-то найти для счастья.

— В аду? — переспросила она. — А мы где?.. Нельзя ли в честь вашего возвращения сделать какой-то милостивый жест...

— Я весь из милостивых жестов, — огрызнулся я. — Столько помиловал мерзавцев!

— Я о четвертовании, — сказала она. — Все равно лишаете человека жизни. Нельзя ли просто отрубить голову или повесить? И ему приятно, и мы не наслаждаемся нехорошим зрелищем...

— Нехорошим? — спросил я. — Да народ одевается в праздничное и прет к месту казни, как на карнавал!

— И все-таки нехорошо, — возразила она. — Нет, казнить хорошо, преступления должны быть наказаны, но любоваться казнью нехорошо!

— Предлагаете казнить там же, в тюрьме?

— Да!.. Это гуманно!

— Я гуманист, — согласился я, — и вполне с вами

согласен. Но как насчет воспитательного эффекта?.. Вы женщина, будущая воспитательница своих детей, разве вы не должны их удерживать от незаконной преступной деятельности?..

Она вспыхнула негодованием.

— Ваше Величество!

— А разве не самый простой, — спросил я, — и действенный способ удерживать детей и юношество от всего такого нехорошего, показывать, к чему это приводит?

— Но не самый достойный!

— Леди Ширли, — сказал я мягко, — одному из ста подростков достаточно и моральных запретов, а всем остальным нужно показывать казни, чтобы представили наглядно, что их ждет. Только один из ста ведет себя хорошо, потому что нехорошо вести себя нехорошо... а остальные ведут себя хорошо, потому что страшатся петли палача! Я, как политик, свои призывы быть хорошими людьми подстраховываю статьями уголовного кодекса, где четко прописано, что ожидает нехороших. И если наказание сурвое, то даже нехорошие ведут себя хорошо!.. А в нашей жизни человеку все равно, почему у него не украли: потому что хорошие или потому что страшится виселицы.

Она сказала жалобно:

— Ваше Величество! Но четвертование...

Я вздохнул.

— Леди Ширли... Как вы знаете, большинство преступников как раз и заканчивают жизнь легко и радостно на плахе, виселице или в рудниках. К экстремальному четвертованию прибегаем редко. В силу исключительности преступления.

Она сказала горько:

— Потому, что посягнули на вашу жизнь?

— Леди, — ответил я с надменностью, — за себя

я постоять могу. Но эти заговорщики, подняв мятеж, обрекли бы на смерть сотни, а то и тысячи людей, как говорят у нас церковники, ни в чем не повинных... Повинных только в том, что поверили мерзавцам и пошли за ними. Повинных в том, что убивали бы верных королю людей. Их бы тоже убивали, чему противится мое сердце, ибо это налогоплательщики и мое народное достояние. Потому того, кто ради кошелька убил в темном переулке горожанина, оставил его жену вдовой, а детей сиротами — вешают, а того, кто поступил точно так же с тысячами, я говорю о главарях мятежа, подвергают особо мучительной смерти!.. Вообще-то вы меня натолкнули на мысль...

Она спросила испуганно:

— Какую? Господи, что я наделала... Вы же чудовище, можете придумать что-то вообще зверское.

— Зачем придумывать? — пробормотал я. — Один великий мудрец сказал: «Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, приближайтесь к нему, переносите из него в настоящее сколько сможете перенести...»

Она в испуге распахнула хорошенъкий ротик, спохватилась и прикрыла его такой же розовой и почти просвечивающейся в пламени свечи ладошкой.

Я со щемом подумал, что вот ее хорошо бы в фаворитки, такая просить дворцы и земли, даже для бедных родственников, не станет, чистая и бескорыстная душа с крыльышками...

Холодный голос в душе напомнил язвительно, что бескорыстные обходятся дороже. Для себя ничего, такие стараются для народа, еще не понимают, что народу сколько ни дай — все мало и все недовольны, потому что у короля как бы больше.

Я поклонился и нежно поцеловал ей пальчики.

— Леди Ширли...

Она снова распахнула ротик в удивлении, женским чутьем уловив и мое расположение, и мое желание помянуть ее в постели, в то же время не понимая, почему так не делаю, если хочу и могу.

Увы, только один из тысячи догадывается, что поступать нужно как надо, а не как хочется.

Но даже этот один редко так поступает, ибо семя Змея в нас сильно, а голос Каина звучит громко. И все-таки я начинаю понимать, чего притащился именно сюда, а не вышел на крышу любоваться звездами.

Я красиво развернулся у дальней стены и направился обратно, делая вид, что малость размял ноги, а теперь вот снова за стол и государственные бумаги, я же король и тружусь на благо, а как же иначе.

Все кланяются, кто с надеждой быть замеченным, кто с облегчением, что страшило уходит, без него проще будет отрываться. Я шел напыщенный и важный, леди Мередит снова улыбнулась мне, когда я проходил мимо.

Я кивнул и легонько взял ее за локоть, увлекая за собой.

— Как вам здесь? — спросил я. — Вы так чисты и невинны...

Она сказала с удовольствием:

— Я знаю.

— И как жаль, — вздохнул я, — что человек я уже, увы, женатый.

Она посмотрела с удивлением:

— И что?

— Да, — проговорил я со вздохом, — теперь многое вроде бы не совсем льзя. А скорее нельзя.

В ее глазах удивление переросло в патетическое изумление.

— Почему?

— Моральные узы, — сказал я важно, — святость брака.

Мы миновали зал, оставив там придворных, я вел ее по тихой галерее, освещенной только редкими свечами, и с нами по стенам двигаются две огромные темные тени, причем одна то и дело намекающе налезает на другую.

Леди Мередит тихонько фыркнула.

— Ну да, так и поверю! К тому же вы не совсем муж, а как бы... нет, не скажу. И вообще... там вы в подчинении, а неужели вам никогда не хотелось самому нагнуть женщину? Показать ей, кто хозяин?

— А кто хозяин? — спросил я тупо. — Я думал... Господь Бог...

— Господь Бог, — напомнила она, — сказал, что хозяин всему — человек. В том числе и женщине. А что, вы против Господа Бога?

Я сказал поспешно и в страхе:

— Нет-нет, леди Мередит!.. Я же не еретик!.. Раздевайтесь скорее, а то Господь Бог вдруг не так поймет мотивы моего так долго сдерживаемого целомудрия. Ой нет, что это я так сразу, пойдемте лучше... ко мне или к вам?

Она посмотрела на меня с холодным достоинством.

— Сэр Ричард!.. Как вы можете даже говорить такое? Я приличная женщина!.. И никому не позволю... Конечно же, к вам! Неужели я похожа на распутницу, что принимает мужчин в своей спальне?

— Простите, леди Мередит, — сказал я с покаянием, — я просто подумал, ваша спальня ближе...

— Понимаю, — ответила она, — вы весь пылаете от страсти и ожидания, когда будете терзать меня, но, умоляю, подождите еще три минуты, и мы будем у двери вашей спальни.

В постели, когда мы отдыхали и подкреплялись вином и сладостями, она рассказала, к моему удивлению, что вообще-то она уже трижды вдова. За первого мужа выдали в шестнадцать лет, но через полгода его тяжело ранил огромный вепрь на охоте, он умер в момент, когда провозили под аркой ворот в замок. Второго мужа подобрали через год траура, прекрасного молодого и красивого барона Клапауциуна. Этот прожил с нею в счастливом для него браке всего три месяца, но был убит предательской стрелой в спину, когда благородно пытался мечом раздвинуть свои владения, посягнув на земли ослабевшего соседа.

Третий раз ее выдали за сэра Грея Макнамона, однако тот со своими людьми погиб под горной лавиной, когда рискнул пройти коротким, но опасным путем.

А теперь она уже полгода гостит у Ширлинни, своей подруги детских лет, а ее имением управляют отправленные ее мужем, сэром Уортером, люди. Ей все подбирают жениха, но ей так понравилось жить без мужской опеки, что старается протянуть период свободы как можно дольше.

Я пробормотал:

— А как женихи?

Она сказала лукаво:

— Мне кажется, я понимаю, о чем вы спрашиваете...

— И как?

— Да, обо мне пошел слух, что я приношу несчастье. Так что могу рассчитывать, что четвертое замужество если и придет, то нескоро.

— Люблю суеверных, — признался я. — С ними так удобно.

— Но сами не будьте им, — сказала она практично. — Это приносит несчастье.

Все-таки я либо какая-то крайне неразборчивая

свинья, либо чересчур нормальный мужчина, проснулся в обнимку с этим светлым и все еще чистым и наивным существом, пусть и побывавшим трижды замужем, и с ужасом ощутил, что и ее люблю и жалею, мог бы жениться и прожить с нею всю жизнь счастливо.

А как же насчет Той Единственной? Которую романтичные рыцари ищут по всему свету?.. Геллермин вон все-таки нашел...

Я тихонько выбрался из постели, пусть ребенок спит, заботливо укрыл ее одеялом и, быстро одевшись, вышел на цыпочках в кабинет, что соединен со спальней напрямую.

В верховном департаменте за старшего пока что верховный лорд Джеральд Бренан, крупнейший специалист по землепользованию, если верить Альбрехту, а сам Куно срочно выехал в Тараконскую бухту, нужно срочно восстановить работы по созданию могучего флота.

Лорд Бренан в самом деле хорош, разбирается прекрасно не только в землепользовании, но и в делопроизводстве: тут же попытался всучить мне идею нужности и даже необходимости контрасигниляции или, как говорят в народе, контрасигнатуры. Таким образом моя подпись под любым документом не имела бы юридической силы без подписи канцлера. Это якобы придает документу большую юридическую силу. Дескать, король есть король, что с дурака спрашивать, а вот если подпись поставил и канцлер, тогда да, это другое дело.

Он объяснил, что глава государства, то есть я, не может уследить за всем, а когда королевскую подпись визирует специалист, то она приобретает больший политический вес.

Я засмеялся, утро хорошее, небо ясное и безоб-

лачное, солнце светит ярко, но ласково, все должно получаться без сучка и задоринки.

— Сэр Джеральд, — сказал я доверительно, — не хитрите. Ваша подпись на документе рядом с моей будет означать, что я юридически не ответственен за свои слова и поступки?

Он всплеснул руками.

— Ваше Величество! Я просто говорю о порядке, который предусмотрен в ряде королевств.

— Не случайно, — согласился я.

— Вот-вот, — подтвердил и он, глядя на меня бесстыже честными глазами демократа. — Это же все для пользы, так сказать, дела.

— Знаю, — прервал я. — Сам такое ввел, ни одна подпись королевы Ротильды не имеет силы, пока рядом не стоит моя. Ну и кто осмелится со мной играть такую же высшую роль?

Он и несколько работников Куно опустили взгляды, на лицах смущение, слишком быстро я раскусил, хотя что тут раскусывать, ни один правитель не жаждет ограничения его власти, под какими соусами это ни подавалось.

Лорд Бренан сказал торопливо:

— Ваше Величество, вы не так поняли!.. Подпись канцлера, вице-канцлера или сенешаля означает, что это они принимают на себя всю юридическую и политическую ответственность за данный акт! Они будут виноваты, а не вы!

— Спасибо, — ответил я саркастически. — А без их подписи акт считается недействительным, вот что главное, верно?..

— Ах, Ваше Величество! Вы все не так поняли. Это же помошь...

Я махнул рукой и сказал с прежним неиссякаемым дружелюбием:

— Сэр Бренан, я молод, но старые книги читал. Кто бы мог подумать, что пригодятся... В общем, за суньте себе эти предложения сами знаете куда. Это говорю по душевной доброте и христианскому милосердию. Я не отказываюсь от помощи специалистов, но это моя подпись будет последней и решающей. *Dixi.*

Они поклонились и торопливо отступили, а я посмотрел на небо и решил, что Зеркало Горных Эльфов нужно проверять чаще, чем пять раз в день. Может быть, опоздать на минуту — проиграть все сражение...

Глава 8

Подошвы ударились в землю с такой силой, что хрустнули лодыжки. Я рухнул на горячий прогретый солнцем песок и, стиснув челюсти, старался не стонать, мало ли кто вблизи.

В поврежденных тканях стало больно и горячо, но через минуту боль рассосалась, я поднялся, осторожно потопал по накаленному солнцем песку. В стопе, говорят, сотни косточек, но мелкие заживают быстрее крупных.

Воздух кажется горячим, небо синее-синее, всего в двух сотнях ярдов огромные океанские волны накатываются на берег, перетирая гальку в песок. Если оглянуться, взгляд начинает прыгать, как заяц по кочкам, по вершинам зеленых холмов. Еще дальше лес...

Сердце тревожно стукнуло, вдали из оранжево-солнечного песка вздымается абсолютно черная башня, зловещая, чужеродная, занесенная то ли с далеких звезд, то ли из иных миров, но в нашем мире не может существовать ничего подобного, ибо башня не башня в привычном понимании, а огромные металлические плиты размером с огромный дом, насаженные на стальные штыри. Иногда плотно одна к другой,

иногда так, что между ними можно просунуть руку или даже проехать на коне. Некоторые плиты торчат под углом...

Забор и ворота на том же месте, хотя, догадываюсь, эта башня может пересобираться, как детский конструктор, то же литье и чеканка, однако рисунок на воротах показался другим...

Я обвел взглядом радостный мир, это тоже все исчезнет с появлением Маркуса, подумал, сказал громко:

— Серфик!.. Явись!

Крошечный огонек, даже просто красная искорка пронеслась вокруг меня и замерла в ярде от меня.

— Господин?

— Серфик, — сказал я, — хотел бы я узнать новости о маркизате, не заходя туда и не выспрашивая, однако... ты вряд ли знаешь?

Он пропищал прямо в ухо:

— Я не знаю мир людей!

— Так я и думал, — ответил я. — Ладно, ты до сих пор не научился заглядывать вон в ту башню?

Он пискнул:

— Господин, у нее абсолютная защита!.. Любой демон будет моментально уничтожен. Даже самый могучий.

— Эх, — сказал я с досадой. — Тогда вот что, попорхай пока здесь, пока я не вернусь. Потом, возможно, у меня будут вопросы.

Подошвы рыцарских сапог уверенно и властно стучат по каменным плитам, ими вымощено вокруг башни на сотню ярдов, хорошо хоть не металлом.

Створки ворот подались неохотно, но без особого труда, не заперто, а дальше по прямой зияет зловеще-черный вход в башню.

Я вошел, чувствуя прежний страх, хотя за это время повзрослев, я из тех, кто взрослеет быстро, а старе-

ет медленно. Огромный зал, весь из металла, странно холодно и одиноко, словно я на своих плечах принес с собой зиму.

Холл полон мрака и зябкости, я задержал дыхание и прошел через этот ужас, чувствуя себя на некоторое время летящим между галактиками. Тело застыло, но не так мучительно, как в прошлый раз, когда я чувствовал себя упавшим в океан жидкого гелия.

Едва прошел насеквоздь, как шагнул под арку первого зала. Кипящий ад из огня и жара, пламя ревет, устремляясь к своду, свивается в толстые жгуты, слышится треск лопающихся от жара камней, которых здесь нет, гул, сухие щелчки...

Я прошел и огненный, что всего лишь иллюзия, дальше вытянутый зал со скульптурами по обе стороны.

— Вольно! — сказал я им повелительно. — Свои. Вы меня должны помнить, морды.

Скульптуры не сдвинулись, на этот раз всего лишь скульптуры, я с осторожностью, мало ли что могло измениться, пошел дальше.

Все странно, дико, пугающе, сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет, а я даже не замечу, в какой-то миг все изменилось так внезапно, что уже двигаюсь по затемненному залу церкви, торжественная тишина, через витражное цветное стекло арочного окна падает косой луч света, старинные могучие колонны больше похожи на дорические, чем на коринфские или готические...

Дохнуло таким потрясающим величием и мощью, что я начал преклонять колено, однако что-то смеялось в восприятии, и снова вместо громадности собора с его церковным духом холодно блещут металлом стены, ребристые колонны не колонны вовсе, в них едва слышно нечто гудит, пощелкивает, словно внутри

стремительный поток несет камешки, задевающие за мелкие выступы.

— Что за шуточки, — пробормотал я вслух, чтобы придать себе отваги, — но меня не обманешь...

Сосредоточившись, я перешел на тепловое зрение, затем на запаховое, но мир лишь стал предсказуемо причудливым, хотя и понятным. Я снова вернулся к обычному зрению, не доводя себя до головной боли, все те же стальные стены, холодный блеск металла, все странное и нечеловеческое, здесь нельзя не только жить, но и работать немыслимо...

Но стоило как-то не так повести головой и скосить глаза, как снова возник мир вселенского церковного собора, где в цветные витражные окна падает радостный свет и расчерчивает пол на косые параллелепипеды.

Я тряхнул головой, сознание не может принять реальность и рисует благостную картинку, но настоящий мир здесь вот этот, из металла, холодный и враждебный, потому соберись, рохля,

— Гугол, — закричал я. — Отзовись!.. Гость в дом — бог в дом!

Полная тишина, даже эхо смолчало, словно его давно поймали и придушили.

— Гугол, — повторил я, — эх, Гугол...

Но все-таки покрикивал на всякий случай, когда пробирался через уже знакомые ловушки, довольно примитивные, даже не понимаю, как это сочетается с высочайшим уровнем технологий, если не предположить, что здесь некогда поработали люди намного более простые, подгоняющие это жилище под свое понимание крепости.

Вдали мелькнула тень, я инстинктивно ухватился за рукоять меча, но на всякий случай прокричал во всю мощь легких:

— Гугол!.. Это я, Ричард!..

Тень удлинилась, едва не коснулась моих ног, но я отпрыгнул, и тень с явным разочарованием скакнула на стену и затерялась там в полутьме.

Мы вдвоем с колотящимся сердцем ждали, я пригнулся и высматривал, откуда может прийти беда.

Издали долетел слабый вскрик:

— Сэр Ричард?.. Это я, Гугол...

— Сюда! — заорал я. — Здесь я, с места не сойду!

Голос доносится со всех сторон, я уже засомневался, что это действительно Гугол, мало ли что здесь может померещиться и даже случиться, но внезапно пространство распахнулось, словно полог палатки, тощая фигура возникла в шаге от меня.

— Сэр Ричард! — возопил он и счастливо бросился ко мне на шею. — Я вас видел, только не сразу понял, как пройти к вам!

Я дал себя обнять, похлопал по узкой спине с выступающими крупными позвонками, отстранил и всмотрелся в худое, но счастливое лицо.

— Похоже, — сказал я, — осваиваешься?

— Понемногу, — сказал он счастливо. — Уже не так всего боюсь. Конечно, боюсь, но уже не всего.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Тем более что мне без твоей помощи просто ни жить, ни быть.

Он посмотрел на меня в великом изумлении.

— Мой? Сэр Ричард, вы так шутите?

— Так шучу, — согласился я, — и не так. Рад, что ты вполне... Как сейчас?

— Живу один, — сообщил он, — пираты перестали таскать все непонятное, хотя кое-что еще прибавилось. Но чуть-чуть. Уйду, когда поверю, что здесь не опасно. Или как-то сумею закрыть все это...

Я сказал с сомнением:

— Вряд ли сумеешь... Здесь не опасно?.. В смысле, можем здесь сесть и поговорить?

Он сказал виновато:

— Здесь нет, но если пройти... ко мне... туда, где я сплю и вообще живу...

— Веди, — прервал я. — Гугол, у нас много общего. Ты гуманист, я гуманитарий, даже не знаю, что лучше, но все-таки оба из гумуса, так что понимаем друг друга.

Он сказал ошарашенно:

— Вам виднее...

— Еще бы, — согласился я. — С высоты моего роста...

Из проема двери, куда мы направились, вырвался закручивающийся по спирали огненный вихрь, похожий на гигантское сверло из свирепого пламени размером с заводскую трубу.

Его пронесло через зал к выходу, пахнуло жаром, Гугол отпрянул, а свирепый смерч все мчится и мчится, не касаясь пола, уже не смерч, а нечто нескончаемое, перегородившее дорогу, огненный вал, что наполнил пространство сухим перегретым воздухом, и нет ему конца, хотя не представляю, что за буйство дикой энергии...

Гугол отступил еще, сказал дрожащим голосом:

— Сэр Ричард! Можно через другой зал!

— Можно, — ответил я.

Странное чувство зашевелилось в груди. Я осторожно вытянул вперед руку, собрался с духом и сунул в бешено закручивающийся огонь вытянутый палец.

Обожгло, но не сильно, я же готовился с воплем отдернуть, а потом спешно заращивать рану, но всего лишь жарко...

Гугол крикнул за спиной:

— Сэр Ричард!

— Я сейчас, — ответил я. — Только вот...

Я медленно погружал в бешено вращающееся свер-

ло огня кисть руки, слегка жжет, но именно слегка, и даже рукав не задымился.

— Сэр Ричард!

Уже не отвечая, я задержал дыхание и вдвинул сперва в огонь всю руку, а потом быстро шагнул, но не стал задерживаться, а бегом перебежал на ту сторону.

Странное ощущение, словно нечто огромное и властное пыталось меня остановить, но когда я попер дуром, вздохнуло и молча сказала с укором, что с дурного дитяти требовать, пусть прет, все равно ничего не найдет и не поймет.

Я пригнулся, между полом и огненным сверлом узкая щель, на том конце зала у самой дверной арки видны ноги Гугола, даже сейчас пятится, трус высоколобый.

— Гугол! — прокричал я. — Давай сюда. Это обманка!

Я даже лег на пол, чтобы видеть, как он нерешительно придвигнется, однако он сделал несколько шагов в эту сторону, остановился, снова отступил.

— Сэр Ричард?

— Да не боись, — крикнул я. — Иди, это защита от умного дурака. Ничего больше.

— А как вы прошли?

— А я совсем тупой, — крикнул я. — Меня решили не трогать.

Ноги его отступили еще, донесся дрожащий твердый голос:

— Нет... я не пойду... у меня уже сейчас все в огне... Там, внутри. А вдруг примут за умного?

— Ты же обещал!

— Я не обещал ходить через огонь...

Я поднялся на ноги, сказал громко:

— Тогда пока пройдусь один... Встретимся в твоей комнате.

Огненный ураган, вращаясь с бешеною скоростью, все так же несется через зал, но я сквозь рев пламени услышал слабый крик, в которой отчетливо послышалось великолепное облегчение:

— Хорошо, сэр Ричард!.. Как скажете, сэр Ричард!

Я отступил еще, огляделся, стараясь не допускать раздвоения зрения, а то пойду по церковному собору и рухну в огненную яму или в камнедробилку.

Стены все те же из металла, вздымаются на немыслимую высоту, но хватает и залов, и комнат, к ним ведут где лестницы, где странные переходы, когда поднимаешься долго-долго, но оказываешься в самом низу... Гугол уже выяснил такое на горьком опыте, да и я в прошлый раз помог, однако на этот раз у меня нет времени все неторопливо и со вкусом изучать, саковать, ахать и восторгаться высокими технологиями. Если микроскопом можно врага по голове, то вдарю и микроскопом. Сейчас важнее просто выжить, а микроскопов потом наделаем, за нами не заржавеет.

Осторожно, чуть ли не приставным шагом, я двинулся вдоль стены, готовый в любое мгновение метнуться в сторону, упасть или отпрыгнуть, но ничего не случалось, и, странное дело, я начал чувствовать нечто непонятно знакомое, узнаваемое, хотя мир вокруг чудовищ. Однако он чудовищен настолько, насколько могла бы завести человека дурная... или слишком уж вычурная фантазия.

Нет, это строили не чудовища, не монстры, вся башня дело рук людей, но только таких, что на меня смотрели бы, как на кроманьонца, а то и как на питеантропа.

Ноги мои все увереннее несли меня через залы, в одном месте обнаружил лестницу и взбежал по ней, хотя там сотни ступеней, но каким-то образом успел одолеть не больше десятка, и оказался на верхней.

Еще минут пять ушло на то, чтобы уловить знакомые запахи, а когда пришел по следу, обнаружил просторную комнату, где в углах куча разной одежды, в том числе и явно пиратской, грубо сколоченный стол, лавка и великоватое кресло с одной сломанной ножкой.

В углу настоящий камин, самодельный, грубый, зато россыпь багровых углей, легкие язычки огня по ту сторону невысокой решетки.

Я придвинул ногой кресло и опустился со всей осторожностью, однако держит, создал на блюдце горку кровяных колбасок и когда вдали послышались шаркающие шаги, уже ел смачно и с огромным удовольствием.

Гугол появился в дверном проеме измученный, запыхавшийся и с капельками пота на лбу.

— Сэр... Ричард?

Он вытаращил глаза, я рассматривал его с великим интересом.

— Ты же вроде короткой дорогой?

Он сказал обвиняюще:

— Вы нашли еще короче!

— Садись, — велел я, — а то не останется.

Он вздрогнул, когда я перестал есть и замер, а на столе начали появляться дивные яства, начиная с деликатесного мяса, зажаренного как-то по-особому, я никогда не спрашивал рецепта, нежнейших сыров, редкой изысканной рыбы и всяких там креветок, которые он мог бы, если бы, а так вот смотрит, как дитя на скелет.

— Сэр Ричард?

— Это сухой паек, — объяснил я. — Приходится перебиваться в дороге. Нам, паладинам Господа, негоже привередничать, верно?.. Ты ешь, а то совсем худой.

Он спросил в изумлении:

— Я думал, вы только тот колдовский напиток можете...

— Кофе? Кофе тоже могу.

Он покачал головой.

— Но... как вы это делаете?

— Даже не знаю, — ответил я честно. — Что-то от выученных заклинаний, что-то получается иначе... Какие-то умения получил в дар, вот только как и чем расплачиваться придется? Ладно, об этом потом подумаю.

Он взял робко сочнейший ломоть семги, откусил самый краешек, на лице пропало выражение совершеннейшего блаженства, и дальше ел, все ускоряясь и не перебирая харчами.

Глава 9

В камине багровые угли стали пурпурными, а язычки пламени чуть выше, но тепла не прибавилось. Я сотворил большую чашку кофе и пил неспешными глотками, а он с набитым ртом поинтересовался:

— Как дела в маркизате?

— Если честно, — признался я, — не имею представления. Я прямо к тебе. Понимаешь, дела есть дела, хотя в маркизате меня ждут две такие роскошные женщины...

Он поперхнулся, лицо вытянулось, как у коня, это у него так проявляется изумление, но в глазах зажегся дикий интерес.

— А как же вы... сумели, сэр Ричард?

— Уже умею, — скромно ответил я. — Понимаешь ли, можно бурно развиваться, сидя на месте, а можно и в странствиях... Я пока еще не знаю, что лучше. Возьми вон тот стэйк, понравится.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал он. — Наверное, в самом деле так лучше.

— Ты о рыбе?

— О развитии, — ответил он серьезно, с раздутыми щеками выглядит комично, когда ест быстро и жадно, но рассуждает о серьезном. — Мне удобнее вот так, а вам в странствиях.

— Мне бы тоже лучше вот так, — сообщил я, — в уютной библиотеке, обложившись интересными книгами, обязательно толстыми, в мягком кресле или возле на диване, с чашкой горячего кофе в руке...

Он сделал большие глаза.

— Честно?

— Еще как, — ответил я, — да только если вот так засяду, то нами будут командовать всякие там энергичные мерзавцы. Так что я просто вынужден переэнергичить их!

Он сказал с наивной благодарностью:

— Спасибо, сэр Ричард! Вы в самом деле приносите великую жертву.

Я отмахнулся.

— Это смотря с чьей точки зрения. Люди все еще дикие звери, они чтят великих проливателей крови. Потому все летописи о великих завоевателях и королях, что больше всех воевали, убивали, грабили, сжигали города и уничтожали целые народы... Вот когда начнут писать о действительно великих...

Я сделал паузу, он тут же спросил:

— О ком?

— Об ученых, — сказал я. — Имею в виду алхимиков, что преобразят мир.

Он улыбнулся.

— Все шутите... А я уж подумал, что хорошо бы в самом деле...

— А что, — сказал я, — великие завоеватели только опустошают и поганят Божий сад. Я вот сам уже великий завоеватель, представляешь?

Он посмотрел на меня внимательно, покачал головой. Я ждал, что скажет, не представляю и представить такую дикость не могу, но он вздохнул с печалью в добрых газельных глазах.

— Вот как... Я так и предполагал...

— Почему? — спросил я обиженно. — Я что, и с виду дурак? Может, ты не под тем ракурсом смотришь!.. Я на золотых монетах буду в профиль, понял?.. Да ты ешь, не отравишься.

Он ответил послушно:

— Ем, ем...

Когда он начал замедлять темп, я сказал покровительно:

— Все, чем я занимался раньше, это... даже не знаю как обозвать, что сам не обиделся на такого бесчувственного гада. На самом деле только сейчас подошло настоящее испытание...

— Сэр Ричард? — спросил он.

— Маркус, — произнес я, глядя ему в лицо. Гугол заметно вздрогнул, я сказал жестко: — Ты знаешь, не отнекивайся. Что, в запой уйдешь, чтобы не видеть последних дней человечества?.. Или в глубокую нору полезешь?..

В камине один из крупных багровых углей с сухим треском раскололся пополам, выметнулся длинный язычок пламени, но тут же присмирел и втянулся обратно.

Гугол сказал слабым, почти плачущим голосом:

— Сэр Ричард, к чему вы о Маркусе?

— Нужно найти, — сказал я, — как остановить эту пакость. Да-да, остановить в любом смысле!..

Он вздрогнул, посмотрел на меня дико.

— Вы... в самом деле?

— А что, — огрызнулся я, — выбор есть? Я к тебе прибыл не потому, что ты самый храбрый на свете. Но

в чем-то умный, в чем-то удачливый. Ты вырастил эту башню из одного-единственного зернышка, а кто еще из магов может этим похвастаться?

Он вскрикнул жалобно:

— Это было случайно, с тех пор я в этой башне пленник! Бояться не перестал, в большинство комнат вообще не захожу. А те зерна я вам все отдал. Вы разобрались?

Я ответил бодро:

— Частично, Гугол, частично.
— Это здорово, — сказал он. — Поздравляю.
— Этого мало, — сообщил я. — У меня вообще теперь осталось мало из тех штучек.

Он сказал тихо:

— Да я заметил, у вас нет вашего молота...
— Потерян не только молот, — сказал я с тоской. — Знаешь, сколько я всего волшебного насобирал? Какие кольца, браслеты, цепи?.. Теперь вот кое-что еще есть, но те старые уже не вернуть... В общем, ни в чем не разобрался, Гугол! Столько дел навалилось, головы не поднять! И как-то незаметно сползаешь в эту обыденность, когда от барона к маркизу, а там к герцогу, принцу...

Он спросил с недоверием:

— Вы уже принц?.. Ваше высочество?
— Еще какой, — ответил я с досадой. — Только не надо меня высочествовать, а то поссоримся. От других терплю, а тебе по дружбе могу и... нет, не могу, но все-таки забудь о принципате. Кстати, не высочество, а величество. Да-да! Подумать только, я ж хотел, как и ты, быть исследователем. Эх, все-таки жаль, мне почему-то казалось, ты тут разобрался с этой башней. У тебя же книги, свитки, рукописи, а не бабы, бабы, бабы с вот такими и вот такой!... Что, не веришь? Сам видел и даже трогал!

Он буркнул:

— Книги — те же бабы, только лучше.

— Это да, — согласился я, — но иногда желательно меню разнообразить. Я имею в виду не баб, как ты сразу подумал, по глазам вижу. А то, что на Юге книг сохранилось больше, ты сам говорил.

Он возразил сердито:

— Ничего я про баб не думал! Я про них вообще не думаю. А грезы перед сном не в счет.

— А еще, — спросил я, — какие-то зерна есть?

Он потряс головой.

— Я вам все отдал! Во избежание соблазна, помните? Я слабый...

— Ну да, — согласился я, — бабы для тебя вообще конец всем наукам. Потому стреляй в них сразу, еще издали!.. Помнишь, тебе пираты постоянно приносят всякие диковинки, что отыскивают в странствиях, а ты им разгадываешь?

Он вздохнул.

— После того как вы их уговорили стать графами и баронами, больше не приносят. Только один Черный Буревестник еще не сошел на берег, бороздит моря, но он и раньше ничего не собирал, кроме серебра и золота.

— Жаль, — сказал я искренне. — Сейчас даже за раскрытую бритву ухватился бы голыми руками... Ладно, тащи тот ящик.

— Какой?

— Ты знаешь, — сказал я.

Он вздохнул, ушел в дальний угол, там долго отодвигал столы, кресла, вроде бы даже сдвинул шкаф с книгами, все-таки силенка в нем осталась, наконец выволок из-под всякого хлама ящик из темного металла, изъеденного как будто сильнейшей коррозией, но точно не коррозией, больше похоже на то, что мил-

лионы лет плавал в космосе, получая удары от метеоритов и двигаясь под давлением света разных солнц.

Поднимать на стол даже не попытался, что понятно, я помню, насколько тяжелые те штуки.

Я сосредоточился взглядом на столешнице, начал заполнять пространство копченостями, вырезкой, сочными ломтями стейка, карбонада, ветчиной, бужениной, корейкой, кровяными колбасками, крабовым мясом, беконом...

Гугол со всхлипом рухнул на лавку.

— Сэр Ричард, — возопил он жалобно, — что вы со мной делаете?.. Я в таком воздержании пребывал, что и сам дивлюсь, а тут... я не смогу удержаться...

— И не удерживайся, — посоветовал я. — Потом покаешься, хотя трудно каяться в том, что доставляло такое удовольствие...

Он схватился обеими руками за ломти мяса.

— Как я же... оказывается, все еще голоден!.. Даже не знал... Что за чудо у вас за еда?.. Такой просто не бывает... Это же не мясо, а не знаю что, тает во рту, как масло...

— Господь вознаграждает паладинов, — объяснил я. — Поощрение требуется даже святым, а мы не совсем святые... к счастью.

Он ел быстро, жадно, с каждым проглоченным куском оживал все больше, бледное лицо розовело, спина распрямлялась, на меня смотрел пока что не орлом, это не Гугол, но уже без привычной трусости.

— Как вы сумели на этот раз, — спросил он, — это же так непросто...

— Я ведь уже говорил, Гугол, — напомнил я, — раз виваться можно, и сидя на месте. Вон как делаешь ты. Но в отдельных случаях удается ускорить темп, когда передвигаешься... Я, если тебе любопытно, в самом деле король. Хотя тебе это неинтересно...

Он слушал жадно, рот постоянно забит новыми порциями нежнейшего мяса, потому говорил только я, пока рассматривал ящик и пытался его открыть, рассказал практически все, что случилось там на севере, а когда он насытился, а утомившиеся челюсти едва двигались, я сотворил еще по чашке крепчайшего кофе, одну придинул ему.

— Пей, а потом... пожалуй, осмотрим башню. Ящик оставим на потом. Или я попытаюсь его забрать с собой.

Он спросил трусливо:

— Поищете оружие?

Я ответил медленно:

— Мне бы оружие не помешало очень-очень. Не для убийства людей, пусть твоя душа миротворца успокоится. Если ты знаешь, что такое Маркус, то поймешь...

Он побледнел, взглядом указал в сторону и наверх.

— Если вы о той страшной Багровой Звезде, что уже размером с луну... на нее и взглянуть боязно...

— О ней, — подтвердил я угрюмо. — В общем, мы знаем, где сидет. Почти уверены, что опустится именно там. Но чтобы сражаться, недостаточно простых мечей, копий и луков.

Он прошептал:

— Понимаю...

— Здесь есть что-нибудь мощное?

Он помотал головой.

— Сэр Ричард! Разве я бы такое искал? Да и будь здесь такое, я бы прошел мимо, не заметив. Но, скорее всего, тут такого нет.

Я спросил с интересом:

— Чутье?

Он вздрогнул.

— Какое тут может быть чутье?

— Мне показалось, — сообщил я, — что может.

Хорошо, допивай кофе, да пройдемся хотя бы по тем местам, где ты не боишься.

Он ответил бесстрашно:

— Я боюсь везде!

— Тогда там, — сказал я непреклонно, — где ты меньше боишься. Где боишься терпимо. Гугол, речь идет о выживании человечества! Если я тебе скажу, против кого мы на самом деле сражаемся, ты упадешь замертво.

Он испуганно выставил перед собой дрожащие лапки с длинными интеллигентными пальцами.

— Пожалуйста, не говорите!

— Хорошо, — ответил я великодушно. — Буду нести эту страшную истину один. По крайней мере, здесь. Идем?

Он с великой неохотой поднялся, лицо страдальческое, тяжело вздохнул.

— Да, конечно...

— Гугол, — сказал я с досадой, — не раскисай! Ты совсем стал мямлей. Ты же дрался когда-то! Понимаю, сейчас ты просто ученый... ну, алхимик, но когда дом горит, тогда и ученые носят воду от колодца!.. Пойдем, вдруг да наткнемся на какие-то подсказки. Больно эта вешь, в которой ты устроился с таким уютом, не из нашего мира.

Он спросил шепотом:

— Хотите сказать, ее создал сам дьявол?

Я покачал головой.

— Нет, все создал Всевышний... через нас, людей. И эту построили... нет, слово «построили» не подходит, создали тоже люди, только не такие, как мы. Но не только умнее, что несомненно, но и... другие. Если поймем больше, то, возможно, узнаем больше и о Маркусе. Не все, но хотя бы что-то...

Он подумал, по его виду заметно, что колеблется, наконец сказал мрачно и с каким-то отчаянием:

— Я с вами не пойду, сэр Ричард! Вы какой-то сумешедший, но вам пока что сходит... Но если хотите...

— Хочу, — сказал я.

Он дернулся.

— Вы же не знаете, что я хочу предложить!

— Тебя знаю, — ответил я. — Чтоб ты да предложил рискованное?

На смену багровым углям в камине, что рассыпаются мелкими искрами, поднялись новые, крупные и пурпурно-яркие, в центре вспыхнуло невысокое пламя, я сидел к нему ближе Гугола и чувствовал волну теплого сухого воздуха.

Гугол вдруг замолчал, лицо стало испуганным. Я поднялся, огонь взвился выше и остановился на одном уровне. Я шагнул в сторону сводчатого выхода в соседний зал, огонь выдвинулся через каминную решетку.

Не сводя с него взгляда, я попятился, огонь скользнул за мной неслышно, словно по льду, но не догонял, как и не отставал.

Я спросил с напряжением:

— Что это он?

Гугол ответил, почти плача:

— Откуда я знаю? Здесь часто бывает... всякое. Как я только цел еще, сам не знаю.

Я пошел по кругу, огонь послушно двигался за мной, не оставляя следов на полу, хотя там не ковры, а все тот же металл, для разогрева которого, догадываешься, понадобятся звездные температуры.

Гугол остался сидеть на лавке, лицо испуганное и виноватое, часто вздрагивал и смотрел на меня так, словно не надеялся вымолить прощение.

— Да ладно, — сказал я наконец. — Может быть,

это собака такая. Я что, все породы знаю?.. Но видно, что животное стайное, к обществу тянется. А ты от него бегал, нехорошо. Негуманно. Видишь, он даже почти хвостом помахивает!.. Или это у него не хвост?

Я поиском взглядом, чтобы бы ему бросить, если это в самом деле что-то типа пса, Гугол спросил настороженно:

— А если что-то вроде кошки?

— Будем думать, — сообщил я, — как выгнать.

— Сэр Ричард!

— Ну не на мороз же, — успокоил я. — Ты не представляешь, какая холода бывает на Крайнем Севере!.. А торосы? Ты даже не знаешь, что такое торосы!

Глава 10

Он вздрогнул, это я с треском отломил подлокотник кресла, вроде бы из дерева или его имитация, показал огню, словно дразня, и бросил в сторону. Как я и надеялся, пламя ринулось следом, ухватило, но не принесло мне, чего я ждал в напряжении и с некоторым содроганием, а ринулось обратно в камин.

Я проводил его взглядом, огонь прошел сквозь каминную решетку, словно ее и нет, устроился на своем месте, даже стал ниже, словно прилег, держа подлокотник передними лапами.

— Хорошо, — сказал я с облегчением. — Пусть грызет.

— Это для него вроде кости? — спросил Гугол. — Вы находчивый, сэр Ричард!

— Еще какой, — согласился я. — Во всем, что не касается дела. А если полежать, поесть, выпить или побабам, так вообще моей изобретательности нет предела и ограничений в виде скорости света или размеров вселенной.

Он похлопал добрыми глазами, лицо чуточку виноватое, не все мои военные термины понимают, у солдат свой жаргон, сказал просительно:

— А если эти вот зерна, от которых у меня мороз по коже, взять и выставить на подносе где-нибудь на открытом месте?

— Зачем?

— Вдруг Маркус почует, — сказал он, — и восходит...

— Да их трудно почуять, — сказал я с сомнением, — хотя кто знает... А вот если заставить проснуться, то... гм... шансы намного выше.

— Сэр Ричард!

— Да, — ответил я, — конечно, я сперва попробую понять, что тут ты насобирал.

Он вздохнул, поднялся.

— Это рядом. Пойдемте. Покажу, но сам туда не пойду.

Рядом — это за стеной, что выдвинута в зал, как Белый Рог в океан, разделяя Сен-Мари и Вестготию. Мы обходили ее минут десять, я иногда на ходу касался ровной и настолько гладкой поверхности, что просто абсолютно, ни одна муха не удержится, да что там муха: никакая грязь не прилипнет, даже клей не удалось бы налепить, там просто нет микроскопических вмятин, чтобы зацепиться.

Гугол дошел до края, повернулся, но сразу же остановился, будто ударился о стеклянную стену.

— Вон там, — сказал он мрачно.

Стена на самом деле не стена, а как бы декоративный выступ в большой зал, хотя я не верю в пустые декорации, всякий умный человек поместит в них что-то нужное, а замаскировать можно и цветочками. За этим выступом почти такое же нежилое простран-

ство, больше похожее на свободное место, куда нужно поставить огромные и мощные агрегаты.

Но пока пусто, однако же Гугол смотрит дикими глазами и даже сделал полшага назад.

— Да ладно тебе, — сказал я. — Пойдем посмотрим, что там. Невидимое, что ли? Так пощупаем...

— Нет, сэр Ричард. Ни за что!

Я махнул рукой и двинулся вперед подчеркнуто уверенно. Орлы везде орлы, а в присутствии таких вот кур мы еще орлее, а крылья у нас ого-го...

Нечто коснулось моего сознания, но почти как незаметный ветерок, что даже волосы не шевельнет на голове, а так, одно ощущение, хотя да, я напрягся и замедлил шаг, начиная двигаться так, словно могу наступить на мину.

Стены исчезли, я еще не опустил стопу на пол, как все потемнело на краткий миг, и тут же я ощущил себя внутри огромного существа, настолько огромного, что вот справа и слева спиральные галактики, дальше звездные скопления, знакомые по снимкам, а сам я медленно и чудовищно уверенно двигаюсь между звездными островами, хотя на самом деле, судя по тому как они неспешно поворачиваются, скорость у меня засветовая... и даже боюсь подумать насколько.

Этот красный мир, похожий на гигантскую воронку, для Гугола всего лишь застывший огненный вихрь, глупо говорить ему, что в нем двести миллиардов звезд, из которых половина намного крупнее и жарче нашего солнца...

Я отдаляюсь, насколько понимаю, от точки входа на огромной скорости, исполинская воронка в том месте отодвигается, уменьшаясь в размерах, и мир вокруг нее из красного становится багровым, а потом и черным, отвратительно и пугающе черным, но я вижу в нем жуткую и нереальную красоту.

Собравшись, я сделал чудовищное усилие, и хотя не то нейтронная звезда, не то космическая зверюка размером с галактику, но что-то осталось и от человека, ноги послушно сделали шаг вперед, и снова я в громадном и причудливом помещении из металла, только в ушах еще звучит, затихая, музыка вселенной, а тело перестает покачиваться, направляя полет в нужную сторону.

Далеко-далеко из-за спины донесся вздрагивающий голос Гугола, полный страха:

— Сэр Ричард... Вы там?

Я не решился оглядываться, чтобы снова не ощутить себя чем-то предельно нечеловеческим и в таком же вселенски нечеловеческом окружении, смотрел во все глаза на помещение, самое необычное, какое только могу представить.

— Гугол, — выдавил я с трудом, — скоро вернусь.

Он тут же заорал:

— А что там?

— Потом, — ответил я непослушными губами.

Эта большая комната, куда пройти можно только через этот ужас, выглядит готовой принять хозяина. Не мигает никаких примитивных лампочек, синтезированные голоса не говорят стандартные приветствия и не сообщают об исправности всех систем, дескать, можно начинать, просто ощущение и уверенность, что здесь все исправно и ждет моих команд.

— Погодим, — проговорил я с сильно бьющимся сердцем. — В следующий раз... буду свободнее.

Помещение словно поняло и приняло, я ощутил, как незримая мощь падает до минимума, и хотя за мной продолжает следить, не спуская глаз, готовое по слову или жесту тут же все снова, но пока все снова тихо. Ни в гибернации, что-то работает, но на таком

уровне, что башня выглядит мертвой, хотя чувствую, что здесь живые или псевдоживые даже стены.

Стена полукругом, я обошел все, касаясь кончиками пальцев уходящего ввысь металла, и оттуда шло в ответ успокаивающее: «Босс, мы готовы, только скажи!..»

— Скажу, — заверил я, — только чуть позже.

На удобном возвышении, где-то на уровне пояса, широкая плита висит в воздухе без всякой опоры. Я даже не стал пытаться ее сдвинуть, здесь те мощности, что раздирают звезды, просто оглядел разложенные в неком странном, но все же порядке, штуки, одни просто комочки из металла, которые привычно зовем кристаллами, хотя, конечно, это не кристаллы, а другие оформлены в виде фигурок, колец, браслетов, брошек и даже заколок, словно тогдашние мужчины носили высокие прически... или придется допустить диковинную мысль, что в те времена женщины если и не доминировали, то были наравне с доминантами.

Осторожно потрогал пальцем, все размером от пшеничного зерна до браслета, который можно на руку, те, что без формы, — угловатые, темные, а если всмотреться, можно рассмотреть тончайшие линии, отверстия, шипы, выступы, даже смутно проступающие внутри некие конструкции.

Поколебавшись, я начал сгребать их в кучку, и тут же щелкнуло, я застыл в страхе, вдруг да разбудил какой-то из зародышей, однако это из поверхности висящей в воздухе столешницы выдвинулся крохотный ящичек.

— Спасибо, — пробормотал я. — Не такие уж мы и разные...

Все не поместится, я с сожалением выбирал самые, на мой взгляд, интересные, складывал в ларец, однако тот, подумав, начал раздаваться в размерах, сохраняя те же пропорции.

— Замечательно, — прошептал я в изумлении. — Хотя чего рот раскрывать, именно такой и должна быть тара.

Теперь нужно думать, как вернуться, я подхватил ящик, но тот выскользнул из моих пальцев, будто весит тонну. Я сделал еще попытку, не тонна, но все-таки должен нести, пыхтя, двумя руками. Рисковать новым перемещением в межгалактическом пространстве почти безумие, да еще с таким грузом, я плотно зажмурился, велел своему телу просто двигаться на задних конечностях в обратном направлении и постараться не выронить ящик.

Когда услышал удивленный вскрик Гугола, открыл глаза, он со страхом и ужасом смотрит мне в лицо.

— Сэр Ричард... вас лишили зрения?

Я со вздохом облегчения опустил ящик на землю. Гугол потрясенно смотрел то на меня, то на ящик.

— Привет, — сказал я. — Ну и шуточки у тебя. Все под контролем, дружище. Мне это как бы знакомо. В некоторой мере. Темная материя она темная в смысле, что непознанная, а так она совсем не темная. Понял?

Он потряс головой.

— Нет.

— Ну и ладно, — сказал я. — Я тут немножко разжился, но это не воровство, а как бы мое.

— Ваше?

— Как бы, — уточнил я. — Мне почти отдали. Доверили. Могли бы не дать, а то и вовсе вдарить. А я ценю доверие и постараюсь оправдать, хотя не знаю чье, как, кому и зачем. Вернемся, Вергилиус.

Я снова подхватил тяжеленный ящик, Гугол едва поспевал рядом, то и дело вытягивал шею, заглядывая в мое красивое и надменное лицо героя.

— А зачем, — спросил он опасливо, — вам именно эта штука? Что в ней?

— Да так, — пропыхтел я, — пока что сувениры. Будем так считать, пока не выстрелит. Или не взорвется.

Он спросил с надеждой:

— Вы этим... хотите остановить Маркус?

— Идеально было бы, — сказал я, — если бы в этом ящичке нашлось такое, чтобы одним выстрелом... ну, распылить этот Маркус. Или сжечь. Но это мечта, а мечтой только дурни богатеют, а мы же с тобой реалисты? Ты вон точно реалист, верно?

Он опасливо переступил темную тень, что метнулась ему под ноги, а я, напротив, постарался прижать ее подошвой сапога, однако она умело вывернулась, прыгнула на стену и пропала.

Гугол опасливо, будто за это ударят, пожал узкими плечами.

— Ну да, наверное, реалист...

— Ну вот, — продолжил я, — а как замшелый реалист скажу, что если высадить те зерна в почву, помнишь, ты передал мне целую шкатулку, то они, проросшие и вымахавшие в полный рост, могут привлечь внимание Маркуса... Нужно только посадить их побольше, скорее заметит и прилетит.

Он вздрогнул, сама идея, что появятся еще страшилища вроде этой ужасной башни из металла, угнетает так, что побледнел, а губы посинели.

— Но, — прошептал он едва слышно, — почему Маркус ими вдруг заинтересуется?

— Предположение, — ответил я угрюмо, — не отставай, Гугол, я дорогу запомнил. Только предположение, что эти зерна и сам Маркус... из одной эпохи. Может быть, даже с одного завода. Вещи даже более примитивных эпох постоянно поддерживали связь друг с другом! Это было забавно, когда холодильники,

кофеварки и прочие вошли в единое поле и начали сообщать тебе на другой конец света, что кофейник заказал доставку зерен, а то осталось на одну помолку, холодильник требует переложить в другое место сельдь или упаковать ее получше, а то все провоняет, а датчик слежения ябедничает, что пылесос пытался почистить за диваном, но застрял, как дурак...

Его глаза стали совсем квадратными, я просипел с натугой:

— Не обращай внимания, это мысли вслух. Так я сам стараюсь понять, что за идея скребется у меня на макушке. Во всяком случае, я просто не вижу других вариантов.

Мы свернули за угол, а там впереди уже тот закуток, который мой ученый друг приспособил для жилья. Я смотрел с жалостью, но вообще-то много ли нам нужно для счастья? Все дворцы только для выпендрежа перед соседями...

Он перевел дыхание и сказал в отчаянии:

— Но те зерна! Из них может вырасти такое, такое... что вообще все уничтожит!

— Может, уничтожит, — согласился я, — а может и нет. А вот Маркус нас уничтожит точно.

Он некоторое время смотрел отчаянными глазами.

— Сэр Ричард... вот потому вы и не стали тихим исследователем в келье!

Я вздохнул. Те зерна, что я взял в прошлый раз, сколько их ни перебирал в тиши кабинета с величайшей осторожностью, всегда выглядели одинаково чужими и непонятными. Сколько ни бери в руки и ни щупай, одно только понятно, это далеко от понимания не только Гугола, но и моего. Но и высаживать все — последний и отчаянный шанс. Да и то, похоже, запоздалый.

В его углу ученого и аскета я перевел дыхание и

создал еды побольше, пираты вряд ли снабжают колдуна такими деликатесами, долго и с натугой создавал бочонок вина, за него от пиратов продовольствие, а сам осторожно открыл ящичек.

Мои трофеи лежат в тиши и покое, ничто не шевелится, не светится, не шуршит и не скребется. Одни, как обычные зерна из металла, кажутся неживыми, пока не попадут в плодородную почву, другие больше похожи на дорогие, но все же заурядные украшения...

Глава 11

Гутол ел и со страхом поглядывал, как я пересыпаю непривычно тяжелые и всегда холодные зерна из одной ладони в другую. Говорят, у кого мало ума, у того лучше развиты чувства всякие. Ну, как у слепых обостряется слух, а у дураков интуиция.

А в самом деле я то ли дурак, то ли трус редкостный, в чем, конечно, никому не признаюсь, но у меня с ростом моих возможностей как раз первым в те далекие дни проснулось именно чувство опасности. Сперва как странное ощущение, что кто-то на тебя смотрит, начинаешь озираться и видишь, как некто поспешно отвел взгляд, затем приходит более углубленное, когда чувствуешь: кто-то просто посмотрел или же приближается с намерением ударить.

И хотя это чувство опасности иногда подводит, но гораздо чаще в самом деле предупреждает о неприятности. Это как будто мои чувства улавливают намерения того, кто целится в меня из засады, и поспешно кричат: «Дурак, пригнись, а то с тобой и мы пропадем!»

Вот только эти зерна пока что мертвые зародыши такой же мертвой жизни, никаких сигналов. Ни один

не говорит даже шепотом, дескать, я безвредный, а вон того с красной точкой на боку не бери...

Хотя, наверное, должна же быть встроена защита от дурака? Или дураков не допускают к таким вещам?

Хотя, возможно, дураков тогда уже перебили всех. Генетическими методами, злостно нарушив разнообразие природы и право людей быть разными и самобытными.

Гугол посматривал на меня сочувствующе, вздыхал в процессе кормежки, я ожидал ламентаций, однако он сказал неожиданно:

— Сэр Ричард, а вы стали другим...

— Что, — буркнул я, — постарел?

Он помотал головой.

— За пару лет? Но куда делась ваша веселость, шуточки? И глаза у вас другие. Серьезные какие-то, аж непривычно.

— Ну да, — огрызнулся я, — как раз до шуточек! Теперь до самого Маркуса будем как бы весьма...

Он спросил тихонько:

— А вы в самом деле...

— Что? — спросил я, не дождавшись вопроса.

— Будете драться, — проговорил он почти шепотом, — до последней капли крови?

Я фыркнул.

— За кого ты меня принимаешь? Буду драться храбро и с достоинством, если будет шанс победить. Но я не попру с голыми кулаками на такую махину.

— А что тогда?

— Уйду в пещеры, — сказал я со злостью. — Начнем сначала! У меня, кстати, будет старт не хуже, чем у большинства, это я так скромно, будь они хоть трижды королями. Примерно знаю, как строить общество, чтоб стало жизнеспособным и зубастым.

Он спросил робко:

- Может, не надо?
- Чего, общества?
- Нет, чтобы стало зубастым?

Я сказал зло:

— Общества конкурируют так же, как и отдельные люди. Более зубастые затопчут. Нужна не беззубость, а баланс, будь он проклят! Между зубатостью и глостью.

Он посмотрел непонимающе.

- А это что?

— Это ты, — сказал я. — А я балансист. И не надо вот такую рожу, я еще не полез пещерничать и троглодить! Время еще как бы есть, хотя и нету. И мы еще весьма покажем, если сумеем.

Он спросил грустно:

- А как?

— А кто у нас мыслитель? — спросил я. — Вот и думай, гугли. Твое имя, как я нарыл в памяти, означает десять в сотой, что есть единица со ста нулями. Это цифра такая! Если собрать все-все на свете, включая элементарные частицы до последней штуки, то наберется примерно на полгугла. Так что тот, кто дал тебе такое имя, возлагал на тебя надежды! Я тоже возлагаю.

Он вздрогнул.

- Что?

— Не бойся, — сказал я, — только надежды.

Он втянул голову в плечи.

- Точно? Ничего больше?

— Ну разве что самую малость, — заверил я. — Поможешь мир спасти, ты же мыслитель, а он тебя отблагодарит полным забвением, зато прославит Чингисхана, что ухитрился убить миллион человек...

Он вздохнул.

- Неужто в самом деле не заглянете в маркизат?

— После победы, — сказал я твердо, подумал, уточ-

нил: — Не зарекаюсь, мало ли что, но только если по делу. А просто к моим женщинам... нет, хотя и хочется до свинячьего визга.

Он сказал с уважением:

— Вы железный человек, сэр Ричард. Я же знаю, какие у теплокровных буйные страсти и пожар в крови!.. С таким бороться, признаю, надо иметь стальную волю.

— Я такой, — ответил я. — Надеюсь. Хоть временами... В какие-то критические дни. Знать бы еще в какие. В общем, как только мы сумеем...

— А сумеем? — спросил он трусливо.

— А что нам остается? — ответил я. — Гугол, мы же герои! Вот сопли вытрем и пойдем спасать мир. А потом штаны сменим, только и всего. Ты на всякий случай возьми в запас две пары. Вдруг придется менять чаше.

— Три возьму, — пообещал он, — но все равно не пойду!

— Тогда зачем брать?

— А чтобы не сразу отказываться, — объяснил он, — то будет явная трусость, а вот если как бы после долгого колебания и взаимоисключающих раздумий.

Я покачал головой.

— Тоже меняешься, Гугол! Но мы больше за другими замечаем... Это хорошо, растем, значит.

— Только бы не вниз...

— Во все стороны, — сказал я с твердостью. — Мы же разносторонние?

Он сказал слабо:

— Ой, я не хочу быть разносторонним. А то есть такие стороны...

— Все стороны нужны, — заявил я. — По крайней мере, для выживания вида и личности. Нашей личности, а остальные пусть идут лесом. Ладно, Гугол, мне пора.

Он вскочил.

— Я вас провожу!

— До самого севера? — спросил я насмешливо.

Он опасливо помотал головой.

— Я не оставлю башню. А вдруг она меня обратно не пустит?

Я засмеялся, но улыбочка стерлась, когда с кряхтением поднял ящик. Вместе спустились на первый этаж, двери распахнулись, я вышел с трофеями в руках на залитое ярчайшим солнцем пространство, а Гугол словно запнулся в дверном проеме.

— Прощай, Гугол! — сказал я. — Серфик, ты меня слышишь?

Через мгновение перед моим лицом заблистала искорка, тоненький голосок пропищал:

— Да, мой господин!

Гугол опасливо отступил на шаг, все еще держась за косяки двери.

— Вызови кого-нить, — сказал я, — кто поднимет этот ящик и понесет за мной. А лучше, если и меня тоже.

Гугол на всякий случай отступил еще на два шага.

— Плантагенета? — спросил Серфик.

— Нет, — ответил я, — ему дадена мною полная свобода. Но у нас есть пара сотен, если не больше тех осторожных, что не пошли на смертный бой против той сволочи, Великого Мага, а потом явились и тоже просили свободы...

— А, — пропищал он, — понял!.. Только я не могу позвать их, это может только их повелитель и господин. Вы, мой лорд!

— Да, знаю, — ответил я с досадой, — только уже не помню, кто из них что умеет.

— А вы и не знали, — сообщил он. — Вы же только

меняли им имена и отпускали обратно, не спрашивая, кто что умеет.

— Потому и не помню, — согласился я. — Так кого позвать?

Он подумал, пискнул:

— Мардокла!

— Это Мардоклишкепендрокупердрятускуднеросперсиса? — сказал я, гордясь идеальной памятью.

— Да, — пискнул Сэрфик. — Но только он теперь не Мардоклишкепендрокупердрятускуднеросперсис, а Мардокл.

Я вздохнул, сказал властно:

— Мардокл!.. Твой лорд и повелитель призывает тебя. Явись немедленно.

В трех шагах воздух прорвался с сухим треском, вышла двухметровая мощная фигура на четырех лапах, размером с колонны в храме, голова как чугунный котел на сорок человек.

Гугол в панике метнулся было в глубь башни, но потом, как я видел, остановился и вытянул шею в нашу сторону. Демон с трудом опустился на колени, багровые глаза, полыхающие яростным огнем, погасли.

— Мой повелитель... приказывай.

— Возьми этот ящик, — велел я, — понесешь за мной. Хотя чего нам жеманничать, я с твоего загривка не свалюсь?

— Нет, мой повелитель...

— Тогда наклонись, — велел я.

Он склонил голову к самой земле, я взобрался на верх, чувствуя везде металл, сел, очень удобно, особенно когда этот металл послушно изменил форму, приноравливаясь под мои ягодицы.

— Мардокл, — сказал я, — ты не рискнул довериться мне, когда я созывал демонов на страшный бой с Гатонесом, Великим Магом, а потом пытался

получить такие же льготы, как участники той исполинской битвы...

Он рыкнул покорно:

— Да, мой повелитель...

— Потому я сказал всем тебе подобным, — напомнил я, — вам придется послужить мне сперва, а вот так на халяву никто ничего не получит! Это будет оскорбление тем, кто заслужил кровью... ну, что у вас там вместо крови.

— Да, — повторил он глухо, — мой повелитель...

— Но скоро придет час другой битвы, — пообещал я. — Все, кто будет драться на моей стороне, получат полную и вечную свободу. Так и передашь всем. Понял?

— Слушаю и повинуюсь, мой повелитель.

— Я могу, — сказал я, — вызвать всех покорных мне демонов сюда, к моему величеству. Но зачем мне столпотворение и вроде бы бахвальство моим могуществом? Потому вези меня к полуокну, как вы его называете. Пусть все покорные мне остаются в своем мире, но подойдут к стене и посмотрят.

Он не сдвинулся с места, я подвигался, спросил в нетерпении:

— Ну что?

— Мой повелитель, — ответил он покорно. — Полуокно можно создать где угодно. Нужен только ты, повелитель, и демоны, умеющие его создавать...

Я сказал бодро:

— Хорошо. Пусть создают. Серфик!

Над ухом весело пискнуло:

— Да, повелитель!

— Ты понял, что нам нужно?

— Уже ишу таких...

Долгое время ничего не происходило, только вид на океанский берег и бесконечные волны, что уходят

за горизонт, а там обрушаются в некую бездну. Я напомнил себе, что демонов еще нужно собрать, объяснить и уговорить, полуокно могут делать только очень немногие, из них я вроде бы пару вообще освободил...

Пылающий ад распахнулся без всякого предупреждения во всю высь и ширь. Недра яростного солнца впереди, сбоку и сверху, даже внизу, я почти падаю в это безумие, пальцы мои ухватились за металлические выступы на голове демона и сжали так, что сами превратились в сталь.

Из недр солнца выныривают раскаленные чудовища, сотканные из плазменного огня, одни проскаивают мимо с непостижимой скоростью, другие приникают к окну и впяряют в меня взгляды уж и не знаю чего, но только не глаз. Их набирается все больше, уже все кишит ими, я сглотнул слюну, которой нет в пересохшем горле, сказал хриплым голосом:

— Мы знаете меня. Я тот, кому многие из вас поверили и пришли на зов. Теперь они навеки свободны. Вы тоже можете стать свободными, если придете на мой зов, когда я начну вторую битву, еще более велиющую!.. А сейчас взгляните на эти штуки... Мардокл, покажи им!

Мардокл высыпал на землю все содержимое ящика и отступил на шаг. За стеной начались выбросы протуберанцев, я отшатывался, когда огонь, способный сжечь всю землю, ударялся об окно и рассыпался плазменными вихрями, но там лишь появлялись все новые и новые существа, от микроскопических до исполинских, оформленные в виде молний, силовых вихрей, штормов из праматерии, огненных змей. Многие исчезали, лишь бросив взгляд на мои вещи, другие всматривались дольше, наконец донесся скрипучий голос:

— Это древнее...

— Знаю, — ответил я, — не такой я ответ жду!.. Как пользоваться?.. Какая из этих штук что может?

Удар в стену с той стороны такой силы, что меня отшатнуло, но, конечно, это не удар, моя поэтическая впечатлительность, я же нежный в глубине потемков души, с той стороны раздалось злое шипение за гранью слышимости человеческого уха, но все равно я как-то уловил и понял:

— Это... не трогать...

— Почему? — спросил я.

— Не касаться, — прошипел голос. — Ты... не они...

— Я они, — возразил я. — Всмотрись внимательнее.

Перед стеной заметалась огненная комета, словно меня рассматривают со всех сторон, наконец голос прошипел:

— Нет... ты не они... но и немного они...

— Тогда, — сказал я, — как наследник и правопреемник, я просто обязан войти во владение остатками имущества и постараться... гм... возродить... мирную часть древней и такой прекрасной жизни.

Демон прошипел:

— Да, мне знакомы... некоторые... Но тебе нельзя... и не можешь...

— Ты только расскажи, — попросил я, — а если не смогу, то и не смогу. Ты что, не хочешь свободу получить?

Шипение стало злее:

— Я и так свободен...

— До поры до времени, — сказал я. — Каким бы трудным и замысловатым ни было твое имя, его произнесут. Ты такой... огромный, что вряд ли твое имя было неизвестным или даже малоизвестным. Думаю, оно есть в древних книгах. Его все равно найдут и прочтут. Ты это и сам знаешь.

После паузы он прошипел:

— Откуда мне знать, что ты не обманешь?

— А что ты теряешь? — спросил я в ответ.

Его шипение стало громче:

— Но если назову тебе свое имя, то стану твоим покорным рабом.

— Тоже верно, — согласился я. — Но вон все те морды и рыла будут свидетелями, что я тебе тут же дам вечную свободу.

— А если не дашь?

— Они мне перестанут верить, — сказал я.

— Они и сейчас не верят.

— Но кто поверил, — напомнил я, — те свободны!..

И вы это знаете.

Огненный вихрь заметался вдоль стены, иногда пропадая на долгие секунды, и я с холодком понимал, что стена может простираться до конца галактики, а то и дальше, у южных демонов иной мир, иное пространство и время, чем у северных, которые почти и не демоны.

Глава 12

Через час моя память уже впитывала сведения, с помощью какой штуки можно входить в анклавы, хотя не сразу понял, что это и есть наши Запрещенные Места и Зачарованные Пятна, какая вещь может дать защиту от ангарка, хотя никто не мог мне объяснить, что это такое, какое из зерен дает обладателю усиленный кернебейс, а что по моей воле может менять пространство.

И еще узнал кучу важных и занимательных вещей, но не понял самое важное, работают эти вещи или нет. Может быть, нужна только подзарядка, а если и не нужна, самые древние подзаряжаются сами, то все равно не обойтись без неких заклинаний, чтобы девайсы откликнулись и начали выполнять приказы.

И я не уверен, что все эти заклинания вписаны в толстую книгу Уэстерфорда.

Когда я наконец остался один, на всякий случай вытащил из сумки Зеркало Горных Эльфов, но, увы, оно еще долго не будет даже показывать, а про то, чтобы пролезть, и думать нечего...

Я дернулся, мутная поверхность посветлела, блеснули искорки, никогда их не видел, на короткий миг возникло яркое цветное и настолько насыщенное изображение, что перехватило дух, и тут же все исчезло, зеркало снова мутное, будто покрыто толстым слоем мыла.

— Да что ты такая зараза, — выговорил я с отчаянием. — Нельзя же так дразнить... Чуть сердце не выскочило.

Я человек осторожный, хотя стараюсь выказывать себя безумно отважным и безумно безрассудным, что так ценится в обществе, но сейчас выказываться не перед кем. Раз уж не срабатывает Зеркало, рискну попытаться пользоваться одной из штук, назначение которой объяснил древний протуберантный демон.

С осторожностью поднял крышку ящика и почти с трепетом выловил там то самое широкое кольцо, о котором он говорил темно и невнятно, но все-таки говорил, в то время как остальные только сопели и молчали. Рука влезет, даже не браслет, а скорее набицепсник, очень уж выглядит соответствующе, но все равно не рискну цеплять на себя, страшно, чем-то зловещим веет, как будто холодным ветром, хорошо ощутимым здесь на разогретом океанском пляже.

Да, все верно, тепло и тихо, между этим берегом и Сен-Мари невообразимо огромный океан, даже птеродактилем мчаться-мчаться... и не уверен, что домчусь, кто знает на какие предельные расстояния рассчитана птеродактильность.

Снова вытащил браслет, стиснул челюсти. Блин, ну не могу же я погибнуть! А как же тогда весь мир, вселенная? Как они смогут существовать, если меня не станет? Бред какой-то.

И, чтобы не дать своей трусливой натуре передумать и найти благоразумные доводы для попячивания, я подхватил тяжелый ящик, сидя на корточках, пристроил на коленях, удерживать одной рукой не могу такую тяжесть, быстро достал оттуда набицепсник и придавил, как и объяснял протуберантник, кончиками пальцев две завитушки на затейливом узоре, разнесенные одна от другой на два дюйма.

Ничего не случилось, но я держал, чувствуя, как от кольца что-то идет в мои пальцы, а оттуда струится обратно, словно работает некая сложная и многоуровневая система распознавания, пересчитывающая мои лейкоциты и проверяющая генетический код и длину теломер.

Воздух сгустился прямо перед моим лицом, в панораме солнечного пляжа с золотым песком появилось окошко с зеленою травой. Края подрагивают, то ли пытаются раздвинуться еще чуть, то ли вот-вот сомкнутся...

С хриплым воем я подхватил обеими руками ящик и ринулся вперед головой.

Кипящий звездный ад моментально скрутил меня, как мокрую тряпку, и выжал досуха, разорвал на мириады частиц, испепелил, только сознание еще почему-то осталось, перепуганное и затравленное, ошалевшее перед бесконечным падением в черную дыру, где исчезает даже время и пространство.

И падение продолжалось вечно, затем я рухнул лицом на траву, задыхаясь и кашляя. В боку такая острыя боль, что взвыл, что-то моя иммунная и регенеративная не торопятся исправить и наладить, в зобу дыха-

нье сперло, а изо рта, какая пакость, брызнуло желтым, на языке едкая горечь, что-то ударило по печени со всей дури.

Кое-как поднялся на дрожащих ногах, но в коленях подломились сразу обе. Хрюкнув, как недорезанная свинья, рухнул на землю и, не удержавшись, повалился вниз лицом, больно ударившись локтем о металлический ящик. В животе режущая боль, задержал дыхание, так немножко легче, но едва начал выпускать воздух, боль вернулась еще острее и злее.

— Да что за, — прошипел я сквозь стиснутые челюсти, — почему я... давай же, борись, залечивай... больно же как...

На мгновение перед глазами мелькнуло нечто белесое, я не успел всмотреться, как исчезло, а я попытался снова подняться, но упал и, скрючившись в позу эмбриона, затих в тщетной надежде, что боль как-нибудь утихомирится.

Перед глазами красноголовый муравей с усилием тащит цепляющегося всеми шестью лапами за трахинки жука, от земли пахнет мятой, и дальше все поплыло, я поплыл тоже, какое-то время меня вообще не существовало, а когда ощущил, что я еще я, боль притупилась, хотя не ушла, однако я чувствовал такую слабость, что не торопился выныривать из забытья.

— Сэр Ричард, — прогремел огромный, почти вселенский голос, — вы уже должны очнуться... Приходите в себя... Вы человек сильный, возвращайтесь! Вам умирать еще рано, у вас планы...

Я прохрипел:

— Какие, к черту, планы... я уже сдох...

Голос, все еще громкий, проговорил с радостной ноткой:

— Хорошо, хорошо... Открывайте глаза... Смелее, все в порядке... почти в порядке...

Я с усилием приподнял верхние веки, ресницы слиплись с нижними, свет ударил по глазам с такой силой, словно плеснули жидким огнем.

— Ничего, — проговорил голос участливо, — это все пройдет... Сэр Ричард, вы почти в порядке...

— Ага, — прошептал я, — знаю я эти «почти»...

Фигура человека расплывалась и расплывалась в зыбкое марево, но в какой-то момент то ли я поймал в фокус, то в самом деле оживаю, но увидел четко и невольно охнул, несмотря на вернувшуюся боль в подреберье:

— Карл-Антон?.. Да вы... эта... весьма... похудели! Он грустно улыбнулся.

— У вас железная выдержка, ваше высочество. Другой бы либо снова в обморок, либо с криком уполж бы...

— Еще бы, — пробормотал я. — Только я пока и ползать не весьма.

— Все наладится, — заверил он. — Вас потрепало сильно, очень сильно. Даже боюсь и представить через что прошли. Я же догадываюсь про ваши возможности и вашу живучесть.

Я, даже не пытаясь шевельнуться, проговорил с трудом:

— Ладно, обо мне потом. Как вы?

Он присел передо мной на корточки, совсем не огромный, и голос уже мягкий и негромкий.

— Узнаю настоящего правителя. Сперва о подданных, потом о себе. Вам в самом деле это интересно? Или просто не хотите, чтобы я допытывался, где это вас так? И что это у вас за такой странный ящик, меня почему-то пробирает дрожь, когда просто смотрю на него...

Я сказал с осторожностью:

— Если вам не весьма тягостно заново вспоминать

свою смерть. Вы ж ушли, как говорится, в мир иной и летели там, во что-то врезываясь... А я, пока рассказываете, постараюсь хоть как-то собраться, а то рассыпаюсь на части...

— Я почти ничего не помню, — признался он, — нечто темное и могучее, что пришло от вас, ухватило меня, как мышонка, в громадную ладонь, только пискни... Но я давно принял меры, ваше высочество, на случай моей насильственной смерти.

Я попытался сесть, но охнул и снова лег, однако спросил заинтересованно:

— Ну-ну? Меня эта возможность, как понимаете, сейчас вдруг почему-то заинтересовала!

— Сочетание, — объяснил он, — моего дикого упорства, воли, страсти и везения. Это позволило найти в древних руинах давно сгинувших народов кольцо Жизни. Говорят, их находили и раньше, но так и не научились пользоваться. Я сумел!.. Долго и скучно объяснять, как это делается, я вообще-то и сам полностью не понимаю процесс, но если такое кольцо достаточно долго носить на руке, то личность хозяина находится одновременно там и здесь.

Со второй попытки я сел, но остался так, упираясь обеими руками в землю и локтем нащупывая ящик.

— Ого, это как?

— Там, — ответил он, — это в кольце.

— А-а...

— Вы были слишком озабочены судьбой своего войска, — напомнил он, — и не заметили кольцо под слоем пепла, оставшегося от моего тела. Но ветерок сдул пепел, а кольцо достаточно скоро увидел один пастух... В общем, опустив детали, я восстановился целиком и полностью.

Я пробормотал:

— Ну да, ну да... а пастуха все равно бы когда-то волки сожрали.

Он посмотрел на меня с укором.

— Это запрещено. Пастух жив-здоров и доныне.

— Тогда как?

Он пожал плечами.

— Все на свете состоит из четырех элементов. Люди, звери, воздух, земля...

— Понял, — прервал я. — Хотя элементов побольше, но все равно процесс понятен.

Он посмотрел на меня с изумлением.

— Правда?

Я кивнул.

— Долго объяснять, но как-нибудь попробую. С кольцом понятно, его должны были адаптировать и для самых простых людей. Ну для тех сумасшедших, что уходят жить в леса или стараются взобраться на самую высокую гору мира... Но все равно это ошеломительно!.. Ошеломляюще даже. Кстати, я не понял, как это вы сумели воспользоваться... моими запасами? Я потом полдня отходил!

Он посмотрел по сторонам, снизил голос до шепота и, приблизив голову ко мне, сказал тихохонько:

— Я все время чувствовал в вашем высочестве некую, уж простите, могучую силу. И, мне очень неловко такое сказать, но это темная сила... настолько темная, что меня просто оторопь берет!.. Еще раз прощите, ваше высочество, я просто не понимаю, как вы остаетесь паладином и рыцарем Света...

Я хотел попробовать встать, но в подбрюшье все еще колет, ладно, пусть успокаивается, я почти не спешу.

— Но вы, — напомнил я, — сумели как-то воспользоваться?

Он развел руками.

— Тут совпало, что я в самом деле величайший маг

Севера, и то, что ваша темная сила сама ищет выхода. Однако, ваше высочество, вам нужно научиться держать ее за более крепкими запорами. Я поднял своими силами только снег, но когда стал получать по тонкой нити вашу мощь, сами видели, что началось...

Я зябко передернул плечами, скривился, тело все отзывается болью, будто меня недавно долго били деревенскими кольями..

— Это все от меня?.. Что же я за чудовище... Ладно, никто не видит.

— У вас огромная мощь, — сказал он почтительно, — но... дикая. Даже не знаю, можно ли ею как-то управлять. Но лучше и не пытайтесь. Она сломит вас, как бык сухие стебли травы, даже не прилагая усилий.

Я тяжело вздохнул.

— Хорошо, буду знать. Сейчас вы как?

— Опустошен, — признался он. — Теперь снова копить магию... очень долго. Но я не мог не принять вызов! И потому маги, устроившие снежную бурю, погибли. А тот, кто их послал и надоумил, лежит в своей далекой башне без сознания. И в таком виде пробудет несколько месяцев. Такова расплата проигравшему схватку.

— А вы?

— Я тоже, — сказал он негромко и посмотрел по сторонам. — Я сейчас совершенно... как бы сказать, в общем, меня побьет и ребенок. Хорошо бы отлежаться на дне какой-нибудь телеги посреди вашего войска. Кормить почти не надо, буду спать месяц-два... не знаю. А когда отойду, я к вашим услугам. Вы очень интересный... и странный человек, хочу быть к вам поближе.

— Только не старайтесь достать ту темную мощь, — сказал я. — Не хотелось бы ее снова даже видеть.

Его так передернуло, что почти отбросило в сторону.

— Да ни за что!

— Вот и ладно, — сказал я. — А то от неожиданности могу и вдарить...

Его лицо стало бледным.

— Даже не думайте о таком!.. Кто знает, что у вас за удар, если в нем будет и темная мощь... Сейчас вы как?

— Попробую встать, — сообщил я.

— Давайте, — сказал он, но сам выпрямился с таким трудом, словно держит на плечах гору, — помогу. Хорошо, вас отыскали так быстро и почти вовремя.

Я покосился по сторонам.

— Кто отыскал?

Он посмотрел с интересом.

— А вы не помните?..

— Нет...

— Примчался некий призрак, велел немедленно идти с ним. Могучий такой с виду, крепкий, взгляд просто королевский... Мы и примчались, я сделал все, что мог. Смерть вам уже не угрожает, а молодость свое возьмет.

— Логирд, — сказал я. — Это точно Логирд, некромант.

— Некромант?

Я сказал победно:

— Некромант, за которого церковь ходатайствовала, чтобы его не отправляли в ад. А так как и в рай ему нельзя, то оставили шататься здесь.

Он проговорил озадаченно:

— Никогда бы не подумал такое на церковь. Оказывается, они понимают, что иногда лучше сотрудничать...

— Логирд, — сказал я еще раз. — А я уже думал, его и нет на свете. На этом свете. Ладно, потопали? Или вы перенесете обоих... хотя вот башни Геннегау.

Он покачал головой.

— Честно говоря, сам едва передвигаюсь. Даже на своих двоих. Все силы истратил, чтобы перенестись сюда, хотя я и был вообще-то рядом. Нам стоит протащиться пару сотен шагов, Ваше Величество, а там большая дорога, нас подвезут. Только вот этот ящик...

— Тогда сделаем так, — сказал я. — Зайчик, ко мне!.. Бобик, мой замечательный щенок!.. Ко мне!

Глава 13

Во дворце нас встретил переполох, дескать, черный конь Ричарда убежал, но быстро успокоились, увидев его подо мной, а Бобика — гордо бегущего рядом.

— Все в порядке, — сказал я измученно. — Сэр Жерар... распорядитесь созвать всех алхимиков, которые пришли ко мне и приняли мою власть... Можете пригласить и тех, кто не принял... скажите про экстренную важность...

Он поклонился.

— Куда пригласить? Прямо во дворец?

Я спросил с неудовольствием:

— А что, мне куда-то идти? Вообще-то нужно где-то в пристройке организовать для них мастерские и лаборатории, им пока много не надо, еще не знают своих настоящих аппетитов... Все, выполняйте!

Он поклонился, что-то почувял.

— Ваше Величество, тот ящик, что остался на коне...

— Перенести в мой кабинет, — распорядился я.

Через час в большом зале собрались маги, колдуны, волшебники и чародеи, теперь именуемые алхимиками, а то и вовсе просто учеными.

Я вышел к ним, все еще чувствуя непонятную слабость, поднял руку.

— Времени мало, буду говорить коротко. Вы за-

няты самими важными делами на свете, однако даже их придется отложить на время... иначе придется отложить навсегда. В отличие от простого народа, а к простому отношу и знать, вы знаете, что после прибытия Маркуса здесь погибнет все. Потому думайте, что можем сделать, чтобы не дать этой небесной сволочи уничтожить наш сад, нашу жизнь, наши мечты и планы!

Один из магов заверил:

— Ваше Величество! Мы знаем о ваших усилиях и поддерживаем полностью. Клянусь от имени всех, кого знаю хорошо и кого знаю плохо, мы явимся в долину Миелиса и дадим бой... как сможем.

— Хорошо, — сказал я также коротко. — Этот грозный час уже близок, вы знаете.

— Знаем, Ваше Величество.

Они расходились медленно, останавливаясь и завязывая новые контакты, ученые — народ замкнутый, им нужны вот такие симпозиумы и встречи, а я с тоской и непониманием поглядывал в окно, стараясь понять, как это Маркус виден все время, словно весь мир застыл, хотя вроде бы смена дня и ночи намекает, что где-то что-то вращается и даже вертится, если верить Галилею.

Впрочем, если Маркус вообще из другой реальности, то это объяснимо, хотя все равно необъяснимо, но все равно объяснимо: там, дескать, все не так. А как, не знаем.

Последние из магов покинули зал, но едва за последним захлопнулась дверь, за моей спиной раздался приятный интеллигентный голос, полный тонкой иронии:

— Не правда ли, прекрасное зрелище эта Багровая Звезда?.. Уже похоже на закат, что вскоре накроет всю землю.

Я сказал невесело:

— Понимаю, почему вы все-таки предпочли бы оставить Иисуса Христа...

Он спросил в недоумении:

— Оставить? А к чему этот странный переход от Багровой Звезды к Иисусу?

— Появление Маркуса, — сказал я, — и то, что вы никогда даже не пытаетесь порочить имя Иисуса... как и вообще созданную им церковь, звеняя одной цепи. Ведь вы оставили его в покое, никаких нападок, никакого вреда его имиджу!

Он изумился:

— Да разве не я искушал его в пустыне?.. Не уговаривал броситься со скалы и проверить, в самом ли деле сын Творца или же просто помрачение ума?

— Все так, — признался я, — но тогда Христос был жив... и казался опасным. А сейчас это просто знамя учения Павла, к которому Иисус имеет очень слабое отношение.

— И чем оно должно нравиться мне?

Я покачал головой.

— Само по себе... ничем. Однако Христос — это церковь, которую он основал лично и поставил первым епископом своего ученика Петра.

— Ну-ну, — поощрил он, видя, как я трудно подбираю слова, — чем же мне теперь Иисус вдруг стал мил?

— Он не стал мил, — пояснил я, — но со своей церковью стоит между человеком и Создателем. А чем больше посредников, тем больше помех, искажений, неверно понятых толкований... в общем, прекрасные возможности вставлять палки в колеса.

Он нахмурился, сказал сухо:

— Договоривайтесь. Я заметил за вами одну весьма опасную идею. Вы ее и боитесь развивать, справедливо опасаясь неприятностей, и в то же время вас как

будто несет по скользкому льду в сторону замерзшего водопада.

— Хорошее сравнение, — похвалил я.

— Боюсь, что и верное.

Я сказал почти весело:

— Боитесь? Почему боитесь?

— За вас боюсь, — сказал он сердито. — Вы очень ценный экземпляр. Я счастлив, что у меня такой воин... хотя вы себя им не признаете, как вы часто говорите, ни за какие пряники. И хоть сейчас вы...

— Схожу с вашей дорожки? — спросил я весело.

Он покачал головой.

— Нет, напротив. Вы переходите на бег! А так можно споткнуться и повредить себя. Как мне кажется, вы все ближе подходите к тому, чтобы замахнуться на существование самой церкви?

Я вздохнул, развел руками.

— Даже и не знаю, на что замахиваюсь. Вот такой я замахиватель, всегда на что-то да поднимаю руку... Однако уже научен горьким опытом и знаю, что любой замахиватель должен что-то предлагать взамен, иначе останется только ломателем... а это мелко и гнусно.

— И что предлагаете взамен... даже мне это выговарить трудно, взамен церкви?

Я признался с неохотой:

— А вот ничего...

— Но вы же сами сказали...

— Сказал, — согласился я, — но в данном случае, на мой взгляд, как раз можно не менять одного посредника на другого, а просто обойтись без него!

— Ого!

Я посмотрел на него с укором.

— Признайтесь, это был ваш гениальный план... выставить Иисуса сыном Божиим?

Он саркастически усмехнулся.

— Зачем?

— Потому что на самом деле Иисус, — сказал я медленно и с трудом, — не сын Создателя, а всего лишь слуга. Об этом достаточно четко и ясно сказано в Библии. В этом убеждаются всякий раз те, кто читает Библию не в адаптированных вами для простого народа переводах.

Он сказал с интересом:

— Ну-ну, продолжайте! Люблю изысканные игры ума.

— Это не игра, — сказал я серьезно. — И не хи-хи, даже не ха-ха. Якобы для лучшего понимания простым невежественным народом и повышения авторитета среди рабов, где и распространялось христианство, Иисуса стали называть сыном Божиим.

Он кивнул.

— Да, это логично. Чтобы повысить тем самым и авторитет самого учения. Продолжайте, я чувствую истинное наслаждение.

— Продолжаю, — ответил я, — но дальше вам не очень понравится. Иисус по вашей гениальной задумке должен был создать церковь и тем самым поставить между человеком и Богом непроницаемый забор, очень высокий и толстый, как крепостная стена вокруг города... забор из посредников! Эти посредники при вашей поддержке плодились с ужасающей скоростью, а человека отодвигали от Бога все дальше и дальше.

Он смотрел на меня исподлобья, выражение его лица мне что-то очень не понравилось, явно в рукаве какой-то крупный козырь.

— Это довольно смелая идея, — сказал он медленно. — Предположить, что Иисус — мое кредо, что я разработал план по оттеснению человека от Бога...

Я напомнил:

— Сэр Сатана, вы человека от Бога старались оттеснить всегда. Еще с того момента, как Господь создал Адама. Когда не получилось в лоб, вы начали вынашивать планы обходного маневра. Все полагают, что со временем низвержения вы устраивали только мелкие пакости, но на самом деле самую важную операцию держали в секрете даже от своих соратников. И провели ее блестяще.

Он поклонился с ироническим видом.

— Спасибо, за столь лестную оценку. И хотя я ни при чем, однако же вы приписали мне вместо каких-то привычных, признаю, мелочей... создание римско-католической церкви! Это грандиозно. Это мне льстит.

— Ни при чем? — спросил я. — Как раз весьма при том. Это не значит, конечно, что церковь под вашим полным влиянием, этого вам не удалось, но достаточно и того, что церковь отдала человека от Бога, что, думаю, Творца весьма огорчает.

— Да не может быть, — сказал он саркастически. — Творцу вообще нет никакого дела до этой вселенной!

Я договорил, не слушая его, а старательно развивая тугую мысль:

— Человек, может, и должен обращаться к Творцу напрямую. Кощунство думать, что Господь глух и не услышит, если взывать не из здания церкви. Люди простые и даже очень простые полагают, что церковь и вера в Творца — одно и то же. Но мы-то понимаем, что вера без церкви обойдется и даже не заметит потери... что и не потеря, а только гири на ногах.

Он посерезнел, глаза грозно блеснули.

— Полагаете, вам это удастся? Сэр Ричард, это не чужие земли захватывать с длинным мечом в воздетой дланi!

— Ага, — сказал я, — встревожились? Вот только теперь встревожились?

Он с оскорблением видом пожал плечами.

— Ничуть. А вы не подумали, что за вами закрепится прозвище Антихриста?

Холод ворвался в комнату и сковал мое тело, а сердце превратилось в тяжелую льдину. Я чувствовал, как замерзает кровь, с огромным трудом заставил свои губы задвигаться, выговаривая слова:

— Меня этим уже пугали... Но Антихрист... это не то же самое, что АнтиТворец... У Создателя нет родственников, которых ему приписывают невежественные люди... Это язычество!

Холод начал покидать мое тело, Сатана отступил к стене и смотрел на меня с таким выражением, что вот сейчас бросится на меня.

— Тот, — сказал я крепнущим голосом, — кто признает Иисуса сыном Бога, уподобляет Создателя языческому Зевсу, что посещал земных женщин и плодилbastardov... Нет, Господь един и совершенен. И нет у него ни детей, ни родственников, ни соратников.

В молчании он отступил к стене, но не растворился в ней, а сказал сдержанно:

— Что ж... не стану спорить... не потому что верно или неверно... А дело в том, что вы, сэр Ричард, со своим спасением опоздали.

— Вам все же удалось, — спросил я, — навредить?

— Никто, — возразил он сухо, — из падших ангелов никогда не вредил человеку!.. Все началось из-за того, что мы не сочли его более высоким созданием, чем мы, ангелы, и с того дня всячески пытались доказать Творцу, что он ошибся. И однажды уже доказали настолько, что согласился с нами и... снес человечество с лица земли всемирным потопом.

У меня перехватило дыхание.

— Но, — выдавил я, — Господь дал человечеству шанс... позволив спастись одной семье...

— Он снова ошибся, — отрезал он, — и теперь понял. Новое человечество заражено теми же грязными пороками, такое же лживое, подлое, нечистое...

Я вскинул руку, прерывая

— Перечислять можно долго, знаю. Но Господь все же дал шанс!

— Но не в этот раз, — сказал он с торжеством. — Маркус сотрет все с лица земли. Его ничто не остановит. Нам это было сказано. И на этот раз Творец уже точно отдаст землю нам, ангелам!

Я смотрел на него с бессильной ненавистью.

— И тогда будете торжествовать победу над самим Творцом?

Он скромно улыбнулся.

— Возможно. Главное, наше мнение станет наконец-то весомым... а то и решающим.

Он не ушел в стену, а растаял в воздухе. Я вздохнул, покосился на постель в дальнем углу покоев. Почудилось там некое движение, словно взметнулась белая рука Розалинды, королевы рыцарского турнира... или это на миг пропал облик последней королевы, Азагердии?

За дверью тихо, хотя теперь кроме двух слуг — еще и четверо стражей. Слуг Альбрехт отыскал из старого состава, которые и при прошлом моем кровавом режиме обслуживали мое высочество. Нет, тогда еще мою светлость.

Бабетта вышла из стены совершенно не скрываясь, буднично и просто, посмотрела с интересом.

— Мне почудилось или ты с кем-то разговаривал?

— Да, — согласился я. — Поспорил даже...

— С кем?

— С собой, — ответил я. — Я очень многогранная и противоречивая натура.

Она сказала рассудительно:

— Нужно было сразу морду бить.

— Вот этого не пробовал, — признался я. — Говорят же, нужно выдавливать из себя зло... но если выбивать, наверное, пойдет куда быстрее?

— Конечно, — подтвердила она. — Только учти, зло сильнее. И у него набор грязных приемов больше... Рич, перестань смотреть на постель с такой тоской. Тебе не большая чистая сейчас нужна...

— А что, — спросил я с иронией, — большая и грязная?

Она покачала головой.

— Нет, ты же великий человек, а таким и грязная не нужна.

— А что нужно, на твой взгляд?

— Просто женщина в постели, — ответила она просто. — Обычная и нетребовательная. Зов плоти.

Я пробормотал:

— Вообще-то зов плоти можно удовлетворить и без женщины.

Она покачала головой.

— Мужчине нужно, чтобы женщина была под ним. Чтобы ощущал себя охотником, поймавшим и покорившим добычу. Только тогда его счастье будет полным.

— А ты неплохо знаешь про инстинкт доминирования, — сказал я.

— Я много чего знаю, — ответила она, и сказано было просто, без всякой рисовки, хвастовства и даже загадочности. — Раздевайся, ты устал, по лицу вижу. А утром отбуду.

— Из дворца?

Она слабо улыбнулась.

— Из Геннегау тоже.

— Тогда поспешу, — ответил я.

Она разделась легко и без кокетства, легла рядом, совсем как теплая и податливая жена, с которой мы уже годы в браке. Я посмотрел сверху и с внезапным щемом подумал, что в самом деле был бы с нею в счастливом и уютном браке.

Наверное, что-то отразилось на моем лице, она грустно улыбнулась, обняла и шепнула ласково в самое ухо:

— Я люблю тебя, Рич... С тобой так надежно и защищенно...

И хотя именно эти слова женщина должна хотя бы дважды в день говорить мужчине, но все равно произнесла так, что в самом деле ощущил себя могучим и несокрушимым, что, естественно, хорошо оказывается и на самочувствии, в том числе и том, что коряво называют мужской силой.

— Бабетта, — сказал я расслабленно, — сейчас самый главный вопрос... ты знаешь какой.

Она спросила ровным голосом:

— Как к Маркусу готовится Юг?

— Ты в самом деле меня понимаешь.

— Никак, — ответила она. — Как и здесь. Простому народу все равно, знать тоже ничего не знает и не желает, а те немногие, что в курсе, либо принимают смириенно, как неизбежное, либо пытаются прятаться.

— А есть куда?

Она помедлила, ответила с осторожностью:

— Об этом я хотела тебе сказать. В последние годы одна группа умельцев сумела добраться до тех пещер, в которых происходит рождение... с сотворение... даже не знаю, как правильно сказать, баггеров.

— Сборка, — подсказал я. — Хотя да, сперва должны как бы зародиться в руде... И что, те пещеры неразрушимы?

— Похоже на то, — ответила она. — Почему-то считается, что баггеры всегда были. Что мир создан вместе с баггерами. Значит, они древнее Маркуса. А это значит, что в их пещерах можно отсидеться.

— А потом?

— Подняться вместе с баггером, — предположила она неуверенно. — Хотя, правда, он поднимается через толщи земли, буквально проламывается... Не знаю всего, уж прости. Но известно, что эти пещеры уцелели. Значит, и те, кто там спрячется.

Я пробормотал:

— Тогда после всех разрушений, что останутся на земле, там на Юге сразу получат преимущество?.. У нас все сначала, а вам только отстроить заново?

Она кивнула, лицо было очень серьезным.

— Теперь понимаешь, почему я хочу, чтобы ты побывал на Юге до прилета Маркуса?

— Спасибо, Бабетта, — сказал я. — В самом деле, спасибо. Действуешь ли по доброте души или в интересах империи, это другой вопрос. Но мою шкурку спасти хочешь, ценю... Отвечаю добром на добро, я наконец-то отыскал того ребенка, который сбежал из вашей императорской семьи. И далеко же он, оказывается, забрался!

Она вздрогнула и даже не среагировала на как бы обмolvку насчет их императорской семьи.

— Что? Рич...

— Его зовут Лорест Виттельсбах, не так ли?

Она вскрикнула:

— Как ты сказал?

— Лорест Виттельсбах, — повторил я, — сын электора Палатината Реторского...

Она торопливо кивнула, теперь верит, что говорю правду, такие данные никогда не озвучивала, а раз я знаю, значит, у меня что-то да получилось.

— Рич... Ты бесподобен!

— Я знаю, — великолепно согласился я. — Видишь, какие бицепсы? А трицепс?.. Да ты пощупай, пощупай!.. Нет, бицепсы не там... Хотя ладно, щупай.

— И как ты его нашел? — спросила она. — Это же искать иголку в стоге сена! Да что там иголку...

Я сказал снисходительно:

— Потому я и не пытался перерывать все, как собака в поисках зарытой в прошлом году косточки. Зачем? Проще самому стать магнитом. Ты слышала, что такое магнит?..

Она посмотрела с укором.

— Рич, о магнитных камнях знаем с глубокой древности. Их еще называют камнями симпатии. Так как ты его нашел?

— Всюду оставлял намеки, — ответил я, — понятные только человеку с Юга. Остальные ничего не заметят, а человек с Юга сразу насторожится, сам меня отыщет и явится.

— Хитро, — сказала она и посмотрела с таким удивлением, что, дескать, хоть и дурак, но как-то же додумался или кто-то ему подсказал. — Ты мог бы родиться женщиной!

— Сомнительный комплимент, — сказал я. — Лучшая из женщин уже есть, а второй я бы стать не хотел.

Она засмеялась, очень довольная, умные любят комплименты не меньше, чем дуры, потому все и дуры. Правда, мужчины любят тоже. И комплименты, и дур.

— Ты его привез?

Я покачал головой.

— Бабетта, это не подобранный по дороге камешек.

— Но все-таки...

— А с чего решила, что он рвется вернуться? За двести пятьдесят с лишним лет не передумал и не

мучается ностальгией. Наверное, двести пятьдесят лет совсем малый срок?

Она посмотрела на меня несколько странно.

— Рич, это совсем другое. Где он сейчас?

— Мне кажется, — ответил я задумчиво, — он не хочет, чтобы его тревожили. К тому же это такое место... Бабетта, что-то мне подсказывает, даже ты туда не пролезешь, если там не восхоят.

Она нехотя улыбнулась.

— Увы, такие места есть. Но они только разжигают наше женское любопытство. Ладно, все равно выдавлю из тебя эту страшную тайну!.. Иди сюда, я по тебе жутко соскучилась...

Глава 14

Из стены выплыл белесый призрак раньше, чем за Бабеттой захлопнулась дверь, словно ждал ее ухода. Я напрягся и хотел было как-то защититься, но туман оформился в крупное и массивное лицо с лошадиной челюстью и широким мясистым ртом. Роскошные седые волосы крупными локонами опускаются на широкие настолько плечи, что края тают в тумане.

Он опустился ниже и склонил голову так, что я видел только туман серебряных волос. И хотя белесость рассеивается уже на уровне живота, я понял, что призрак преклонил колено.

— Логирд, — сказал я с упреком, — ты что так исчез?.. Кстати, спасибо за спасение моей шкуры. Я сделал какую-то глупость, но не понял, в чем она есть, я же такой мудрый, такой мудрый, глупости мне ну никак не свойственны в натуре...

Он поднял голову, посмотрел в мое лицо и замедленно поклонился.

— Ваше Величество, — произнес он тихим, как

шелест листьев, голосом, — прошу прощения... понимаю, в некоторых случаях я был бы полезен больше, находясь я возле вас постоянно...

— Встань, — велел я нетерпеливо. — Вставай, вставай!.. Рад тебя видеть. Что-то случилось?

Он поднялся выше, чуть покачнулся в воздухе, странное ощущение, когда не касается пола, там туман совсем истончился, а он усилием воли держит оформленным туман только в той части тела, которую обычно замечаем взглядом при разговоре.

— Только хорошее, — ответил он так же тихо, и я понял, что громче говорить просто не может. — Может быть, даже слишком...

— Но что?

— Мне удалось нащупать место прохода в мир призраков, — сообщил он слабо. — О нем лишь упоминалось дважды в старых рукописях, но и те только копии со старых, тоже не раз переписанных, потому многие полагали, что это лишь легенда, придуманная невежественными лесорубами...

— И ты туда пролез? — спросил я с восторгом.

Он покачал головой, в белесых глазах я сумел прощать упрек.

— Все не так просто, Ваше Величество. Там столько магических печатей, которые нужно сломать, столько несокрушимых не для людей, не для призраков стен... Я сейчас усердно ломаю. А к вам прибыл, Ваше Величество, чтобы в очередной раз преклонить колено и заверить в своей преданности и верности...

— Логирд, — сказал я с упреком, — если тебе что-то нужно, так и скажи. Хотя мы сюзерен и вассал, но все же оба часто имеем дело с чем-то необычным... так что мы братья по мистическому ордену.

Он поклонился.

— Просьба моя необычна и... достаточно неприятна, как я полагаю, Вашему Величеству.

— Ну-ну? — спросил я. — Если не смогу, так и скажу, юлить не буду.

Он подвигался из стороны в сторону, уж и не знаю, что это у него означает, наконец произвучало так тихо, что мне пришлось напрячь весь слух:

— Я опять истощил все силы...

— Ого, — сказал я, — ты же говорил, что тебе это надолго.

— Увы, если бы просто существовал...

Я усмехнулся.

— Ну да, если бы... То-то вижу, сам ты еле-еле и голос у тебя какой-то мышиный.

— Скоро и этого не будет, — сообщил он.

— Так чем могу?

Он молчал некоторое время, потом произнес чуть громче, и я понял, что расходует на это последние силы:

— Ваше Величество, внутри вас есть некая черная мощь... Вам она только во вред, но если бы я мог снова...

Я воскликнул:

— Да забери хоть всю!

Он грустно усмехнулся.

— Кружкой не вычерпать океан, Ваше Величество. У меня большая кружка, но только кружка.

— Хорошо-хорошо, — прервал я. — Бери сколько надо.

Он покачал головой.

— Если бы только мог!.. И никто не может. Вы должны сами пожелать очень сильно передать часть своей моци.

— Я желаю!

Он опустился в кресло рядом с моим.

— Ваше Величество, сейчас у меня совсем нет сил

ни на что... Если хотите мне помочь, закройте глаза. Представьте меня, но только живого. Вообразите, что я, ваш вассал, верный и преданный вам, которого вы поклялись защищать и блюсти его интересы, смертельно раненный лежу на полу в луже крови... Только от вас, вашего желания зависит, буду ли жить или сейчас испущу последний вздох, а вы будете укорять себя, что могли спасти, но не спасли...

— Да что ты на мою совесть жмешь, — пробурчал я, — она у меня гибкая, когда надо мне, и стальная, когда нужно другим... Ладно, глаза закрыл, расслабился так, что совсем бисексуал, очень желаю тебе выздоровления... даже страстно желаю! Что-то еще?

— Нет, — прошелестел ответ, — нет, уже протяги-ваю кружечку... Великое Небо, как же он огромен и страшен вблизи...

Оставался в недвижимости он не так уж и долго, но когда заговорил, голос прозвучал сильно и красиво, со всеми обертонами:

— Действительно черный океан тьмы, злобы и неистовой монси... Бездонный, бескрайний, а я со своей кружечкой, как песчинка на бесконечном берегу... вот только и берега там нет, а только океан хаоса...

Я сам кое-как преодолел волну темного ужаса, за-толкал его вглубь и сказал наигранно бодро:

— Главное, ты нахлебался этих помоев досыта, теперь, как смотрю, бодр и весел! По бабам, да?

Он кисло усмехнулся.

— Спасибо, Ваше Величество. Вы, как всегда, грубо ласковы. Я никогда не забуду, что вы для меня сделали. И в этот раз, и в прошлые... А сейчас, с вашего разрешения, продолжу доламывать стену, я уже вижу смутно там тени, но еще не понял, что там за ними, такие ли они, как я, или же это что-то вообще...

— Час добрый, — сказал я, — но когда прибудет

Маркус, ты обязан оставить все и явиться немедленно. Не знаю, сможешь ли быть полезен, но когда решается вопрос, быть миру или не быть...

— Клянусь, — ответил он. — Ваше Величество...

— Логирд, — ответил я. — Да, кстати, погоди еще чуть. Ты можешь сказать, что со мной случилось, когда я попытался шагнуть с южного материка на северный?..

Он качнулся из стороны в сторону.

— А что случилось?

— Я чуть не сдох, — ответил я. — Целый день пытался выжить, а потом еще двое суток ноги тряслись, и до сих пор в желудке будто раскаленные камни!

Он подумал, исчез, появился снова, пару мгновений висел передо мной, опять пропал, будто его и не было.

Я устал ждать, сотворил себе большую чашку черного кофе и бутерброд побольше, но чуть не выронил, когда Логирд внезапно возник передо мной так близко, что моя рука с чашкой оказалась внутри его призрачного тела.

— Вы счастливчик, сэр Ричард! — заявил он.

— Ну да, — согласился я саркастически, — до сих пор жжет, хотя Карл-Антон лечил меня долго и старательно.

— Вас должно было распылить так, — сказал он с нажимом, — что не осталось бы даже пыли!.. Вы же посмели утащить вещи Изначальных! Это немыслимо!..

Я проговорил обалдело:

— Погоди-погоди... так это из-за того ящика меня так корежило?

— То не просто ящик, — сказал он с чувством. — Как вы беспечны...

— Погоди, — повторил я, — это значит, что если мне понадобится прыгнуть, как кузнецик, из Сен-Мари, скажем, в Ричардвиль, меня уже так не перекрутит, как хозяйка мокрую тряпку?

Он покачал головой.

— Не перекрутит. Но все равно там не все до конца ясно. Могут быть опасности. На самом деле никто не знает, зачем на самом деле появляется то окошко... что и не окошко вовсе. Но не для переходов с места на место, это точно.

— Когда под рукой нет молотка, — сказал я, — гвоздь можно забить и короной. Сейчас не до жиру, дорогой Логирд. Справимся с Маркусом, начнем все тайны вселенной растайнивать!.. А сейчас все для фронта, все для победы. Значит, говоришь, могу рискнуть?

Он ответил нехотя:

— Если только очень-очень нужно... А так я бы не советовал.

Он исчез так стремительно, что я даже не понял, в какую из стен метнулся, хотя, насколько помню, при достаточном усилии он перемещается на огромные расстояния практически моментально.

Не знаю, что значит, очень-очень нужно, или даже «просто очень нужно», у меня, как мне кажется, все чрезвычайно и безотлагательно нужно. Я для пробы поднял рукав рубашки до самого плеча, там и разместил браслет буквально на бицепсе. Вроде бы держится крепко, но ощущение такое, что хоть и плотно, но подстроится и раздвинется, если вдруг бицепс с какой-то дури разрастется.

При опущенном рукаве как будто ничего и нет, только мурashki там бегают, но, думаю, постепенно привыкну, если не сдохну.

Сцепив челюсти, я задержал дыхание, надо быть готовым к боли, вспомнил как можно ярче один уединенный и почти не посещаемый балкон в левом крыле, где была моя резиденция после возвращения коро-

ля Леопольда, а как только начало возникать окошко, согнулся и полез, как вор в чужую квартиру.

Похоже, это в самом деле что-то иное, а не короткий путь между заданными точками, глупо делать подобный лаз, когда можно создать приличную дверь... если только это не для собаки, которую выпускали побегать и покакать где-то на соседнюю планету.

Я выполз на той стороне, рухнул на холодные камни, в спину дует холодный северный ветер и воет в щелях между плитами и в проеме двери, небо в низких тучах.

Боль все-таки прошлась по всему телу, оставляя жуткую слабость, я подумал со злостью, что если не сумею с нею справляться, то лучше птеродактилизь, крыльшками хоть и дольше, но не так опасно и больно.

К счастью, на балкон так никто и не вышел, я поднялся, цепляясь за грубые, как я сам, камни, долго пытался отдохнуться.

Да, у меня есть стационарные зеркала перемещений, одно даже портативное, хоть и заряжается очень долго, есть пентаграммы аббата Дитера, кольца Возвращения Альины, Браслет Иедумэля или Гонца, могу даже сам поптеродактелизь, так что вроде бы всего до фига, но это ошеломило бы разве что деревенского колдуна, я же привык в прошлой жизни пользоваться не меньшим разнообразием транспорта, но и тогда ворчал то на пробки, то на задержки рейса...

И еще надо бы как-то смягчить условия перемещения с места на место. Пока что все варианты далеки от идеального, а я цаца такая привередливая...

Уши еще ничего не уловили, даже нос смолчал, но некое чувство подсказало, что в эту сторону кто-то идет. Прислушавшись, я уловил легкие женские шаги, этого еще недоставало, затем сердце радостно тукнуло.

Я еще не понял, чего это оно вот так, но губы нача-

ли раздвигаться в улыбке, а когда появилась Асклан-делла, я уже улыбался во весь рот, а она, надменная и величественная, в изумлении застыла в проеме, густые черные брови на чересчур бледном лице с нежной кожей не поднялись, а взлетели, как испуганные птицы.

— Сэр Ричард?..

— Аскланделла, — сказал я, — чувствовал же, что мне повезет! И в самом деле — встретил вас.

— Ваше высочество, — сказала она, — но как... вы здесь оказались? Взбрались по отвесной стене?

— Мое Величество, — поправил я. — Помните, мы с вами говорили?.. Я создал новое королевство из трех старых. Это, мне кажется, намного интереснее, чем если бы. Но сейчас я совсем по другому поводу.

Она повторила с запинкой:

— Ваше Величество...

— Оно самое, — подтвердил я, — но мы же с вами договорились без церемоний, помните?.. Хочу сказать, вы были чудовищно правы! Нет, чудовищно не то слово, вы были прекрасно правы!

Она приподняла брови еще выше.

— Разумеется, как же иначе... а в чем на этот раз?

— Насчет многолюдных городов, — объяснил я. — Не думаю, что Маркус, опустившись возле одного города, потом поднимается и летит к другому. Это нерационально. Скорее всего, выпускает транспортники...

Она переспросила:

— Что-то?

— Конные разъезды, — объяснил я, — только не совсем на конях, а точнее — совсем не на конях.

Она поправила вежливо:

— На повозках.

— Да, — согласился я, — на повозках особого типа. Собирают народ, грузят в трюмы, а потом все свозят к головному кораблю.

— Как на лодках?

— Да, — подтвердил я. — Именно. Прекрасное сравнение! Аскланделла, у вас не женский ум. Зато в остальном...

Она прервала:

— Ваше Величество, не надо.

— Чего?

— Вы собирались выдавать из себя комплимент, — объяснила она. — Это на вашем лице.

— Чепуха, — возразил я горячо. — Ничего я не выдавливал! Он сам из меня прет, удержу нет. Но, вы правы, обойдемся без поцелуев.

Она вскинула брови, взгляд стал холодным.

— Ваше Величество?

— Это выражение, — объяснил я торопливо, — к поцелуям отношения не имеет, идиома такая, метафора, иносказание, аллегория... или что-то еще, из меня неважный филателист... Значит, будем держаться без слюнявостей, мы же с вами правители и управляемые, мы должны думать о том, как вести народы к счастью, хочет он того или нет, а не о том, как начать расстегивать друг у друга крючки на одежде...

Она произнесла строже:

— Ваше Величество!

— Винюсь, — сказал я покаянно, — я вовсе не думал о крючках на вашей одежде, я же вас уважаю! А раз уважаю, то как могу! Аскланделла, честно говоря, я просто потрясен, как вы сумели себя поставить. Это невероятно, но ни следа магии, я бы заметил. У меня чутье на магию, как у надрессированных собак на некую травку.

Она посмотрела на меня прямо и холодно.

— Ваше Величество, мне кажется, в моем случае достаточно было держаться просто и естественно.

— Да, — сказал я с уважением, — ничего себе «про-

сто», если вас с пеленок отучают держаться просто и естественно! В обществе нужно в ногу, а то затопчут и вобьют в землю копытами, а то и вовсе ратицами. В приличном можно исповедовать любые идеи, но одеваться только по моде. Я уже начинаю вас бояться, ваше высочество. Даже если бы мне пришлось расстегивать на вас крючки, у меня бы руки так тряслись, что даже не знаю...

Ее взгляд стал еще холоднее.

— Ваше Величество, уверяю, это вам не грозит.

— Гора с плеч, — сказал я с облегчением. — А то, знаете ли, по дефолту принято считать, что мужчина должен добиваться женщины, иначе как бы оскорбляет ее недостаточным вниманием... Дикость какая, верно? Это же в вечном страхе жить: а вдруг уступит?

Она повторила с холодом:

— Уверяю вас, это вам не грозит. Во всяком случае, с моей стороны.

— Значит, — сказал я, — можно...

— Нет, — отрезала она. — И не можно.

Я умолк, смотрел на нее почти с любовью, настоящая снежная королева, хотя настоящая снежная должна быть блондинкой, пепельной блондинкой, у Аскланделлы же копна роскошных черных волос, блеску которых позавидует любой ворон, хотя лицо бледное, какое бывает только у выросших взаперти, не видевших солнечного света.

Глава 15

Она посмотрела на меня испытующе, лицо осталось таким же высокомерно участливым, но в голосе проскользнула озабоченность:

— Как я понимаю, если вы появились так неожиданно, то неожиданно и отбудете. Видимо, нужно со-

звать лордов, вам предстоит объявить им нечто важное?

— Да, — ответил я. — Аскланделла, какой дурак говорит, что женщины не понимают мужчин?

— Я поняла не мужчину, — ответила она с холодком, — а правителя. Правителей я понимаю. С вашего позволения, Ваше Величество, я позову Джоанну.

Я дернулся.

— Джоанну? Зачем?

— Тогда Хайдиллу, — предложила она. — Или Рианеллу.

— Да зачем?

Она ответила ясным и чистым голосом:

— Уже вечер, вы останетесь на ночь, возжелаете женской плоти, дабы удовлетворить свои мужские потребности... такие вам понятные и естественные.

Я не смог выдержать взгляд ее ясных чистых глаз, трусливо отвел глаза в сторону и пробормотал не столько смущенно, как глупо:

— Да как-то не надо... Я же по делу... Аскланделла, это не то, что вы думаете...

— Правда? — изумилась она. — Ну хорошо, как знаете. Прислать вам служанок? У нас тут есть новенькие, прямо из деревни. Вы таких любите.

Я выдохнул, осмелился поднять голову и посмотрел ей в глаза.

— Принцесса... Я благодарен вам, что беретесь помогать мне даже в таких весьма интимных мелочах. Но что-то в этом не совсем зело, хотя вроде бы почему нет?.. Однако не весьма. Потому не надо. Вас я не могу тащить в постель, не хочу и боюсь, а другие женщины не столь совершенны... Потому лучше давайте о другом. Вы же знаете, как-то получилось, что я сразу невзлюбил вас.

Она чуть наклонила голову, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Знаю.

— Да, конечно, — сказал я, — это было так заметно... и как-то глупо. Почти по-детски. Но вы все время помогали мне, как продолжаете и сейчас. Я чувствую вину... и хочу сделать то, чего никогда не делал и не собирался.

Она молча наблюдала, как я расстегнул ремни на дорожной сумке, там внутри еще пара отделений, перевернул над столешницей. Со звоном, треском и шелестом посыпались различные штуки, от простейших амулетов на цепочках до затейливых вещиц из золота, украшенных драгоценными камнями.

Пара крупных жемчужин попытались скатиться со стола, я поймал на лету. По телу пробежали волны, странно сладостные и одновременно тревожные.

Я быстро опустил их на стол и торопливо убрал руку. Аскланделла некоторое время рассматривала их, затем перевела взор на меня.

— Ваше Величество?

— Это я хапнул у Горных Эльфов, — сообщил я. — Завернул в скатерть и удрал, как мелкий воришка. Хотя считаю себя вправе, они меня обижали... В общем, мне разобраться некогда, а к магам нет полнейшего доверия... даже к самым близким. Маги — уже не совсем люди.

Она спросила негромко:

— Но доверяете мне?

— Полностью, — признался я. — Уж и не знаю почему. Все-таки женщина... Вы ведь женщина, Аскланделла?

Она сдержанно улыбнулась.

— У вас достаточно женщин, Ваше Величество.

— Простите, — сказал я с раскаянием. — В общем, это ваше.

— Вы поручаете разобраться мне?

Я покачал головой.

— Нет. Дарю. Здесь и просто красивые вещи, достойные дочери императора и наделенные какими-то свойствами. Как распорядитесь ими — ваше дело.

Она взгляделась в мои глаза, покачала головой.

— А ведь вы в самом деле такое никогда не делали. Вы меня пугаете, Ваше Величество.

— Я не собираюсь завтра умирать, — заверил я мягко, — просто... вы единственный человек, хоть и женщина, с кем могу поделиться всем-всем.

Она улыбнулась.

— Могу, но не стану, верно?

— В самую точку, — признался я. — Но все-таки могу. И только с вами. Единственной на всем свете. Здесь, Аскланделла, есть штуки, которые позволяют эльфам перемещаться по воздуху. И даже находиться там очень... долго. Вам нужно только найти, какие из них они самые. Но вы это сумеете.

Она взглянула с прежней внимательностью, но взгляд стал острее.

— Но мне... зачем?

— Маркус, — ответил я тяжело. — Он разрушит земную кору, но, как мы знаем, гибели избегают не только насекомые, но и птицы, что поднимаются в воздух. В пещерах погибнут почти все, а вот если подняться в воздух... Аскланделла, я очень хочу, чтобы, даже если весь мир превратится в руины, вы обязательно были в числе выживших... Конечно, я надеюсь на победу в схватке с Маркусом, это так, на всякий случай.

Она всмотрелась в мои глаза, что-то там увидела такое, что щеки внезапно окрасились румянцем, но тот не потек вниз, а устремился навстречу друг другу, сомкнувшись между переносицей и серединой тонкого аристократичного носа.

— Ваше Величество, — произнесла она ломающимся голосом, — Ваше Величество... Я сейчас пошлю гонцов, чтобы собрали лордов срочно в большом зале.

Я ответил внезапно охрипшим голосом:

— Да, ваше высочество. К большому сожалению, я не смогу остаться даже на ночь. Маркус приближается.

Пока собирались лорды, это недолго, все живут в Генгаузгезе, столице, неподалеку от королевского дворца, но я все равно чувствовал злость и раздражение, прыгаю, как блоха, во все стороны, мечусь по пространству, пытаясь найти что-то, сам не знаю еще что, но все какое-то мелкое, не королевское, я же вроде бы стремительно выхожу из драчливой подростковости, мне б что-то ого-го, а я все еще выполняю работу гонца самого низшего звена, тоже мне король, самому смешно...

Или еще не вышел? Нет, чувствую, вышел почти весь, это хвост чуть защемило дверью.

Когда взглянул с балкона в зал, народу уже полно, все одеты богато и пышно, ощущение такое, что я и не уводил отсюда армию. Одни лорды, большую часть вижу впервые, но это политика Асканделлы в действии сумела привлечь к сотрудничеству наиболее активных и желающих через упорную работу выслушаться из королевств Эстии, Алемандрии и прочих, куда дотянулись ее руки и быстро растущее влияние.

Епископ Дециллианий одет с достоинством и скромностью кардинала, ярче всех выглядит принц Сандорин, что и понятно, здесь он вне досягаемости сурогого отца и древних обычаяев королевства Вендовер, а вот тщательно одетый герцог Мидль, без пышности, но и без монашеской скромности, а именно так, как должен быть одет герцог, зять короля, который помнит о своем достоинстве, но не собирается выделяться ничем, кроме своих заслуг.

Я быстро пересек кабинет, сбежал по лестнице и с широчайшей улыбкой вошел в зал, заранее раскидывая руки.

— Друзья!.. Нет, я бы сказал — братья! Мы все братья в этом крестовом походе за честь, достоинство, веру и справедливость!..

Они подошли все гурьбой, не считаясь титулами, хороший знак, настояще боевое братство, все-таки Сакрант хоть и поневоле, но дружественное королевство, однако они не мы, а мы здесь все свои и даже очень свои.

Я прижал к груди застеснявшегося Макса, обнял Сандорина, Мидля и других военачальников, запомнившихся по такому победному походу, а когда подошел Арнольдус, граф Гогенбергский, сказал ему дружески:

— Привет Хорнегильде передал, передал. Благодарит и желает вам новых побед!

Он расцвел, поклонился.

— Ваше Величество... Я бесконечно тронут такой заботой...

— Как ваши братья? — спросил я.

Он указал за спину.

— Да вот они.

Я похлопал по плечам барона Витториуса и юного сэра Тири, повернулся к молча улыбающемуся Зигмунду, что с могучими братьями выглядят как сказочные герои, способные проломить любую стену.

— Сэр Зигмунд... мы с вами уже старые волки, знакомы давно, еще когда воевали друг против друга, но уже тогда уважали один другого. Сейчас же я счастлив, что мы на одной стороне!..

Он ответил с улыбкой:

— Вы лучший из всех королей, которых мы знаем.

Его брат добавил из-за спины Зигмунда:

— И даже лучших из возможных!

Я улыбнулся и пошел обнимать и приветствовать бриттских лордов, что присоединились к нам еще в походе, когда было не ясно, кто победит в схватке с Мунтвигом. Впереди граф Виллебуа-де-Марейль, барон Аскленд и баронет Каундифепбирф, им всем троим я по завершении войны пожаловал крупные землевладения в Эбберте. Следом множество лордов, что присоединились позже, в боях не участвовали, но не потому, что избегали, просто не успели, все закончилось победой раньше, чем мы ожидали.

— А теперь, — сказал я, — вам предстоит услышать очень важную новость. Очень!..

Они посерезнели, подтянулись, последние редкие голоса умолкли. Я оглядел всех очень серьезными глазами, в зале подтянулись еще больше, затихли.

— Мы живем в страшное и прекрасное время, — сказал я возвыщенно. — Либо победим, либо все погибнем в схватке с Маркусом. Ситуация в связи с надвигающейся всемирной катастрофой чрезвычайная! А в чрезвычайных, когда некогда рассуждать и согласовывать, от нашей скорости, а порой и жестокости будет зависеть существование всего человечества! Поэтому нужны и самые чрезвычайные меры.

Все молчали, еще не понимая, к чему я веду, только Зигмунд проронил холодно и четко:

— Можно бы и чуть раньше, но... хорошо и так.

Сэр Тири спросил осторожно:

— Чрезвычайные меры... это что?

Я отрезал:

— Во-первых, отсекается любая возможность смены власти при помощи избрания другого короля! Отныне и навеки должность короля... во всяком случае, в нашем королевстве, становится не выборной, а наследственной. Любая попытка даже предложить на трон другого человека — государственная измена и

будет караться по всей строгости... или давайте прямо, по всей жестокости закона!

Лица посерезнели еще больше, каждый ощутил, что происходит в самом деле нечто чрезвычайное.

— Кстати, — сказал я, — если король бездетный или сыновья его погибли, преемник назначается им самим лично, а не Советом Лордов!

Зигмунд подумал, кивнул.

— Да, это важно. Преемственность власти любой ценой. В данном особом случае решение короля абсолютно легитимно, так как затрагивает интересы всего Содружества Демократических Королевств.

Я окинул взглядом встревоженные лица, поднял руку в успокаивающем жесте.

— История учит, что те королевства, где первыми преодолели феодальную раздробленность и наделили своего короля чрезвычайными полномочиями, развивались быстрее, успешнее, народ богател, король исправно получал налоги, строил дороги, развивал промышленность, укреплял связи с другими королевствами, открывал водные пути в далекие страны...

Они промолчали, никто из них историю не учил, а я закончил, возвысив голос:

— Потому вы вот сейчас наделяете меня этими чрезвычайными, а я, покоряясь вашей воле, принимаю на себя тяжкие обязанности короля с абсолютной властью!

Взгляды начали подниматься, я проследил за ними, это на балкон вышла Аскланделла, прекрасная и величественная в красном платье и с башней иссиня-черных волос.

— Я король, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал веско и гранитно весомо. — Король, создавший государство Улагорнию, в которое мы все скоро вернемся. И потому, осознавая всю тяжесть, резко

рухнувшую мне на плечи, и во избежание даже намека на создание различных союзов насчет раздела власти... объявию себя монархом.

Большинство не сводят с меня взглядов, внутренне готовы, другие начали переглядываться, но шушукаться не смеют.

Я продолжал злым и напористым голосом:

— Вся полнота власти принадлежит отныне только мне, а затем моим потомкам. Любые попытки избрать или даже выдвинуть другую кандидатуру на трон будут считаться государственной изменой и караться четвертованием на городской площади. Начинается эпоха абсолютизма!

На лицах моих лордов восторг и полное одобрение, зато некоторые лорды из сакранцев заметно помрачнели.

Принц Сандорин сказал с готовностью:

— Ваше Величество, позвольте подготовить манифест?

Я кивнул.

— Да... но пусть зачитают на площади вкратце и только в столице. Народу наши заморочки все равно, а лорды по всему королевству и так узнают. Это, собственно, и так адресуется только им.

Граф Гогенбергский спросил осторожно:

— Ваше Величество, а как насчет... Верховного Королевского Совета?

— Все в прежнем виде, — пояснил я. — Я монарх, но не собираюсь устанавливать совсем уж абсолютную монархию. Хотя конституционная или парламентская тоже не по моему ндраву.

— Ваше Величество?

— Характер не позволяет, — признал я. — Да и вообще, парламентская — это путь к мятежу. Нам только кромвелей не хватает в такое переломительное время переломов.

— Значит?..

— Большой Совет, — сказал я, — как и Малый, а также Тайный, остаются. Как я могу без дружеского совета?.. Но решения принимаю я и только я. Едино-лично. И пусть даже не мечтают некоторые мечтатели. Мечты должны быть реальными от и до. Если все будут стремиться за горизонты... любое королевство рухнет. Бунтарей, если понадобится, будем выращивать сами и в строго ограниченном количестве. Я скажу по сколько на королевство.

Сандорин спросил почтительно:

— В зависимости от размеров?

— От количества населения, — отрубил я. — И других факторов, которые я обозначу или назначу позже. А мы отныне — вперед в демократическое общество просвещенного абсолютизма, а также равенства, братства, счастья... ну, всего, чего мягко добивается церковь! Однако, как говорят все мудрецы, нельзя перепрыгнуть от феодальной раздробленности к развитой демократии! Ни в один прыжок, ни в два. Нужно обязательно пройти долгий и счастливый период абсолютной монархии и неограниченного самодержавия. Обязательно.

Епископ Геллерий поклонился.

— Ваше Величество, зная вас...

Я ответил твердо:

— Это не мой каприз! Меня ведет исторический процесс. Я лишь смиреннейше следую его велению.

Я услышал, как принц Сандорин сказал Максу тихо:

— Как думаешь, если он велит рекам течь в обратную сторону...

Тот подумал очень серьезно, шепнул:

— Не должны бы, однако ты же знаешь нашего короля?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	51
Глава 6	66
Глава 7	80
Глава 8	86
Глава 9	95
Глава 10	105
Глава 11	116
Глава 12	126
Глава 13	135
Глава 14	140
Глава 15	146

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1	156
Глава 2	167
Глава 3	176
Глава 4	184
Глава 5	191
Глава 6	200

Глава 7	208
Глава 8	217
Глава 9	225
Глава 10	236
Глава 11	243
Глава 12	253
Глава 13	261
Глава 14	268
Глава 15	275

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1	282
Глава 2	292
Глава 3	295
Глава 4	303
Глава 5	311
Глава 6	321
Глава 7	329
Глава 8	339
Глава 9	348
Глава 10	357
Глава 11	365
Глава 12	374
Глава 13	383
Глава 14	395
Глава 15	404

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — МОНАРХ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Старикив*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Т. Бородоченкова*

В оформлении обложки использован рисунок *В. Коробейникова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Әндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Казахстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талағтарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 32а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Әннімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы актарат сайты: www.eksмо.ru/certification

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Әндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.12.2013. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод). Заказ 5208.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-69933-9

9 785699 699339 >

ISBN 978-5-699-69933-9

9 785699 699339 >

Фрич@рд

Длинные Руки

монарх

